

Akirill.com Free Bilingual books, American, French, Russian Classics

Русские народные сказки

БАБА-ЯГА
БЕЗНОГИЙ И СЛЕПОЙ БОГАТЫРИ
БЕЛАЯ УТОЧКА
БРАТЯ-ОХОТНИКИ
БУЛАТ-МОЛОДЕЦ
ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ
ВЕЩИЙ МАЛЬЧИК
ВО ЛБУ СОЛНЦЕ, НА ЗАТЫЛКЕ МЕСЯЦ, ПО БОКАМ ЗВЕЗДЫ
ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО
ВОЛШЕБНЫЕ ЯГОДЫ
Горе
Гуси-лебеди
Два Ивана – солдатских сына
Двое из сумы
Деревянный орёл
Дочь и падчерица
Елена Премудрая
Жар-птица и Василиса-царевна
Заколдованная королева
Золотой конь
Зорька, Вечорка и Полуночка
Иван бесталанный И Елена Премудрая
Иван – вдовый сын
Иван – крестьянский сын и чудо-юдо
Иван – мужицкий сын
Иван-царевич и Белый Полянин
Иван-царевич и серый волк
Как поп работницу нанимал

Клад
Королевич и его дядька
Кривая уточка
Крылатый, мохнатый да масленый
Кузьма Скоробогатый
Летучий корабль
Лисичка-сестричка и волк
Мальчик с пальчик
Марья-краса – долгая коса
Марья Моревна
Медное, серебряное и золотое царства
Морозко
Морской царь и Василиса Премудрая
Наказанная царевна
Никита Кожемяка
Окаменелое царство
Пастушья дудочка
Петушок – золотой гребешок и жерновцы
По щучьему велению
Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что
Притворная болезнь
Птичий язык
Семилетка
Семь Симеонов
Серебряное блюдечко и наливное яблочко
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка
Сивка-бурка
Сказка о Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване Горохе
Сказка о молодильных яблоках и живой воде
Сказка о славном, могучем богатыре Еруслане Лазаревиче
Скорый гонец
Снегурочка
Солдат и смерть
Терёшечка
Финист – ясный сокол
Фома Беренников
Хитрая наука
Хрустальная гора
Царевна-змея
Царевна-лягушка
Царь-девица
Царь-медведь
Чивы, чивы, чивычок...
Чудесная рубашка

Support our free site with a
small donation

Soutenez notre site gratuit avec
un petit don

Русские народные сказки

БАБА-ЯГА

Жили-были муж с женой, и была у них дочка. Заболела жена и умерла. Погоревал-погоревал мужик да и женился на другой. Невзлюбила злая баба девочку, била ее, ругала, только и думала, как бы совсем извести, погубить. Вот раз уехал отец куда-то, а мачеха и говорит девочке:

- Пойди к моей сестре, твоей тетке, попроси у нее иголку да нитку - тебе рубашку сшить.

А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Не посмела девочка отказаться, пошла, да прежде зашла к своей родной тётке.

- Здравствуй, тетушка!

- Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

- Послала меня мачеха к своей сестре попросить иголку и нитку - хочет мне рубашку сшить.

- Хорошо, племянница, что ты прежде ко мне зашла, - говорит тётка. - Вот тебе ленточка, масло, хлебец да мяса кусок. Будет там тебя березка в глаза стегать - ты её ленточкой перевяжи; будут ворота скрипеть да хлопать, тебя удерживать - ты подлей им под пяточки маслица; будут тебя собаки рвать - ты им хлебца брось; будет тебе кот глаза драть - ты ему мясца дай.

Поблагодарила девочка свою тетку и пошла. Шла она, шла и пришла в лес. Стоит в лесу за высоким тыном избушка на курьих ножках, на бараньих рожках, а в избушке сидит баба-яга, костяная нога - холст ткёт.

- Здравствуй, тётушка!

- Здравствуй, племянница! - говорит баба-яга. - Что тебе надобно?

- Меня мачеха послала попросить у тебя иголочку и ниточку - мне рубашку сшить.

- Хорошо, племяннушка, дам тебе иголочку да ниточку, а ты садись покуда поработай!

Вот девочка села у окна и стала ткать. А баба-яга вышла из избушки и говорит своей работнице:

- Я сейчас спать лягу, а ты ступай, истопи баню и вымой племянницу. Да смотри, хорошенько вымой: проснусь - съем ее!

Девочка услышала эти слова - сидит ни жива ни мертва. Как ушла баба-яга, она стала просить работницу:

- Родимая моя, ты не столько дрова в печи поджигай, сколько водой заливай, а воду решетом носи! - И ей подарила платочек.

Работница баню топит, а баба-яга проснулась, подошла к окошку и спрашивает:

- Ткёшь ли ты племяннушка, ткёшь ли, милая?

- Тку, тетушка, тку, милая!

Баба-яга опять спать легла, а девочка дала коту мясца и спрашивает:

- Котик-братик, научи, как мне убежать отсюда. Кот говорит:

- Вон на столе лежит полотенце да гребешок, возьми их и беги поскорее: не то баба-яга съест! Будет за тобой гнаться баба-яга - ты приложи ухо к земле. Как услышишь, что она близко, брось гребешок - вырастет густой дремучий лес. Пока она будет сквозь лес продираться, ты далеко убежишь. А опять услышишь погоню - брось полотенце: разольется широкая да глубокая река.

- Спасибо тебе, котик-братик! - говорит девочка.

Поблагодарила она кота, взяла полотенце и гребешок и побежала.

Бросились на нее собаки, хотели ее рвать, кусать, - она им хлеба дала. Собаки ее и пропустили. Ворота заскрипели, хотели захлопнуться - а девочка подлила им под пяточки маслица. Они ее и пропустили.

Березка зашумела, хотела ей глаза выстегать, - девочка ее ленточкой перевязала. Березка ее и пропустила. Выбежала девочка и побежала что было мочи. Бежит и не оглядывается.

А кот тем временем сел у окна и принялся ткать. Не столько ткёт, сколько путает!

Проснулась баба-яга и спрашивает:

- Ткёшь ли, племяннушка, ткёшь ли, милая?

А кот ей в ответ:

- Тку, тетка, тку, милая.

Бросилась баба-яга в избушку и видит - девочки нету, а кот сидит, ткёт.

Принялась баба-яга бить да ругать кота:

- Ах ты, старый плут! Ах ты, злодей! Зачем выпустил девчонку? Почему глаза ей не выдрал? Почему лицо не поцарапал?..

А кот ей в ответ:

- Я тебе столько лет служу, ты мне косточки обглоданной не бросила, а она мне мясца дала!

Выбежала баба-яга из избушки, накинулась на собак:

- Почему девчонку не рвали, почему не кусали?..

Собаки ей говорят:

- Мы тебе столько лет служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлеба дала!

Побежала баба-яга к воротам:

- Почему не скрипели, почему не хлопали? Зачем девчонку со двора выпустили?..

Ворота говорят:

- Мы тебе столько лет служим, ты нам и водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица не пожалела!

Подскочила баба-яга к берёзке:

- Почему девчонке глаза не выстегала?

Берёзка ей отвечает:

- Я тебе столько лет служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она мне ленточку подарила!

Стала баба-яга ругать работницу:

- Что же ты, такая-сякая, меня не разбудила, не позвала? Почему её выпустила?..

Работница говорит:

- Я тебе столько лет служу - никогда слова доброго от тебя не слыхала, а она платочек мне подарила, хорошо да ласково со мной разговаривала!

Покричала баба-яга, пошумела, потом села в ступу и помчалась в погоню. Пестом погоняет, помелом след замечает...

А девочка бежала-бежала, остановилась, приложила ухо к земле и слышит: земля дрожит, трясется - баба-яга гонится, и уж совсем близко...

Достала девочка гребень и бросила через правое плечо. Вырос тут лес, дремучий да высокий: корни у деревьев на три сажени под землю уходят, вершины облака подпирают.

Примчалась баба-яга, стала грызть до ломать лес. Она грызет да ломает, а девочка дальше бежит. Много ли, мало ли времени прошло, приложила девочка ухо к земле и слышит: земля дрожит, трясется - баба-яга гонится, и уж совсем близко.

Взяла девочка полотенце и бросила через правое плечо. В тот же миг разлилась река - широкая-преширокая, глубокая-преглубокая!

Подскочила баба-яга к реке, от злости зубами заскрипела - не может через реку перебраться. Воротилась она домой, собрала своих быков и погнала к реке:

- Пейте, мои быки! Выпейте всю реку до дна!

Стали быки пить, а вода в реке не убывает. Рассердилась баба-яга, легла на берег, сама стала воду пить. Пила, пила, пила, пила, до тех пила, пока не лопнула.

А девочка тем временем знай бежит да бежит. Вечером вернулся домой отец и спрашивает: у жены:

- А где же моя дочка?

Баба говорит:

- Она к тетушке пошла - иголочку да ниточку попросить, да вот задержалась что-то.

Забеспокоился отец, хотел было идти дочку искать, а дочка домой прибежала, запыхалась, отдышаться не может.

- Где ты была, дочка? - спрашивает отец.

- Ах, батюшка! - отвечает девочка. - Меня мачеха послала к своей сестре, а сестра ее - баба-яга, костяная нога. Она меня съесть хотела. Насилу я от нее убежала!

Как узнал все это отец, рассердился он на злую бабу и выгнал ее грязным помелом вон из дому. И стал он жить вдвоем с дочкой, дружно да хорошо. Здесь и сказке конец.

БЕЗНОГИЙ И СЛЕПОЙ БОГАТЫРИ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; у них был сын Иван-царевич, а смотреть-глядеть за царевичем приставлен был Катома-дядька, дубовая шапка. Царь с царицею достигли древних лет, заболели и не чают уж выздороветь; призывают Ивана-царевича и наказывают:

- Когда мы померем, ты во всем слушайся и почитай Катому-дядьку, дубовую шапку; станешь слушаться - счастлив будешь, а захочешь быть ослушником - пропадешь как муха.

На другой день царь с царицею померли; Иван-царевич похоронил родителей и стал жить по их наказу: что ни делает, обо всем с дядькой совет держит. Долго ли, коротко ли - дошел царевич до совершенных лет и надумал жениться; приходит к дядьке и говорит ему:

- Катома-дядька, дубовая шапка! Скучно мне одному, хочу ожениться.

- Что же, царевич! За чем дело стало? Лета твои таковы, что пора и о невесте думать; поди в большую палату - там всех царевен, всех королевен портреты собраны, погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся.

Иван-царевич пошел в большую палату, начал пересматривать портреты, и прилась ему по мысли королевна Анна Прекрасная - такая красавица, какой во всем свете другой нет! На ее портрете подписано: коли кто задаст ей загадку, а королевна не отгадает, за того пойдет она замуж; а чью загадку отгадает, с того

голова долой. Иван-царевич прочитал эту подпись, раскручинился и идет к своему дядьке.

- Был я, - говорит, - в большой палате, высмотрел себе невесту Анну Прекрасную; только не ведаю, можно ли ее высватать?

- Да, царевич! Трудно ее достать; коли один поедешь - ни за что не высватаешь, а возьми меня с собой да будешь делать, как я скажу, - может, дело и уладится.

Иван-царевич просит Катому-дядьку, дубовую шапку ехать с ним вместе и дает ему верное слово слушаться его и в горе и в радости.

Вот собрались они в путь-дорогу и поехали сватать Анну Прекрасную королевну. Едут они год, и другой, и третий, и заехали за много земель.

Говорит Иван-царевич:

- Едем мы, дядя, столько времени, приближаемся к землям Анны Прекрасной королевны, а не знаем, какую загадку загадывать.

- Еще успеем выдумать!

Едут дальше; Катому-дядька, дубовая шапка глянул на дорогу - на дороге лежит кошелек с деньгами; сейчас его поднял, высыпал оттуда все деньги в свой кошелек и говорит:

- Вот тебе и загадка, Иван-царевич! Как приедешь к королевне, загадай ей такими словами: ехали-де мы путем-дорогою, увидали: на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в свое добро положили! Эту загадку ей в жизнь не разгадать; а всякую другую сейчас узнает - только взглянет в свою волшебную книгу; а как узнает, то и велит отрубить тебе голову.

Вот наконец приехал Иван-царевич с дядькою к высокому дворцу, где проживала прекрасная королевна; в ту пору-времечко была она на балконе, увидала приезжих и послала узнать: откуда они и зачем прибыли? Отвечает Иван-царевич:

- Приехал я из такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну.

Доложили о том королевне; она приказала, чтобы царевич во дворец шёл да при всех ее думных князьях и боярах загадку загадывал.

- У меня, - молвила, - такой завет положен: если не отгадаю чьей загадки, за того мне идти замуж, а чью отгадаю - того злой смерти предать!

- Слушай, прекрасная королевна, мою загадку, - говорит Иван-царевич, - ехали мы путем-дорогою, увидали - на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в добро положили.

Анна Прекрасная королевна берет свою волшебную книгу, начала ее пересматривать да отгадки разыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась. Тут думные князья и бояре присудили королевне выходить замуж за Ивана-царевича; хоть она и не рада, а делать нечего - стала готовиться к свадьбе. Думает сама с собой королевна: как бы время протянуть да жениха отбыть? И вздумала - утрудить его великими службами. Призывает она Ивана-царевича и говорит ему:

- Милый мой Иван-царевич, муж нареченный! Надо нам к свадьбе изготавиться: сослужи-ка мне службу невеликую: в моем королевстве на таком-то месте стоит большой чугунный столб; перетащи его в дворцовую кухню и сруби в мелкие поленья - повару на дрова.

- Помилуй, королевна! Нешто я приехал сюда дрова рубить? Мое ли это дело! На то у меня слуга есть: Катом-дядька, дубовая шапка.

Сейчас призывает царевич дядьку и приказывает ему притащить на кухню чугунный столб и срубить его в мелкие поленья повару на дрова. Катом-дядька пошёл на сказанное место, схватил столб в охапку, принес в дворцовую кухню и разбил на мелкие части; четыре чугунных полена взял себе в карман - "для переду годится!"

На другой день говорит королевна Ивану-царевичу:

- Милый мой царевич, нареченный муж! Завтра нам к венцу ехать: я поеду к коляске, а ты верхом на богатырском жеребце; надобно тебе загодя объездить того коня.

- Стану я сам объезжать коня! На то у меня слуга есть.

Призывает Иван-царевич Катому-дядьку, дубовую шапку.

- Ступай, - говорит, - на конюшню, вели конюхам вывести богатырского жеребца, сядь на него и объезди; завтра я на нем к венцу поеду.

Катома-дядька смекнул хитрости королевны, не стал долго разговаривать, пошел на конюшню и велел конюхам вывести богатырского жеребца. Собралось двенадцать конюхов; отперли двенадцать замков, отворили двенадцать дверей и вывели волшебного коня на двенадцати железных цепях. Катома-дядька, дубовая шапка подошел к нему; только успел сесть - волшебный конь от земли отделяется, выше лесу подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего. Катома крепко сидит, одной рукой за гриву держится, а другой вынимает из кармана чугунное полено и начинает этим поленом промежду ушей коня осаживать. Избил одно полено, взялся за другое, два избил, взялся за третье, три избил, пошло в ход четвертое. И так донял он богатырского жеребца, что не выдержал конь, возговорил человеческим голосом:

- Батюшка Катома! Отпусти хоть живого на белый свет. Что хочешь, то и приказывай: все будет по-твоему!

- Слушай, собачье мясо! - отвечает ему Катома-дядька, дубовая шапка. - Завтра поедет на тебе к венцу Иван-царевич. Смотри же: как выведут тебя конюхи на широкий двор да подойдет к тебе царевич и наложит свою руку - ты стой смирно, ухом не пошевели; а как сядет он верхом - ты по самые щетки в землю подайся да иди под ним тяжелым шагом, словно у тебя на спине непомерная тягота наложена.

Богатырский конь выслушал приказ и опустился еле жив на землю. Катома ухватил его за хвост и бросил возле конюшни:

- Эй, кучера и конюхи! Уберите в стойло это собачье мясо.

Дождались другого дня; подошло время к венцу ехать, королевне коляску подали, а Ивану-царевичу богатырского жеребца подвели. Со всех сторон народ сбегался - видимо-невидимо! Вышли из палат белокаменных жених с невестой; королевна села в коляску и дожидается: что-то будет с Иваном-царевичем? Волшебный конь разнесет его кудри по ветру, разметет его кости по чисту полю. Подходит Иван-царевич к жеребцу, накладывает руку на спину, ногу в стремя - жеребец стоит словно вкопанный, ухом не шевельнет! Сел царевич верхом - волшебный конь по щетки в землю ушел; сняли с него двенадцать цепей - стал конь выступать ровным тяжелым шагом, а с самого пот градом так и катится.

- Экий богатырь! Экая сила непомерная! - говорит народ, глядя на царевича.

Перевенчали жениха с невестой; стали они выходить из церкви, взяли друг дружку за руки. Вздумалось королевне еще раз попытать силу Ивана-царевича, сжала ему руку так сильно, что он не смог выдержать: кровь в лицо кинулась, глаза под лоб

ушли. "Так ты этакий-то богатырь, - думает королева, - славно же твой дядька меня опутал... только даром вам это не пройдет!"

Живет Анна Прекрасная королева с Иваном-царевичем как подобает жене с богоданным мужем, всячески его словами улещает, а сама одно мыслит: каким бы то способом извести Катому-дядьку, дубовую шапку; с царевичем без дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всяких наговоров, Иван-царевич не поддавался на ее речи, все сожалел своего дядьку. Через год времени говорит он своей жене:

- Любезная моя супружница, прекрасная королева! Желается мне ехать вместе с тобой в свое государство.

- Пожалуй, поедem; мне самой давно хочется увидеть твое государство.

Вот собрались и поехали; дядьку Катому за кучера посадили. Ехали-ехали; Иван-царевич заснул дорогою. Вдруг Анна Прекрасная королева стала его будить да жалобу приносить:

- Послушай, царевич, ты все спишь - ничего не слышишь! А твой дядька совсем меня не слушает, нарочно правит лошадей на кочки да рытвины - словно извести нас собирается; стала я ему добром говорить, а он надо мной насмежается. Жить не хочу, коли его не накажешь!

Иван-царевич крепко спросонок рассердился на своего дядьку и отдал его на всю волю королевнину:

- Делай с ним, что сама знаешь!

Королева приказала отрубить его ноги.

Катома дался ей на поругание. "Пусть, - думает, - пострадаю; да и царевич узнает - каково горе мыкать!"

Отрубили Катоме-дядьке обе ноги. Глянула королева кругом и увидала: стоит в стороне высокий пенъ; позвала слуг и приказала посадить его на этот пенъ, а Ивана-царевича привязала на веревке к коляске, повернула назад и поехала в свое королевство. Катомадядька, дубовая шапка на пне сидит, горькими слезами плачет.

- Прощай, - говорит, - Иван-царевич! Вспомнишь и меня.

А Иван-царевич вприпрыжку за коляскою бежит; сам знает, что маху дал, да воротить нельзя. Приехала королевна Анна Прекрасная в свое государство и заставила Ивана-царевича коров пасти. Каждый день поутру ходит он со стадом в чистое поле, а вечером назад на королевский двор гонит; в то время королевна на балконе сидит и поверяет: все ли счетом коровы? Пересчитает и велит их царевичу в сарай загонять да последнюю корову под хвост целовать; эта корова так уж и знает - дойдет до ворот, остановится и хвост подымет...

Катома-дядька сидит на пне день, и другой, и третий не пивши, не евши; слезть никак не может, приходится помирать голодную смертью.

Невдалеке от этого места был густой лес; в том лесу проживал слепой сильномогучий богатырь; только тем и кормился, что как услышит по духу, что мимо его какой, зверь пробежал: заяц, лиса ли, медведь ли - сейчас за ним в погоню; поймают - и обед готов! Был богатырь на ногу скор, и ни одному зверю прыскучему не удавалось убежать от него. Вот и случилось так: проскользнула мимо лиса; богатырь услышал да вслед за нею; она добежала до того высокого пня и дала колено в сторону, а слепой богатырь поторопился да с разбегу как ударился лбом о пень - так с корнем его и выворотил.

Катома свалился на землю и спрашивает:

- Ты кто таков?

- Я - слепой богатырь, живу в лесу тридцать лет, только тем и кормлюсь, коли какого зверя поймаю да на костре жарю; а то б давно помер голодную смертью!

- Неужели ж ты отроду слепой?

- Нет, не отроду; а мне выколола глаза Анна Прекрасная королевна.

- Ну, брат, - говорит Катома-дядька, дубовая шапка, - и я через неё без ног остался: обе отрубила проклятая!

Разговорились богатыри промеж собой и согласились вместе жить, вместе хлеб добывать. Слепой говорит безногому:

- Садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебе своими ногами, а ты мне своими глазами. Взял он безногого и понес на себе, а Катома сидит, по сторонам поглядывает да знай покрикивает:

- Направо! Налево! Прямо!..

Жили они этак некоторое время в лесу и ловили себе на обед и зайцев, и лисиц, и медведей. Говорит раз безногий:

- Неужели ж нам весь век без людей прожить? Слышал я, что в таком-то городе живет богатый купец с дочкою, и та купеческая дочь куда как милостива к убогим и увечным! Сама всем милостыню подает. Увезем-ка, брат, ее! Пусть у нас за хозяйку живет. Слепой взял тележку, посадил в неё безногого и повез в город, прямо к богатому купцу на двор; увидала их из окна купеческая дочь, тотчас вскочила и пошла оделять их милостынею. Подошла к безногому:

- Прими, убоженький, Христа ради!

Стал он принимать подаяние, ухватил ее за руки да в тележку, закричал на слепого - тот побежал так скоро, что на лошадях не поймать! Купец послал погоню - нет, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь в свою лесную избушку и говорят ей:

- Будь нам заместо родной сестры, живи у нас, хозяйничай; а то нам, увечным, некому обеда сварить, рубашек помыть. Бог тебя за это не оставит!

Осталась с ними купеческая дочь; богатыри ее почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то и дело на охоте, а названная сестра завсегда дома: всем хозяйством заправляет, обед готовит, белье моет.

Вот и повадилась к ним в избушку ходить баба-яга - костяная нога и сосать у красной девицы, купеческой дочери, белые груди. Только богатыри на охоту уйдут, а баба-яга тут как тут! Долго ли, коротко ли - спала с лица красная девица, похудела-захирела; слепой ничего не видит, а Катома-дядька, дубовая шапка замечает, что дело неладно; сказал про то слепому, и пристали они вдвоем к своей названной сестрице, начали допрашивать, а баба-яга ей накрепко запретила признаваться. Долго боялась она поверить им свое горе, долго крепилась, да наконец братья ее уговорили, и она все дочиста рассказала:

- Всякий раз, как уйдете вы на охоту, тотчас является в избушку древняя старуха - лицо злущее, волосы длинные, седые - и заставляет меня в голове ей искать, а сама сосет мои груди белые.

- А, - говорит слепой, - это - баба-яга; погоди же, надо с ней по-своему разделаться! Завтра мы не пойдем на охоту, а постараемся залучить ее да поймать...

Утром на другой день богатыри не идут на охоту.

- Ну, дядя безногий, - говорит слепой, - полезай ты под лавку, смирененько сиди, а я пойду на двор - под окном стану. А ты, сестрица, как придет баба-яга, садись вот здесь, у этого окна, в голове-то у ней ищи да потихоньку пряди, волос отделяй да за оконницу на двор пропускай; я ее за седые-то космы и сграбастаю!

Сказано-сделано. Ухватил слепой бабу-ягу за седые космы и кричит:

- Эй, дядя Катома! Вылезай-ка из-под лавки да придержи ехидную бабу, пока я в избу войду.

Баба-яга услышала беду, хочет вскочить, голову приподнять - куда тебе, нет совсем ходу! Рвалась-рвалась - ничего не пособляет! А тут вылез из-под лавки дядя Катома, навалился на нее словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажио небо с овчинку ей показалось! Вскочил в избушку слепой, говорит безногому:

- Надо нам теперь развести большой костер, сжечь ее, проклятую, на огне, а пепел по ветру пустить!

Взмолилась баба-яга:

- Батюшки, голубчики! Просите... что угодно, все вам сделаю!

- Хорошо, старая ведьма! - сказали богатыри. - Покажи-ка нам колодезь с целующей и живущей водою.

- Только не бейте, сейчас покажу!

Вот Катома-дядька, дубовая шапка сел на слепого; слепой взял бабу-ягу за косы; баба-яга повела их в лесную трущобу, привела к колодезю и говорит:

- Это и есть целующая и живущая вода!

- Смотри, дядя Катома, - вымолвил слепой, - не давай маху; коли она теперь обманет - ввек не поправимся!

Катома-дядька, дубовая шапка сломил с дерева зеленую ветку и бросил в колодезь: не успела ветка до воды долететь, как уж вся огнем вспыхнула!

- Э, да ты еще на обман пошла!

Принялись богатыри душисть бабу-ягу, хотят кинуть ее, проклятую, в огненный колодезь. Пуще прежнего взмолилась баба-яга, дает клятву великую, что теперь не станет хитрить:

- Право-слово, доведу до хорошей воды. Согласились богатыри попытать еще раз, и привела их баба-яга к другому колодезю. Дядька Катома отломил от дерева сухой сучок и бросил в колодезь: не успел тот сучок до воды долететь, как уж ростки пустил, зазеленел и расцвел.

- Ну, это вода хорошая! - сказал Катома.

Слепой помочил ею свои глаза - и вмиг прозрел; опустил безногого в воду - и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорят меж собой:

- Вот когда мы поправимся! Все свое воротим, только наперед надо с бабой-ягой порешить; коли нам ее теперь простить, так самим добра не видать - она всю жизнь будет зло мыслить!

Воротились они к огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу: так она и сгнула!

После того Катома-дядька, дубовая шапка женился на купеческой дочери, и все трое отправились они в королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича.

Стали подходить к столичному городу, смотрят: Иван-царевич гонит стадо коров.

- Стой, пастух! - говорит Катома-дядька. - Куда ты этих коров гонишь?

Отвечает ему царевич:

- На королевский двор гоню; королевна всякий раз сама поверяет, все ли коровы.

- Ну-ка, пастух, на тебе мою одежду, надевай на себя, а я твою надену и коров погоню.

- Нет, брат, этого нельзя сделать; коли королевна уведает - беда мне будет!

- Не бойся, - ничего не будет! В том тебе порука Катома-дядька, дубовая шапка!

Иван-царевич вздохнул и говорит:

- Эх, добрый человек! Если бы жив был Катома-дядька, я бы не пас в поле этих коров.

Тут Катома-дядька, дубовая шапка сознался ему, кто он таков есть; Иван-царевич обнял его крепко и залился слезами:

- Не чаял и видеть тебя!

Поменялись они своими одежами; погнал дядька коров на королевский двор. Анна Прекрасная вышла на балкон, поверила, все ли коровы счетом, и приказала загонять их в сарай.

Вот все коровы в сарай вошли, только последняя у ворот остановилась и хвост оттопырила. Катома подскочил:

- Ты чего, собачье мясо, дожидаясь? - схватил ее за хвост, дернул, так и стащил шкуру! Королевна увидала и кричит громким голосом:

- Что это мерзавец пастух делает? Взять его и привести ко мне!

Тут слуги подхватили Катому и потащили во дворец; он идет - не отговаривается, на себя надеется. Привели его к королевне; она взглянула и спрашивает:

- Ты кто таков? Откуда явился?

- А я тот самый, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовут меня Катома-дядька, дубовая шапка!

"Ну, - думает королевна, - когда он ноги свои воротил, то с ним мудрить больше нечего!" - и стала у него и у царевича просить прощения; покаялась во своих грехах и дала клятву вечно Ивана-царевича любить и во всем слушаться. Иван-царевич ее простил и начал жить с нею в тишине и согласии; при них остался слепой богатырь, а Катома-дядька уехал с своею женою к богатому купцу и поселился в его доме.

БЕЛАЯ УТОЧКА

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высокую терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось - такая простая, сердечная!

- Что, - говорит, - ты скучаешь? Хоть бы на Божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда - и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

- Что, - говорит женщина, - день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

- Нет, нет, не хочу! - А потом подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине.

- Плыви ты, - говорит, - белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яицек, вывела деточек: двух хороших, а третьего - заморышка; и деточки ее вышли - ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтанчики сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

- Ох, не ходите туда, дети! - говорила мать. Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше - и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьём их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить, - заморышек-то и не спит, все слышит, все видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

- Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

- Мы спим - не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи гочат булатные!

- Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

- Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

- Мы спим - не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!

"Что же это все один голос?" - подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мёртвой рукой - и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

- Кря, кря, мои деточки
Кря, кря, голубяточки,
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь недосыпала,
Сладок кус недоедала.

- Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

- Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

- Кря, кря, мои деточки.
Кря, кря, голубя-точки.
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколотная.
Отняла у вас отца родного,
Отца родного - моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живет - величается.

"Эге!" - подумал князь и закричал:

- Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит:

- Стань белая берёза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая берёза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой - говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою - они вострепнулись, сбрызнули говорящею - они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога - там стала кочерга; где рука - там грабли; где голова - там куст да колода. Налетели птицы - мясо поклевали, поднялись ветры - кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

БРАТЬЯ-ОХОТНИКИ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были два брата - охотника.

Вот раз пошли они на добычу. Золотого зайца увидели. Все за ним шли да шли. Заблудились, в дремучем лесу очутились.

А заяц прыгнул в кусты и пропал с глаз. Нечего делать охотникам - придется в лесу заночевать.

Меньшой брат взял ружье и пошел поискать - может, какая дичина попадется, а старшой остался кашу варить.

Сварил кашу, дожидается своего брата. Глядит - выходит на поляну старичок, сам не выше пня, шапка в аршин, а борода в три сажени.

- Здравствуй, охотник! - говорит.

- Здорово! - отвечает старшой брат.

- Можно твоей каши покушать?

А старшой брат жаден был.

- Нет, - говорит, - нам самим двоим мало. Взял тогда старичок половник и ударил им охотника по лбу. Тот сразу уснул.

А старичок сел, кашу съел и в лес ушел. Пришел меньшой с охоты.

- Что, брат, сварил кашу? - спрашивает.

- Нет, что-то я приболел, - отвечает старшой. Стыдно ему признаться, что не сумел за себя постоять.

- Ну, не беда, - говорит меньшой брат. Наварил каши. Поужинали братья, легли спать. Наутро старшой брат пошел на охоту, а меньшой кашу варить остался.

Вот наварил он каши, сидит, дожидается своего брата. Глядит - выходит на поляну

старичок, сам не выше пня, шапка с аршин, борода в три сажени.

- Здорово, охотник!

- Здравствуй, милый, - отвечает меньшой брат.

- Можно твоей кашки покушать?

- Что ж, коли голоден, садись ешь.

Вот старичок сел, всю кашу съел.

- Спасибо, тебе охотник, - говорит. - Хороша твоя каша. Пока прощай, а в беду попадешь, про меня вспомни.

Завернул в кусты, и словно его не было. Пришел с охоты старшой брат. Стали они домой собираться.

Вот идут они по лесу. Глядь - навстречу великан. Голова вровень с дубами, ноги - две колоды, вместо живота - сорокаведерная бочка.

- Здорово, охотники! Далеко идете?

- Да вот заблудились. Может, ты дорогу покажешь?

- Это дело пустое. Пойдем сперва ко мне в гости. Приводит их великан к себе домой. За стол сажает, вином и всякими кушаньями угощает.

А за столом кухарка прислуживает. Нет-нет и посмотрит на меньшого брата охотника, будто сказать что-то ему хочет.

Попросил он у нее воды испить. Подносит кухарка ему воды, а сама шепчет:

- Берегись, охотник! Хочет вас великан зарезать и съесть!

Наливает им великан по стакану вина. Старшой брат пьет, а меньшой через плечо льет. Подают на стол арбуз. Великан арбуз на куски режет да на ноже в рот гостям сует.

"Э, - думает охотник, - этак он нас сейчас зарежет. Дай-ка и я ему подам".

Взял нож, словно хочет ломоть арбуза отрезать да хозяина угостить. Изловчился и приставил великану нож к горлу.

Испугался великан, арбузом подавился, на землю повалился.

Взял у него охотник ключ и пошел дом смотреть. Открывает одну дверь, видит - комната вся коврами убрана. Открывает вторую комнату - та серебром украшена. К третьей двери подходит.

А кухарка ему говорит:

- Не ходи туда, охотник, - там твое горе.

Не послушался ее охотник, отпер и третью дверь. В золоте вся комната блестит. Сидит в той комнате девица писаной красоты.

- Зачем, - спрашивает, - ты сюда, добрый молодец, зашел? Великан придет, тебя съест и меня живой не оставит.

А он ей отвечает:

- Нет великана в живых. Хотел он меня съесть, да сам подавился. Пойдем, красавица, со мной.

Рассказал ей, как было.

- А коли так, - говорит девица, - то принеси мой именной платочек, он у великана в

кармане лежит.

Побежал охотник, достал именной платочек, принес его девице. Поцеловала она охотника и назвалась его невестой.

Старшой брат пьяный был, все спал, ничего не видал. Разбудили они его, взяли с собой кухарку и пошли домой.

Вот дошли до речки.

А девица та сестрой великана была. Она охотника боялась, сиротой притворялась, сама смерти ему хотела. Спрятала она платочек за пазуху и говорит:

- Беда мне! Второпях именной платочек обронила.

Побежал охотник за платочком, а девица его ждать не стала, села в лодку со старшим братом и переехала на другую сторону.

Ходил-ходил охотник по лесу, платочка не нашел. Прибежал обратно к реке - ни брата, ни невесту И переправиться не на чем.

Ночь наступает. Что делать? Вспомнил он тут про лесного старичка. Только подумал о нем, видит - высокий забор, жилье какое-то. Постучал охотник в ворота, выходит к нему старичок, сам не выше пня, шапка с аршин, а борода в три сажени.

- Здравствуй, охотник! Я тебя ждал.

Рассказал ему охотник свое горе.

- Знаю, - говорит старичок. - Виноват ты, охотник, сам. Зачем третью дверь отпер? Нельзя тебе сейчас домой возвращаться. Там тебя погибель ждет. Определился охотник к старичку на год в караульщики - амбары сторожить, а тот его за это должен хитрой науке обучить.

Хозяин амбары показал, ключи ему дал и приказал:

- Смотри, тот амбар, что последним стоит, не отмыкай. И не заглядывай в него.

Вот год кончился. Любопытно охотнику - что там, в этом амбаре. Думает: загляну, хозяин не узнает. Замок отомкнул, двери отворил. А там всякие гады и звери. По всему двору разбежались.

Перепугался охотник, закричал. Хозяин прибежал, зверей и гадов в амбар загнал.

- Не выполнил ты наш уговор, - говорит. - Придется тебе еще год у меня отработать.

Прошел еще год. Охранник службу свою исправно выполнял. Старичок доволен им был, хитрой науке его обучил.

Вывел охотника из лесу и дорогу указал.

- Ступай, - говорит, - к людям. От правды не отступай, кривду не милуй.

Поблагодарил охотник старичка и пошел домой. Невеста его за старшого брата замуж вышла. А про него все думала, что его волки съели. Вот и говорит жена мужу:

- Купи ты себе лошадь.

Поехал тот на базар покупать лошадь. А охотник обернулся хорошим конем.

Оглядел коня старшой брат, конь ему приглянулся. Он взял его да купил. Привел домой и говорит:

- Посмотри-ка, жена, какого я купил тебе жеребца!

Она вышла, посмотрела, головой покачала:

- Это не жеребец, а погибель наша.

- Что же с ним делать?

- Надо его зарубить.

А кухарка весь их разговор слышала. Пришла она к коню и говорит:

- Жеребчик мой милый, недолго тебе жить, хотят тебя зарубить!

А он человеческим голосом отвечает:

- Когда меня будут рубить, отскочит тебе в подол косточка. Ты ее не бросай, а в углу похорони. Вот стал старшой брат со своей злой женой коня рубить. Кухарка стоит, плачет. Косточка ей в подол отлетела. Она ее взяла и в углу похоронила. Выросла на том месте яблонька, да такая красавица! Яблочки на ней все красненькие.

Вот старшой брат и говорит:

- Жена, поди-ка погляди, какая у нас яблонька с красными яблочками!

Посмотрела та:

- Это не яблонька, а наша истребительница.

- Что же с ней делать?

- Надо ее срубить.

Кухарка весь разговор слышит. Пришла она к яблоньке и плачет:

- Милая яблонька! Жалко мне тебя. Хотят тебя хозяева срубить.

А яблонька человеческим голосом отвечает:

- Когда будут меня рубить, щепочка тебе в башмак отлетит. А ты ее, эту щепочку, отнеси - в пруд брось.

Так она и сделала. Когда яблоньку рубили, щепочка в башмак ей отлетела. Она ее подняла и в пруд отнесла.

Сделался охотник сизым селезнем. По пруду плавает.

Пошел старшой брат купаться. Увидел селезня, стал ловить. Ловил-ловил, устал, да и утонул. А охотник обернулся в его лик, приходит в дом и говорит:

- Жена, а жена! Какого я видел селезня хорошего!

Та отвечает:

- Это не селезень, а погибель наша.

Стегнул он ее плеткой и говорит:

- Не захотела быть женой милой, так будь серой кобылой!

Сделалась она серой кобылой. Он ее обротал и в плуг запряг. До тех пор по полю гонял, пока шести десятин не вспахал.

Так она и сейчас у него в запряжке ходит. Сам же на кухарке женился. Свадьбу отпировали. Живут-поживают, добра наживают.

БУЛАТ-МОЛОДЕЦ

Жил-был царь, у него был один сын. Когда царевич был мал, то мамки и няньки его прибаюкивали:

- Баю-баю, Иван-царевич! Вырастешь большой, найдешь себе невесту: за тридевять земель, в тридесятом государстве сидит в башне Василиса Кирбיתьевна - из косточки в косточку мозжечок переливается.

Минуло царевичу пятнадцать лет, стал у отца проситься поехать поискать свою невесту.

- Куда ты поедешь? Ты ещё слишком мал!

- Нет, батюшка! Когда я мал был, мамки и няньки меня прибаюкивали и сказывали, где живет моя невеста; а теперь я поеду ее разыскивать.

Отец благословил его и дал знать по всем государствам, что сын его Иван-царевич поехал за невестою. Вот приезжает царевич в один город, отдал убрать свою лошадь, а сам пошел по улицам погулять. Идет и видит - на площади человека кнутом наказывают.

- За что, - спрашивает, - вы его кнутом бьёте?

- А за то, - говорят, - что задолжал он одному именитому купцу десять тысяч да в срок не выплатил; а кто его выкупит, у того Кощей Бессмертный жену унесет.

- Вот царевич подумал-подумал и прочь пошел. Подгулял по городу, выходит опять на площадь, а того человека все бьют; жалко стало Ивану-царевичу, и решился он его выкупить. "У меня, - думает, - жены нету; отнять у меня некого".

Заплатил десять тысяч и пошел домой; вдруг бежит за ним тот самый человек, которого он выкупил, и кричит ему:

- Спасибо, Иван-царевич! Если б ты меня не выкупил, ввек бы не достал своей невесты. А теперь я помогу; купи мне скорее лошадь и седло!

Царевич купил ему и лошадь и седло и спрашивает:

- А как твое имя?

- Меня зовут Булат-молодец.

Сели они на коней и поехали в путь-дорогу; как только приехали в тридесятое государство, говорит Булат-молодец:

- Ну, Иван-царевич, прикажи купить да нажарить кур, уток, гусей - чтоб всего было довольно! А я пойду твою невесту доставать. Да смотри: всякий раз, как я забегу к тебе, ты режь у любой птицы правое крылышко и подавай на тарелочке.

Пошел Булат-молодец прямо к высокой башне, где сидела Василиса Кирбיתьевна; бросил полегоньку камушком и сломил у башни золоченый верх.

Прибегает к Ивану-царевичу, говорит ему:

- Что ты спишь? Подавай курицу.

Тот отрезал правое крылышко и подал на тарелочке. Булат-молодец взял тарелочку, побежал к башне и закричал:

- Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и просил меня отдать вам эту курочку.

Она испугалась, сидит - ничего не говорит; а он сам за неё отвечает:

- Здравствуй, Булат-молодец! Здоров ли Иван-царевич? - Слава Богу здоров!..

Прибегает Булат-молодец к Ивану-царевичу.

- Что сидишь? - говорит. - Подавай утку.

Тот отрезал правое крылышко, подал на тарелочке. Булат взял тарелочку и понёс к башне.

- Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и прислал вам эту уточку.

Она сидит - ничего не говорит; а он сам за неё отвечает:

- Здравствуй, Булат-молодец! Здоров ли царевич? - Слава Богу, здоров!

Прибегает Булат-молодец домой и опять говорит Ивану-царевичу:

- Что сидишь? Подавай гуся.

Тот отрезал правое крылышко, положил на тарелочку и подал ему. Булат-молодец взял и понёс к башне:

- Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и прислал вам гуся.

Булат-молодец хватает девицу за правую руку; вывел её из башни, посадил к Ивану-царевичу на лошадь, и поскакали они, добрые молодцы, с душой красной девицей во всю конскую прыть. Поутру встаёт-просыпается царь Кирбит, видит, что у башни верх сломан, а дочь его похищена, сильно разгневался и приказал послать погоню по всем путям дорогам.

Много ли, мало ли ехали наши витязи - Булат-молодец снял со своей руки перстень, спрятал его и говорит:

- Поезжай, Иван-царевич, а я назад ворочусь, поищу перстень.

Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать:

- Не оставляй нас, Булат-молодец! Хочешь, я тебе свой перстень подарю?

Он отвечает:

- Никак нельзя, Василиса Кирбитьевна! Моему перстню цены нет - мне его дала родная матушка; как давала - приговаривала: носи - не теряй, мать не забывай!

Поскакал Булат-молодец назад и повстречал на дороге погоню; он тотчас всех перебил, оставил только единого человека, чтоб было кому царя повестить, а сам поспешил нагнать Ивана-царевича. Много ли, мало ли они ехали - Булат-молодец запрянул свой платок и говорит:

- Ах, Иван-царевич, я платок потерял; поезжайте вы путем-дорогою, я вас скоро опять нагоню.

Повернул назад, отъехал несколько верст и повстречал погоню вдвое больше; перебил всех и вернулся к Ивану-царевичу.

Тот спрашивает:

- Нашел ли платок?

- Нашел.

Настигла их темная ночь; раскинули они шатёр, Булат-молодец лёг спать, а Ивана-царевича на караул поставил и говорит ему:

- Каков случай - разбуди меня!

Тот стоял, стоял, утомился, начал клонить его сон, он присел у шатра и заснул.

Откуда ни взялся Кощей Бессмертный - унес Василису Кирбитьевну.

На заре очнулся Иван-царевич; видит, что нет его невесты, и горько заплакал.

Просыпается и Булат-молодец, спрашивает его:

- О чём плачешь?

- Как мне не плакать? Кто-то унес Василису Кирбитьевну.

- Я же тебе говорил - стой на карауле! Это дело Кощея Бессмертного; поедem искать.

Долго-долго они ехали, смотрят - два пастуха стадо пасут.

- Чьё это стадо?

Пастухи отвечают:

- Кощея Бессмертного.

Булат-молодец и Иван-царевич расспросили пастухов: далеко ль Кощей живет, как туда проехать, когда они со стадом домой ворочаются и куда его запирают? Потом слезли с лошадей, уговорились с пастухами, нарядились в их платье и погнали стадо домой; пригнали и стали у ворот.

У Ивана-царевича был на руке золотой перстень - Василиса Кирбитьевна ему подарила; а у Василисы Кирбитьевны была коза - молоком от той козы она и утром и вечером умывалась. Прибежала девушка с чашкою, подоила козу и несет молоко; а Булат-молодец взял у царевича перстень и бросил в чашку.

- Э, голубчики, - говорит девушка, - вы озорничать стали!

Приходит к Василисе Кирбитьевне и жалуется:

- Ноныче пастухи над нами насмеваются, бросили в молоко перстень!

Та отвечает:

- Оставь молоко, я сама процежу.

Стала цедить, увидала свой перстень и велела послать к себе пастухов.

Пастухи пришли.

- Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! - говорит Булат-молодец.

- Здравствуй, Булат-молодец! Здравствуй, царевич! Как вас Бог сюда занёс?

- За тобой, Василиса Кирбитьевна, приехали; нигде Кощей от нас не скроется: хоть на дне моря - и то отыщем!

Она их за стол усадила, всякими яствами накормила и сладко напоила.

Говорит ей Булат-молодец:

- Как приедет Кощей с охоты, расспроси, Василиса Кирбительевна, где его смерть. А теперь не худо нам спрятаться.

Только гости успели спрятаться, прилетает с охоты Кощей Бессмертный.

- Фу-фу! - говорит. - Прежде русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а нонче русский дух воочию является, в уста бросается.

Отвечает ему Василиса Кирбительевна:

- Сам ты по Руси налетался, русского духу нахватался, так он тебе и здесь чудится!

Кощей пообедал и лег отдыхать; пришла к нему Василиса Кирбительевна, стала спрашивать:

- Насилу дождалась тебя; уж не чаяла в живых увидеть - думала, что тебя лютые звери съели!

Кощей засмеялся:

- Эх, ты! Волос долог, да ум короток; разве могут меня лютые звери съесть?

- Да где ж твоя смерть?

- Смерть моя в голике, под порогом валяется.

Улетел Кощей, Василиса Кирбительевна побежала к Ивану-царевичу. Спрашивает ее Булат-молодец:

- Ну, где смерть Кощеева?

- В голике под порогом валяется.

- Нет! Надо расспросить его получше.

Василиса Кирбительевна тотчас придумала: взяла голик, вызолотила, разными лентами украсила и положила на стол.

Вот прилетел Кощей Бессмертный, увидел на столе вызолоченный голик и спрашивает, зачем это.

- Как же можно, - отвечала Василиса Кирбительевна, - чтоб твоя смерть под порогом валялась; пусть лучше на столе лежит!

- Ха-ха-ха! Волос длинен, да ум короток; разве здесь моя смерть?

- А где же?

- Моя смерть в козле запрятана.

Василиса Кирбительевна, как только Кощей на охоту уехал, взяла убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила.

Кощей увидал, опять рассмеялся:

- Волос длинен, да ум короток; моя смерть далече: на море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке - заяц, в зайце - утка, в утке - яйцо, а в яйце - моя смерть!

Сказал и улетел. Василиса Кирбительевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу; они взяли с собой запасу и пошли отыскивать Кощееву смерть.

Долго ли, коротко ли шли, запас весь приели и начали голодать. Попадаетеся им собака со щенятами.

- Я ее убью, - говорит Булат-молодец, - нам есть больше нечего.

- Не бей меня, - просит собака, - не делай моих деток сиротами; я тебе сама

пригожусь!

- Ну, Бог с тобой!

Идут дальше - сидит на дубу орёл с орлятами. Говорит Булат-молодец:

- Я убью орла.

Отвечает орёл:

- Не бей меня, не делай моих деток сиротами; я тебе сам пригожусь!

- Так и быть, живи на здоровье!

Подходят к океан-морю широкому; на берегу рак ползет. Говорит Булат-молодец:

- Я его пришибу.

А рак:

- Не бей меня, добрый молодец! Во мне корысти не много, хоть съешь - сыт не будешь. Придет время - я сам тебе пригожусь!

- Ну, ползи с Богом! - сказал Булат-молодец. Он посмотрел на море, увидел рыбака в лодке и крикнул:

- Причаливай к берегу!

Рыбак подал лодку. Иван-царевич да Булат-молодец сели и поехали к острову; добрались до острова и пошли к дубу.

Булат-молодец ухватил дуб могучими руками и с корнем вырвал; достал из-под дуба сундук, открыл его - из сундука заяц выскочил и побежал что есть духу.

- Ах, - вымолвил Иван-царевич, - если б на эту пору да собака была, она б зайца поймала!

Глядь - а собака уж тащит зайца. Булат-молодец взял его да разорвал - из зайца вылетела утка и высоко поднялась в поднебесье.

- Ах, ты, вымолвил Иван-царевич, - если б на эту пору да орёл был, он бы утку поймал!

А орёл уж несет утку. Булат-молодец разорвал утку - из утки выкатилось яйцо и упало в море.

- Ах, - сказал царевич, - если б рак его вытащил!

А рак уж ползет, яйцо тащит. Взяли они яйцо, приехали к Кощею Бессмертному, ударили его тем яйцом в лоб - он тотчас растянулся и умер.

Забрал Иван-царевич Василису Кирбितьевну, и поехали в дорогу.

Ехали, ехали, настигла их темная ночь; раскинули шатер, Василиса Кирбितьевна спать легла. Говорит Булат-молодец:

- Ложись и ты, царевич, а я буду на часах стоять.

В глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло, и сделалось двенадцать девиц:

- Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кошею Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбितьевну, не будет и вам добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою собачку любимую; она вырвется у пса и разорвет царевича на мелкие части. А кто это слышит да ему скажет, тот по колена будет каменный!

Поутру Булат-молодец разбудил царевича и Василису Кирбительевну, собрались и поехали в путь-дорогу. Настигла их вторая ночь; раскинули шатер в чистом поле. Опять говорит Булат-молодец:

- Ложись спать, Иван-царевич, а я буду караулить.

В глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло, и стало двенадцать девиц:

- Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кощея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбительевну, не будет и вам добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести своего любимого коня, на котором сызмала привык кататься; конь вырвется у конюха и убьет царевича до смерти. А кто это слышит да ему скажет, тот будет по пояс каменный!

Настало утро, опять поехали. Настигла их третья ночь; разбили шатер и остановились ночевать в чистом поле. Говорит Булат-молодец:

- Ложись спать, Иван-царевич, а я караулить буду.

Опять в глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло, и стало двенадцать девиц:

- Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кощея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбительевну, да и вам добра не нажить: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою любимую корову, от которой сызмала молочком питался; она вырвется у скотника и поднимет царевича на рога. А кто нас видит и слышит да ему скажет, тот весь будет каменный!

Сказали, обернулись голубицами и улетели. Поутру проснулся Иван-царевич с Василисой Кирбительевой и отправились в дорогу.

Приехал царевич домой, женился на Василисе Кирбительевне и спустя день или два говорит ей:

- Хочешь, я покажу тебе мою любимую собачку? Когда я был маленький, все с ней забавлялся.

Булат-молодец взял свою саблю, наточил остро-остро и стал у крыльца.

Вот ведут собачку; она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бежит, а Булат-молодец махнул саблей и разрубил ее пополам.

Иван-царевич на него разгневался, да за старую службу промолчал - ничего не сказал.

На другой день приказал он вывести своего любимого коня; конь перервал аркан, вырвался у конюха и скачет прямо на царевича. Булат-молодец отрубил коню голову.

Иван-царевич еще пуще разгневался, но Василиса Кирбительевна сказала:

- Если б не он, - говорит, - ты б меня никогда не достал!

На третий день велел Иван-царевич вывести свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бежит прямо на царевича. Булат-молодец отрубил и ей голову.

Тут Иван-царевич так озлобился, что никого и слушать не стал; приказал позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца.

- Ах, Иван-царевич! Коли ты хочешь меня палачом казнить, так лучше я сам умру. Позволь только три речи сказать...

Рассказал Булат-молодец про первую ночь, как в чистом поле прилетали двенадцать голубиц и что ему говорили - и тотчас окаменел по колена; рассказал про другую

ночь - и окаменел по пояс. Тут Иван-царевич начал его упрашивать, чтоб до конца не договаривал. Отвечает Булат-молодец:

- Теперь все равно - наполовину окаменел, так не стоит жить!

Рассказал про третью ночь и оборотился весь в камень.

Иван-царевич поставил его в особой палате и каждый день стал ходить туда с Василисой Кирбитьевной да горько плакаться.

Много прошло годов; раз как-то плачет Иван-царевич над каменным Булатом-молодцом и слышит - из камня голос раздаётся:

- Что ты плачешь? Мне и так тяжело!

- Как мне не плакать? Ведь я тебя загубил.

И тут пала горячая слеза Ивана-царевича на каменного Булата-молодца. Ожил он. Иван-царевич с Василисой Кирбитьевной обрадовались и на радостях задали пир на весь мир.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

- Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги её всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла. После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолесток Василисе, - стало быть, и хозяйка и мать опытная.

Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то что

они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая:

- На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвёт цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: "Не выдам меньшей прежде старших!", а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе. Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

- Что теперь нам делать? - говорили девушки. - Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!

- Мне от булавок светло, - сказала та, что плела кружево. - Я не пойду.

- И я не пойду, - сказала та, что вязала чулок. - Мне от спиц светло!

- Тебе за огнем идти, - закричали обе. - Ступай к бабе-яге! - и вытолкали Василису из горницы. Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

- На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к бабе-яге; баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки.

- Не бойся, Василисушка! - сказала она. - Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у бабы-яги. Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес. Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, - на дворе стало рассветать. Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, - стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на поляну, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на

заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей¹ у ворот - ноги человечьи, вместо запоров - руки, вместо замка - рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная.

Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскочил к воротам бабаяги и исчез, как сквозь землю провалился, - настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу бабаяга - в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

- Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

- Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе.

- Хорошо, - сказала баба-яга, - знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

- Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе:

- Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от трех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, мёду, пива и вина. Всё съела, всё выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит:

- Когда завтра я уеду, ты смотри - двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь, да пойдешь в закром, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки². Да чтоб все было сделано, а не то - съем тебя!

После такого наказа баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклой, залилась слезами и говорила:

- На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозит съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

- Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник - и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула - перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник - взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает.

Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся

работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки.

- Ах, ты, избавительница моя! - сказала Василиса куколке. - Ты от беды меня спасла.

- Тебе осталось только обед состряпать, - отвечала куколка, влезая в карман Василисы. - Состряпай с Богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабюягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник - и совсем стемнело; только светились глаза у черепов.

Затрещали деревья, захрустели листья - едет бабаяга. Василиса встретила ее.

- Все ли сделано? - спрашивает яга.

- Изволь посмотреть сама, бабушка! - молвила Василиса.

Баба-яга все осмотрела, подсадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

- Ну, хорошо!

Потом крикнула:

- Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

- Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

- Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула:

- Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

- Что ж ты ничего не говоришь со мною? - сказала баба-яга. - Стоишь как немая!

- Не смела, - отвечала Василиса, - а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

- Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!

- Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

- Это день мой ясный, - отвечала баба-яга.

- Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

- Это мое солнышко красное! - отвечала баба-яга.

- А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

- Это ночь моя темная - все мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала.

- Что ты еще не спрашиваешь? - молвила баба-яга.

- Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь - состареешься.

- Хорошо, - сказала баба-яга, - что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

- Мне помогает благословение моей матери, - отвечала Василиса.

- Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных!

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

- Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. "Верно, дома, - думает себе, - уж больше в огне не нуждаются". Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

- Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей - тот погасал, как только входили с ним в горницу.

- Авось твой огонь будет держаться! - сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся - глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

- Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду. Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да таких берд³ не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

- Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; а я все тебе смастерю.

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно.

Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

- Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

- Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает.

Царь увидал и спросил:

- Что тебе, старушка, надобно?

- Ваше царское величество, - отвечает старуха, - я принесла диковинный товар; никому, окромя тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно - вздивовался.

- Что хочешь за него? - спросил царь.

- Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

- Умела ты напрядь и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

- Не я, государь, пряла и соткала полотно, - сказала старуха, - это работа приемыша моего - девушки.

- Ну так пусть и сошьет она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе.

- Я знала, - говорит ей Василиса, - что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит:

- Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук. Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти.

- Нет, - говорит он, - красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об её судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

ВЕЩЬИЙ МАЛЬЧИК

Жили-были мужик да баба, и стало им по ночам чудиться, будто под печкою огонь горит и кто-то стонет: "Ой, душно! Ой, душно!"

Мужик рассказал про то соседям, а соседи присоветовали ему сходить в ближний город: там-де живет купец Асон, мастер разгадывать всякий сон.

Вот мужик собрался и пошел в город; шел, шел и остановился на дороге переночевать у одной бедной вдовы. У вдовы был сын - мальчишка лет пяти; глянул тот мальчик на мужика и говорит:

- Старичок! Я знаю, куда ты идёшь.

- А куда?

- К богатому купцу Асону. Смотри же, станет он тебе сон разгадывать и попросит половину того, что лежит под печкою, ты ему половины не давай, давай одну четверть. А коли спросит, кто тебя научил, про меня не сказывай.

На другой день поутру встал мужик и отправился дальше; приходит в город, разыскал Асонов двор и явился к хозяину.

- Что тебе надобно?

- Да вот, господин купец, чудится мне по ночам, будто в моей избушке под печкою огонь горит и кто-то жалобно стонет: "Ой, душно! Ой, душно!" Нельзя ли разгадать мой сон?

- Разгадать-то можно, только дашь ли ты мне половину того, что у тебя под печкою?

- Нет, половины не дам; будет с тебя и четверти.

Купец заспорил, да видит, что мужик стоит на своем крепко, и согласился; призвал рабочих с топорами, с лопатами и поехал вместе с ними к старику в дом. Приехал и велел ломать печь; как только печь была сломана, половицы подняты, сейчас и оказалась глубокая ямища - в косую сажень¹ будет, и вся-то забита серебром да золотом.

Старик обрадовался и принялся делить тот клад на четыре части. А купец и давай его выпрашивать:

- Кто тебя научил, старичок, давать мне четверть, а не давать половины?

- Никто не научил, самому в голову пришло.

- Врёшь! Не с твоим умом догадаться. Слушай: коли признаешься, кто тебя научил, так все деньги твои будут, не возьму с тебя и четвертой доли.

Мужик подумал-подумал, почесал в затылке и сказал:

- А вот как поедешь домой, увидишь на дороге избушку; в той избушке живет бедная вдова, и есть у нее сын-малолеток - он самый и научил меня.

Купец тотчас в повозку и погнал лошадей скорой рысью.

Приехал к бедной вдове.

- Позволь, - говорит, - отдохнуть маленько да чайку испить.

- Милости просим!

А сам уселся на лавку, начал чай распивать, а сам все на мальчика поглядывает. На ту пору прибежал в избу петух, захлопал крыльями и закричал: "Кукуреку!"

- Экой голосистый какой! - сказал купец. - Хотел бы я знать, про что ты горланишь?

- Пожалуй, я тебе скажу, - промолвил мальчик. - Петух вещует, что придет время - будешь ты в бедности, а я стану владеть твоими богатствами.

Напился купец чаю, стал собираться домой и говорит вдове:

- Отдай мне своего сынишку; будет он жить у меня на всем готовом, в довольстве, в счастии и не узнает, что такое бедность. Да и тебе лучше - лишняя обуза с рук долой!

Мать подумала, что и в самом деле у купцов жизнь привольнее, благословила сына и отдала его Асону с рук на руки.

Асон привез мальчика в свой дом и велел идти на кухню; потом позвал повара и отдал ему такой приказ: убей этого мальчика. Повар воротился на кухню, взял нож и принялся на бруске точить.

Мальчик залился слезами:

- Дядюшка! Для чего ты нож точишь?

- Хочу барашка колоть.

- Неправда твоя! Ты хочешь меня резать. У повара и нож из рук вывалился, жалко ему стало загубить душу человеческую.

- Рад бы, - говорит, - отпустить тебя, да боюсь хозяина.

- Не бойся!

Повар так и сделал - мальчика у себя спрятал. Месяца через два, через три приснился тамошнему королю такой сон: будто есть у него во дворце три золотые блюда, прибежали псы и начали из тех блюд лакать.

Задумался король: что такое тот сон значил? Кого ни спрашивал, никто ему не мог рассудить. Вот и вздумал он послать за Асоном; рассказал ему свой сон и велел разгадывать, а сроку положил три дня.

- Если в тот срок не отгадаешь, то все твое имение на себя возьму.

Воротился Асон от короля сам не свой; ходит пасмурный да сердитый, кого ни встретит - всякому затрещину дает; а пуще всех на повара напустился: зачем-де мальчишку со свету сжил? Он бы теперь пригодился мне. На те речи повар возьми да признайся, что мальчик-то живехонек. Асон тотчас потребовал его к себе.

- А ну, - говорит, - отгадай мой сон; снилось мне нынешней ночью, будто есть у меня три золотые блюда и будто из тех блюд псы лакали.

Отвечает ему мальчик:

- Это не тебе снилось, это снилось государю.

- Угадал, молодец! А что значит этот сон?

- Знать-то знаю, да тебе не скажу; вези меня к королю, перед ним ничего не скрою.

Асон приказал заложить коляску, мальчика на запяжки поставил и поехал во дворец; подкатил к высокому крыльцу, вошел в белокаменные палаты и отдал королю поклон.

- Здравствуй, Асон! Отгадал ли мой сон? - спрашивает король.

- Эх, государь! Твой сон не больно мудрен; не то что я, его малый ребенок рассудить может. Коли хочешь, позови моего мальчика, он тебе всё как по-писаному расскажет.

Король приказал привести мальчика и, как только привели его во дворец, начал про свой сон выпрашивать.

Отвечал мальчик:

- Пусть-ка наперед Асон рассудит, а то вишь он какой! Ничего не ведая, чужим разумом жить хочет.

- Ну, Асон, говори ты прежде.

Асон упал на колени и признался, что не может отгадать королевского сна. Тогда выступил мальчик и сказал королю:

- Государь! Сон твой правдивый: есть у тебя три неверных слуги: хранитель печати, казначей и главный вельможа, задумали они тебя власти лишить. Так оно и было.

Как сказал пятилеток, так и случилось: король отобрал у Асона все его имение и отдал тому мальчику.

¹ Косая сажень - древнерусская мера длины, равная расстоянию от пальцев ноги до конца пальцев вытянутой вверх руки по диагонали, приблизительно 216 см.

ВО ЛБУ СОЛНЦЕ, НА ЗАТЫЛКЕ МЕСЯЦ, ПО БОКАМ ЗВЕЗДЫ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у него был сын Иван-царевич – и красивый, и умный, и славный; об нем песни пели, об нём сказки сказывали, он красным девушкам во сне снился. Пришло ему желанье поглядеть на белый свет; берет он у царя-отца благословенье и позволение и едет на все четыре стороны, людей посмотреть, себя показать.

Долго ездил, много видел добра и худа и всякой всячины; наконец подъехал к палатам высоким, каменным. Видит: на крылечке сидят три сестрицы-красавицы и между собой разговаривают. Старшая говорит:

– Если б на мне женился Иван-царевич, я б ему напяла на рубашку тонкую, гладкую, какой во всем свете не спрядут.

Иван-царевич стал прислушиваться.

– А если б меня взял, – сказала средняя, – я б выткала ему кафтан из серебра, из золота, и сиял бы он как Жар-птица.

– А я ни прясть, ни ткать не умею, – говорила меньшая, – а если бы он меня полюбил, я бы родила ему сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц, по бокам звезды.

Иван-царевич все слышал, все запомнил – вернулся к отцу и стал просить позволения жениться. Отец согласился. Женился Иван-царевич на меньшей сестре и стал с нею жить-поживать душа в душу; а старшие сестры стали сердиться да завидовать меньшей сестре, начали ей зло творить. Подкупили они нянюшек, мамушек и, когда у Ивана-царевича родился сын – а он ждал, что ему поднесут дитя с солнцем во лбу, с месяцем на затылке, с звездами по бокам, – подали ему просто-напросто котенка. Сильно Иван-царевич огорчился, долго сердился, наконец стал ожидать другого сына.

Те же нянюшки, те же мамушки были с царевной, они опять украли её настоящего ребенка с солнцем во лбу и подложили щенка.

Иван-царевич заболел с горя-печали: очень ему хотелось поглядеть на хорошее детище. Начал ожидать третьего.

В третий раз ему показали простого ребенка, без звезд и месяца. Иван-царевич не стерпел, отказался от жены, приказал ее судить.

Собрались, съехались люди старшие – нет числа! Судят-рядят, придумывают-пригадывают, и придумали: царевне отрубить голову.

– Нет, – сказал главный судья, – слушайте меня или нет, а моя вот речь: выколоть ей глаза, засмолить с ребёнком в бочке и пустить в море; виновата – потонет, права – выплывет.

Выкололи царевне глаза, засмолили вместе с ребенком в бочку и бросили в море.

А Иван-царевич женился на её старшей сестре, на той самой, что детей его покрала да спрятала подальше от царя в отцовском саду в беседке.

Там мальчики росли-подрастали, родимой матушки не видали, не знали; а она, горемычная, плавала по морю по океану с подкидышком, и рос этот подкидышек не по дням, а по часам; скоро пришел в смысл, стал разумен и говорит:

– Сударыня матушка! Когда б, по моему прошенью, мы пристали к берегу!

Бочка остановилась.

– Сударыня матушка, когда б, по моему прошенью, наша бочка лопнула!

Только он молвил, бочка развалилась надвое, и они с матерью вышли на берег.

– Сударыня матушка! Какое веселое, славное место; жаль, что ты не видишь ни солнца, ни неба, ни травки-муравки. По моему прошенью, когда б здесь явилась банька!

Ту ж минуту как из земли выросла баня: двери сами растворились, печи затопились, и вода закипела. Вошли они, взял он венчик и стал теплою водою промывать больные глаза матери.

– По моему прошенью, когда б матушка проглянула!

– Сынок! Я вижу, вижу, глаза открылись!

– По моему прошенью, когда б, сударыня матушка, твоего батюшки дворец да к нам перешел и с садом и с твоими детками.

Откуда ни взялся дворец, перед дворцом раскинулся сад, в саду на веточках птички поют, посреди беседка стоит, а в беседке три братца живут. Мальчик-подкидышек побежал к ним. Вошел, видит – накрыт стол, на столе три прибора. Возвратился он поскорее домой и говорит:

– Дорогая сударыня матушка! Испеки ты мне три лепешечки на своем молоке.

Мать послушала. Понес он три лепешечки, разложил на три тарелочки, а сам спрятался в уголок и ожидает: кто придет?

Вдруг комната осветилась – вошли три брата с солнцем, с месяцем, с звездами; сели за стол, отведали лепешек и узнали родимой матери молоко.

– Кто нам принес эти лепешечки? Если б он показался и рассказал нам об нашей матушке, мы б его зацеловали, замиловали и в братья к себе приняли.

Мальчик вышел и повел их к матери. Тут они обнимались, целовались и плакали.

Хорошо им стало жить, было чем и добрых людей угостить. Один раз шли мимо нищие старцы; их зазвали, накормили, напоили и с хлебом-солью отпустили. Случилось, те же старцы проходили мимо дворца Ивана-царевича; он стоял на крыльце и начал их спрашивать:

– Нищие старцы! Где вы были-побывали, что видали-повидали?

– А мы там были-побывали, то видали-повидали: где прежде был мох да болото, пень да колода, там теперь дворец – ни в сказке сказать, ни пером написать, там сад – во всем царстве не сыскать, там люди – в белом свете не видать! Там мы были-побывали, три родных братца нас угощали: во лбу у них солнце, на затылке месяц, по бокам часты звезды, и живет с ними и любит на них мать-царевна прекрасная.

Выслушал Иван-царевич и задумался... кольнуло его в грудь, забилося сердце; снял он свой верный меч, взял меткую стрелу, оседлал ретивого коня и, не сказав жене “Прощай!”, полетел во дворец – что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Очутился там, глянул на детей, глянул на жену – узнал, и душа его просветлела!

В это время я там была, мед пила, все видела, всем было весело, горько только одной старшей сестре.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой, и был у них сын Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью кормил. Пришло время - заболел старик и помер. Остался Мартынка с матерью, потужили-поплакали, да делать-то нечего: мертвого назад не воротишь. Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был. Видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься, а старик-то оставил им двести рублей. Больно не хотелось ей начинать кубышку, однако сколько ни крепилась, а начинать нужно - не с голоду же умирать! Отсчитала сто рублей и говорит сыну:

- Ну, Мартынка, вот тебе сто целковников, пойдی попроси у соседей лошадь, поезжай в город да купи хлеба. Авось как-нибудь зиму промаячим, а весной станем работу искать.

Мартынка выпросил телегу с лошадей и поехал в город. Едет он мимо мясных лавок - шум, брань, толпа народу. Что такое? А то мясники изловили охотничью собаку,

привязали к столбу и бьют ее палками - собака рвётся, визжит, огрызается...

Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:

- Братцы, за что вы бедного пса так бьете немилостиво?
- Да как его не бить, - отвечают мясники, - когда он целую тушу говядины испортил!
- Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.
- Пожалуйста, купи, - говорит один мужик шутя. - Давай сто рублей.

Мартынка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой. Пес начал к нему ласкаться, хвостом так и вертит: понимает, значит, кто его от смерти спас.

Вот приезжает Мартынка домой, мать тотчас стала спрашивать:

- Что купил, сынок?
- Купил себе первое счастье.
- Что ты завираешься! Какое там счастье?
- А вот он, Журка! - и показывает ей собаку.
- А больше ничего не купил?
- Коли б деньги остались, может, и купил бы, только вся сотня за собаку пошла.

Старуха заругалась.

- Нам, - говорит, - самим есть нечего, нынче последние поскребушки по закромам собрала да лепешку испекла, а завтра и того не будет!

На другой день вытащила старуха еще сто рублей, отдает Мартынке и наказывает:

- На, сынок! Поезжай в город, купи хлеба, а задаром денег не бросай.

Приехал Мартынка в город, стал ходить по улицам да присматриваться, и попался ему на глаза злой мальчишка: поймал кота, зацепил веревкой за шею и давай тащить на реку.

- Пстой! - закричал Мартынка, - Куда Ваську тащишь?
- Хочу его утопить, проклятого!
- За какую провинность?
- Со стола пирог стянул.
- Не топи его, лучше продай мне.
- Пожалуй, купи. Давай сто рублей.

Мартынка не стал долго раздумывать, полез за пазуху, вытащил деньги и отдал мальчику, а кота посадил в мешок и повез домой.

- Что купил, сынок? - спрашивает его старуха.
- Кота Ваську.
- А больше ничего не купил?
- Коли б деньги остались, может, и купил бы еще что-нибудь.
- Ах ты, дурак этакой! - закричала на него старуха. - Ступай же из дому вон, ищи себе хлеба по чужим людям!

Пошел Мартынка в соседнее село искать работу. Идет дорогою, а следом за ним

Журка с Васькой бегут. Навстречу ему поп:

- Куда, свет, идешь?

- Иду в батраки наниматься.

- Ступай ко мне. Только я работников без ряды¹ беру: кто у меня прослужил три года, того и так не обижу.

Мартынка согласился и без устали три лета и три зимы на попу работал. Пришел срок к расплате, зовет его хозяин:

- Ну, Мартынка, иди - получай за свою службу. Привел его в амбар, показывает два полных мешка и говорит:

- Какой хочешь, тот и бери. Смотрит Мартынка - в одном мешке серебро, а в другом песок, и задумался:

"Эта штука неспроста приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а я уж попытаю, возьму песок - что из того будет?"

Говорит он хозяину:

- Я, батюшка, выбираю себе мешок с мелким песочком.

- Ну, свет, твоя добрая воля. Бери, коли серебром брезгаешь.

Мартынка взвалил мешок на спину и пошел искать другого места. Шел, шел и забрел в темный, дремучий лес. Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Говорит красная девица:

- Мартын, вдовьин сын! Если хочешь добыть себе счастья, избавь меня: засыпь это пламя песком, за который ты три года служил.

"И впрямь, - подумал Мартынка, - чем таскать с собою этакую тяжесть, лучше человеку пособить. Невелико богатство - песок, этого добра везде много!" Снял мешок, развязал и давай сыпать. Огонь тотчас погас, красная девица ударилась оземь, обернулась змеею, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи. Мартынка испугался.

- Не бойся! - сказала ему змея. - Иди теперь за тридевять земель, в тридесятое государство, в подземное царство, там мой батюшка царствует. Как придешь к нему на двор, будет он давать тебе много злата, и серебра, и самоцветных камней - ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста колечко. То кольцо не простое: если перекинуть его с руки на руку - тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им ни будет приказано, все за единую ночь сделают.

Отправился добрый молодец в путь-дорогу. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли - подходит к тридесятому царству и видит огромный камень. Тут соскочила с его шеи змея, ударилась о сырую землю и сделалась по-прежнему красною девицей.

- Ступай за мной! - говорит красная девица и повела его под тот камень.

Долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжил свет - все светлей да светлей, и вышли они на широкое поле, под ясное небо. На том поле великолепный дворец выстроен, а во дворце живет отец красной девицы, царь той подземной стороны.

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково.

- Здравствуй, - говорит, - дочь моя милая! Где ты столько лет скрывалась?

- Свет ты мой батюшка! Я бы совсем пропала, если бы не этот человек: он меня от

злой, неминуемой смерти освободил и сюда, в родные места, привел.

- Спасибо тебе, добрый молодец! - сказал царь. - За твою добродетель наградить тебя надо. Бери себе и злата, и серебра, и камней самоцветных, сколько твоей душе хочется.

Отвечает ему Мартын, вдовьин сын:

- Ваше царское величество! Не требуется мне ни злата, ни серебра, ни камней самоцветных. Коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки - с мизинного перста. Я человек холостой, стану на колечко почаще посматривать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять.

Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну:

- На, владей на здоровье! Да смотри никому про кольцо не рассказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!

Мартын, вдовьин сын, поблагодарил царя, взял кольцо да малую толику денег на дорогу и пустился обратно тем же путем, каким прежде шел. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли - воротился на родину, разыскал свою мать-старуху, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали. Захотелось Мартынке жениться; пристал он к матери, посылает ее свахою.

- Ступай, - говорит, - к самому королю, высватай за меня прекрасную королевну.

- Эй, сынок, - отвечает старуха, - рубил бы ты дерево по себе, лучше бы вышло! А то вишь что выдумал! Ну зачем я к королю пойду! Известное дело, он осердится и меня и тебя велит казни предать.

- Ничего, матушка! Небось, коли я посылаю, значит, смело иди. Какой будет ответ от короля, про то мне скажи, а без ответа и домой не возвращайся.

Собралась старуха и поплелась в королевский дворец. Пришла на двор Упрямо на парадную лестницу, так и прет без всякого доклада. Ухватили ее часовые:

- Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут? Здесь даже генералы не смеют ходить без доклада...

- Ах вы такие-сякие! - закричала старуха. - Я пришла к королю с добрым делом, хочу высватать его дочь-королевну за моего сынка, а вы хватаете меня за полы!

Такой шум подняла! Король услышал крики, глянул в окно и велел допустить к себе старушку. Вот вошла она в комнату и поклонилась королю.

- Что скажешь, старушка? - спросил король.

- Да вот пришла к твоей милости. Не во гнев тебе сказать: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то - мой сынок Мартынка, пребольшой умница, а товар - твоя дочка, прекрасная королевна. Не отдашь ли ее замуж за моего Мартынку? То-то пара будет!

- Что ты! Или с ума сошла? - закричал на нее король.

- Никак нет, ваше королевское величество! Извольте ответ дать.

Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать старухе. И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит богатейший дворец, и чтобы от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех же деревьях пели бы разные птицы. Да еще пусть выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять. Если старухин сын все это сделает, тогда можно за него и королевну

отдать; значит, больно мудрен. А если не сделает, то и старухе и ему срубить за провинность головы.

С таким-то ответом отпустили старуху. Идет она домой - шатается, горючими слезами заливается. Увидала Мартынку. Кинулась к нему.

- Ну, - говорит, - сказывала я тебе, сынок, не затевай лишнего, а ты все свое! Вот теперь и пропали наши бедные головушки, быть нам завтра казнёнными.

- Полно, матушка! Авось живы останемся. Ложись поживать - утро, кажись, мудренее вечера.

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широкий двор, перекинул кольцо с руки на руку - и тотчас явились перед ним двенадцать молодцев, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

- Что тебе понадобилось. Мартын, вдовьин сын?

- А вот что: сделайте мне к свету на этом месте богатейший дворец, и чтобы от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех же деревьях пели бы разные птицы. Да еще выстройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять.

Отвечали двенадцать молодцов:

- К завтраму все будет готово!

Бросились они по разным местам, согнали со всех сторон мастеров и плотников и принялись за работу: все у них спорится, быстро дело делается. Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях; вышел на высокое крыльцо, смотрит - все как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья с золотыми и серебряными яблоками. В ту пору и король выступил на балкон, глянул в подзорную трубочку и диву дался: все по приказу сделано! Призывает к себе прекрасную королевну и велит к венцу снаряжаться.

- Ну, - говорит, - не думал я, не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя.

Вот, пока королевна умывалась, притиралась, в дорогие уборы рядилась.

Мартын, вдовьин сын, вышел на широкий двор и перекинул свое колечко с руки на руку - вдруг двенадцать молодцев словно из земли выросли:

- Что угодно, что надобно?

- А вот, братцы, оденьте меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску и шестерку лошадей.

- Сейчас будет готово!

Не успел Мартынка три раза моргнуть, а уж притащили ему кафтан; надел он кафтан - как раз впору, словно по мерке сшит. Оглянулся - у подъезда коляска стоит, в коляску чудесные кони запряжены - одна шерстинка серебряная, а другая золотая. Сел он в коляску и поехал в собор. Там уже давно к обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо. Вслед за женихом приехала и невеста со своими няньками и мамками, и король со своими министрами. Отстояли обедню, а потом, как следует, взял Мартын, вдовьин сын, прекрасную королевну за руки и принял закон с нею. Король дал за дочкой богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир. Живут молодые месяц, и два, и три. Мартынка, что ни день, все новые дворцы строит да сады разводит.

Только королевне больно не по сердцу, что выдали ее замуж не за царевича, не за королевича, а за простого мужика. Стала думать, как бы его со света сжить. Прикинулась такою лисою, что и на поди! Всячески за мужем ухаживает, всячески ему услуживает да все про его мудрость выпрашивает. Мартынка крепится, ничего не рассказывает.

Вот как-то раз был Мартынка у короля в гостях, вернулся домой поздно и лег отдохнуть. Тут королевна и пристала к нему, давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать - и таки умаслила: не утерпел Мартынка, рассказал ей про свое чудодейное колечко.

"Ладно, - думает королевна, - теперь я с тобою разделаюсь!"

Только заснул он крепким сном, королевна хватить его за руку, сняла с мизинного пальца колечко, вышла на широкий двор и перекинула то кольцо с руки на руку.

Тотчас явились перед ней двенадцать молодцев:

- Что угодно, что надобно, прекрасная королевна?

- Слушайте, ребята! Чтоб к утру не было здесь ни дворца, ни собора, ни моста хрустального, а стояла бы по-прежнему старая избушка. Пусть мой муж в бедности остается, а меня унесите за тридевять земель, в тридесятое царство, в мышье государство. От одного стыда не хочу здесь жить!

- Рады стараться, все будет исполнено!

В ту же минуту подхватило ее ветром и унесло в тридесятое царство, в мышье государство. Утром проснулся король, вышел на балкон посмотреть в подзорную трубочку - нет ни дворца с хрустальным мостом, ни собора пятиглавого, а только стоит старая избушка.

"Что бы это значило? - думал король. - Куда все делось?"

И, не мешкая, посылает своего адъютанта разузнать на месте: что такое случилось? Адъютант поскакал верхом и, воротясь назад, докладывает государю:

- Ваше величество! Где был богатейший дворец, там стоит по-прежнему худая избушка, в той избушке ваш зять со своей матерью поживает, а прекрасной королевны и духу нет, и неведомо, где она нынче находится.

Король созвал большой совет и велел судить своего зятя: зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королевну. Осудили Мартынку посадить в высокий каменный столб и не давать ему ни есть, ни пить - пусть умрет с голоду. Явились каменщики, вывели столб и замуровали Мартынку наглухо, только малое окошечко для света оставили. Сидит он, бедный, в заключении, не ест, не пьет день, и другой, и третий да слезами обливается.

Узнала про ту напасть собака Журка, прибежала в избушку, а кот Васька на печи лежит мурлыкает. Напустился на него Журка:

- Ах ты подлец, Васька! Только знаешь на печи лежать да потягиваться, а того не ведаешь, что хозяин наш в каменном столбу заточен. Видно, позабыл старое добро, как он сто рублей заплатил да тебя от смерти освободил. Кабы не он, давно бы тебя, проклятого, черви источили. Вставай скорей! Надо помогать ему всеми силами.

Вот Васька соскочил с печки и вместе с Журкою побежал разыскивать хозяина.

Прибежал к столбу, вскарабкался наверх и влез в окошечко:

- Здравствуй, хозяин! Жив ли ты?

- Еле жив, - отвечает Мартынка. - Совсем отощал без еды, приходится умирать голодной смертью.

- Постой, не тужи! Мы тебя и накормим и напоим, - сказал Васька, выпрыгнул в окно и спустился на землю.

- Ну, брат Журка, ведь хозяин с голоду умирает! Как бы нам ухитриться да помочь ему?

- Дурак ты, Васька! И этого не придумаешь. Пойдем-ка по городу. Как только встретится булочник с лотком, я живо подкачусь ему под ноги и собью у него лоток с головы. Тут ты смотри не плошай! Хватай поскорей калачи да булки и тащи к хозяину.

Вот вышли они на большую улицу, а навстречу им мужик с лотком. Журка бросился ему под ноги, мужик пошатнулся, выронил лоток, рассыпал все хлеба да с испугу пустился бежать в сторону: боязно ему, что собака, пожалуй, бешеная - долго ли до беды! А кот Васька цап за булку и потащил к Мартынке; отдал одну - побежал за другой, отдал другую - побежал за третьей.

После этого задумали кот Васька да собака Журка идти в тридесятое царство, в мышье государство - добывать чудодейное кольцо Дорога дальняя, много времени утечет...

Натащали они Мартынке сухарей, калачей и всякой всячины на целый год и говорят:

- Смотри же, хозяин! Ешь-пей, да оглядывайся, чтобы хватило тебе запасов до нашего возвращения.

Попрощались и отправились в путь-дорогу.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко - приходят они к синему морю. Говорит Журка коту Ваське:

- Я надеюсь переплыть на ту сторону. А ты как думаешь?

Отвечает Васька:

- Я плавать не мастак, сейчас потону.

- Ну, садись ко мне на спину!

- Кот Васька сел собаке на спину, уцепился когтями за шерсть, чтобы не свалиться, и поплыли они по морю. Перебрались на другую сторону и пришли в тридесятое царство, в мышье государство. В том государстве не видать ни души человеческой, зато столько мышей, что и сосчитать нельзя: куда ни сунься, так стаями и ходят! Говорит Журка коту Ваське:

- Ну-ка, брат, принимайся за охоту, начинай этих мышей душить-давить, а я стану загребать да в кучу складывать.

Васька к той охоте привычен: как пошел расправляться с мышами по-своему, что ни цапнет - то и дух вон! Журка едва поспевает в кучу складывать и в неделю наклал большую скирду.

На все царство налегла кручина великая. Видит мышиный царь, что в народе его недочет оказывается, что много подданных злой смерти предано, вылез из норы и взмолился перед Журкою и Ваською:

- Бью челом вам, сильномогучие богатыри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца. Лучше скажите, что вам надобно? Что смогу, все для вас сделаю.

Отвечает ему Журка:

- Стоит в твоём государстве дворец, в том дворце живет прекрасная королева.

Унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадешь и царство твое сгинет: все как есть запустошим!

- Пойдите, - говорит мышинный царь, - я соберу своих подданных и попрошу у них.

Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выпрашивать, не возьмется ли кто из них пробраться во дворец к королевне и достать чудодейное кольцо? Вызвался один мышонок.

- Я, - говорит, - в том дворце часто бываю: днем королевна носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладет его в рот.

- Ну-ка, постарайся добыть его. Коли сослужишь эту службу, не поскуплюсь, награжу тебя по-царски.

Мышонок дождался ночи, пробрался во дворец и залез потихоньку в спальню. Смотрит - королевна крепко спит. Он влез на постель, всунул королевне в нос свой хвостик и давай щекотать в ноздрях. Она чихнула - кольцо изо рта выскочило и упало на ковер. Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнес к своему царю. Царь мышинный отдал кольцо сильномугучим богатырям - коту Ваське да собаке Журке. Они на том царю благодарствовали и стали друг с дружкой совет держать: кто лучше кольцо сбережет?

Кот Васька говорит:

- Давай мне, уж я ни за что не потеряю!

- Ладно, - говорит Журка. - Смотри же, береги его пуще своего глаза.

Кот взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

Вот и дошли до синего моря. Васька вскочил Журке на спину, уцепился лапами как можно крепче, а Журка в воду - и поплыл через море.

Плывет час, плывет другой. Вдруг, откуда ни взялся, прилетел черный ворон, пристал к Ваське и давай долбить его в голову. Бедный кот не знает, что ему и делать, как от врага оборониться. Если пустить в дело лапы - чего доброго, опрокинешься в море и на дно пойдешь; если показать ворону зубы - пожалуй, кольцо выронишь. Беда, да и только! Долго терпел он, да под конец невольно стало - продолбил ему ворон буйную голову до крови. Озлобился Васька, стал зубами обороняться - и уронил кольцо в синее море. Черный ворон поднялся вверх и улетел в темные леса. А Журка, как выплыл на берег, тотчас же про кольцо спросил. Васька стоит голову понуривши.

- Прости, - говорит, - виноват, брат, перед тобою: ведь я кольцо в море уронил!

Напустился на него Журка:

- Ах ты олух! Счастлив ты, что я прежде того не узнал, я бы тебя, разиню, в море утопил! Ну с чем мы теперь к хозяину явимся? Сейчас полезай в воду: или кольцо добудь, или сам пропадай!

- Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше давай ухитряться: как прежде мышей ловили, так и теперь станем за раками охотиться; авось, на наше счастье, нам они помогут кольцо найти.

Журка согласился; стали они ходить по морскому берегу, стали раков ловить да в кучу складывать. Большой ворох наклали! На ту пору вылез из моря огромный рак, захотел погулять на чистом воздухе. Журка с Васькой сейчас его слапали и ну тормозить его во все стороны!

- Не душите меня, сильномугучие богатыри! Я - царь над всеми раками. Что

прикажете, то и сделаю.

- Мы уронили кольцо в море, разыщи его и доставь, коли хочешь милости, а без этого все твоё царство до конца разорим!

Царь-рак в ту же минуту созвал своих подданных и стал про кольцо расспрашивать. Вызвался один малый рак.

- Я, - говорит, - знаю, где оно находится. Как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах.

Тут все раки бросились по морю разыскивать рыбу-белужину, зацапали ее, бедную, и давай щипать клещами; уж они гоняли-гоняли ее - просто на единый миг покоя не дают. Рыба и туда и сюда, вертелась-вертелась и выскочила на берег.

Царь-рак вылез из воды и говорит коту Ваське да собаке Журке:

- Вот вам, сильномогучие богатыри, рыба-белужина, тербите ее немилостиво: она ваше кольцо проглотила.

Журка бросился на белужину и начал ее с хвоста уписывать. "Ну, - думает, - досыта теперь наемся!" А шельма-кот знает, где скорее кольцо найти, принялся за белужье брюхо и живо на кольцо напал. Схватил кольцо в зубы и давай Бог ноги - что есть силы бежать, а на уме у него такая думка: "Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похвалюсь, что один все устроил. Будет меня хозяин и любить и жаловать больше, чем Журку!"

Тем временем Журка наелся досыта, смотрит - где же Васька? И догадался, что товарищ его себе на уме: хочет неправдой у хозяина выслужиться.

- Так врешь же, плут Васька! Вот я тебя нагоню, в мелкие кусочки разорву!

Побежал Журка в погоню; долго ли, коротко ли - нагоняет он кота Ваську и грозит ему бедой неминуемой. Васька усмотрел в поле березку, вскарабкался на нее и засел на самой верхушке.

- Ладно! - говорит Журка. - Всю жизнь не просидишь на дереве, когда-нибудь и слезть захочешь, а уж я ни шагу отсюда не сделаю.

Три дня сидел кот Васька на березе, три дня караулил его Журка, глаз не спуская; проголодались оба и согласились на мировую. Примірились и отправились вместе к своему хозяину. Прибежали к столбу. Васька вскочил в окошечко и спрашивает:

- Жив ли, хозяин?

- Здравствуй, Васька! Я уж думал, вы не воротитесь. Три дня, как без хлеба сижу.

Кот подал ему чудодейное кольцо. Мартынка дождался глухой полночи, перекинул кольцо с руки на руку - тотчас явились двенадцать молодцов:

- Что угодно, что надобно?

- Поставьте, ребята, мой прежний дворец, и мост хрустальный, и собор пятиглавый и перенесите сюда мою неверную жену. Чтобы к утру все было готово.

Сказано - сделано. Поутру проснулся король, вышел на балкон, посмотрел в подзорную трубочку: где избушка стояла, там высокий дворец выстроен, от того дворца до королевского хрустальный мост тянется, по обеим сторонам моста растут деревья с золотыми и серебряными яблоками. Король приказал заложить коляску и поехать разведать, впрямь ли все стало по-прежнему, или только ему это привиделось. Мартынка встречает его у ворот.

- Так и так, - докладывает, - вот что со мной королева сделала!
Король присудил ее наказать. А Мартынка и теперь живет, хлеб жует.

¹ Ряда - договор, условие.

ВОЛШЕБНЫЕ ЯГОДЫ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь да царица. И росла у них дочь-красавица. Отец с матерью в ней души не чаяли, холили и берегли царевну пуще глаза.

Как-то раз пришло в тот город чужеземное судно. Сбежался народ на пристань. Хозяин судна, торговый гость, показывает разные редкости и диковинки, каких никто еще не видывал.

Докатилась молва и до царевнина терема. Захотелось царевне взглянуть на заморские диковины. Стала она просить родителей - Отпустите меня поглядеть на заморский корабль!

Царь с царицей ее отпустили, мамкам да нянькам строго-настрого приказали:

- Берегите царевну! Если кто обиду нанесет - вы в ответе.

Отправилась царевна с мамками-няньками. Пришли на пристань, а навстречу спешит сам чужеземный купец и говорит:

- Прекрасная царевна, заходи на корабль! Там у меня кот-баюн, он песни поёт и сказки рассказывает, там гусли-самогуды и скатерть-самобранка. Этих редкостей я никому не показывал - для тебя берёг!

Хочется царевне пойти и боязно вместе с тем: "Ну, как что неладное выйдет?" А купец неотступно зовет:

- Что по нраву придёт, все велю во дворец отнести в подарок тебе!

Не удержалась царевна и велела мамкам-нянькам на пристани ждать, а сама с торговым гостем поднялась на палубу. Привел ее хозяин в богатую каюту:

- Посиди тут, прекрасная царевна, а я пойду диковины принесу.

Вышел на палубу, запер дверь крепко-накрепко и дал команду:

- Отдать концы!

А на корабле этого приказа только ждали. Быстро подняли паруса - и побежало

судно в море. Мамки-няньки крик-воплъ подняли, мечутся по пристани, плачут, а судно все дальше и дальше уходит. Дали знать во дворец.

Прибежали царь с царицей, а судно уж из виду скрылось. Что тут делать? Царевна убивается, а царь приказал мамок-нянек под стражу взять. Потом велел клич кликнуть:

- Кто отыщет царевну, того женю на ней и при жизни полцарства отпишу, а после моей смерти всё царство зятю достанется!

Охотников много сыскалось. По всему белу свету царевну искали, нигде не нашли.

В ту пору служил в солдатах Иван, крестьянский сын. Пришел ему черед в караул идти, царский заповедный сад стеречь. Стоит солдат под деревом, не спит. В самую полночь прилетели два ворона, сели на то дерево, где солдат стоял, и заговорили по-человечески. Один ворон промолвил:

- У здешнего царя единственная дочь потерялась. Три года искали - не нашли.

Другой в ответ:

- Ну, это дело нехитрое! Коли ехать прямо по морю на полдень, попадешь в царство Немал-Человека. От похитил царевну и держит у себя. Хочет выдать замуж за своего племянника, Змея Горыныча. Найти царевну легко, да живому оттуда не выбраться. Никому еще не удавалось одолеть Немал-Человека.

- Найдется сила и на Немал-Человека, - сказал первый ворон. - Есть на море-океане остров, живут там два леших. Тридцать лет они дерутся между собой, никак не могут поделить меч-самосек. Кто бы нашелся смел да удал, овладел тем мечом, тогда легко бы и с Немал-Человеком справился.

И улетели вороны. Как только пришло время смениться, Иван-солдат мешкать не стал, пошел во дворец.

- Зачем, солдат, пришёл? - царь спрашивает.

- Хочу царевну отыскать! Отпусти меня!

Удивился царь:

- Немало и без тебя было охотников. Князья, бояре, купцы именитые да генералы искали царевну по всему белому свету - не нашли. Где ты, простой солдат, искать станешь, когда и сам нигде не бывал, ничего не видал!

- Пословица недаром молвится: "Кто едет, тот и правит", - солдат сказал. - Мне, видно, и знать, как царевну разыскать да домой привезти.

- Ну, смотри, солдат, моё царское слово крепкое: найдешь царевну - зятем будешь и полцарства отдам при жизни; а не найдешь: мой меч - твоя голова с плеч!

- Двум смертям не бывать, а одной не миновать, - отвечает солдат. - Вели корабль снарядить и прикажи капитану во всем меня слушаться.

Велел царь корабль снарядить, и в скором времени Иван-солдат отправился в путь-дорогу.

Плыли близко ли, далеко ли, коротко ли - приплыли к пустынному острову. Говорит солдат капитану:

- Стой здесь и всю команду держи наготове. Я сойду на берег, и, как только вернусь на судно, ты подымай все паруса и уходи отсюда прочь как можно скорее.

Переправился Иван-солдат на берег, поднялся на крутую гору и пошел вдоль острова. Шел, шел, услышал шум в лесу - и вдруг выскочили навстречу два леших.

Вырывают что-то друг у друга. Один кричит:

- Мой! Все равно не отдам!

А другой к себе тянет:

- Нет, мой!

Увидели Ивана-солдата, остановились, потом в один голос закричали:

- Рассуди нас, добрый человек! Достался нам в наследство меч-самосек. Меч один, а нас двое, и вот тридцать годов мучимся, бьемся - никак не можем поделить.

Солдат только того и ждал:

- То дело нехитрое. Я стрелу пушу, а вы бегите за ней. Кто скорее найдет стрелу да воротится, тому меч-самосек достанется.

На том и согласились. Полетела стрела, кинулись за ней оба леших, а Иван-солдат схватил меч-самосек да и был таков. Только успел подняться на палубу, как взвились паруса, и побежало судно в открытое море. Плыли еще день и ночь и приплыли в царство Немал-Человека.

Взял Иван-солдат меч-самосек и отправился царевну искать. Недалеко от берега увидел большой дом. Поднялся на крыльцо, распахнул дверь и видит: сидит в горнице царевна, слезами обливается, плачет. Взглянула на солдата:

- Кто ты таков, добрый молодец? Как сюда попал?

- Я Иван-солдат, пришел тебя из неволи выручать да домой увезти.

- Ох, молодец! Сюда-то дорога широка, да отсюда никому поворота нет. Погубит и тебя Немал-Человек, живого не выпустит.

- Кто кого погубит, видно будет, сейчас загадывать нечего, - отвечал Иван-царевич.

Обрадовалась царевна, перестала плакать.

- Как бы ты меня из неволи вызволил да к батюшке с матушкой увез, я с радостью бы за тебя замуж пошла!

- Ну, смотри, давши слово, держись! - сказал Иван-солдат.

Подала царевна Ивану свой перстень:

- Вот тебе мой перстень именной: я своему слову хозяйка.

Только успела вымолвить, как поднялся страшный шум.

- Схоронись, молодец, - крикнула царевна, - Немал-Человек идет!

Вскочил солдат за печь. В ту же минуту дверь распахнулась, ступил через порог Немал-Человек, заслонил собой белый свет: сразу все потемнело.

- Фу-фу-фу, давно на Руси не бывал, русского духу не слыхал, а русский дух сам пожаловал! Выходи, запечный богатырь, силой меряться! Положу тебя на ладонь, другой прихлопну, и останется от тебя грязь да вода.

- Рано, проклятое чудище, хвалишься: не по мне, а по тебе поминки справят!

Взмахнул Иван-солдат мечом-самосеком и отсек Немал-Человеку голову. Набежали слуги Немал-Человека, накинулись на Ивана-солдата, а он и слуг тем же мечом порешил, повоевал и повел царевну на корабль. Подул попутный ветер, и скоро они приплыли в свое государство.

Царь с царицей царевну обнимают, смеются и плачут от радости. Весь народ славит

Ивана-солдата. А как отпировали, царь ему говорит:

- Вот, Иван, крестьянский сын, был ты простым солдатом, а теперь за твою удаль жалую тебя генералом!

- Спасибо, ваше царское величество, - поблагодарил Иван.

Прошло много ли, мало ли времени, спрашивает Иван у царя:

- А ведь уговор дороже всего, царь-государь, не пора ли к свадьбе готовиться?

- Помню, помню, да не знаю, как и быть? Видишь ли, неотступно сватается еще один жених, иноземный королевич. Неволить царевну не стану. Как она скажет, так тому и быть.

Показал Иван царевнин перстень:

- Она сама мне обещалась и дала обручальный перстень.

Не хотелось царю с крестьянским сыном родниться и жалко отказать королевичу, да делать нечего - проговорил:

- Мое слово нерушимо: коли царевна с тобой обручилась, станем свадьбу играть.

Только успели Ивана с царевной повенчать да сели за свадебный стол, как прискакал гонец с нерадостной вестью. Иноземный королевич подступил к царству с несметным войском и велел сказать: "Если не выдадут добром царевну замуж, силой возьму и все царство головней покачу".

Опечалился царь, не пьет, не ест. И бояре сидят не свои, а царевна думает: "На минуту ума не хватило, а теперь век кайся! Кабы не обручилась тогда с Иваном, крестьянским сыном, вышла бы за королевича, и родителям бы заботы не было". А Иван говорит:

- Не кручинься, царь-государь, и вы, бояре думные! Переведаюсь я силой с королевичем.

Вышел из-за стола, сел на коня и поехал навстречу вражьей силе.

Съехался с чужеземными войсками и стал полки мечом-самосеком побивать. Как раз махнет - улица, назад отмахнет - переулочек, и скоро всё войско побил-повоевал. Только сам королевич с генералами успели убежать.

Воротился Иван с победой. Весь народ его прославляет, и царь приободрился, приветливо зятя встретил.

Только царевна не в радости: "Видно, мне век вековать с мужиком-деревенщиной".

А виду не показывает, привечает мужа. Немного времени прошло - опять гонцы доносят царю:

- Наступает иноземный королевич с новым войском, грозитя всё царство покорить и силой царевну отбить.

- Ну, зятюшка любезный, - говорит царь, - на тебя вся надежда: ступай на воину!

Иван вскочил на коня - и только его и видели. Съехался с королевичем, выхватил меч-самосек и бьет войско, как траву косит.

Видит королевич неминуемую беду, повернул коня и вместе с ближними генералами пустился наутек. Из своего государства присылает царевне письмо: "Выспроси у Ивана, крестьянского сына, в чем его сила, помоги мне победу одержать, и я на тебе женюсь, а не то быть тебе век мужиковой женой". Царевна к Ивану ластится:

- Скажи, муженёк дорогой, какая в тебе сила? Как мог ты с Немал-Человеком

справиться и один два несметных войска побить?

Не чует Иван беды над собой:

- Есть у меня меч-самосек. С тем мечом я над всяким богатырём верх возьму и какое ни на есть войско побью, а сам невредим останусь.

На другой день пошла царица к оружейному мастеру:

- Подбери мне такой меч, как у моего мужа.

Подобрал оружейник такой меч, как у Ивана, - отличить нельзя. Подменила царица ночью порой меч-самосек простым мечом и тайно иноземному царевичу весть подала: "Войско собирай, пойдёшь войной, ничего не бойся".

После того немного времени прошло - прискакал гонец:

- Опять королевич идёт войной на наше царство.

Выехал Иван навстречу, бьётся с неприятелем, а урону во вражьем войске совсем мало. Успел только трёх человек посечь-побить, как самого ранили, сбили с коня.

Скоро королевич все царство покорил. Встретила его царица с радостью.

- Навек меня от мужика избавил!

И царь рад-радешенек. Пошел во дворец пир горой да угощение.

Иван, крестьянский сын, поотлежался и тут только вспомнил, как царица выведала, в чем его сила. "Некто, как она подменила меч и дала знать королевичу!"

Уполз он в глухой темный лес, раны перевязал, и стало ему легче. Идёт куда глаза глядят. Голодно ему и пить хочется. Увидел на кусте спелые ягоды желтые: "Что за ягоды? Дай-ка попробую". Съел две ягодки, и вдруг заболела голова. Терпенья нет - так ломит. Дотронулся рукой и чувствует: выросли у него рога. Опустил Иван голову, опечалился: "Нельзя теперь людям на глаза показаться, придется в лесу жить".

Прошел еще недалеко - встретилось деревце: растут на нем красные ягоды крупные.

А жажда томит. "Дай сорву ягодку-другую, съем". Сорвал одну ягодку, съел - рог отпал; съел другую - и другой рог отпал. И чувствует: сила в нем против прежнего утроилась. "Ну, теперь я совсем оправился! Надо меч-самосек добывать". Сплел две корзины небольшие, набрал ягод красных и желтых.

Выбрался из лесу на дорогу и пошел в город. У заставы променял свое цветное платье и в худом кафтане да в лаптях пришел на царский двор:

- Ягоды спелые, душистые! Ягоды сладкие!

Услыхала царица и посылает служанку:

- Пойди узнай, что за ягоды. Если сладкие, купи.

Выбежала та на крыльцо:

- Эй, торговый человек, сладки ли твои ягоды?

- Лучше моих ягод, красавица, нигде не найдешь! Отведай-ка сама. - И подал ей красную целебную ягоду.

Ягода девушке по вкусу пришлась. И отдал ей Иван желтые ягоды. Воротилась девушка в горницу:

- Ой, до чего сладки ягоды у этого торговца, век таких не едала!

Съела царица ягодку-другую - стало ей не по себе:

- Что это так у меня голова заболела?

Глядит на нее служанка, увидела - рога растут у царевны, и от страха слова сказать не может. В ту минуту взглянула царевна в зеркало да так и обмерла. Потом опомнилась, ногой топнула:

- Где торговец? Держите его!

Сбежались на крик мамки-няньки, прибежали царь с царицей и с королевичем. Кинулись на двор:

- Держите торговца, ловите его!

А торговца и след простыл. Нигде найти не могли. Стали царевну лечить. Сколько всякие знахари ни пользовали, ничего не помогает.

А Иван, крестьянский сын, отрастил бороду, прикинулся старым стариком и пришел к царю:

- Есть у меня лекарство - ото всех болезней помогает. И я берусь вылечить царевну.

- Коли правду говоришь, - обрадовался царь, - и дочь поправится, проси у меня, чего хочешь, а королевич особо тебя наградит.

- Не надо мне никакой награды. Веди меня к царевне да прикажи, чтоб никто не смел в покой входить, покуда сам не позову. Если станет царевна кричать - больно ей будет, все равно входить никому нельзя. А не послушаетесь - век ей от рогов не избавиться.

Оставили Ивана с царевной с глазу на глаз: запер он дверь крепко-накрепко, выхватил березовый прут и давай тем прутом царевну потчевать. Берёзовый прут - не ольховый: гнётся, да не ломается, вокруг тела обвивается.

- Вот тебе наука! Не обманывай вперед никого!

Узнала царевна Ивана, крестьянского сына, стала кричать, на помощь звать. А он знай бьёт да приговаривает:

- Не отдашь моего меча - смерти предам!

Покричала царевна, покричала, никого не дозвалась и взмолилась:

- Отдам меч, только не губи меня, Иванушка дорогой!

Сбегала в другую горницу, принесла меч-самосек. Взял Иван меч, выбежал из царевниных покоев, увидал на крыльце королевича с генералами ближайшими, взмахнул мечом - и повалились королевич с генералами замертво.

"Обману нету, меч подлинно мой!" Воротился в горницу, подал царевне целебные ягоды:

- Ешь, не бойся! У меня без обману!

Съела царевна красную ягоду - один рог отпал; съела вторую - другой рог отпал, и стала она здорова. Плачет и смеется от радости:

- Спасибо, Иванушка! Другой раз ты меня из беды вызволил, век твоего добра не забуду! Прогони королевича, а меня прости, и буду я тебе верной женой.

Отвечает Иван, крестьянский сын:

- Королевича твоего уже в живых нету. А ты с отцом, с матерью уходи куда знаешь, чтобы духу вашего тут не было! Не было у меня жены, да и ты мне не жена!

Прогнал Иван, крестьянский сын, царя с царицею да с царевной и с тех пор живёт-

поживает, беды никакой не знает.

ГОРЕ

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедный, другой богатый. Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки - мал мала меньше - плачут да есть просят. С утра до вечера бьётся мужик как рыба об лед, а все ничего нет. Говорит он одна своя жена:

- Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?

Пришел к богатому:

- Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают.

- Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!

Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатый одну ковригу хлеба:

- Вот тебе за труды!

- И за то спасибо! - сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти.

- Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра мои именины.

- Эх, братец, куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке.

- Ничего, приходи! И тебе будет место.

- Хорошо, братец, приду.

Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит:

- Слушай, жена! Назавтра нас с тобой в гости звали.

- Как в гости? Кто звал?

- Брат: он завтра именинник.

- Ну что ж, пойдем.

Наутро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл - ничего им не дает; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят.

Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяйшкой

благодарить, и бедный тоже - поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, веселые, шумят, песни поют. А бедный идет назад с пустым брюхом.

- Дай-ка, - говорит жене, - и мы запоем песню!

- Эх ты, дурак! Люди поют оттого, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?

- Ну, все-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...

- Ну пой, коли хочешь, а я не стану!

Мужик запел песню, и послышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену:

- Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?

- Что с тобой? Я вовсе и не думала.

- Так кто же?

- Не знаю! - сказала баба. - А ну запой, я послушаю.

Он опять запел: поет-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает:

- Это ты. Горе, мне петь пособляешь?

Горе отозвалось:

- Да, хозяин! Это я пособляю.

- Ну, Горе, пойдем с нами вместе.

- Пойдем, хозяин! Я теперь от тебя не отстану.

Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит:

- У меня денег нет!

- Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги? Видишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок побоку...

Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок.

На другой день Горе заохало - с похмелья голова болит, и опять зовет хозяина винца испить.

- Денег нет, - говорит мужик.

- Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу - с нас и довольно!

Нечего делать, не отбиться мужику от Гора: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем.

Наутро Горе еще больше заохало, зовет хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху. Месяца не прошло, как он все спустил; даже избу свою соседу заложил, а деньги в кабак снес. Горе опять пристает к нему:

- Пойдём да пойдём в кабак!

- Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего.

- Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно.

Мужик взял сарафан, пропил и думает: "Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!"

Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит:

- Хозяин!

- Что, Горе?

- А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою.

Пошел мужик к соседу.

- Дай, - просит, - на времечко пару волов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю.

- На что тебе?

- В лес за дровами съездить.

- Ну возьми; только не велик воз накладывай.

- И, что ты, кормилец!

Привел пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле.

- Хозяин, - спрашивает Горе, - знаешь ли ты на этом поле большой камень?

- Как не знать?

- А когда знаешь, поезжай прямо к нему.

Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги.

Горе велит мужику поднять камень. Мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма - полна золотом насыпана.

- Ну, что глядишь? - рассказывает Горе мужику, - таскай скорей в телегу.

Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом; все из ямы повыбрал до последнего червонца, видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит:

- Посмотри-ка, Горе, никак, там еще деньги остались?

Горе наклонилось:

- Где? Я что-то не вижу!

- Да вон в углу светятся!

- Нет, не вижу.

- Полежай в яму, так и увидишь. Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем.

- Вот этак-то лучше будет! - сказал мужик. - Не то коли взять тебя с собою, так ты. Горе горемычное, хоть не скоро, все же пропьешь и эти деньги!

Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвел к соседу и стал думать, как бы себя устроить. Купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

Долго ли, коротко ли - поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины.

- Вот что выдумал! - сказал ему богатый брат. - У самого есть нечего, а ты еще именины справляешь!

- Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава Богу, имею не меньше твоего; приезжай - увидишь.

- Ладно, приеду!

На другой день богатый брат собрался с женою, и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчевал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата:

- Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогател ты?

Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке все свое добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Горя избавился.

Завистно стало богатому. "Дай, - думает, - поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе - пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мною своим богатством чваниться".

Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал; подъехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что там под камнем. Не успел порядком головы нагнуть - а уж Горе выскочило и уселось ему на шею.

- А, - кричит, - ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану.

- Послушай, Горе, - сказал купец, - вовсе не я засадил тебя под камень...

- А кто же, как не ты?

- Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришел, чтоб тебя выпустить.

- Нет, врешь! Один раз обманул, в другой не обманешь!

Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привез он его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за свое принимается; каждый день зовет купца опохмелиться; много добра в кабак ушло.

"Этак несходно, жить! - думает про себя купец. - Кажись, довольно потешил я Горе; пора бы и расстаться с ним, да как?"

Думал, думал и выдумал: пошел на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца во втулку. Приходит к Горю:

- Что ты, Горе, все на боку лежишь?

- А что ж мне больше делать?

- Что делать? Пойдем на двор в гулячки играть.

А Горе и радо. Вышли на двор. Сперва купец спрятался - Горе сейчас его нашло; после того черед Горю прятаться.

- Ну, - говорит, - меня не скоро найдешь! Я хоть в какую щель забьюсь!

- Куда тебе! - отвечает купец. - Ты в это колесо не влезешь, а то - в щель!

- В колесо не влезу? Смотри-ка, еще как спрячусь!

Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил во втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку.

Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Жили мужик да баба. У них была дочка да сыночек маленький.

- Доченька, - говорила мать, - мы пойдем на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей - мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загуляла. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь - братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда - нету! Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, - братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Тут она догадалась, что они унесли её братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава - что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела - стоит печь.

- Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

- Съешь моего ржаного пирожка - скажу.

- Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше - стоит яблоня.

- Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

- Поешь моего лесного яблочка - скажу.

- У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течет молочная река в кисельных берегах.

- Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

- Поешь моего простого киселька с молочком - скажу.

- У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего - надо идти домой. Вдруг видит - стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается. В избушке старая баба-яга прядет кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками. Девочка вошла в избушку:

- Здравствуй, бабушка!

- Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

- Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

- Садись покуда кудель прясть.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядет - вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

- Девица, девица, дай мне каши, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей каши, мышка ей сказала:

- Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет, выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

- Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А баба-яга подойдет к окошку и спрашивает:

- Девица, прядешь ли?

Мышка ей отвечает:

- Пряду, бабушка...

Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

- Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит - летят гуси-лебеди.

- Речка, матушка, спрячь меня!

- Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо. Девочка с братцем опять побежали. А гуси-лебеди воротились навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

- Яблоня, матушка, спрячь меня!

- Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня ее заслонила ветвями, прикрыла листьями.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо. Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидали ее, загоготали - налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут. Добежала девочка до печки:

- Печка, матушка, спрячь меня!

- Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее - пирожок в рот, а сама с братцем в печь, села в устье¹.

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

¹ Устье, устьице - наружное отверстие в русской печи.

ДВА ИВАНА - СОЛДАТСКИХ СЫНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Прошло время - записали его в солдаты; оставляет он жену, стал с нею прощаться и говорит:

- Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смей, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось назад приду. Вот тебе пятьдесят рублей. Дочку ли, сына ли родишь - все равно сбереги деньги до возрасту: станешь дочь выдавать замуж - будет у нее приданое; а коли бог сына даст да войдет он в большие года - будет и ему в тех деньгах подспорье немалое.

Попрощался с женою и пошел в поход, куда было ведено. Месяца три погодя родила жена двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами - солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукнуло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте и боярских и купеческих детей за пояс заткнули - никто лучше их не сумеет ни прочитать, ни написать, ни ответу дать.

Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать.

Говорит один брат другому:

- Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платица не нашьется, шапочек не накупится; что ни наденем, все товарищи в клочки изорвут! Давай-ка расправляться с ними по-своему.

И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они - полно терпеть! - как пошли сдачу давать. Всем досталось! Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцов, и посадили в острог.

Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчиков к себе, расспросил про все и велел их выпустить.

- Они, - говорит, - не виноваты: не зачинщики!

Выросли два Ивана - солдатские дети и просят у матери:

- Матушка, не осталось ли от нашего родителя каких денег? Коли остались, дай нам: мы пойдем в город на ярмарку, купим себе по доброму коню.

Мать дала им пятьдесят рублей - по двадцати пяти на брата - и приказывает:

- Слушайте, детушки! Как пойдете в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному.

- Хорошо, родимая!

Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят - лошадей много, а выбирать не из чего; все не под стать им, добрым молодцам!

Говорит один брат другому:

- Пойдем на другой конец площади; глядь-ка, что народу там толпится - видимо-невидимо!

Пришли туда, протолкались вперед - у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не смеет.

- Что твоим жеребцам цена будет? - спрашивает Иван - солдатский сын у хозяина.

- Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе, нечего и спрашивать.

- Почем знать, чего не ведаешь; может, и купим, надо только в зубы посмотреть.

Хозяин усмехнулся:

- Смотри, коли головы не жаль!

Тотчас один брат подошел к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат - к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть - куда? Жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят...

Братья ударили их коленками в грудь - цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, на землю попадали.

- Вот чем хвастался? Да мы этих клячей и даром не возьмем.

Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри появились? Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать, никто не придумает.

Сжалились над хозяином Иваны - солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом - жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые молодцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко.

Справили это дело и пошли домой.

Идут путем-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо, не поклонились, да уж после один спохватился:

- Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся. Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят:

- Прости нас, дедушка, что прошли не поздоровались. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать.

- Спасибо, добрые молодцы! Куда ходили?

- В город на ярмарку; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились.

- Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?

- Ах, дедушка, если подаришь, станем тебя вечно благодарить!

- Ну пойдете!

Привел их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней:

- Вот вам и кони, добрые молодцы! Ступайте с Богом, владейте на здоровье!

Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой.

Приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать:

- Что, детушки, купили себе по лошадке?

- Купить не купили, даром получили.

- Куда же вы их дели?

- Возле избы поставили.

- Ах, детушки, смотрите - не увел бы кто!

- Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести - и подойти к ним нельзя!

Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами:

- Ну, сынки, верно, вы не кормильцы мне. На другой день просятся сыновья у матери:

- Отпусти нас в город, купим себе по сабельке.

- Ступайте, родимые!

Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру.

- Сделай, - говорят, - нам по сабельке.

- Зачем делать! Есть готовые, сколько угодно берите!

- Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили.

- Эх, что выдумали! Да кто ж этакую махину ворочать будет? Да и горна такого во всем свете не найдешь!

Нечего делать - пошли добрые молодцы домой и головы повесили. Идут путем-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадает.

- Здравствуй, молодые юноши!

- Здравствуй, дедушка!

- Куда ходили?

- В город, на кузницу, хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке пришлись.

- Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?

- Ах, дедушка, коли подаришь, станем тебя вечно благодарить!

Старичок привел их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало!

Приходят домой, мать спрашивает:

- Что, детушки, купили себе по сабельке?

- Купить не купили, даром получили.

- Куда же вы их дели?

- Возле избы поставили.

- Смотрите, как бы кто не унес!

- Нет, матушка, не то что унести, даже увезти нельзя.

Мать вышла на двор, глянула - две сабли тяжелые, богатырские к стене приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говорит:

- Ну, сынки, верно, вы не кормильцы мне!

Наутро Иваны - солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, с родной матерью прощаются:

- Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю.

- Будь над вами, детушки, мое нерушимое родительское благословение! Поезжайте с Богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым врагам не уступайте.

- Не бойся, матушка! У нас такова поговорка есть: еду - не свищу, а наеду - не спущу!

Сели добрые молодцы на коней и поехали. Близко ли, далеко, долго ли, коротко - скоро сказка сказывается, не скоро дело делается - приезжают они на распутье, и стоят там два столба. На одном столбу написано: "Кто вправо поедет, тот царем будет"; на другом столбу написано: "Кто влево поедет, тот убит будет".

Остановились братья, прочитали надписи и призадумались: куда кому ехать? Коли обоим по одной дороге пуститься - не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой удали; ехать одному влево - никому помереть не хочется!

Да делать-то нечего - говорит один из братьев другому:

- Ну, братец, я посильнее тебя; давай я поеду влево да посмотрю, от чего может мне смерть приключиться? А ты поезжай направо: авось Бог даст - царем сделаешься!

Стали, они прощаться, дали друг дружке по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для зная, для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если смерть приключится; при такой беде ехать мертвого разыскивать. Разъехались добрые молодцы в разные стороны. Кто вправо коня пустил, тот добрался до славного царства.

В этом царстве жил царь с царицею, у них была дочь царевна Настасья Прекрасная.

Увидел царь Ивана - солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество, назвал его Иваном-царевичем и велел ему управлять всем царством. Живет Иван-царевич в радости, своею женою любит, в царстве порядок ведет да звериной охотой тешится.

В некое время стал он на охоту собираться, на коня сбрую накладывать и нашел в седле - два пузырька с целящей и живой водою зашиты; посмотрел на те пузырьки и положил опять в седло. "Надо, - думает, - поберечь до поры до времени; не ровен час - понадобятся".

А брат его Иван - солдатский сын, что левой дорогой поехал, день и ночь скакал без усталости. Прошел месяц, и другой, и третий, и прибыл он в незнакомое государство - прямо в столичный город. В том государстве печаль великая: дома черным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются.

Нанял он себе самую худую квартиру у бедной старушки и начал её выпрашивать:

- Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома черным сукном завешены?

- Ах, добрый молодец! Великое горе нас обуяло: каждый день выходит из синего

моря, из-за серого камня, двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за единый раз, теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасные царевны; вот только сейчас повезли старшую на взморье - змею на съедение. Иван - солдатский сын сел на коня и поскакал к синему морю, к серому камню; на берегу стоит прекрасная царевна - на железной цепи прикована. Увидала она витязя и говорит ему:

- Уходи отсюда, добрый молодец! Скоро придет сюда двенадцатиглавый змей; я пропаду, да и тебе не миновать смерти: съест тебя лютый змей!

- Не бойся, - красная девица, авось подавится.

Подошел к ней Иван - солдатский сын, ухватил цепь богатырской рукою и разорвал на мелкие части, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени.

- Я посплю, а ты на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается - тотчас разбуди меня, молодца.

Красная девица послушалась, стала на море смотреть.

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось - из синя моря змей выходит, в гору подымается. Царевна разбудила Ивана - солдатского сына; он встал, только на коня вскочил, а уж змей летит:

- Ты, Иванушка, зачем пожаловал? Ведь здесь мое место! Прощайся теперь с белым светом да полезай поскорее сам в мою глотку - тебе ж легче будет!

- Врешь, проклятый змей! Не проглотишь - подавишься! - ответил Иван, обнажил свою острую саблю, размахнулся, ударил и срубил у змея все двенадцать голов; поднял серый камень, головы положил под камень, туловище в море бросил, а сам воротился домой к старухе, наелся-напился, лег спать и проспал трое суток.

В то время призвал царь водовоза.

- Ступай, - говорит, - на взморье, собери хоть царевнины косточки.

Водовоз приехал к синему морю, видит - царевна жива, ни в чем невреждена, посадил её на телегу и повез в густой, дремучий лес; завез в лес и давай нож точить.

- Что ты делать собираешься? - спрашивает царевна.

- Я нож точу, тебя резать хочу!

Царевна заплакала:

- Не режь меня, я тебе никакого худа не сделала.

- Скажи отцу, что я тебя от змея избавил, так помилую!

Нечего делать - согласилась. Поехали во дворец; царь обрадовался и пожаловал того водовоза полковником. Вот как проснулся Иван - солдатский сын, позвал старуху, дает ей денег и просит:

- Поди-ка, бабушка, на рынок, купи, что надобно, да послушай, что промеж людьми говорят, нет ли чего нового?

Старуха сбегала на рынок, закупила разных припасов, послушала людских вестей, воротилась и рассказывает:

- Идет в народе такая молва: был-де у нашего царя большой обед, сидели за столом королевичи и посланники, бояре и люди именитые; в те поры прилетела в окно каленая стрела и упала посеред зала, к той стреле было письмо привязано от Другого змея двенадцатиглавого. Пишет змей: коли не вышлешь ко мне среднюю царевну, я твое царство огнем сожгу, пеплом развею. Нынче же повезут ее, бедную, к

синему морю, к серому камню.

Иван - солдатский сын сейчас оседлал своего доброго коня, сел и поскакал на взморье. Говорит ему царевна:

- Ты зачем, добрый молодец? Пущай моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебе за что пропадать?

- Не бойся, красная девица!

Только успел сказать, летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит.

Богатырь ударил его острой саблей и отсек все двенадцать голов; головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился, и опять залег на три дня, на три ночи. Приехал опять водовоз, увидал, что царевна жива, посадил её на телегу, повез в дремучий лес и принялся нож точить. Спрашивает царевна:

- Зачем нож точишь?

- А я нож точу, тебя резать хочу. Присягни на том, что скажешь отцу, как мне надобно, так я тебя помилую.

Царевна дала ему клятву, он привез её во дворец; царь возрадовался и пожаловал водовоза генеральским чином.

Иван - солдатский сын пробудился от сна на четвертые сутки и велел старухе на рынок пойти да вестей послушать.

Старуха сбегала на рынок, воротилась назад и рассказывает:

- Третий змей появился, прислал к царю письмо, а в письме требует: вывози-де меньшую царевну на съедение.

Иван - солдатский сын оседлал своего доброго коня, сел и поскакал к синю морю.

На берегу стоит прекрасная царевна, на железной цепи к камню прикована. Богатырь ухватил цепь, тряхнул и разорвал, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени:

- Я посплю, а ты на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается - тотчас разбуди меня, молодец.

Царевна начала на море глядеть... Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось - из синя моря змей выходит, в гору подымается. Стала царевна будить Ивана - солдатского сына, толкала, толкала - нет, не просыпается; заплакала она слезно, и капнула горячая слеза ему на щеку: от того богатырь проснулся, побежал к своему коню, а добрый конь на пол-аршина под собой земли выбил копытами. Летит двенадцатиглавый змей, огнем так и пышет; взглянул на богатыря и воскликнул:

- Хорош ты, пригож ты, добрый молодец, да не быть тебе живому, съем тебя, и с косточками!

- Врешь, проклятый змей, подавишься.

Начали они биться смертным боем; Иван - солдатский сын так быстро и сильно махал своей саблей, что она докрасна раскалилась, нельзя в руках держать! Взмолился он царевне:

- Спасай меня, красна девица! Сними с себя дорогой платочек, намочи в синем море и дай обернуть саблю.

Царевна тотчас намочила свой платочек и подала доброму молодцу.

Он обернул саблю и давай рубить змея; срубил ему все двенадцать голов, головы те под камень положил, туловище в море бросил, а сам домой поскакал, наелся-напился и залег спать на трои сутки.

Царь посылает опять водовоза на взморье. Приехал водовоз, взял царевну и повез в дремучий лес; вынул нож и стал точить?

- Что ты делаешь? - спрашивает царевна.

- Нож точу, тебя резать хочу! Скажи отцу, что я змея победил, так помилую.

Устрашил красную девицу, поклялась говорить по его словам. А меньшая дочь была у царя любимая; как увидел её живую, ни в чем невредимую, он пуще прежнего возрадовался и захотел водовоза жаловать - выдать за него замуж меньшую царевну.

Пошел про то слух по всему государству. Узнал Иван - солдатский сын, что у царя свадьба затевается, и пошел прямо во дворец, а там пир идет, гости пьют и едят, всякими-играми забавляются.

Меньшая царевна глянула на Ивана - солдатского сына, увидала на его сабле свой дорогой платочек, вскочила из-за стола, взяла его - за руку и говорит отцу:

- Государь-батюшка! Вот кто избавил нас от змея лютого, от смерти напрасныя; а водовоз только знал нож точить да приговаривать: я-де нож точу, тебя резать хочу!

Царь разгневался, тут же приказал водовоза повесить, а царевну выдал замуж за Ивана - солдатского сына, и было у них веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока все это деялось с братом Ивана - солдатского сына, с Иваном-царевичем вот что случилось. Поехал он раз на охоту, и попался ему олень быстроногий. Иван-царевич ударил по лошади и пустился за ним в погоню; мчался, мчался и выехал на широкий луг. Тут олень с глаз пропал. Смотрит царевич и думает, куда теперь путь направить? Глядь - на том лугу ручеек протекает, на воде две серые утки плавают. Прицелился он из ружья, выстрелил и убил пару уток; вытащил их из воды, положил в сумку и поехал дальше.

Ехал, ехал, увидел белокаменные палаты, слез с лошади, привязал её к столбу и пошел в комнаты. Везде пусто - нет ни единого человека, только в одной комнате печь топится, на шестке стоит сковородка, на столе прибор готов: тарелка, и вилка, и нож. Иван-царевич вынул из сумки уток, ощипал, вычистил, положил на сковороду и сунул в печку; зажарил, поставил на стол, режет да ест.

Вдруг, откуда ни возьмись, является к нему красная девица - такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, - и говорит ему:

- Хлеб-соль, Иван-царевич!

- Милости просим, красная девица! Садись со мной кушать.

- Я бы села с тобой, да боюсь: у тебя конь волшебный.

- Нет, красная девица, не узнала! Мой волшебный конь дома остался, я на простом приехал. Как услышала это красная девица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича целиком. Была то не простая девица, была то родная сестра трех змеев, что побиты Иваном - солдатским сыном.

Вздумал Иван - солдатский сын про своего брата; вынул платок из кармана, утерся, смотрит - весь платок в крови. Сильно он запечалился:

- Что за притча! Поехал мой брат в хорошую сторону, где бы ему царем быть, а он смерть получил!

Отпросился у жены и тестя и поехал на своем богатырском коне разыскивать брата, Ивана-царевича. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко - приезжает в то самое государство, где его брат проживал; расспросил про все и узнал, что поехал-де царевич и охоту, да так и сгинул - назад не бывал. Иван - солдатский сын той же самой дорогою поехал охотиться; попадаетеся и ему олень быстроногий. Пустился богатырь за ним в погоню. Выехал на широкий луг - олень с глаз пропал; смотрит - на лугу ручеек протекает, на воде две утки плавают. Иван - солдатский сын застрелил уток, приехали в белокаменные палаты и вошел в комнаты. Везде пусто, только в одной комнате печь топится, на шестке сковородка стоит. Он зажарил уток, вынес на двор, сел на крылечке, режет да ест.

Вдруг является к нему красная девица:

- Хлеб-соль, добрый молодец! Зачем на дворе ешь?

Отвечает Иван - солдатский сын:

- Да в горнице неохотно, на дворе веселей будет! Садись со мною, красная девица!

- Я бы с радостью села, да боюсь твоего коня волшебного.

- Полно, красавица! Я на простой лошаденке приехал.

Она и поверила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотела проглотить доброго молодца, как прибежал волшебный конь и обхватил её богатырскими ногами.

Иван - солдатский сын обнажил свою саблю острую и крикнул зычным голосом:

- Стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича! Выкинь его назад, не то изрублю тебя на мелкие части.

Львица и выкинула Ивана-царевича: сам-то он мертвый.

Тут Иван - солдатский сын вынул из седла два пузырька с водою целящей и живой; взбрызнул брата целящей водою - плоть-мясо срастается; взбрызнул живой водой - царевич встал и говорит:

- Ах, как же долго я спал!

Отвечает Иван - солдатский сын:

- Век бы тебе спать, если б не я!

Потом берет свою саблю и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-девицей, такую красавицей, что и рассказать нельзя, начала слезно плакать и просить прощения. Глянул на её красу неописанную, смиловался Иван - солдатский сын и пустил её на волю вольную.

Приехали братья во дворец, сотворили трехдневный пир; после попрощались; Иван-царевич остался в своем государстве, а Иван - солдатский сын поехал к своей супруге и стал с нею поживать в любви и согласии.

ДВОЕ ИЗ СУМЫ

Жил старик со старухой. Вот старуха на старика всегда бранится, что ни день - то помелом, то рогачом отвалает его; старику от старухи житья вовсе нет. И пошел он в поле, взял с собою тенеты¹ и постановил их. И поймал он журавля и говорит ему:

- Будь мне сыном! Я тебя отнесу своей старухе, авось она не будет теперь на меня ворчать.

Журавль ему отвечает:

- Батюшка! Пойдем со мною в дом.

Вот он и пошел к нему в дом. Пришли; журавль взял со стены сумку и говорит: "двое из сумы!" Вот сейчас вылезли из сумы два молодца, стали становить столы дубовые, стлать скатерти шелковые, подавать яства и питья разные. Старик видит такую сладость, что сроду никогда не видывал, и обрадовался оченно. Журавль и говорит ему:

- Возьми эту суму себе и неси своей старухе.

Вот он взял и пошел; шел путем дальним и зашел к куме ночевать; у кумы было три дочери. Собрали ему поужинать чем Бог послал. Он ест - не ест и говорит куме:

- Плоха твоя еда!

- Какая есть, батюшка! - отвечала кума.

Вот он и говорит:

- Собери свою еду-то.

А которая была у него сума, той говорит, как приказывал ему журавль: двое из сумы! В ту же минуту двое из сумы вылезли, зачали становить столы дубовые, стлать скатерти шелковые, подавать яства и питья разные.

Кума с дочерьми своими удивилась, задумала унести у старика эту суму и говорит дочерям:

- Подите истопите баньку; может, куманек попарится в баньке-то.

Вот только он вышел в баню-то, а кума сейчас приказала своим дочерям сшить точно такую же суму, какая у старика; они сшили и положили свою суму старику, а его суму себе взяли. Старик вышел из бани, взял обмененную суму и весело пошел в дом свой к старухе; приходит ко двору и кричит громким голосом:

- Старуха, старуха! Встречай меня с журавлем-сыном.

Старуха глядит на него быстро и ворчит промеж себя:

- Поди-ка ты, старый кобель! Я тебя отвалаю рогачом².

А старик свои слова говорит:

- Старуха! Встречай меня с журавлем-сыном.

Вошел в избу старик, повесил суму на крючок и кричит: двое из сумы! Из сумы нет никого. Вот он в другой раз: двое из сумы! Из сумы опять нет никого. Старуха видит, что он говорит бознать³ что, ухватила помело мокро и ну старика гвоздить.

Старик испугался, заплакал и пошел опять в поле. Отколь ни взялся прежний журавль, видит его несчастье и говорит:

- Пойдем, батюшка, опять ко мне в дом.

Вот он и пошел. У журавля опять сума висит такая же.

- Двое из сумы! - сказал журавль.

Двое из сумы вылезли и поставили такой же обед, как и прежние.

- Возьми себе эту суму, - говорит журавль старику.

Вот он взял суму и пошел; шел-шел по дороге, и захотелось ему поесть, и говорит он, как приказывал журавль: двое из сумы! Двое из сумы вылезли - такие молодцы с большими колдашами⁴ - и начали его бить, приговаривая:

- Не заходи к куме, не парься в бане! - и до тех пор били старика, пока он не выговорил кое-как: двое в суму! Как только изговорил эти слова, двое в суму и спрятались.

Вот старик взял суму и пошел; пришел к той же куме, повесил суму на крючок и говорит куме:

- Истопи мне баньку.

Она истопила.

Старик пошел в баню: парится - не парится, только время проводит. Кума созвала своих дочерей, усадила за стол - захотелось ей поесть - и говорит: двое из сумы! Двое из сумы вылезли с большими колдашами и ну куму бить, приговаривая:

- Отдай старикову суму!

Били-били... вот она и говорит большой дочери:

- Поди, кликни кума из бани; скажи, что двое совсем меня прибили.

- Я ща⁵ не испарился⁶, - отвечает старик.

А они все больше её бьют, приговаривая:

- Отдай старикову суму!

Вот кума послала другую дочь:

- Скорее вели куманьку идти в избу. Он отвечает:

- Я ща голову не мыл.

Она и третью посылает.

- Я ща не купался, - говорит старик.

Терпенья нет куме! Велела принести украденную суму. Вот старик вышел из бани, увидал свою прежнюю суму и говорит: двое в суму! Двое в суму с колдашами и ушли.

Вот старик взял обе сумы - и сердиту и хорошу - и пошел домой. Подходит ко двору и кричит старухе:

- Встречай меня с журавлем-сыном.

Она на него быстро глядит:

- Поди-ка ты домой-то, я тебя отвалю!

Взошел в избу старик, зовет старуху:

- Садись за стол, - и говорит: - Двое из сумы!

Двое из сумы вылезли, настановили и пить и есть. Старуха наелась-напилась и похвалила старика:

- Ну, старик, я теперь бить тебя не стану.

Старик, наевшись, вышел во двор, хорошую суму вынес в клеть, а сердитую повесил на крючок; а сам по двору ходит - не ходит, только время проводит.

Захотелось старухе еще выпить, и говорит она стариковы слова: двое из сумы! Вот вылезли двое из сумы с большими колдашами и начали бить старуху; до тех пор били, что у ней мочи не стало! Кличет старика:

- Старик, старик! Поди в избу; меня двое прибили!

А он ходит - не ходит, только посмеивается да поговаривает:

- Они тебе зададут!

Двое еще больше бьют старуху и приговаривают:

- Не бей старика! Не бей старика!

Наконец старик сжалился над старухой, вошел в избу и сказал: двое в суму! Двое в суму и спрятались. С тех пор старик со старухой стали жить так хорошо, так дружно, что старик везде ею похваляется, тем и сказка кончается.

¹ Тенеты (тенета) - сеть для ловли зверей.

² Рогач - ухват.

³ Бог знает.

⁴ Колдаш - палка с шишкою на одном конце.

⁵ Еще.

⁶ Не выпарился.

ДЕРЕВЯННЫЙ ОРЁЛ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. И было у царя множество слуг. Да не простых прислужников, а разных мастеров: и столяров, и гончаров, и портных. Любил царь, чтобы и платье у него лучше, чем у других, было сшито, и посуда хитрее расписана, и дворец резьбою украшен. Мастеров в царском дворце видимо-невидимо было. Все они по утрам собирались к царскому выходу и ждали, кому какое дело царь на сегодня назначит. И вот случилось раз, что

столкнулись у царского порога золотых дел мастер и столяр. Столкнулись и заспорили - кто из них свое ремесло лучше знает и чья работа труднее.

Золотых дел мастер и говорит:

- Твое мастерство невелико, ты над деревом сидишь, деревянные вещи режешь. То ли дело моя работа: я все из чистого золота делаю - любо-дорого поглядеть.

А столяр отвечает:

- Не хитро дорогую вещь сделать, коли золото само в цене. Ты вот из простого древа сделай такую штучку, чтобы все кругом диву дались. Вот тогда я поверю, что ты мастер.

Спорили они, спорили, чуть до драки не дошло, да в это время царь выходит. Услыхал он этот разговор, усмехнулся и приказал:

- Сделайте вы мне оба по диковинке: один из золота, другой - из дерева. Погляжу на них и решу, кто из вас лучший мастер.

С царем не поспоришь, коли жизнь дорога. Пошли мастера из дворца каждый к себе, оба крепкую думу думают, как бы друг друга перегнать в мастерстве. Дал им царь неделю сроку. Через неделю приходят оба мастера во дворец, Становятся в ряд с другими, ждут царского выхода. И у каждого по свертку в руках.

Вышел царь и говорит:

- Ну, молодцы, показывайте ваше искусство, - а сам в бороду усмехается.

Приказал он позвать в палату и царицу, и молодого сына-царевича.

- Пусть они на вашу работу поглядят. Сели царь с царицей на лавку, а царевич рядом встал. Вышел вперед золотых дел мастер:

- Прикажи, царь-батюшка, большой чан воды принести.

Принесли большой чан, воды налили. Развязал мастер свой узелок, вынул оттуда золотую утку и пустил ее на воду. Поплыла утка, словно живая: головой вертит, крикает, носиком перышки обчищает.

Открыл царь рот от удивления, а царица кричит:

- Да это живая утка, а не золотая! Он, видно, живую утку золотом покрыл!

Обиделся мастер:

- Какая же она живая? Прикажите мне ее разобрать по частям и опять на винтики собрать.

Вынул он утку из чана, сначала ей крылышки отвинтил, потом голову, а после и всю на кусочки разобрал. Разложил на столе, да и давай снова свинчивать. Свинтил, пустил на воду. И поплыла утка лучше прежнего.

Захлопали все придворные в ладоши:

- Ну и мастер! Ну и чудо сделал! Век такого не видывали!

Обернулся царь к столяру:

- Теперь ты свое искусство показывай.

Поклонился столяр:

- Прикажи, ваше царское величество, окошко в этой горнице отворить.

Отворили окошко. Развернул столяр свой сверток, вынимает из него орла

деревянного. Да так этот орёл хорошо сделан был, что от живого не отличить. А столяр и говорит:

- Утка-то золотая только по воде плавает, а мой орёл в облака подымается.

Сел столяр на орла и повернул винтик. Поднял его орёл и мигом вылетел по воздуху из царской палаты. Кинулись все к окнам, смотрят, рты разинули, а столяр над царским двором в воздухе разные круги делает. Влево повернет винтик - орёл книзу летит, вправо повернет - подымается. У царя от удивления корона на затылок съехала, глядит он в окошко, оторваться не может. А все кругом словно замерли. Такого мастерства никто не видывал.

Покружил столяр по воздуху и обратно в палату влетел. Поставил орла в сторонку и к царю подходит:

- Ну как, царь-батюшка, доволен ли ты моим искусством?

- Слов не нахожу, так доволен, - царь отвечает. - Да как же ты этак умудрился? Да как же ты ему этот винтик пристроил?

Начал столяр царю объяснить, а в это время царица как ахнет, как закричит:

- Куда ты? Куда? Ах, ловите, остановите!

Обернулись все на ее голос - и видят: пока царь столяра расспрашивал, царевич молодой вскочил на орла, повернул винтик - и вылетел из окна на двор.

- Вернись скорей! Куда ты? Убьешься! - кричат ему царь с царицей.

А царевич махнул рукой, да и полетел через забор серебряный, которым дворец огорожен был. Повернул он винтик вправо - поднялся орёл за облака и скрылся из глаз.

Царица без памяти лежит, а царь на столяра гневается.

- Это, - говорит, - ты нарочно такую шутку придумал, чтобы нашего сына единственного сгубить. Эй, стражники! Схватить его и бросить в темницу. А если через две недели царевич не вернется, вздернуть столяра на виселицу.

Схватили стражники столяра и кинули в темное подземелье.

А царевич на деревянном орле все дальше и дальше летит.

Любо царевичу. Просторно, вольно кругом. В ушах ветер свистит, кудри развеваются, под ногами облака проносятся, и сам царевич - словно птица крылатая. Куда хочет, туда в небе и поворачивает. К вечеру прилетел он в неведомое царство, опустился на край города. Видит - стоит избушка маленькая.

Постучал царевич в дверь. Выглянула старушка.

- Пусти, бабушка, переночевать. Я тут чужой человек, никого не знаю, остановиться не у кого.

- Отчего не пустить, сынок. Входи, места много. Я одна живу.

Развинтил царевич орла, связал в сверток, входит к старушке в избушку.

Стала старушка его ужином кормить, а царевич расспрашивает: что за город, да кто в нем живет, да какие в городе диковинки.

Вот и говорит старушка:

- Есть у нас, сынок, одно чудо в государстве. Стоит посреди города царский дворец, а подле дворца - высокая башня. Заперта та башня тридцатью замками, и охраняют ее ворота тридцать сторожей. Никого в ту башню не пускают. А живет там царская

дочь. Как родилась она, так ее с нянькой в той башне и заперли, чтобы никто не видел. Боятся царь с царицей, что полюбит царевна кого-нибудь и придется ее замуж на чужую сторону отдавать. А им с ней расставаться жалко: она у них единственная. Вот и живёт девушка в башне, словно в темнице.

- А что, и верно хороша царевна? - спрашивает царевич.

- Не знаю, сынок, сама не видала, а люди сказывали - такой красоты во всем свете не сыщется. Захотелось царевичу в запретную башню пробраться.

Лег он спать, а сам все раздумывает, как бы ему царевну увидеть.

На другой день, как стемнело, сел он на своего деревянного орла, взвился в облака и полетел к башне с той стороны, где окошко в тереме было. Подлетел и стучит в стекло. Удивилась царевна. Видит - молодец красоты неописанной.

- Кто ты, добрый молодец? - спрашивает.

- Отвори окно. Сейчас все тебе расскажу.

Открыла девушка окно, влетел деревянный орёл в комнату. Слез с него царевич, поздоровался, рассказал девушке, кто он таков и как попал сюда.

Сидят они, друг на друга глядят - наглядеться не могут.

Спрашивает царевич, согласна ли она его женой стать.

- Я-то согласна, - говорит царевна, - да боюсь, батюшка с матушкой не отпустят.

А злая нянька, которая царевну сторожила, все выследила. Побежала она во дворец и донесла, что так, мол, и так, к царевне кто-то прилетал, а теперь этот молодец в доме старушки скрывается.

Прибежала тут стража, схватила царевича и потащила во дворец.

А там царь на троне сидит, гневается, дубинкой о пол стучит.

- Как ты, такой-сякой, разбойник, осмелился мой царский запрет нарушить? Завтра казнить тебя прикажу!

Повели царевича в темницу, бросили одного и крепкими замками заперли.

Наутро весь народ на площадь согнали. Объявлено было, что казнить станут дерзкого молодца, который в башню к царевне проник.

Вот уж и палач пришел, и виселицу поставили, и сам царь с царицей на казнь глядеть приехали. Вывели царевича на площадь. А он обернулся к царю и говорит:

- Ваше величество, разрешите мне последнюю просьбу высказать.

Нахмурился царь, а отказать нельзя.

- Ну, говори.

- Прикажите гонцу сбегать в дом, к старушке, где я жил, свёрток мой принести.

Не мог отказать царь, послал гонца. Принесли свёрток.

А царевича в это время уже к виселице подвели, на лесенку поставили. Подал ему гонец сверток. Развернул его царевич, вскочил на деревянного орла - да и был таков. Взвился он над виселицей, над царем, над всей толпой.

Ахнул царь:

- Лови его! Держи! Улетит!

А царевич направил орла к башне, полетел к знакомому окошку, царевну подхватил и

перед собой на орла посадил.

- Ну, - говорит, - теперь нам с тобой никакая погоня не страшна.

И помчал их орёл в государство царевича. А там бедный столяр в подземелье сидит, глаз с неба не сводит - не летит ли царевич обратно? Завтра две недели кончаются, висеть столяру на веревке, коли царский сын не воротится.

И вдруг видит - летит по небу орёл деревянный, а на нем царевич, да не один, а с девушкой-красавицей. Опустился орёл посреди царского двора. Снял царевич с него невесту, к отцу с матерью повел. Рассказал им, где он пропадал две недели. Те от радости тревогу свою ему простили, а столяра из подземелья выпустили.

Великий пир царь устроил. Три месяца свадьбу праздновали.

ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА

Жил старик со старухой, и была у него дочь. Вот старуха-то померла, а старик обождал немного и женился на вдове, у которой была своя дочка.

Плохое житье настало стариковой дочери. Мачеха была ненавистная, отдыху не дает старику:

- Вези свою дочь в лес, в землянку, там она больше нарядит.

Что делать! Послушал мужик бабу - свез дочку в землянку, дал ей кремень, огниво да мешочек круп и говорит:

- Вот тебе огоньку; огонёк не переводи, кашу вари, а сама не зевай - сиди да пряди.

Пришла ночь. Красная девица затопила печь, заварила кашу; откуда ни возьмись, мышка - и говорит:

- Девица, девица! Дай мне ложечку каши!

- Ой, моя мышенька! Разговори мою скуку - я тебе дам не одну ложку, а досыта накормлю.

Наелась мышка и ушла. Ночью вломился медведь:

- Ну-ка, девица, туши огни да давай в жмурки играть

Мышка вскарабкалась на плечо стариковой дочери и шепчет ей на ушко:

- Не бойся, девица! Скажи "давай"! Туши огонь да под печь полезай, а я за тебя стану бегать и в колокольчик звенеть.

Так и сделалось. Гоняется медведь за мышкою - не поймает. Стал реветь да поленьями бросать. Бросал-бросал, ни разу не попал, устал и молвил:

- Мастерица ты, девица, в жмурки играть! За то пришлю тебе утром ста до коней да

воз серебра.

Наутро говорит баба:

- Поезжай, старик, проведай-ка дочь, что наярала она в ночь.

Уехал старик, а баба сидит да ждет: как-то он дочерние косточки привезёт. Пришло время старику ворочаться, а собака:

- Тяф-тяф-тяф! С стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз серебра везет.

- Врешь, мерзкая собачонка! Это в кузове косточки гремят!

Вот ворота заскрипели, кони во двор вбежали, а дочка с отцом на возу сидят: полон воз серебра. А у бабы от жадности глаза разгорелись.

- Экая важность! - кричит. - Повези-ка мою дочку в лес; моя дочка два стада коней пригонит, два воза серебра притащит.

Повез мужик и бабину дочь в землянку; дал ей кремень, огниво, мешочек круп и оставил одну. Об вечеру заварила она кашу.

Прибежала мышка:

- Наташка! Наташка! Сладка ль твоя кашка? Дай хоть ложечку!

- Ишь, какая! - закричала Наташка и швырнула в нее ложкой.

Мышка убежала, а Наташка знай себе уписывает одна кашу. Съела полный горшок, огни задула, прилегла в углу и заснула. Пришла полночь, вломился медведь и говорит:

- Эй, где ты, девица? Давай в жмурки играть.

Девица испугалась, молчит, только со страху зубами стучит.

- А, ты вот где! На колокольчик, бегай, а я буду ловить.

Взяла колокольчик, рука дрожит, колокольчик бесперечь звенит, а мышка приговаривает:

- Злой девице живой не быть!

Медведь бросился ловить бабину дочку и, как только изловил ее, сейчас задушил и съел.

Наутро шлет баба старика в лес:

- Ступай! Моя дочка два воза привезет, два табуна пригонит.

Мужик уехал, а баба за воротами ждет. Вот прибежала собачка:

- Тяф-тяф-тяф! Не бывать домой бабиной дочери, старик на пустом возу сидит, костями в кузове гремит!

- Врешь ты, мерзкая собачонка! То моя дочка едет, стада гонит, возы везёт. На, скушай блин да говори: бабину дочь в злате, в серебре привезут, а стариковой женихи не возьмут!

Собачка съела блин и залаяла:

- Тяф-тяф-тяф! Старикову дочь замуж отдадут, а бабиной в кузове косточки привезут.

Что ни делала баба с собачкою: и блины ей давала, и била ее, - она знай свое твердит... Глядь, а старик у ворот, жене кузов подает; баба кузов открыла, глянула на косточки и завyla, да так разозлилась, что с горя и злости на другой же день померла. Старик выдал свою дочь замуж за хорошего жениха, и стали они жить-

поживать да добра наживать.

ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

В стародавние годы в некоем царстве, не в нашем государстве, случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять; башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью. Ровно в двенадцать часов слышится солдату, что кто-то кричит из этой башни:

- Эй, служивый!

Солдат спрашивает:

- Кто меня кличет?

- Это я - чёрт, - отзывается голос из-за железной решетки, - тридцать лет как сижу здесь не пивши, не евши.

- Что же тебе надо?

- Выпусти меня на волю. Как будешь в нужде, я тебе сам пригожусь; только помяни меня - и я в ту же минуту явлюсь к тебе на выручку.

Солдат тотчас сорвал печать, разломал замок и отворил двери - чёрт выскочил из башни, взвился кверху и сгинул быстрее молнии.

"Ну, - думает солдат, - наделал я дела; вся моя служба ни за грош пропала. Теперь засадят меня под арест, отдадут под военный суд и, чего доброго, заставят сквозь строй прогуляться; уж лучше убегу, пока время есть".

Бросил ружье и ранец на землю и пошел куда глаза глядят.

Шел он день, и другой, и третий; разобрал его голод, а есть и пить нечего; сел на дороге, заплакал горькими слезами и раздумался:

"Ну, не глуп ли я? Служил у царя десять лет, каждый день по три фунта хлеба получал. Так вот нет же! Убежал на волю, чтобы помереть голодною смертью. Эх, черт, всему ты виною!"

Вдруг откуда ни взялся - стал перед ним нечистый и спрашивает:

- Здравствуй, служивый! О чем горюешь?

- Как мне не горевать, коли третий день с голоду пропадаю.

- Не тужи, это дело поправное! - сказал черт. Туда-сюда бросился, притащил всяких вин и припасов, накормил-напоил солдата и зовет его с собою:

- В моем доме будет тебе житье привольное; пей, ешь и гуляй, сколько душа хочет, только присматривай за моими дочерьми - больше мне ничего не надобно.

Солдат согласился. Чёрт подхватил его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и принес за тридевять земель, в тридесятое государство - в белокаменные палаты.

У черта было три дочери - собой красавицы. Приказал он им слушаться того солдата и кормить и поить его вдоволь, а сам полетел творить пакости: известно - чёрт! На месте никогда не сидит, а все по свету рыщет да людей смущает.

Остался солдат с красными девицами, и такое ему житье вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинит: каждую ночь уходят красные девицы из дому, а куда уходят - неведомо.

Стал было их про то расспрашивать, так не сказывают, запираются.

"Ладно же, - думает солдат, - буду целую ночь караулить, а уж усмотрю, куда вы таскаетесь". Вечером лег солдат на постель, притворился, будто крепко спит, а сам ждет не дождется - что-то будет? Вот как пришла пора-время, подкрался он потихоньку к девичьей спальне, стал у дверей, нагнулся и смотрит в замочную скважинку. Красные девицы принесли волшебный ковер, разостлали по полу, ударились о тот ковер и сделались голубками; встрепнулись и улетели в окошко.

"Что за диво! - думает солдат. - Дай-ка я попробую".

Вскочил в спальню, ударился о ковер и обернулся малиновкой, вылетел в окно да за ними вдогонку. Голубки опустились на зеленый луг, а малиновка села под смородинов куст, укрылась за листьями и высматривает оттуда.

На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли; посредине стоял золотой трон. Немного погодя осияло и небо и землю - летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев; на колеснице сидит королева Елена Премудрая - такой красы неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать!

Сошла она с колесницы, села на золотой трон; начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям. Покончила ученье, вскочила на колесницу - и была такова!

Тут все до единой голубки снялись с зелёного лугу и полетели каждая в свою сторону. Птичка-малиновка вспорхнула вслед за тремя сестрами и вместе с ними очутилась в спальне.

Голубки ударились о ковер - сделались красными девицами, а малиновка ударилась - обернулась солдатом.

- Ты откуда? - спрашивают его девицы.

- А я с вами на зелёном лугу был, видел прекрасную королеву на золотом троне и слышал, как учила вас королева разным хитростям.

- Ну, счастье твое, что уцелел! Ведь эта королева - Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если б при ней да была ее волшебная книга, она тотчас бы тебя узнала - и тогда не миновать бы тебе злой смерти. Берегись, служивый! Не летай больше на зеленый луг, не дивись на Елену Премудрую, не то сложишь буйну голову.

Солдат не унывает, те речи мимо ушей пропускает. Дождался другой ночи, ударился о ковер и сделался птичкой-малиновкой. Прилетела малиновка на зелёный луг, спряталась под смородинов куст, смотрит на Елену Премудрую, любит ее красотой ненаглядною и думает:

"Если бы такую жену добыть - ничего б в свете пожелать не осталось! Полечу-ка я следом за нею да узнаю, где она проживает".

Вот сошла Елена Премудрая с золотого трона, села на свою колесницу и понеслась по воздуху к своему чудесному дворцу; следом за ней и малиновка полетела. Приехала королевна во дворец; выбежали к ней навстречу няньки и мамки, подхватили ее под руки и увели в расписные палаты. А птичка-малиновка порхнула в сад, выбрала прекрасное дерево, что как раз стояло под окном королевниной спальни, уселась на веточке и начала петь так хорошо да жалобно, что королевна целую ночь и глаз не смыкала - все слушала. Только взошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громким голосом:

- Няньки, мамки, бегите скорее в сад; изловите мне птичку-малиновку!

Няньки и мамки бросились в сад, стали ловить певчую птичку... Да куда им, старухам! Малиновка с кустика на кустик перепархивает, далеко не летит и в ручки не дается.

Не стерпела королевна, выбежала в зелёный сад, хочет сама ловить птичку-малиновку; подходит к кустику - птичка с ветки не трогается, сидит спустя крылышки, словно ее дожидается.

Обрадовалась королевна, взяла птичку в руки, принесла во дворец, посадила в золотую клетку и повесила в своей спальне.

День прошёл, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зелёный луг, воротилась, начала снимать уборы, разделась и легла в постель. Как только уснула королевна, птичка-малиновка обернулась мухой, вылетела из золотой клетки, ударилась об пол и сделалась добрым молодцем.

Подошел добрый молодец к королевниной кровати, смотрел, смотрел на красавицу, не выдержал и поцеловал ее в уста сахарные. Видит - королевна просыпается, обернулся поскорей мухой, влетел в клетку и стал птичкой-малиновкой. Елена Премудрая раскрыла глаза, глянула кругом - нет никого. "Видно, - думает, - мне во сне это пригрезилось!" Повернулась на другой бок и опять заснула. А солдату крепко не терпится; попробовал в другой и в третий раз - чутко спит королевна, после всякого поцелуя пробуждается. На третий раз встала она с постели и говорит:

- Тут что-нибудь да не даром: дай-ка посмотрю в волшебную книгу.

Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка-малиновка, а молодой солдат.

- Ах ты! - закричала Елена Премудрая. - Выходи-ка из клетки. За твою неправду ты мне жизнью ответишь.

Нечего делать - вылетела птичка-малиновка из золотой клетки, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

- Нет тебе прощенья! - сказала Елена Премудрая и крикнула палача рубить солдату голову. Откуда ни взялся - стал перед ней великан с топором и с плахой, повалил солдата наземь, прижал его буйную голову к плахе и поднял топор. Вот махнет королевна платком, и покатится молодецкая голова...

- Смилуйся, прекрасная королевна, - сказал солдат со слезами, - позволь напоследях песню спеть.

- Пой, да скорей!

Солдат затянул песню, такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась; жалко ей стало доброго молодца, говорит она солдату:

- Даю тебе срок десять часов; если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать, велю

рубить тебе голову.

Вышел солдат из дворца, забрел в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился.

- Ах, дух нечистый! Всё из-за тебя пропадаю.

В ту ж минуту явился к нему чёрт:

- Что тебе, служивый, надобно?

- Эх, - говорит, - смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячусь?

Чёрт ударился о сырую землю и обернулся сизокрылым орлом:

- Садись, служивый, ко мне на спину, я тебя занесу в поднебесье.

Солдат сел на орла; орел взвился кверху и залетел за облака-тучи чёрные.

Прошло пять часов. Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрела - и все словно на ладони увидела; возгласила она громким голосом:

- Полно, орёл, летать по поднебесью; опускайся на низ - от меня ведь не укроешься.

Орёл опустился наземь. Солдат пуще прежнего закурился:

- Что теперь делать? Куда спрятаться?

- Постой, - говорит чёрт, - я тебе помогу.

Подскочил к солдату, ударил его по щеке и оборотил булавою, а сам сделался мышкою, схватил булаву в зубы, прокрался во дворец, нашел волшебную книгу и воткнул в нее булаву.

Прошли последние пять часов. Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела, смотрела - книга ничего не показывает; крепко рассердилась королевна и швырнула её в печь.

Булава выпала из книги, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

Елена Премудрая взяла его за руку.

- Я, - говорит, - хитра, а ты и меня хитрей!

Не стали они долго раздумывать, перевенчались и зажили себе припеваючи.

ЖАР-ПТИЦА И ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА

В некотором царстве, за тридевять земель - в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь. И был у того царя стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский.

Раз поехал стрелец на своем богатырском коне в лес поохотиться. Едет он дорогою, едет широкою - и наехал на золотое перо жар-птицы: как огонь перо светится!

Говорит ему богатырский конь:

- Не бери золотого пера. Возьмешь - горе узнаешь!

И задумался добрый молодец - поднять перо али нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит, а царская милость кому не дорога? Не послушался стрелец своего коня, поднял перо жар-птицы, привез и подносит царю в дар.

- Спасибо! - говорит Царь. - Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и саму птицу. А не достанешь - мой меч, твоя голова с плеч!

Стрелец залился горькими слезами и пошел к своему богатырскому коню.

- О чем плачешь, хозяин?

- Царь приказал жар-птицу добыть.

- Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься: это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтрашнему дню сто кулей отборной пшеницы было по всему чистому полю разбросано.

Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей отборной пшеницы.

На другой день на заре поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался.

Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море - летит жар-птица. Прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошёл к жар-птице, наступил на ее крыло копытом и крепко к земле прижал, а стрелец-молодец выскочил из-за дерева, подбежал, связал жар-птицу веревками, сел на коня и поскакал во дворец.

Приносит царю жар-птицу. Царь увидал, обрадовался, поблагодарил стрельца за службу, жаловал его чином и тут же задал ему другую задачу:

- Коли ты сумел достать жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридевять земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна - ее-то мне и надобно. Достанешь - златом-серебром награжу, а не достанешь - то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню.

- О чем плачешь, хозяин? - спрашивает конь.

- Царь приказал добыть ему Василису-царевну.

- Не плачь, не тужи. Это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с золотою маковкой да разных припасов и напитков на дорогу. Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с золотой маковкой.

Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель. Долго ли, коротко ли, приезжает он на край света, где красное солнышко из синего моря восходит. Смотрит, а по морю плывёт Василиса-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом гребёт.

Стрелец-молодец пустил своего коня в зеленых лугах гулять, свежую травку щипать, а сам разбил палатку с золотою маковкою, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке - угощается, Василисы-царевны дожидается.

А Василиса-царевна усмотрела золотую маковку, приплыла к берегу, вышла из

лодочки и любителю на палатку.

- Здравствуй, Василиса-царевна! - говорит стрелец. - Милости просим хлеба-соли откушать, заморских вин испробовать.

Василиса-царевна вошла в палатку. Начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского вина, захмелела и крепким сном заснула. Стрелец-молодец крикнул своему богатырскому коню, конь в один миг прибежал. Тотчас снимает стрелец палатку с золотой маковкою, садится на богатырского коня, берет с собою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука. Приехал к царю. Тот увидал Василису-царевну, сильно обрадовался, поблагодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином.

Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем с лица переменилась; сколько царь ни уговаривал - все напрасно.

Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит:

- Пусть тот, кто меня сюда привез, поедет к синему морю, посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано мое подвенечное платье - без того платья замуж не пойду!

Царь тотчас за стрельцом-молодцом:

- Поезжай скорее на край света, где красное солнышко восходит. Там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны. Достань это платье и привези сюда - пришла пора свадьбу играть! Достанешь - больше прежнего награжу, а не достанешь - то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, подошел к своему богатырскому коню. "Вот когда, - думает, - не миновать смерти!"

- О чем плачешь, хозяин? - спрашивает конь.

- Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны.

- А что говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживешь! Ну да не бойся: это еще не беда, беда впереди! Садись на меня, да поедem к синему морю.

Долго ли, коротко ли, приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря. Богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползет, и наступил ему на шейку своим тяжелым копытом.

Взмолился морской рак:

- Не губи меня, оставь мне жизнь! Что тебе нужно, все сделаю.

Отвечал ему конь:

- Посреди синего моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!

Рак крикнул громким голосом на все синее море. Тотчас море всколыхнулось, и сползлись со всех сторон на берег раки большие и малые - тьма-тьмушая! Старший рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, изпод великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

Приезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье, а Василиса-царевна опять заупрямилась:

- Не пойду, - говорит царю, - за тебя замуж, пока не велишь ты стрельцу-молодцу в горячей воде искупаться.

Царь приказал налить чугунный котел воды, вскипятить как можно горячей воды да в тот кипяток стрельца бросить. Вот все готово, вода кипит, брызги так и летят. Привели бедного стрельца.

"Вот беда, так беда! - думает он. - Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы! Зачем коня не послушался?"

Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю:

- Царь-государь! Позволь перед смертью пойти с конем попрощаться.

- Хорошо, ступай прощайся!

Пришёл стрелец к своему богатырскому коню и слёзно плачет.

- О чём плачешь, хозяин?

- Царь велел в кипятке искупаться.

- Не бойся, не плачь, жив будешь! - сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил его белому телу.

Вернулся стрелец из конюшни; тотчас подхватили его рабочие люди - и прямо в котел. Он раз-другой окунулся, выскочил из котла - и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Царь увидал, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться, полез сдуру в воду и в ту ж минуту сварился.

Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца. Женился он на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА

В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его верную службу приказал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею.

Простился солдат с своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла, и другая, и третья - не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошадь, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой замок. "Ну-ка, - думает, - не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут - что-нибудь да заработаю".

Поворотил к замку, въехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму,

а сам в палаты пошел. В палатах стол накрыт, на столе еда, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. "Теперь, - думает, - и соснуть можно!"

Вдруг входит медведица:

- Не бойся меня, добрый молодец, ты на добро сюда попал: я не лютая медведица, а красная девица - заколдованная королева. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится - я сделаюсь по-прежнему королевой и выйду за тебя замуж.

Солдат согласился; медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше - тем сильнее.

На третьи сутки до того дошло, что решился солдат бросить все и бежать из замка; только как ни бился, как ни старался - не нашел выхода. Нечего делать, поневоле пришлось оставаться.

Переночевал и третью ночь; поутру является к нему королева красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться. Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат об своей родной стороне, захотел туда побывать; королева стала его отговаривать:

- Оставайся, друг, не езди; чего тебе здесь не хватает?

Нет, не могла отговорить. Прощается она с мужем, дает ему мешочек - сполна семечком насыпан - и говорит:

- По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадет, там в ту же минуту деревья вырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать.

Сел добрый молодец на своего заслуженного коня и поехал в дорогу; где ни едет, по обеим сторонам семя бросает, и следом за ним леса поднимаются, так и ползут из сырой земли!

Едет день, другой, третий и увидал: в чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят, в карты поигрывают, а возле них котел висит; хоть огня и нет под котлом, а варево ключом кипит. "Экое диво! - подумал солдат. - Огня не видать, а варево в котле так и бьет ключом; дай поближе взгляну". Своротил коня в сторону, подъезжает к купцам:

- Здравствуйте, господа честные!

А того и невдомек, что это не купцы, а все черти.

- Хороша ваша штука: котел без огня кипит! Да у меня лучше есть.

Вынул из мешка одно зернышко и бросил наземь - в ту же минуту выросло вековое дерево, на том дереве дорогие плоды красуются, разные птицы песни поют, заморские коты сказки сказывают.

Тотчас узнали его черти.

- Ах, - говорят меж собой, - да ведь это тот самый, что королеву избавил. Давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит.

Принялись его угощать и опоили волшебным зельем. Солдат упал на траву и заснул крепким, беспробудным сном, а купцы, караван и котел вмиг исчезли. Вскоре после того вышла королева в сад погулять; смотрит - на всех деревьях стали верхушки сохнуть. "Не к добру! - думает. - Видно, с мужем что худое приключилось! Три месяца

прошло, пора бы ему назад вернуться, а его нет как нету!"

Собралась королевна и поехала его разыскивать. Едет по той дороге, по какой и солдат путь держал, по обеим сторонам леса растут, и птицы поют, и заморские коты сказки мурлыкают.

Доезжает до того места, что деревьев не стало больше - извивается дорога по чистому полю, и думает: "Куда ж он девался? Не сквозь землю же провалился!" Глядь - стоит в сторонке такое же чудное дерево и лежит под ним ее милый друг.

Подбежала к нему и ну толкать-будить - нет, не просыпается; принялась щипать его, колоть под бока булавами, колола, колола - он и боли не чувствует, точно мертвый лежит, не ворохнется. Рассердилась королевна и с сердцов проклятье промолвила:

- Чтоб тебя, соню негодного, буйным ветром подхватило, в неизвестные страны занесло!

Только успела вымолвить, как вдруг засвистали-зашумели ветры, и в один миг подхватило солдата буйным вихрем и унесло из глаз королевны.

Поздно одумалась королевна, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинехонька.

А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятое государство, и бросило на косе промеж двух морей; упал он на самый узенький клинышек: направо ли сонный оборотится, налево ли повернется - тотчас в море свалится, и поминай как звали!

Полгода проспал добрый молодец, ни пальцем не шевельнул; а как проснулся, сразу вскочил прямо на ноги, смотрит - с обеих сторон волны поднимаются, и конца не видать морю широкому; стоит да в раздумье сам себя спрашивает: "Каким чудом я сюда попал? Кто меня затащил?" Пошел по косе и вышел на остров; на том острове - гора высокая да крутая, верхушкою до облаков хватает, а на горе лежит большой камень. Подходит к этой горе и видит - три черта дерутся, клочья так и летят.

- Стойте, оканные! За что вы деретесь?

- Да, вишь, третьего дня помер у нас отец, и остались после него три чудные вещи; ковер-самолет, сапоги-скороходы да шапка-невидимка, так мы поделить не можем.

- Эх вы! Из таких пустяков бой затеяли. Хотите, я вас разделю? Все будете довольны, никого не обижу.

- А ну, земляк, раздели, пожалуйста!

- Ладно, бегите скорей по сосновым лесам, наберите смолы по сту пудов и несите сюда.

Черти бросились по сосновым лесам, набрали смолы триста пудов и принесли к солдату.

- Теперь притащите из пекла самый большой котел.

Черти приволокли большущий котел - бочек сорок войдет! - и поклали в него всю смолу.

Солдат развел огонь и, как только смола растаяла, приказал чертям тащить котел на гору и поливать ее сверху донизу. Черти мигом и это исполнили.

- Ну-ка, - говорит солдат, - пихните теперь вон тот камень; пусть он с горы катится, а вы трое за, ним вдогонку приударьте. Кто прежде всех догонит, тот выбирай себе любую из трех диковинок; кто второй догонит, тот из двух остальных бери, какая

покажется; а затем последняя диковинка пусть достанется третьему.

Черти пихнули камень, и покатился он с горы шибко-шибко; бросились все трое вдогонку. Вот один черт нагнал, ухватился за камень - камень тотчас повернулся, подворотил его под себя и вогнал в смолу. Нагнал другой черт, а потом и третий, и с ними то же самое! Прилипли крепко-накрепко к смоле. Солдат взял под мышку сапоги-скороходы да шапку-невидимку, сел на ковер-самолет и полетел искать свое царство.

Долго ли, коротко ли - прилетает к избушке; входит - в избушке сидит баба-яга - костяная нога, старая, беззубая.

- Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королевну?

- Не знаю, голубчик! Видом ее не видала, слыхом про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель - там живет моя средняя сестра, она знает больше моего; может, она тебе скажет. Солдат сел на ковер-самолет и полетел; долго пришлось ему по белу свету странствовать. Захочется ли ему есть-пить, сейчас наденет на себя шапку-невидимку, спустится в какой-нибудь город, зайдет в лавки, наберет - чего только душа пожелает, на ковер - и летит дальше.

Прилетает к другой избушке, входит - там сидит баба-яга - костяная нога, старая, беззубая.

- Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где найти мне прекрасную королевну?

- Нет, голубчик, не знаю! Поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель - там живет моя старшая сестра; может, она ведает.

- Эх ты, старая! Сколько лет на свете живешь, все зубы повывалились, а доброго ничего не знаешь.

Сел на ковер-самолет и полетел к старшей сестре. Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец прилетел на край света; стоит избушка, а дальше никакого ходу нет - одна тьма кромешная, ничего не видать! "Ну, - думает, - коли здесь не добьюсь толку, больше лететь некуда!" Входит в избушку - там сидит баба-яга - костяная нога, седая, беззубая.

- Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне искать мою королевну?

- Подожди немножко; вот я созову всех своих ветров и у них спрошу. Ведь они по всему свету дуют, так должны знать, где она теперь проживает.

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, свистнула молодецким посвистом; вдруг со всех сторон поднялись-повеяли ветры буйные, только изба трясется!

- Тише, тише! - кричит баба-яга. И как только собрались ветры, начала их спрашивать:

- Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете, не видали ль где прекрасную королевну?

- Нет, нигде не видали! - отвечают ветры в один голос.

- Да все ли вы налицо?

- Все, только южного ветра нет.

Немного погодя прилетает южный ветер. Спрашивает его старуха:

- Где ты пропадал до сих пор? Еле дождалась тебя!

- Виноват, бабушка! Я зашел в новое царство, где живет прекрасная королевна; муж

у ней без вести пропал, так теперь сватают ее разные цари и царики, короли и королевичи.

- А сколь далеко до нового царства?

- Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нести; а я повею - в три часа доставлю.

Солдат начал просить, чтобы южный ветер взял его и донес в новое царство.

- Пожалуй, - говорит южный ветер, - я тебя донесу, коли дашь мне вволю погулять в твоём царстве три дня и три ночи.

- Гуляй хоть три недели!

- Ну хорошо; вот я отдохну денёк два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь.

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату:

- Ну, брат собирайся, сейчас отправимся, да смотри не бойся, цел будешь!

Вдруг зашумел-засвистел сильный вихрь, подхватило солдата на воздух и понесло через горы и моря под самыми облаками, и ровно через три часа был он в новом царстве, где жила его прекрасная королевна. Говорит ему южный ветер:

- Прощай, добрый молодец! Жалеючи тебя, не хочу гулять в твоём царстве.

- Что так?

- Потому, если я загуляю, ни одного дома в городе, ни одного дерева в садах не останется: все вверх дном поставлю!

- Ну прощай! Спасибо тебе! - сказал солдат, надел шапку-невидимку и пошел в белокаменные палаты. Вот пока его не было в царстве, в саду все деревья стояли с сухими верхушками, а как он явился, тотчас ожили и начали цвести.

Входит он в большую комнату, а там сидят за столом разные цари и царики, короли и королевичи, что приехали за прекрасную королевну свататься, сидят да сладкими медами угощаются. Какой жених ни нальет стакан, только к губам поднесет - солдат тотчас хватить кулаком по стакану и сразу вышибет. Все гости тому удивляются, а прекрасная королевна в ту же минуту догадалась. "Верно, - думает, - мой друг воротился!" Посмотрела в окно - в саду на деревьях все верхушки ожили, и стала она своим гостям загадку загадывать:

- Была у меня золотая нитка с золотой иглой; я ту иглу потеряла и найти не чаяла, а теперь та игла нашлась. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду.

Цари и царики, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали свои мудрые головы, а разгадать никак не могли. Говорит королевна:

- Покажись, мой милый друг!

Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял ее за белые руки и стал целовать в уста сахарные.

- Вот вам и разгадка! - сказала прекрасная королевна. - Золотая нитка - это я, а золотая игла - это мой верный муж. Куда иголочка - туда и ниточка.

Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королевна стала с своим мужем жить-поживать да добра наживать.

ЗОЛОТОЙ КОНЬ

В некотором царстве, в некотором государстве жил старик со старухой. Старик охотою промыслял, старуха дома хозяйничала.

Жаден старик, а старуха еще пуще. Что старик ухлопает, то старуха слопает.

Вот встает рано утром старик и говорит:

- Поднимайся, старуха! Разогревай сковородку, пошел я на охоту.

Ходил-ходил старик по лесу, ни зверя, ни птицы не нашел. А старуха сковородку грела, пока не покраснела.

Идет старик домой с пустой сумой. Видит - сидит на гнездышке птичка, под ней двадцать одно яичко. Хлоп! Убил ее.

Приходит домой.

- Ну, старуха, принес я закуску!

- А что же ты, старик, принес?

- Да вот убил на гнездышке птичку, взял под ней двадцать одно яичко.

- Ах ты, дурак старый! Не надо было птицу бить. Яйца-то ведь они, насиженные, никуда не годные. Садись-ка теперь сам, доводи их до дела.

И птицу жарить не захотела. Не стал старик перечить, сел в лукошко вместо наседки.

Сидел он двадцать одну неделю. Высидел не двадцать птенцов, а двадцать молодцов. Одно яйцо осталось.

Старуха не унимается.

- Сиди, - говорит, - чтоб было кому работать, коров пасти, хозяйство блюсти.

Просидел он еще двадцать одну неделю. Старуха с голоду померла, а старик вывел на свет красавца молодца и назвал его Иваном.

Живет старик, поживает, добра наживает. Названные дети с утра до вечера работают. А старик похаживает, брюхо поглаживает, на работников покрикивает. Разбогател. Землю пшеницей засеял. Пришло время убирать. Наставили братья скирдов видимо-невидимо.

Стал старик примечать, что скирды пропадают. Зовет своих молодцов:

- Надо, дети, караулить!

Назначил всем черед - по ночи каждому сторожить. Ивану последняя ночь досталась.

Братья караул проспали, ничего не видали. Настала Иванова очередь.

Пошел он в кузницу, отковал молот в двадцать пять пудов, в полтора пуда железные

удила. Из пуда конопля узду свил.

Сел под скирдом, караулит. До полуночи просидел. Слышит конский топот: кобылица бежит, под ней земля дрожит, за ней двадцать один жеребёнок.

Топнула она ногой, развалился скирд, жеребята его вмиг разметали.

Ударил Иван кобылицу молотком между ушей. Села она на коленки. Оборотал¹ ее Иван и повел вместе с жеребятами к себе во двор. Ворота на засов, а сам спать лег.

Встает утром старик.

- Ты что спишь, Иван, бездельник?

- Нет, батюшка, я не бездельник, - отвечает Иван. - Приказ я твой выполнил.

Посмотрел старик - полный двор лошадей. Похвалил Ивана перед братьями:

- Вот у меня Иван какой! А вы что? Дураки незначительные...

Стали они лошадей делить. Старик взял кобылицу. Старшие братья на выбор лошадей облюбовали, а Ивану достался самый захудалый жеребеночек. Вот собираются братья на охоту. Садятся на резвых коней.

Иван своего жеребеночка попробовал - положил руку ему на спину. Гнётся жеребёночек, на все четыре ноги садится. Тяжела для него хозяина рука. Пустил его Иван на сутки в луга. На другой день положил руку - не гнется жеребеночек. Положил ногу - гнется. Пустил еще на сутки в луга.

На третий день приводит Иван коня. Кладет ногу - не гнется. Сам садится - гнется конь. Пустил опять на сутки в луга.

На четвертый день садится Иван на своего коня - не гнется под ним конь.

А братья давно уже уехали на охоту. Едет Иван по чистому полю, догоняет братьев. День проходит, второй проходит - не видно в чистом поле никого. Вот третий день кончается, ночь наступает. Смотрит Иван - похоже, виднеется огонек. "Знать, братья мои кашу варят".

Ближе подъезжает - все видней да жарче огонь. Подскакал Иван, а это золотое перо лежит. Жалко Ивану расстаться с золотым пером. А конь ему человеческим голосом говорит:

- Не подымай, Иван, золотого пера, большая беда будет!

Не послушал Иван коня, поднял перо и за пазуху спрятал.

Съезжаются братья домой. Дает им старик приказ вычистить коней:

- Буду нынче смотр делать. Дал он старшим братьям щетки да мыло. Ивану ничего не дал.

Приуныл Иван. А конь его говорит:

- Не печалься, хозяин. Возьми золотое перо, махни туда-сюда - все будет как надо.

Вот братья повымыли, повычистили своих коней, а Иван только пером махнул: стал конь золотой, волос к волосу лежит, в гриву алые ленты вплетены, на лбу звезда сияет.

Выводят старшие братья на смотр старику своих коней. Все кони чисты, все хороши.

А Иван вывел - еще лучше. Конь пляшет золотой.

- Эх вы! - говорит старик. - Какой плохонький конек ему достался, а сейчас лучше ваших всех. Взяла братьев ревность:

- Давайте, ребята, придумаем, что бы такое на Ивана наговорить.

Приходят к старику:

- Ты, батюшка, не знаешь, какой наш Иван хитрый. Он нам не тем еще хвалился.

- А чем же он хвалился, ребята?

- Я, - говорит, - не то, что вы. Захочу, достану кота-игруна, гусака-плясуна и лисицу-цимбалку.

Поверил старик. Призывает Ивана.

- Тут ребята про тебя говорят, что ты можешь достать кота-игруна, гусака-плясуна и лисицу-цимбалку.

- Нет, батюшка! Ничего я об этом не знаю.

- Как так не знаешь? Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Хоть и не нужны они мне, а чтобы достал их непременно!

Загоревал Иван, пошел к своему коню на совет:

- Ох, верный мой конь, беда мне...

А конь говорит:

- Это - беда не беда, впереди будет беда. Садись на меня, поедem добывать заказанное.

Отправляется Иван в чужие города. Остановился конь у высоких хором и говорит:

- Живет здесь богатый купец. Ступай к нему, проси продать кота-игруна, гусака-плясуна и лисицу-цимбалку. Будет просить он в обмен твоего коня. Ты соглашайся. Только смотри, когда будешь меня отдавать, сними с меня узду.

Сделал Иван, как велел конь. Отдал ему купец кота-игруна, гусака-плясуна, лисицу-цимбалку, а Иван - взамен своего золотого коня.

Уздечку снял. Говорит:

- Уздечка у меня дареная, непродажная.

Вышел в чисто поле, слышит - земля дрожит. Подбегает к нему верный конь.

- Ну, поедem домой, хозяин. Ушел я от купца.

Привез Иван старику подарки. Сбежались братья смотреть на диво. Лисица в цимбалы бьет, кот песни играет, гусак пляшет.

- Эх вы! - говорит старик братьям. - Никуда вы не годны. Вот Иван у меня голова - все исполнил мои дела!

А те в ответ:

- Ох, батюшка, Иван не то еще знает. Сам хвастался.

- А что? Что он знает, ребята?

- Он нам, батюшка, говорил: "Я знаю, где гусли-самоигры достать".

Призывает старик Ивана:

- Иван, привези мне гусли-самоигры!

- Ох, батюшка, я их видать не видал, слышать про них не слыхал.

Рассердился старик.

- Надоели, - говорит, - мне твои отпоры! Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Чтобы достал гусли-самоигры!

Пошел Иван к коню на совет:

- Ой, конь мой верный! Вот пришла моя беда!

Конь ему отвечает:

- Это - беда не беда, впереди будет беда. Иди спать. Утро вечера мудренее.

Встает Иван рано, седлает золотого коня, отправляется в густые леса.

Ехали-ехали. Видят: стоит избушка на курьих лапках, на собачьих пятках.

Говорит Иван:

- Избушка, избушка, стань ко мне передом, на запад задом.

Повернулась избушка. Выходит из нее баба-яга, костяная нога - на ступе ездит, метлой подметает, пестом погоняет.

- Ах ты, добрый молодец! - говорит. - Зачем сюда заехал? Или тебе головы не жалко?

Иван ей отвечает:

- Эх, бабушка ты, старушка! Не спросила ты, какое у меня горе-беда! Накормлен ли я, напоен ли я или с голоду умираю? У нас на Руси дорожного человека злым словом не встречают, добром привечают. Сперва накормят, напоят, а потом и разговор ведут.

Умилилась старушка его словам.

- Иди, - говорит, - парень, сюда. Моим гостем будешь.

Слезает Иван с золотого с коня. Входит в избушку на курьих лапках, на собачьих пятках. Сажает его старушка за стол. Накормила, напоила, про горе-беду расспросила.

- Ах, бабушка! Горе мое большое, - говорит, - Иван. - Как мне быть? Где мне гусли-самоигры добыть?

- Я, родимый, знаю, где эта диковинка.

- Ой, бабушка, расскажи, моему горю помоги!

- Парень-красота, жалко мне тебя. Трудное это дело. Есть у меня сестра, а у нее сын Змей Горыныч. Так эти гусли у него. Не любит он духу человеческого. Боюсь, как бы он тебя не съел. Ну уж я постараюсь для тебя - сестру упрошу, тебе помогу. Вот мой двор, а посреди двора - дубовый кол. Привяжи к нему коня за шелковые поводья. А я дам тебе клубочек, держи его за кончик. Будет он катиться, а ты следом иди.

Вот идет Иван, а клубочек впереди катится. Приходит ко двору Змея Горыныча. Заперты ворота на двенадцати цепях, на двенадцати замках. Постучался Иван. Вышла старушка - мать Змея Горыныча.

- Ох, парень молодой, зачем сюда - зашел? Мой сын прилетит голодный, он тебя съест!

Отвечает ей Иван:

- Бабушка ты, старушка! Не спросила ты у меня, какая моя беда. Голодный ли я, холодный ли? У нас на Руси дорожного человека злым словом не встречают, добром привечают. Сперва накормят, напоят, а потом и разговор ведут.

Умилилась старушка его словам, повела его в избу. Накормила, напоила, про беду-

горе расспросила.

- Не печалься, парень-красота, - говорит, - Я твоему горю помогу.

Уже полночь подходит, скоро Змей Горыныч прилетит. Надо Ивана прятать.

Старушка говорит:

- Ложись под лавку. Я буду сына встречать, тебя, парня, защищать.

Вот в полночь прилетел Змей Горыныч. Летит - земля дрожит, деревья качаются, листья осыпаются. Влетел в избу, повел носом и говорит:

- Русь-кость пахнет.

А старушка ему отвечает:

- И-и, сыночек! По Руси летал, Руси набрался, вот тебе Русью и пахнет.

- Собирай, мать, поешь, - говорит Змей Горыныч.

Выдвигает старушка из печи целого быка, подает на стол ведро вина.

Выпил Змей Горыныч вина, поел сладко быка. Повеселел.

- Эх, мать, с кем бы мне в карты сыграть? - говорит.

Старушка отвечает:

- Я бы нашла, дитенок, с кем тебе в карты сыграть, да боюсь - вред ему от тебя будет.

- Уважу я тебя, мать, - говорит Змей Горыныч. - Никакого вреда ему не сделаю. Больно мне охота в карты поиграть.

Позвала старушка Ивана. Вылазит он из-под лавки, садится за стол.

- А на что будем играть? - спрашивает Змей Горыныч.

Сделали они между собой уговор: кто кого обыграет, тот того и ест.

Начали играть. День играли, два играли, на третий день обыграли Змея Горыныча.

Испугался Змей Горыныч, на коленки становится, просит:

- Не ешь меня!

- Ну что ж, - говорит Иван, - хочешь жив остаться, отдай мне гусли-самоигры.

Обрадовался Змей Горыныч.

- Бери! - говорит. - Будут у меня гусли еще втрое лучше!

Змей Горыныч Ивана наградил, далеко проводил. Приезжает домой Иван. Повесил в избе гусли-самоигры.

Запели, заиграли гусли. Лисица в цимбалы ударила. Кот песню завел. Гусак плясать пошел. Веселье началось. Хвалит старик Ивана, а братьев бранит, со гвора гонит.

Задумались братья: как бы Ивана очернить?

Старший брат говорит:

- Знаете что, ребята? Слыхал я, есть в заморском царстве Марья-королевна. Уж ее-то Ивану не достать.

Пошли они к старику:

- Ты, батюшка, еще всего не знаешь про хитрость Ивана. Хвалился он нам, что Марью-королевну достать может.

Призывает старик Ивана.

- Тут братья сказывают, что ты Марью-королевну достать можешь.

- Ой, батюшка! Знать не знаю ничего о Марье-королевне!

Старик слушать не хочет:

- Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Ступай немедля. Чтоб представил мне Марью-королевну!

Заплакал тут Иван, пошел к коню:

- Ой, конь мой верный. Вот беда мне какая!

А конь говорит:

- Это - беда не беда, впереди будет беда. Собирайся, хозяин, в дорогу.

Что Ивану делать? Забирает он с собой своего коня, гусли-самоигры, лисицу-цимбалку, кота-игруна, гусака-плясуна. Садится на корабль.

Плыли-плыли. Приплывают к тому государству, где Марья-королевна живет.

Отец-царь пуще ока дочку бережет. Марья-королевна даже по двору гулять никогда одна не выходила. Распустил Иван паруса, остановил свой корабль против царского дворца. Заиграли гусли-самоигры. Ударил в цимбалы лисица-цимбалка. Запел кот-игрун. Пошел в пляс гусак-плясун. Заметалась по двору Марья-королевна:

- Ой, батюшка! Я такой музыки отроду не слыхала! Пусти меня на пристань - корабль посмотреть, музыку послушать.

Ну что стоит царю со своими слугами да сенными девушками² ее просьбу исполнить? Упросила она отца.

Пустил он ее к морю корабль посмотреть, музыку послушать. А сенным девушкам приказал не спускать глаз с Марьи-королевны, чтобы беды какой не случилось.

Корабль у самой пристани стоит. На нем все окна отворены, людей не видно. Оперлась царская дочь на подоконник, заслушалась чудесной музыкой.

Заслушались и сенные девушки.

Не заметил никто, как подхватил Иван Марью-королевну на свой корабль. И понесли их быстро паруса. Увез Иван Марью-королевну. Прибыли они домой. Обрадовался старик, в пляс пустился. Плясал, покуда шапку не потерял.

- Теперь буду жениться, - говорит. Марья-королевна отвечает:

- Нет, погоди! Сумел меня увезти, сумей и шкатулку мою с уборами унести.

- А где же твоя шкатулка?

- Стоит моя шкатулка под тем столом, на котором батюшка-царь обедает.

Призывает старик Ивана:

- Вот тебе задача: привези мне шкатулку Марьи-королевны.

- Ой, батюшка, не смогу я! - отвечает Иван.

- Ты, Иван, мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Привезти шкатулку ты должен.

И разговора больше нет. Пошел Иван к коню на совет:

- Ой, конь мой верный! Вот когда мне беда!

- Это - беда не беда, впереди будет беда. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Встает утром Иван, седлает коня, отправляется в то царство, откуда Марью-королевну привез. Навстречу старик-побирушка. Купил у него Иван одежду с сумой за сто рублей. Переоделся нищим. Подъезжает к царскому дворцу. Вынул золотое перо, махнул им туда-сюда, стал конь золотой. Пустил его Иван в царский двор.

Выбежали царские слуги и сам царь с царицей. Стали золотого коня ловить, забыли в доме двери затворить.

А Иван проворен был. Вбежал во дворец, схватил из-под царского стола шкатулку и в суму положил. Выскакивает на двор, кричит:

- Не смогу ли я пособить?

Вскочил на коня, угодил ногами в стремя. Ускакал и шкатулку увез.

Старик пуще прежнего рад.

- Привез Иван шкатулку, - говорит. - На завтра свадьбу назначить.

Марья-королевна отвечает:

- погоди-ка со свадьбой. Не все еще ты для меня сделал. Есть в море двенадцать кобылиц, пригони их мне сюда:

Призывает старик Ивана.

- Чтоб были мне двенадцать морских кобылиц!

Заплакал Иван и пошел к коню на совет:

- Ой, конь мой верный! Вот мне беда!..

Выслушал его конь и говорит:

- Теперь беда. Ну, что будет, то будет. Готовь двенадцать кож, двенадцать пудов бечевы, двенадцать пудов смолы и три пуда железных прутьев. Поедем к морю за кобылицами.

Приготовил Иван все это. Подъезжают они к морю.

Развел Иван огонь, поставил на него котел со смолой. Кожами коня уматывает, бечевой увязывает, смолой заливает. Когда он двенадцать кож намотал, двенадцатью пудами смолы залил, конь говорит:

- Смотри на то место, где я в море прыгну. Пойдут по воде белые пузыри, ты не тревожься: это я кобылиц из стойла выгоняю. А вот если кровавые пузыри увидишь, бери железные прутья и прыгай ко мне на помощь. Знай, что одолели меня морские кобылицы.

Прыгнул конь в море, а Иван сидит на берегу, на то место смотрит, где конь скрылся. Через два часа пошли по воде белые пузыри. Трех часов не прошло, выскочили на берег морские кобылицы, а за ними Иванов конь.

Глядит Иван, осталась на коне только одна кожа непованной. Одиннадцать кож морские кобылицы погрызли, копытами побили.

Пригнал Иван морских кобылиц домой. Марья-королевна ему говорит:

- Ну, Иван, сумей теперь от них надоить котел молока.

- Ой, Марья-королевна, - отвечает Иван, - не умею я их доить.

А старик стоит и приказывает:

- Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Дои кобылиц без отказа!

Пошел Иван к коню на совет.

- Не горюй, хозяин, - говорит ему конь. - Это дело нехитрое.

Принялся Иван за работу. Надоил от морских кобылиц котел молока.

Говорит ему Марья-королевна:

- Надо теперь молоко вскипятить. Как закипит ключом, скажешь мне.

Пошел Иван к коню на совет.

- Ой, конь мой верный! Какой мне приказ дают!

Велят молоко кипятить.

- Не бойся, хозяин, - говорит ему конь. - Делай так, как я скажу. Закипит молоко, велят тебе прыгнуть в котел купаться. А ты стой и слушай: как заржу я в конюшне три раза, тогда прыгай.

Вскипятил Иван молоко. Из края в край закипело, ключом бьет.

Доложили Марье-королевне. Идет она со стариком к котлу. Тот ее и на шаг от себя не отпускает.

Говорит она старику:

- Надо тебе в кипучем молоке искупаться, тогда я за тебя замуж пойду.

Испугался старик:

- Нет, пускай сначала Иван испробует.

Говорит Марья-королевна:

- Ну, Иванушка, все ты для меня сделал. Исполни и это: искупайся в кипучем молоке.

Котел ключом кипит, молоко через верх выплескивается. Снял Иван рубаху. Стоит возле котла, от верного друга известия ждет.

Заржал конь на конюшне три раза. Тут Иван в котел прыгнул. Три раза от края до края проплыл. Вышел на свет живой, невредимый. И так хорош был, а теперь совсем красавцем стал: кровь с молоком.

Говорит Марья-королевна старику:

- Ну, прыгай теперь ты!

Прыгнул старик в котел, и развалились его кости. Иванушка с Марьей-королевной повенчались. Я у них была, чай пила. Они за мной ухаживали, меня углаживали, а я им сказки сказывала.

¹ Обротать - надеть на морду лошади недоуздок - узду без удил и с одним поводом для привязи.

² Сенная девушка - служанка на посылках; находилась в сенях, в прихожей барских покоев.

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА И ПОЛУНОЧКА

В некоем государстве жил-был король; у него было три дочери красоты неописанной. Король берег их пуще глаза своего, устроил подземные палаты и посадил их туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красно солнышко лучом не опалило. Раз как-то вычитали королевны в одной книге, что есть чудный белый свет, и когда пришел король навестить их, они тотчас начали его со слезами упрашивать:

- Государь ты наш батюшка! Выпусти нас на белый свет посмотреть, в зелёном саду погулять.

Король принялся было их отговаривать, - куда! - и слышать не хотят; чем больше отказывает, тем они пуще к нему пристают. Нечего делать, согласился король на их неотступную просьбу.

Вот прекрасные королевны вышли в сад погулять, увидели красное солнышко, и деревья, и цветы, и несказанно возрадовались, что им волен белый свет; бегают по саду - забавляются, всякою травкою любят, как вдруг подхватило их буйным вихрем и унесло высоко-далеко - неведомо куда.

Мамки и няньки всполошились, побежали к королю докладывать; король тотчас разослал во все стороны своих верных слуг: кто на след нападет, тому посулил большую награду пожаловать. Слуги ездили-ездили, ничего не проведали, с чем поехали - с тем и назад воротились.

Король созвал свой большой совет, стал у думных бояр спрашивать, не возьмется ли кто разыскать его дочерей? Кто это дело сделает, за того любую королевну замуж отдаст и богатым приданым на всю жизнь наделит.

Раз спросил - бояре молчат, в другой - не отзываются, в третий - никто ни полслова! Залился король горячими слезами:

- Видно, нет у меня ни друзей, ни заступников! - и велел по всему государству клич кликать: не выищется ли кто на такое дело из простых людей?

А в то самое время жила-была в одной деревне бедная вдова, и было у нее трое сынов - сильномогучих богатырей; все они родились в одну ночь: старший с вечера, середний в полночь, а меньшей на ранней утренней зоре, и назвали их по тому: Вечорка, Полуночка и Зорька. Как дошёл до них королевский клич, они тотчас взяли у матери благословение, собрались в путь и поехали в столичный град. Приехали к королю, поклонились ему низко и молвили:

- Многодетно здравствуй, государь! Мы пришли к тебе не пир пировать, службу служить; позволь нам поехать, Твоих королевен разыскать.

- Исполать¹ вам, добрые молодцы! Как вас по имени зовут?

- Мы - три брата родные: Зорька, Вечорка и Полуночка.

- Чем же вас на дорогу пожаловать?

- Нам, государь, ничего не надобно; не оставь только нашей матушки, призри её в бедности да в старости.

Король взял старуху, поместил во дворец и велел кормить её и поить со своего стола, одевать-обувать из своих кладовых. Отправились добрые молодцы в путь-дорогу; едут месяц, и другой, и третий, и заехали в широкую пустынную степь. За той степью дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка; постучались в окошко - нет отзыва, вошли в двери - а в избушке нет никого.

- Ну, братцы, останемся здесь на время, отдохнем с дороги.

Разделись, помолились Богу и легли спать. Наутро меньшой брат Зорька говорит старшему брату Вечорке:

- Мы двое на охоту пойдем, а ты оставайся дома да приготовь нам обедать.

Старший брат согласился; возле той избушки был хлевец полон овец; вот он, долго не думая, взял что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил к обеду. Приготовил все как надобно и лег на лавочку отдохнуть.

Вдруг застучало, загремело - отворилась дверь и вошел старичок сам с ноготок, борода с локоток, глянул сердито и закричал на Вечорку:

- Как смел в моем доме хозяйничать, как смел моего барана зарезать?

Отвечает Вечорка:

- Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать! Вот возьму щей ложку да хлеба крошку - все глаза заплесну!

Старичок с ноготок еще пуще озлобился:

- Я мал, да удал!

Схватил горбушку хлеба и давай его в голову бить, до полусмерти прибил, чуть-чуть живого оставил и бросил под лавку; потом съел зажаренного барана и ушёл в лес. Вечорка обвязал голову тряпицею, лежит да охает.

Воротились братья, спрашивают:

- Что с тобой подеялось?

- Эх, братцы, затопил я печку, да от великого жару разболелась у меня головушка - весь день как шальной провалялся, не мог ни варить, ни жарить!

На другой день Зорька с Вечоркою на охоту пошли, а Полуночку дома оставили: пусть-де обед приготовит. Полуночка развел огонь, выбрал самого жирного барана, зарезал его, поставил в печь; управился и лег на лавку.

Вдруг застучало, загремело - вошел старичок сам с ноготок, борода с локоток и давай его бить-колотить; чуть-чуть совсем не ухлопал! Съел жареного барана и ушел в лес. Полуночка завязал платком голову, лежит под лавкою и охает.

Воротились братья:

- Что с тобой? - спрашивает Зорька.

- Угорел, братцы! Всю головушку разломило, и обеда вам не готовил.

На третий день старшие братья на охоту пошли, а Зорька дома остался; выбрал что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил. Управился и лег на лавочку.

Вдруг застучало, загремело - идет во двор старичок сам с ноготок, борода с локоток, на голове целый стог сена тащит, а в руках большой чан воды несет; поставил чан с водою, раскидал сено по двору и принялся овец считать. Видит - опять не хватает

одного барана, рассердился, побежал в избушку, бросился на Зорьку и крепко ударил его в голову. Зорька вскочил, ухватил старичка за длинную бороду и ну таскать вповолочку во все стороны; таскает да приговаривает:

- Не узнав броду, не суйся в воду!

Взмолился старичок сам с ноготок, борода с локоток:

- Смилуйся, сильномогучий богатырь! Не предавай меня смерти, отпусти душу на покаяние.

Зорька вытащил его на двор, подвел к дубовому столбу и в тот столб забил ему бороду большим железным клином; после воротился в избу, сидит да братьев дожидается.

Пришли братья с охоты и дивуются, что он цел-невредим. Зорька усмехается и говорит:

- Пойдемте-ка, братцы, ведь я ваш угар поймал, к столбу привязал.

Выходят на двор, смотрят - старичок с ноготок давно убежал, только половина бороды на столбе мотается; а где он бежал, тут кровь лилась.

По тому следу добрались братья до глубокого провала. Зорька пошёл в лес, надрал лыков, свил веревку и велел спустить себя под землю. Вечорка и Полночка спустили его под землю. Очутился он на том свете, отвязался от цепи и пошел куда глаза глядят. Шёл-шёл - стоит медный дворец; он во дворец, встречает его младшая королевна - краше цвета алого. белей снегу белого, и ласково спрашивает:

- Как зашел сюда, добрый молодец, по воле аль по неволе?

- Твой родитель послал вас, королевен, разыскивать.

Она тотчас посадила его за стол, накормила-напоила и дает ему пузырек с сильной водою:

- Испей-ка этой водицы, у тебя силы прибавится.

Зорька выпил тот пузырек и почувствовал в себе мощь великую. "Теперь, - думает, - хоть кого осилю!"

Тут поднялся буйный ветер, королевна испугалась:

- Сейчас, - говорит, - мой змей прилетит!

Взяла его за руку и схоронила в другой комнате. Прилетел трёхглавый змей, ударился о сырую землю, обернулся молодцем и закричал:

- А! Русским духом пахнет... кто у тебя в гостях?

- Кому у меня быть? Ты по Руси летал, там русского духу набрался - оттого и здесь тебе чудится.

Змей запросил есть и пить; королевна принесла ему разных кушаньев и напитков, а в те напитки подсыпала сонного зелья. Змей наелся-напился, стало его в сон бросать; он заставил королевну искать у себя в головах, лег к ней на колени и заснул крепким сном. Королевна вызвала Зорьку; тот вышел, размахнул мечом и отрубил змею все три головы; потом разложил костер, сжег змея поганого и пустил пепел по чистому полю.

- Теперь прощай, королевна! Пойду искать твоих сестер, а как найду - за тобой ворочусь.

Сказал Зорька и пошел в дорогу; шел-шел - видит серебряный дворец, в том дворце

жила середняя королева. Зорька убил тут шестиглавого змея и пошел дальше.

Долго ли, коротко ли - добрался он до золотого дворца, в том дворце жила старшая королева; он убил двенадцатиглавого змея и освободил её от заключения.

Королева возрадовалась, стала домой собираться, вышла на широкий двор, махнула красным платочком - золотое царство в яичко скаталось; взяла то яичко, положила в карман и пошла с Зорькою-богатырем за своими сестрицами. Те то же самое сделали: скатали свои царства в яички, забрали с собой и отправились к провалу. Вечорка и Полуночка вытащили своего брата и трех королевен на белый свет.

Приезжают они все вместе в свое государство; королевны покатили в чистом поле своими яичками - и тотчас явились три царства: медное, серебряное и золотое. Король так обрадовался, что и рассказать нельзя; тотчас же обвенчал Зорьку, Вечорку и Полуночку на своих дочерях, а по смерти сделал Зорьку своим наследником.

¹ *Исполать вам - хвала вам, слава.*

ИВАН БЕСТАЛАННЫЙ И ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

Жила в одной деревне крестьянка, вдова. Жила она долго и сына своего Ивана растила.

И вот настала пора - вырос Иван. Радуеться мать, что он большой стал, да худо, что он у нее бесталанным вырос. И правда: всякое дело у Ивана из рук уходит, не как у людей; всякое дело ему не в пользу и впрок, а все поперек. Поедет, бывало, Иван пахать, мать ему и говорит:

- Сверху-то земля оплошала, поверху она хлебом съедена, ты ее, сынок, поглубже малость паши!

Иван вспашет поле поглубже, до самой глины достанет и глину наружу обернет; посеет потом хлеб - не родится ничего, и семенам извод. Так и в другом деле: старается Иван сделать по-доброму, как лучше надо, да нет у него удачи и разума мало. А мать стара стала, работа ей непосильна. Как им жить? И жили они бедно, ничего у них не было.

Вот доели они последнюю краюшку хлеба, самую остатнюю. Мать и думает о сыне -

как он будет жить, бесталанный! Нужно бы женить его: у разумной жены, гляди-ко, и неудельный муж в хозяйстве работник и даром хлеба не ест. Да кто, однако, возьмет в мужья ее бесталанного сына? Не только что красная девица, а и вдова, поди, не возьмет!

Покуда мать закручинилась так-то, Иван сидел на завалинке и ни о чем не горевал. Глядит он - идет старичок, собою ветхий, обомшелый, и земля въелась ему в лицо, ветром нагнало.

- Сынок, - старичок говорит, - покорми меня: отощал я за дальнюю дорогу, в суме ничего не осталось.

Иван ему в ответ:

- А у нас, дедушка, крошки хлеба нету в избе. Знать бы, что ты придешь, я бы давеча сам последней краюшки не ел, тебе бы оставил. Иди, я тебя хоть умою и рубаху твою ополощу.

Истопил Иван баню, вымыл в бане прохожего старика, всю грязь с него смыл, веником попарил его а потом и рубаху и порты его начисто ополоскал и спать в избе положил.

Вот старик тот отдохнул, проснулся и говорит:

- Я твое добро упомяну. Коли будет тебе худо, пойдешь в лес. Дойдешь до места, где две дороги расстанутся, увидишь, там серый камень лежит, - толкни тот камень плечом и кликни: дедушка, мол, - я тут и буду. Сказал так старик и ушел. А Ивану с матерью совсем худо стало: все поскребышки из ларя собрали, все крошки поели.

- Обожди меня, матушка, - сказал Иван. - Может, я хлеба тебе принесу.

- Да уж где тебе! - ответила мать. - Где тебе, бесталанному, хлеба взять! Сам-то хоть поешь, а я уж, видно, не евши помру... невесту бы где сыскал себе, - глядь, при жене-то, коли разумница окажется, всегда с хлебом будешь.

Вздыхнул Иван и пошел в лес. Приходит он на место, где дороги расстанутся, тронул камень плечом, камень и подался. Явился к Ивану тот дедушка.

- Чего тебе? - говорит. - Аль в гости пришел?

Повел дедушка Ивана в лес. Видит Иван - в лесу богатые избы стоят. Дедушка и ведет Ивана в одну избу - знать, он тут хозяин.

Велел старик кухонному молодцу да бабке-стряпухе изжарить на первое дело барана. Стал хозяин угощать гостя.

Поел Иван и еще просит.

- Изжарь, - говорит, - другого барана и хлеба краюху подай.

Дедушка-хозяин велел кухонному молодцу другого барана изжарить и подать ковригу пшеничного хлеба.

- Изволь, - говорит, - угощайся, сколь у тебя душа примет. Аль не сыт?

- Я-то сыт, - отвечает Иван, - благодарствую тебе, а пусть твой молодец отнесет хлеба краюшку да барана моей матушке, она не евши живет.

Старый хозяин велел кухонному молодцу снести матери Ивана две ковриги белого хлеба и целого барана. А потом и говорит:

- Отчего же вы с матерью не евши живете? Смотри, вырос ты большой, гляди - женишься, чем семейство прокормишь?

Иван ему в ответ:

- А незнамо как, дедушка! Да нету жены у меня.

- Эко горе какое! - сказал хозяин. - А отдам-ка я свою дочь тебе в замужество. Она у меня разумница, ее ума-то вам на двоих достанет.

Кликнул старик свою дочь. Вот является в горницу прекрасная девица. Такую красоту и не видел никто, и неизвестно было, что она есть на свете. Глянул на нее Иван, и сердце в нем приостановилось.

Старый отец посмотрел на дочь со строгостью и сказал ей:

- Вот тебе муж, а ты ему жена. Прекрасная дочь только взор потупила:

- Воля ваша, батюшка. Вот поженились они и стали жить-поживать. Живут они сыто, богато, жена Ивана домом правит, а старый хозяин редко дома бывает: ходит он по миру, премудрость там среди народа ищет, а когда найдет ее, возвращается ко двору и в книгу записывает. А однажды старик принес волшебное круглое зеркальце. Принес он его издалече, от мастера-волшебника с холодных гор, - принес, да и спрятал. Мать Ивана жила теперь сыта и довольна, а жила она, как прежде, в своей избе на деревне. Сын звал ее жить к себе, да мать не захотела: не по душе ей была жизнь в доме жены Ивана, у невестки.

- Боюсь я, сынок, - сказала матушка Ивану. - Ишь она, Еленушка, жена твоя, красавица писаная какая, богатая да знатная, - чем ты ее заслужил? Мы-то с отцом твоим в бедности жили, а ты и вовсе без судьбы родился.

И осталась жить мать Ивана в своей старой избушке. А Иван живет и думает: правду говорит матушка; всего будто довольно у него, и жена ласковая, слова поперек не скажет, а чувствует Иван, словно всегда холодно ему. И живет он так с молодой женой вполжиться-вполбыть, а нет чтобы вовсе хорошо. Вот приходит однажды старик к Ивану и говорит:

- Уйду я далече, далее, чем прежде ходил, вернусь я не скоро. Возьми-ко, на тебе, ключ от меня. Прежде я при себе его носил, да теперь боюсь потерять: дорога-то мне дальняя. Ты ключ береги и амбар им не отпирай. А уж пойдешь в амбар, так жену туда не веди. А коли не стерпишь и жену поведешь, так цветное платье ей не давай. Время придет, я сам ей выдам его, для нее и берегу. Гляди-ко запомни, что я тебе сказал, а то жизнь свою в смерти потеряешь!

Сказал старик и ушел. Прошло еще время. Иван и думает:

"А чего так! Пойду-ка я в амбар да погляжу, что там есть, а жену не поведу!"

Пошел Иван в тот амбар, что всегда взаперти стоял, открыл его, глядит - там золота много, кусками оно лежит, и камни, как жар, горят, и еще добро было, которому Иван не знал имени. А в углу амбара еще чулан был либо тайное место, и дверь туда вела. Иван открыл только дверь в чулан и ступить туда не успел, как уже крикнул нечаянно:

- Еленушка, жена моя, иди сюда скорее!

В чулане том висело самоцветное женское платье. Оно сияло, как ясное небо, и свет, как живой ветер, шел по нему. Иван обрадовался, что увидел такое платье; оно как раз впору будет его жене и придется ей по нраву.

Вспомнил было Иван, что старик не велел ему платье жене давать, да что с платьем станется, если он его только покажет! А Иван любил жену: где она улыбнется, там ему и счастье.

Пришла жена. Увидела она это платье и руками всплеснула.

- Ах, - говорит, - каково платье доброе!

Вот она просит у Ивана:

- Одень меня в это платье да пригладь, чтоб ладно сидело.

А Иван не велит ей в платье одеваться. Она тогда и плачет:

- Ты, - говорит, - знать, не любишь меня: доброе платье такое для жены жалеешь. Дай мне хоть руки продеть, я пощупаю, каково платье, - может, не годится. Иван велел ей:

- Продень, - говорит, - испытай, каково тебе будет.

Жена продела руки в рукава и опять к мужу:

- Не видать ничего. Вели голову в ворот сунуть. Иван велел. Она голову сунула, да и дернула платье на себя, да и облоклась вся в него. Ощупала она, что в одном кармане зеркальце лежит, вынула его и поглядела.

- Ишь, - говорит, - какая красавица, а за бесталанным мужем живет! Стать бы мне птицей, улетела бы я отсюда далеко-далеко!

Вскрикнула она высоким голосом, всплеснула руками, глядь - и нету ее. Обратилась она в голубицу и улетела из амбара далеко-далеко в синее небо, куда пожелала. Знать, платье она надела волшебное. Загоревал тут Иван. Да чего горевать - некогда ему было. Положил он в котомку хлеба и пошел искать жену.

- Эх, - сказал он, - злодейка какая, отца ослушалась, с родительского двора без спросу ушла! Сыщу ее, научу уму-разуму!

Сказал он так, да вспомнил, что сам живет бесталанным, и заплакал.

Вот идет он путем, идет дорогой, идет тропинкой, плохо ему, горюет он по жене. Видит Иван - щука у воды лежит, совсем помирает, а в воду влезть не может.

"Гляди-ко, - думает Иван, - мне-то плохо, а ей того хуже". Поднял он щуку и пустил ее в воду. Щука сейчас нырнула в глубину да обратно вверх, высунула голову и говорит:

- Я добро твое не забуду. Станет тебе горько - скажи только: "Щука, щука, вспомни Ивана!". Съел Иван кусок хлеба и пошел дальше. Идет он, идет, а время уже к ночи.

Глядит Иван и видит: коршун воробья поймал, в когтях его держит и хочет склевать.

"Эх, - смотрит Иван, - мне беда, а воробью смерть!"

Пугнул Иван коршуна, тот и выпустил из когтей воробья.

Сел воробей на ветку, сам говорит Ивану:

- Будет тебе нужда - покличь меня: "Эй, мол, воробей, вспомни мое добро!"

Заночевал Иван под деревом, а наутро пошел дальше. И уже далеко он от своего дома отошел, весь приустал и телом стал тощий, так что и одежду на себе рукой поддерживает. А идти ему было далече, и шел Иван еще целый год и полгода. Прошел он всю землю, дошел до моря, дальше идти некуда.

Спрашивает он у жителя:

- Чья тут земля, кто тут царь и царица?

Житель отвечает Ивану:

- У нас в царицах живет Елена Премудрая: она все знает - у нее книга такая есть, где все написано, и она все видит - у нее зеркало такое есть. Она и сейчас видит небось.

И правда, Елена увидела Ивана в свое зеркальце. У нее была Дарья, прислужница. Вот Дарья обтерла рушником пыль с зеркальца, сама взглянула в него, сначала собой полюбовалась, а потом увидела в нем чужого мужика.

- Никак, чужой мужик идет! - сказала прислужница Елене Премудрой. - Издалека, видать, идет: худой да оплошальный весь, и лапти стоптал.

Глянула в зеркальце Елена Премудрая.

- И то, - говорит, - чужой! Это муж мой явился. Подошел Иван к царскому двору. Видит - двор тыном огорожен. А в тыне колья, а на кольях человечьи мертвые головы; только один кол пустой, ничего нету.

Спрашивает Иван у жителя - чего такое, дескать?

А житель ему:

- А это, - говорит, - женихи царицы нашей, Елены Премудрой, которые сватались к ней. Царица-то наша - ты не видал ее - красоты несказанной и по уму волшебница. Вот и сватаются к ней женихи, знатные да удалые. А ей нужен такой жених, чтобы ее перемудрил, вот какой! А кто ее не перемудрит, тех она казнит смертью. Теперь один кол остался: это тому, кто еще к ней в мужья придет.

- Да вот я к ней в мужья иду! - сказал Иван.

- Стало быть, и кол пустой тебе, - ответил житель и пошел туда, где изба его стояла.

Пришел Иван к Елене Премудрой. А Елена сидит в своей царской горнице, и платье на ней одето отцовское, в которое она самовольно а амбаре облоклась.

- Что тебе надобно? - спросила Елена Премудрая. - Зачем явился?

- На тебя поглядеть, - Иван ей говорит, - я по тебе скучаю.

- По мне и те вон скучали, - сказала Елена Премудрая и показала на тын за окном, где были мертвые головы.

Спросил тогда Иван:

- Аль ты не жена мне более?

- Была я тебе жена, - царица ему говорит, - да ведь я теперь не прежняя. Какой ты мне муж, бесталаный мужик! А хочешь меня в жены, так заслужи меня снова! А не заслужишь, голову с плеч долой! Вон кол пустой в тыне торчит.

- Кол пустой по мне не скучает, - сказал Иван. - Гляди, как бы ты по мне не соскучилась. Скажи: чего тебе исполнить?

Царица ему в ответ:

- А исполни, что я велю! Укройся от меня где хочешь, хоть на краю света, чтоб я тебя не нашла, а и нашла - так не узнала бы. Тогда ты будешь умнее меня, и я стану твоей женой. А не сумеешь в тайности быть, угадаю я тебя, - голову потеряешь.

- Дозволь, - попросил Иван, - до утра на соломе поспать и хлеба твоего покушать, а утром я исполню твое желание.

Вот вечером постелила прислужница Дарья соломы в сенях и принесла хлеба краюшку да кувшин с квасом. Лег Иван и думает: что утром будет? И видит он - пришла Дарья, села в сенях на крыльцо, распростерла светлое платье царицы и стала в нем штопать прореху. Штопала-штопала, зашивала-зашивала Дарья прореху,

а потом и заплакала. Спрашивает ее Иван:

- Чего ты, Дарья, плачешь?

- А как мне не плакать, - Дарья отвечает, - если завтра смерть моя будет! Велела мне царица прореху в платье зашить, а иголка не шьет его, а только распарывает: платье-то уж таково нежное, от иглы разверзается. А не зашью, казнит меня наутро царица.

- А дай-ко я шить попробую, - говорит Иван, - может, зашью, и тебе умирать не надо.

- Да как тебе платье такое дать? - Дарья говорит. - Царица сказывала: мужик ты бесталанный. Однако попробуй маленько, а я погляжу.

Сел Иван за платье, взял иглу и начал шить. Видит - и правда, не шьет игла, а рвет: платье-то легкое, словно воздух, не может в нем игла приняться. Бросил Иван иглу, стал руками каждую нить с другой нитью связывать. Увидела Дарья и рассерчала на Ивана:

- Нету в тебе уменья! Да как же ты руками все нитки в прорехе свяжешь? Их тут тыщи великие!

- А я их с хотеньем да с терпеньем, гляди, и свяжу! - ответил Иван. - А ты иди да спать ложись, к утру-то я, гляди, и отделаюсь.

Всю ночь работал Иван. Месяц с неба светил ему, да и платье светилось само по себе, как живое, и видел он каждую его нить.

К утренней заре управился Иван. Поглядел он на свою работу: нету больше прорехи, повсюду платье теперь цельное. Поднял он платье на руку и чувствует - стало оно словно бы тяжелым. Оглядел он платье: в одном кармане книга лежит - в нее старик, отец Елены, записывал всю мудрость, а в другом кармане - круглое зеркальце, которое старик принес от мастера-волшебника из холодных гор. Поглядел Иван в зеркальце - видно в нем, да смутно; почитал он книгу - не понял ничего. Подумал тогда Иван: "Люди говорят, я бесталанный, - правда и есть".

Наутро пришла Дарья-прислужница, взяла она готовое платье, осмотрела его и сказала Ивану:

- Благодарствую тебе. Ты меня от смерти спас, и я твое добро упомяну.

Вот встало солнце над землею, пора Ивану уходить в тайное место, где царица Елена его не отыщет. Вышел он во двор, видит - стог сена сложен стоит; залег он в сено, думал, что вовсе укрылся, а на него дворовые собаки брешут, и Дарья с крыльца кричит:

- Экой бесталанный! Я и то вижу тебя, не токмо что царица! Вылезай оттуда, сено лаптями не марай!

Вылез Иван и думает: куда ему податься? Увидел - море близко.

Пошел он к морю и вспомнил щуку.

- Щука, - говорит, - щука, вспомни Ивана!

Щука высунулась из воды.

- Иди, - говорит, - я тебя на дно моря упрячу!

Бросился Иван в море. Утащила его щука на дно, зарыла там в песок, а воду хвостом замутила. Взяла Елена Премудрая свое круглое зеркальце, навела его на землю: нету Ивана; навела на небо: нету Ивана; навела на море на воду: и там не видать Ивана, одна вода мутная. "Я-то хитра, я-то умна, - думает царица, - да и он-то

не прост, Иван Бесталанный!" Открыла она отцовскую книгу мудрости и читает там: "Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости, добро и тварь помнит". Прочитала царица эти слова сперва по писанному, а потом по неписанному, и книга сказала ей: лежит-де Иван в песке на дне морском; кликни щуку, вели ей Ивана со дна достать, а не то, мол, поймаю тебя, щуку, и в обеде съем.

Послала царица Дарью-прислужницу, велела ей кликнуть из моря щуку, а щука пусть Ивана со дна ведет.

Явился Иван к Елене Премудрой.

- Казни меня, - говорит, - не заслужил я тебя.

Одумалась Елена Премудрая: казнить всегда успеется, а они с Иваном не чужие друг другу, одним семейством жили.

Говорит она Ивану:

- Пойди укройся сызнова. Перехитришь ли меня, нет ли, тогда и буду казнить тебя либо миловать.

Пошел Иван искать тайное место, чтобы царица его не нашла. А куда пойдешь! У царицы Елены волшебное зеркальце есть: она в него все видит, а что в зеркальце не видно, про то ей мудрая книга скажет. Кликнул Иван:

- Эй, воробей, помнишь ли мое добро?

А воробей уже тут.

- Упади на землю, - говорит, - стань зернышком!

Упал Иван на землю, стал зернышком, а воробей склевал его.

А Елена Премудрая навела зеркальце на землю, на небо, на воду - нету Ивана. Все есть в зеркальце, а что нужно, того нет. Осерчала премудрая Елена, бросила зеркальце об пол, и оно разбилось. Пришла тогда в горницу Дарья-прислужница, собрала в подол осколки от зеркальца и унесла их в черный угол двора. Открыла Елена Премудрая отцовскую книгу. И читает там: "Иван в зерне, а зерно в воробье, а воробей сидит на плетне".

Велела тогда Елена Дарье позвать с плетня воробья: пусть воробей отдаст зернышко, а не то его самого коршун съест.

Пошла Дарья к воробью. Услышал Дарью воробей, испугался и выбросил из клюва зернышко. Зернышко упало на землю и обратилось в Ивана. Стал он как был.

Вот Иван является опять пред Еленой Премудрой.

- Казни меня теперь, - говорит, - видно, и правда я бесталанный, а ты премудрая.

- Завтра казню, - говорит ему царица. - Завтрашний день я на остатний кол твою голову повешу. Лежит вечером Иван в сених и думает, как ему быть, когда утром надо помирать. Вспомнил он тогда свою матушку. Вспомнил, и легко ему стало - так он любил ее.

Глядит он - идет Дарья и горшок с кашей ему несет.

Поел Иван кашу. Дарья ему и говорит:

- Ты царицу-то нашу не бойся. Она не дюже злая.

А Иван ей:

- Жена мужу не страшна Мне бы только успеть уму-разуму ее научить.

- Ты завтра на казнь-то не спеши, - Дарья ему говорит, - а скажи, у тебя дело есть, помирать, мол, тебе нельзя: в гости матушку ждешь.

Вот наутро говорит Иван Елене Премудрой:

- Дозволь еще малость пожить: я матушку свою увидеть хочу, - может, она в гости придет. Поглядела на него царица.

- Даром тебе жить нельзя, - говорит. - А ты утаись от меня в третий раз. Не сыщу я тебя, живи, так и быть.

Пошел Иван искать себе тайного места, а навстречу ему Дарья-прислужница.

- Обожди, - велит она, - я тебя укрою. Я твое добро помню.

Дунула она в лицо Ивана, и пропал Иван, превратился он в теплое дыхание женщины. Вдохнула Дарья и втянула его себе в грудь. Пошла потом Дарья в горницу, взяла царицыну книгу со стола, отерла пыль с нее да открыла ее и дунула в нее: тотчас дыхание ее обратилось в новую заглавную букву той книги, и стал Иван буквой. Сложила Дарья книгу и вышла вон. Пришла вскоре Елена Премудрая, открыла книгу и глядит в нее: где Иван. А книга ничего не говорит. А что скажет, непонятно царице; не стало, видно, смысла в книге. Не знала того царица, что от новой заглавной у буквы все слова в книге переменялись.

Захлопнула книгу Елена Премудрая и ударила ее обземь. Все буквы рассыпались из книги, а первая, заглавная буква, как ударилась, так и обратилась в Ивана.

Глядит Иван на Елену Премудрую, жену свою, глядит и глаз отвести не может. Засмотрелась тут и царица на Ивана, а засмотревшись, улыбнулась ему. И стала она еще прекраснее, чем прежде была.

- А я думала, - говорит она, - муж у меня мужик бесталанный, а он и от волшебного зеркала утаился, и книгу мудрости перехитрил!

Стали они жить в мире и согласии и жили так до поры до времени. Да спрашивает однажды царица у Ивана:

- А чего твоя матушка в гости к нам не идет.

Отвечает ей Иван:

- И то правда! Да ведь и батюшки твоего нету давно! Пойду-ка я наутро за матушкой да за батюшкой.

А наутро чуть свет матушка Ивана и батюшка Елены Премудрой сами в гости к своим детям пришли. Батюшка-то Елены дорогу ближнюю в ее царство знал; они коротко шли и не притомились.

Иван поклонился своей матушке, а старику так в ноги упал.

- Худо, - говорит, - батюшка! Не соблюдал я твоего запрету. Прости меня, бесталанного!

Обнял его старик и простил.

- Спасибо тебе, - говорит, - сынок. В платье заветном прелесть была, в книге - мудрость, а в зеркальце - вся видимость мира. Думал я, собрал для дочери приданое, не хотел только дарить его до времени. Все я ей собирал, а того не положил, что в тебе было, - главного таланту. Пошел я было за ним далече, а он близко оказался. Видно, не кладется он и не дарится, а самим человеком добывается.

Заплакала тут Елена Премудрая, поцеловала Ивана, мужа своего, и попросила у

него прощения. С тех пор стали жить они славно - и Елена с Иваном, и родители их - и до сей поры живут.

ИВАН - ВДОВИЙ СЫН

На море на океане, на острове Буяне есть бык печеный. В одном боку у быка нож точёный, а в другом чеснок толчёный. Знай режь, в чеснок помалкивай да вволю ешь. Худо ли?

То еще не сказка, а присказка. Сказка вся впереди. Как горячих пирогов поедим да пива попьем, тут сказку поведем.

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была бедная молодница, пригожая вдовица с сыном.

Парня звали Иваном, а по-уличному кликали Иван - вдовый сын.

Годами Иван - вдовый сын был совсем мал, а ростом да дородством такой уродился, что все кругом диву давались.

И был в том царстве купец скупой-прескупой. Первую жену заморил купец голодом; на другой женился - и та недолго пожила.

Ходил купец опять вдовый, невесту приглядывал. Да никто за него замуж нейдет, все его обегают. Стал купец сватать вдовицу.

- Чего тебе без мужа жить? Поди за меня.

Подумала, подумала вдовица: "Худая про жениха слава катится, а идти надо. Чего станешь делать, коли жить нечем! Пойду. Каково самой горько ни придется, а хоть сына подращу".

Сыграли свадьбу. С первых дней купец невлюбил пасынка: и встал парень не так, и пошел не так... Каждый кусочек считает, сам думает: "Покуда вырастет да в работу сгодится, сколько на него добра изведешь! Этак совсем разорюсь, легкое ли дело?".

Мать убивается, работает за семерых: встает до свету, ложится за полночь, а мужу угодить не может. Что ни день, то пуще купец лютует. "Хорошо бы и вовсе, - думает, - от пасынка избавиться".

Пришло время ехать на ярмарку в иной город. Купец и говорит:

- Возьму с собой Ивашку - пусть к делу привыкает да и за товарами доглядит. Хоть какая ни есть, а все польза будет.

А сам на уме держит: "Может, и совсем избавлюсь от него на чужой стороне".

Жалко матери сына, а перечить не смеет. Поплакала, поплакала, снарядила Ивана в путь-дорогу. Вышла за околицу провожать. Махнул Иван шапкой на прощанье и

уехал.

Ехали долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, заехали в чужой лес и остановились отдохнуть. Распрягли коней, пустили пастись, а купец стал товары проверять. Ходил около возов, считал и вдруг как зашумел, заругался:

- Одного короба с пряниками не хватает! Не иначе как ты, Ивашка, съел!

- Я к тому возу и близко не подходил!

Пуще купец заругался:

- Съел пряники, да еще отпирается, чтоб тебя леший, такого-сякого, взял!

Только успел сказать, как в ту же минуту ельник-березник зашумел, затрещал, все кругом затемнело, и показался из лесной чащи старик, страшный-престрашенный: голова как сенная копна, глаза будто чаши, в плечах косая сажень и сам вровень с лесом.

- За то, что ты отдал мне, лешему, парня, получай свой короб!

Кинул старик короб, подхватил Ивана - и сразу заухало, зашумело, свист да трескоток по лесу пошел.

Купец от страху под телегу пал. А как все стихло, выглянул и видит: кони на поляну сбежались и дрожмя дрожат, гривы колом стоят, и короб с пряниками лежит.

Купец помаленьку пришел в себя, выполз из-под телеги, огляделся - нигде нету пасынка. Усмехнулся.

- Вот и ладно: сбыл с рук дармоеда, и товар весь в целости.

Стал коней запрягать.

А Иван - вдовый сын и оглянуться не успел, как очутился один со страшным стариком.

Старик и говорит:

- Не бойся. Был ты Иван вдовый сын, а теперь - мой слуга на веки веков. Станешь слушаться - буду тебя поить-кормить: пей, ешь вволю, чего душа просит, а за ослушание лютой смерти предам.

- Мне бояться нечего - все равно хуже, чем у отчима, нигде не будет. Только вот матери жалко. Совсем она изведется без меня.

Тут старик свистнул так громко, что листья с деревьев посыпались, цветы к земле пригнулись и трава пожухла.

И вдруг, откуда ни возмись, стал перед ним конь. Трехсаженный хвост развевается, и сам огромный-преогромный, будто гора.

Подхватил леший Ивана, вскочил в седло, и помчались они, словно вихрь.

- Стой, стой, - закричал Иван, - у меня шапка свалилась!

- Ну, где станем твою шапку искать! Пока ты проговорил, мы пятьсот верст проехали, а теперь до того места - уже целая тысяча.

Через мхи, болота, через леса, через озера конь перескакивал, только свист в ушах стоял.

Под вечер прискакали в лешачье царство.

Видит Иван: на поляне высокие палаты, а вокруг забором обнесены из целого строевого лесу. В небо забор упирается, а ворот нигде нету.

Рванулся конь, взвился под самые облака и перескочил через изгородь.

Леший коня расседлал, разнуздал, насыпал пшеницы белояровой¹] и повел Ивана в палаты:

- Сегодня сам ужин приготовлю, а ты отдыхай. Завтра за дело примешься.

С теми словами печь затопил, семигодовалого быка целиком зажарил, выкатил сорокаведерную бочку вина:

- Садись ужинать!

Иван кусочек-другой съел, запил ключевой водой, а старик всего быка оплел, все вино один выпил и спать завалился.

На другой день поднялся Иван раненько, умылся беленько, частым гребешком причесался. Все горницы прибрал, печь затопил и спрашивает:

- Что еще делать?

- Ступай коней, коров да овец накорми, напои, потом выбери десяток баранов пожирнее и зажарь к завтраку.

Иван за дело принялся с охотой, и так у него споро работа пошла - любо-дорого поглядеть! Скоро со всем управился, стол накрыл, зовет старика:

- Садись завтракать!

Леший парня нахваливает:

- Ну, молодец! Есть у тебя сноровка и руки, видать, золотые, только сила ребячья. Да то дело поправимое.

Достал с полки кувшин:

- Выпей три глотка.

Иван выпил и чует - сила у него утроилась.

- Вот теперь тебе полегче будет с хозяйством управляться.

Поели, попили. Поднялся старик из-за стола:

- Пойдем, я тебе все здесь покажу.

Взял связку ключей и повел Ивана по горницам да кладовым.

- Вот в этой клетке золото, а в той, что напротив, серебро.

В третью кладовую зашли - там камня самоцветные и жемчуг скатный² и четвертой - дорогие меха: лисицы, куницы да черные соболя. После того вниз спустились. Тут вин, медов и разных напитков двенадцать подвалов бочками выставлено. Потом снова наверх поднялись. Отворил старик дверь. Иван через порог переступил да так и ахнул. По стенам развешаны богатырские доспехи и конская сбруя. Все червонным золотом и дорогими камнями изукрашено, как огонь горит, переливается на солнышке.

Глядит Иван на мечи, на копья, на сабли да сбрую и оторваться не может.

"Вот как бы, - думает, - мне те доспехи да верный конь!"

Повел его леший к самому дальнему строению. Подал связку ключей:

- Вот тебе ключи ото всех дверей. Стереги добро. Ходи везде невозбранно и помни: за все, про все с тебя спрошу, тебе и в ответе быть.

Указал на железную дверь:

- Сюда без меня не ходи, а не слушаешь - на себя пеняй: не быть тебе живому.

Стал Иван служить, свое дело править. Жили-пожили, старик говорит:

- Завтра уеду на три года, ты один останешься. Живи да помни мой наказ, а уж провинишься - пощады не жди.

На другое утро, ни свет ни заря, коня оседлал, через забор перемахнул - только старика и видно было. Остался Иван один-одинешенек. Слова вымолвить не с кем.

Прошел еще год и другой - скучно стало Ивану: "Хоть бы одно человеческое слово услышать, все было бы полегче".

И тут вспомнил: "Что это леший не велел железную дверь открывать? Может быть, там человек в неволе томится? Дай-ка пойду взгляну, ничего старик не узнает".

Взял ключи, отпер дверь. За дверью лестница - все ступени мохом поросли. Иван спустился в подземелье. Там большой-пребольшой конь стоит, ноги цепями к полу прикованы, голова кверху задрана, поводом к балке притянута. И видно: до того отощал конь - одна кожа да кости.

Пожалел его Иван. Повод отвязал, пшеницы, воды принес.

На другой день пришел, видит - конь повеселее стал. Опять принес пшеницы и воды. Вволю накормил, напоил коня. На третий день спустился Иван в подземелье и вдруг слышит:

- Ну, добрый человек, пожалел ты меня, век не забуду твоего добра!

Удивился Иван, оглянулся, а конь говорит:

- Пои, корми меня еще девять недель, из подземелья каждое утро выводи. Надо мне в тридцати росах покатайся - тогда в прежнюю силу войду.

Стал Иван коня поить, кормить, каждое утро на зеленую траву-мураву выводить. Через день конь в заповедном лугу по росе катался.

Девять недель поил, кормил, холил коня. В тридцати утренних росах конь покатался и такой стал сытый да гладкий, будто налитой.

- Ну, Иванушка, теперь я чую в себе прежнюю силу. Сядь-ка на меня да держись крепче.

А конь большой-пребольшой - с великим трудом сел Иван верхом.

В ту самую минуту все кругом стемнело - и, словно туча, леший налетел.

- Не послушал меня, вывел коня из подземелья!

Ударил Ивана плеткой.

Парень семь сажен с коня пролетел и упал без памяти.

- Вот тебе наука! Выживешь - твое счастье, не выживешь - выкину сорокам да воронам на обед!

Потом кинулся леший за конем. Догнал, ударил плеткой наотмашь; конь на коленки пал.

Принялся леший коня бить.

- Душу из тебя вытрясу, волчья сыть!

Бил, бил, в подземелье увел, ноги цепями связал, голову к бревну притянул:

- Все равно не вырвешься от меня, покоришься!

Много ли, мало ли прошло времени, Иван пришел в себя, поднялся.

- Ну, коли выжил - твое счастье, - леший говорит. - В первой вине прощаю. Ступай, свое дело правь!

На другой день пролетел над палатами ворон, трижды прокаркал: крр, крр, крр!

Леший скорым-скоро собрался в дорогу:

- Ох, видно, беда стряслась! Не зря братец Змей Горыныч ворона с вестью прислал.

На прощанье Ивану сказал:

- Долго в отлучке не буду. Коли провинишься в другой раз - живому не быть!

И уехал. Остался Иван один и думает: "Меня-то леший не погубил, а вот жив ли конь? Будь что будет - пойду узнаю".

Спустился в подземелье, видит - конь там, обрадовался:

- Ох, коничек дорогой, не чаял тебя живого застать!

Скоро-наскоро повод отвязал. Конь гривой встряхнул, головой мотнул:

- Ну, Иванушка, не думал, не гадал я, что осмелишься еще раз сюда прийти, а теперь вижу: хоть годами ты и мал, зато удалюю взял. Не побоялся лешего, пришел ко мне. И теперь уж нельзя нам с тобой здесь оставаться.

Тем временем Иван и конь выбрались из подземелья.

Остановился конь на лугу и говорит:

- Возьми заступ и рой яму у меня под передними ногами.

Иван копал, копал, наклонился и смотрит в яму.

- Чего видишь?

- Вижу - золото в яме ключом кипит.

- Опускай в него руки по локоть.

Иван послушался - и стали у него руки по локоть золотые.

- Теперь зарой ту яму и копай другую - у меня под задними ногами.

Иван яму вырыл.

- Ну, чего там видишь?

- Вижу - серебро ключом кипит.

- Серебри ноги по колено.

Иван посеребрил ноги.

- Зарывай яму, и пусть про это чудо леший не знает.

Только Иван яму зарыл, как конь встрепенулся:

- Ох, Ваня, надо торопиться - чую, леший в обратный путь собирается! Поди скорее в ту кладовую, где богатырское снаряжение хранится, принеси третью слева сбрую.

Ушел Иван и воротился с пустыми руками.

- Ты чего?

Иван молчит, с ноги на ногу переминается и голову опустил.

Конь догадался:

- Эх, Иван, забыл я - ведь ты еще не в полной силе, а моя сбруя тяжёлая - триста пудов. Ну, не горюй, все это поправить можно. В той кладовой направо в углу сундук, а в нем три хрустальных кувшина. Один с зелёным, другой с красным, третий с белым питьем. Ты из каждого кувшина выпей по три глотка и больше не пей, а то и я не смогу носить тебя.

Иван побежал. Глядь - уже возвращается, сбрую несет.

- Ну как? Прибавилось у тебя силы?

- Чую в себе великую силу!

Конь опять вострепнулся:

- Поторапливайся, Ваня, леший домой выезжает.

Иван скоро-наскоро коня оседлал.

- Теперь ступай в палаты, подымись в летнюю горницу, найди в сундуке мыло, гребень и полотенце. Все это нам с тобой в пути пригодится.

Иван мыло, полотенце и гребень принес:

- Ну как, поедем?

- Нет, Ваня, сбегай еще в сад. Там в самом дальнем углу есть диковинная яблоня с золотыми скороспелыми яблоками. В один день та яблоня вырастает, на другой день зацветает, а на третий день яблоки поспевают. Возле яблони колодец с живой водой. Зачерпни той воды ковшик-другой. Да смотри не мешкай: леший уж полпути проехал.

Иван побежал в сад, налил кувшин живой воды, взглянул на яблоню, а на яблоне полным-полно золотых спелых яблок.

"Вот бы этих яблок домой увезти! Стали бы все люди сады садить, золотые яблоки растить да радоваться. В день яблони растут, на другой день цветут, а на третий день яблоки поспевают. Будь что будет, а яблок я этих нарву". Три мешка золотых яблок нарвал Иван и бегом из сада бежит, а конь копытами бьет, ушами прыдет:

- Скорее, скорее! Выпей живой воды и мне дай испить, остальное с собой возьмем.

Иван мешки с яблоками к седлу приторочил, дал коню живой воды и сам попил.

В ту пору земля затряслась, все кругом ходуном заходило, добрый молодец едва на ногах устоял.

- Торопись! - конь говорит. - Леший близко!

Вскочил Иван в седло. Рванулся конь вперед и перемахнул через ограду.

Леший подъехал к своему царству с другой стороны, через ограду перескочил и закричал:

- Эй, слуга, принимай коня!

Ждал-ждал - нету Ивана. Оглянулся и видит: ворота в подземелье настежь распахнуты.

- Ох, такие-сякие, убежали! Ну да ладно, все равно догоню.

Спрашивает коня:

- Можем ли беглецов догнать?

- Догнать-то догоним, да чую, хозяин, беду-невзгону над твоей головой и над собой!

Рассердился леший, заругался:

- Ах ты, волчья сыть, травяной мешок, тебе ли меня бедой-невзгодой стращать!

И стал бить плетью коня по крутым бедрам, рассекал мясо до кости:

- Не догоним беглецов - насмерть тебя забью!

Взвился конь под самые облака, перемахнул через забор.

Будто вихрь, помчался леший в погоню. Долго ли, коротко ли Иван в дороге был, много ли, мало ли проехал, вдруг конь говорит:

- Погоня близко. Доставай скорее гребень. Станет леший наезжать да огненные стрелы метать - брось гребень позади нас.

В скором времени послышался шум, свист и конский топот. Все ближе и ближе. Слышит Иван - леший кричит:

- Никому от меня не удавалось убежать, а вам и подавно не уйти! - И стал пускать огненные стрелы. - Живьем сожгу!

Иван изловчился, кинул гребень - и в эту же минуту перед лешим стеной поднялся густой лес: ни пешему не пройти, ни конному не проехать, дикому зверю не прорыснуть, птице не пролететь.

Леший туда-сюда сунулся - нигде нету проезду, зубами заскрипел:

- Все равно догоню, только вот топор-самосек привезу.

Привез топор-самосек, стал деревья валить, пеньякоренья корчевать, просеку расчищать.

Бился, бился, просеку прорубил, вырвался на простор. Поскакал за Иваном:

- Часу не пройдет, как будут в моих руках!

В ту пору конь под Иваном встрепенулся.

- Достань, Ваня, мыло, - говорит. - Как только леший станет настигать и огненные стрелы полетят, кинь мыло позади нас.

Только успел вымолвить, как земля загудела, ветер поднялся, шум пошел.

Слышно - заругался леший:

- Увезли мой волшебный гребень, ну, все равно не уйти от меня!

И посыпались, дождем огненные стрелы. Платье на Иване в семи местах загорелось. Кинул он мыло - и до облаков поднялась каменная гора позади, коня.

Остановился леший перед горой:

- Ах, и волшебное мыло увезли! Чего теперь делать? Коли кругом объезжать, много времени понадобится. Лучше каменную гору разбить, раздробить да прямо ехать.

Поворотил коня, поехал домой, привез кирки, мотыги. Стал каменную гору бить-долбить. Каменные обломки на сто верст летят, и такой грохот стоит - птицы и звери замертво падают.

День до вечера камень ломал, к ночи пробился через гору и кинулся в погоню.

Тем временем Иван коня покормил и сам отдохнул. Едут, путь продолжают. В третий раз стал их леший настигать, стал огненные стрелы метать. Иваново платье сгорело, и сам он и конь - оба обгорели. Просит конь:

- Не мешкай, Ванюшка, скорее достань полотенце и брось позади нас.

Иван полотенце кинул - и протекла за ними огненная река. Не вода в реке бежит, а огонь горит, выше лесу пламя полыхает, и такой кругом жар, что сами они насилу ноги унесли, чуть заживо не сгорели. Леший с полного ходу налетел, не успел коня остановить - и все на нем загорелось.

- И полотенце увезли! Ну, ничего, надо только на ту сторону переправиться, теперь уж нечем им будет меня задержать.

Ударил коня плетью изо всех сил, скочил конь через реку, да не смог перескочить: пламенем ослепило, жаром обожгло. Пал конь с лешим в огненную реку, и оба сгорели.

В ту пору Иванов конь остановился:

- Ну, Иванушка, избавились мы от лешего и весь народ избавили от него: сгорел леший со своим конем в огненной реке!

Иван коня расседлал, разнуздал, помазал ожоги живой водой. Утихла боль, и раны зажили. Сам повалился отдыхать и уснул крепким, богатырским сном. Спит день, другой и третий. На четвертое утро пробудился, встал, кругом огляделся и говорит:

- Места знакомые - это наше царство и есть.

В ту пору конь прибежал:

- Ну, Иванушка, полно спать, прохлаждаться, пришла пора за дело браться. Ступай, ищи свою долю, а меня отпусти в зеленые луга. Когда понадобится, выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни посвистом молодецким, гаркни голосом богатырским: "Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!" - я тут и буду.

Иван коня отпустил, а сам думает: "Куда мне идти? Как людям на глаза показаться? Ведь вся одежда на мне обгорела".

Думал-подумал и увидал - недалеко стадо быков пасется. Схватил Иван одного быка за рога, приподнял и так ударил обзємь, что в руках одна шкура осталась - бычью тушу, будто горох из мешка, вытряхнул. "Надо как-нибудь наготу прикрыть!" Завернулся Иван с ног до головы в бычью шкуру, взял золотые скороспелые яблоки и пошел куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли шел, пришел к городским воротам.

У ворот народ собрался. Слушают царского гонца:

- Ищет царь таких садовников, чтобы в первый день сад насадили, на другой день вырастили и чтобы на третий день в том саду яблоки созрели.

Слух пал: где-то есть такие скороспелые яблоки. Кто есть охотник царя потешить?

Никто царскому гонцу ответа не дает. Все молчат. Иван думает: "Дай попытаю счастья!"

Подошел к гонцу:

- Когда за дело приниматься?

Вся глядят - дивятся: откуда такой взялся? Стоит, словно чудище какое, в бычью шкуру завернулся, и хвост по земле волочится.

Царский гонец насмехается:

- Приходи завтра в полдень на царский двор, найдем тебя да пугалом в саду поставим - ни одна птица не пролетит, ни один зверь близко не пробежит.

- Погоди, чего раньше времени насмехаешься? Как бы после каяться не пришлось! - сказал Иван и отошёл прочь.

На другой день пришел Иван на царский двор, а там уже много садовников собралось. Вышел царь на крыльцо и спрашивает:

- Кто из вас берется меня утешить, наше государство прославить? Кто вырастит в три дня золотые яблоки, тому дам все, чего он только захочет.

Вышел один старик садовник, царю поклонился:

- Я без малого сорок годов сады ращу, а и слыхом не слыхивал этакого чуда: в три дня сад насадить, яблони вырастить и спелые яблоки собрать. Коли дашь поры-времени три года, я за дело примусь. Другой просит сроку два года. Третий - год. Иные берутся и в полгода все дело справить. Тут вышел вперед Иван:

- Я в три дня сад посажу, яблони выращу и спелые золотые яблоки соберу.

И опять все на него глядят - дивятся. И царь глядит, глаз с Ивана не сводит, сам думает: "Откуда такой взялся?".

Потом говорит:

- Ну, смотри, берешься за гуж - не говори, что не дюж. Принесешь через три дня спелые яблоки из нового сада - проси чего хочешь, а обманешь - пеняй на себя: велю голову отрубить.

И своему ближайшему боярину приказал:

- Отведи садовнику землю под новый сад и дай ему все, чего понадобится.

- Мне ничего не надо, - говорит Иван. - Укажите только, где сад садить.

На другой день вечером вышел Иван в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул посвистом молодецким, гаркнул голосом богатырским:

- Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит - земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет, грива по ветру развевается. Прибежал, стал как вкопанный:

- Чего, Иванушка, надо?

- Взялся я сад насадить и в три дня яблоки собрать.

- Ну то дело нехитрое. Бери яблоки, садись на меня да спускай в ископыт³ по яблоку.

Ходит конь, по целой печи комья земли копытами выворачивает, а Иван в те ямы яблоки спускает. Все яблоки посадили. Иван коня отпустил и в каждый ступок по капле живой воды прыснул. Потом прошел по рядам - землю распушил, разрыхлил. И скоро стали пробиваться ростки. Зазеленел сад. К утру, к свету, выросли деревца в полчеловека, а к вечеру стали яблони совсем большие и зацвели. По всему царству пошел яблоневого дух, такой сладкий - всем людям на радость.

Иван два дня и две ночи глаз не смыкал, рук не покладал, сад стерег да поливал. В труде да заботе притомился, сел под дерево, задремал, потом на траву привалился и заснул.

А у царя было три дочери. Зовет младшая царевна:

- Пойдемте, сестрицы, поглядим на новый сад. Сегодня там яблони зацвели.

Старшая да средняя перечить не стали. Пришли в сад, а сад весь в цвету, будто кипень белый.

- Глядите, глядите, яблони цветут!
- Кто этот сад насадил да столь скоро вырастил?
- Хоть бы разок взглянуть на этого человека!

Искали, искали садовника - не нашли. Потом увидали: кто-то лежит под деревом, человек - не человек, зверь - не зверь. Старшая сестра подошла поближе. Воротилась и говорит:

- Лежит какое-то страшилище, пойдемте прочь. А средняя сестрица взглянула и говорит:
- Ой, сестрицы, и глядеть-то противно на эдакого уroda! Уж не это ли чудище сад насадило да вырастило?
- Ну вот еще, чего выдумала! - говорит старшая царевна.

А младшая сестра, Наталья-царевна, просит:

- Не уходите далеко, и я погляжу, кто там есть!

Пришла, поглядела, обошла кругом дерева. Потом приподняла бычью шкуру и видит: спит молодец такой пригожий - ни вздумать, ни взгадать, ни пером описать, только в сказке сказать, - по локоть у молодца руки в золоте, по колено ноги в серебре. Глядит царевна, не наглядится, сердце у ней замирает. Сняла свой именной перстенёк и тихонько надела Ивану на мизинец.

Сестры аукаются, кричат:

- Где ты, сестрица? Пойдем домой!

Бежит Наталья-царевна, а сестры навстречу идут:

- Чего там долго была, чего в этом уroде нашла? Будто пугало воронье! И кто он такой?

А Наталья-царевна в ответ:

- За что человека обижаете, чего он вам худого сделал? Поглядите, какой он прекрасный сад вырастил, батюшку утешил и все наше царство прославил. В ту пору и царь пробудился. Подошел к окну, видит - сад цветет, обрадовался: "Вот хорошо, не обманул садовник! Есть чем перед гостями похвалиться. Приедут сегодня женихи - три царевича, три королевича чужеземных; да своих князей, бояр именитых на пир позову - пусть дочери суженых выбирают". К вечеру гости съехались, а на другой день завели большой пир-столованье. Сидят гости на пиру, угощаются, пьют, едят, веселятся.

Спал Иван, спал и проснулся, увидел на мизинце перстень золотой, удивился: "Откуда колечко взялось?".

Снял с руки и увидел надпись - на перстне имя меньшей царевны обозначено. "Хоть бы взглянуть, какая она есть!" А на яблонях налились, созрели золотые яблоки, горят-переливаются, как янтарь на солнышке. Нарвал Иван самых спелых яблок полную корзину и принес во дворец, прямо в столовую горницу. Только через порог переступил, сразу всех гостей яблоневым духом так и обдало, будто сад в горнице.

Подал царю корзину. Все гости на яблоки глядят, глаз отвести не могут. И царь сидит сам не свой, перебирает золотые яблоки и молчит. Долго ли, коротко ли так сидел, прошла оторопь, опомнился:

- Ну спасибо, утешил меня! Эдаких яблок нигде на белом свете не сыскать. И коли умел ты в три дня сад насадить да вырастить золотые яблоки, быть тебе самым

главным садовником в моем королевстве!

Покуда царь с Иваном говорил, все три царевны стали гостей вином обносить, стали себе женихов выбирать.

Старшая сестра выбрала царевича, средняя выбрала королевича, а меньшая царевна раз вокруг стола обошла - никого не выбрала и другой раз обошла - никого не выбрала. Третий раз пошла и остановилась против Ивана. Низко доброму молодцу поклонилась:

- Коли любя я тебе, будь моим суженым!

Поднесла ему чару зелена вина.

Иван чару принял, на царевну взглянул - такая красавица, век бы любовался! От радости не знает, что и сказать.

А все, кто был на пиру, как услышали царевнины слова, - пить, есть перестали, усталились на Ивана да меньшую царскую дочь, глядят, молчат.

Царь из-за стола выскочил:

- Век тому не бывать!

- А помнишь ли, царское величество, - Иван говорит, - когда я на работу рядился, у нас уговор был: коли не управлюсь с делом - моя голова с плеч, а коли выращу яблоки в три дня - сулил ты мне все, чего я захочу. Яблоки я вырастил и одной только награды прошу: отдай за меня Наталью-царевну!

Царь руками замахал, ногами затопал:

- Ах ты, невежа, безродный пес! Как у тебя язык повернулся такие слова сказать!

Тут царевна отцу, матери поклонилась:

- Я сама доброго молодца выбрала и ни за кого иного замуж не пойду.

Царь пуще расходился, зашумел:

- Была ты мне любимая дочь, а после твоих глупых речей я тебя знать не знаю! Уходи со своим уродом из моего царства куда знаешь, чтобы глаза мои не видали!

Царица слезами залилась:

- Ох, отсекла нам голову! От такого позору и в могиле не ухоронишься!

Поплакала, попричитала, а потом стала царя уговаривать:

- Царь-государь, смени гнев на милость! Ведь хоть дура, да дочь, чего станешь делать. Не изгоняй из царства. Отведи где-нибудь местишко. Пусть там живут. Пусть они на твои царские очи не смеют показываться, а я знать всегда буду, жива ли она!

Царь тем слезам внял, смиростивился:

- Вот пусть в старой избенке в нашем заповедном лесу живут... в стольный град и не показывайтесь!

Выгнал царь Наталью-царевну да Ивана, а старшую и среднюю дочь выдал замуж честь честью. Свадьбы сыграли, и после свадебных пиров и столования царь отписал старшим зятьям полцарства. Царевич да королевич со своими женами в царских теремах поселились. Живут припеваючи, в пирах да в веселье время ведут.

А Иван лесную избушку починил, небольшую делянку в лесу вырубил, пенья, коренья выкорчевал и хлеб посеял. Живут с молодой женой, от своих рук кормятся, в город не показываются.

Много ли, мало ли времени прошло, - нежданнонегаданно беда стряслась: постигла царство великая невзгода. Прискакал гонец, печальную весть принес:

- Царь-государь, иноземный король границу перешел, и войска у него видимо-невидимо! Три города с пригородками и много сел с приселками пожег, попалил головней покати: всю нашу заставу побил-повоевал.

Царь сидел на лежанке и, как услышал те слова, так и обмер. Ерзает на кирпичах, а с места сойти не может. Потом очнулся:

- Подайте корону и скличьте зятьев да ближних бояр!

Пришли зятья с боярами, поклонились. Царь корону поправил, приосанился:

- Король Гвидон с несметными войсками на нас идет. Собирайте рать-силу, ступайте навстречу неприятелю, царство мое защищать.

Зять-царевич да зять-королевич похваляются:

- Не тревожь себя, царь-государь, мы тебя не покинем! Гвидоново войско разобьем и самого Гвидона в колодках к тебе приведем.

Собрали полки, в поход пошли. Царь велел шестерик самолучших коней в карету запрячь и поехал вслед за войском:

- Хоть издали погляжу, каковы в ратном деле мои наследники.

Долго ли, коротко ли ехал, - выехала карета на пригорок, и видно стало в подзорную трубу: неприятельские войска вдали стоят. Замерло сердце у царя: глазом не окинуть Гвидонову рать, соколу в три дня не облететь.

Куда ни погляди - везде Гвидоновы полчища, черным-черно в степи.

Глядит царь в подзорную трубу и видит: ездит неприятельский богатырь, похваляется, кличет себе поединщика, над царевыми войсками насмехается. Никто ему ответа не дает. Царевич с королевичем за бояр хоронятся, а бояре прочь да подальше пятятся. За кусты да в лес попрятались, одних ратников на поле оставили.

В ту пору дошла до Ивана весть: войска в поход ушли. Выбежал он в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул посвистом молодецким, гаркнул голосом богатырским:

- Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

На тот крик бежит конь со всеми доспехами богатырскими. У коня изо рта огонь-пламя пышет, из ушей дым столбом валит, из ноздрей искры сыплются; хвост на три сажени расстилается, грива до копыт легла. Иван коня седлал. Накладывал сперва потники, на потники клал войлоки, на войлоки - седельце казацкое; шелковые подпруги крепко-накрепко затягивал, золотые пряжки застегивал. Все не ради красы, а ради крепости: как ведь шелк-то не рвется, булат не гнется, а красное золото не ржавеет.

На себя надел доспехи богатырские, вскочил в седло и ударил коня по крутым бедрам. Его добрый конь пошел скакать. Из-под копыт комья земли с пещь летят, в ископыти подземные ключи кипят.

Будто сокол, налетел Иван на Гвидоново войско и увидал в чистом поле могучего богатыря иноземного. Закричал громким голосом, как в трубу заиграл. От такого крику молодецкого деревья в лесу зашатались, вершинами к земле приклонились.

Засмеялся чужой богатырь:

- Нечего сказать, нашли поединщика! На ладонь покладу, а другой прихлопну - и останется от тебя только грязь да вода!

Ничего Иван в ответ не сказал. Выхватил свою пудовую палицу и поскакал навстречу бахвальщику. Съехались они, будто две горы скатились. Ударились палицами, и вышиб Иван супротивника из седла. Упал тот на сырую землю, да столько и жив бывал. Как увидели Гвидоновы войска, что не стало главного богатыря, кинулись бежать прочь.

А царевич с королевичем да с боярами из-за кустов выскочили, саблями замахали, повели ратников своих в погоню. Иван коня поворотил, птицей соколом навстречу летит. Никто его не узнал. Только когда мимо царя проскакал, заметил царь: руки по локоть у молодца золотые, а ноги по колено - серебряные. Крикнул царь:

- Чей ты, добрый молодец, будешь, из каких родов, из каких городов? Как тебя звать-величать и кто тебя на подмогу нам прислал?

Ничего Иван царю не ответил, скрылся из глаз. Уехал в чистое поле, расседлал, разнуздal коня, отпустил на волю. Снял с себя доспехи богатырские. Все прибрал, а сам завернулся в шкуру и пошел домой. Залез на печь, спать повалился. Прошло времени день ли, два ли, воротились царевич да королевич с войсками. Во дворце пошли пиры да веселье - победу празднуют.

Посылает Иван жену:

- Поди, Наталья-царевна, попроси у отца с матерью чару зелена вина да свиной окорок на закуску.

Пошла во дворец Наталья-царевна незваная, непрошенная. Отцу с матерью поклонилась, с гостями поздоровалась:

- Пошлите моему Ивану чару зелена вина да свиной окорок на закуску.

Царь ей и говорит:

- Под лежащий камень даже вода не течет. Твой муж на войну не ходил. Дома на печи пролежал, а теперь пировать захотел!

Царица просит:

- Ну, царь-государь, ради такого праздника смени гнев на милость!

- Ладно, ладно, - махнул рукой царь, - так и быть, пошлите Ивану, чего после гостей останется. Наталья-царевна обиделась:

- Пусть уж старшие зятя пьют, гуляют да угощаются. Они на войну ходили и, слышно, из-за кустов Гвидово войско видали. А нам с мужем блюдолизничать - статочное ли дело!

Повернулась и ушла. Не успел царь с гостями отпировать, как прискакал гонец:

- Беда, царь-государь! Гвидон с войском опять границу перешел, а и с ним - средний брат убитого богатыря. Тот богатырь требует: "Коли не приведет царь того молодца, кто моего брата убил, все царство разорим, не оставим никого в живых".

Царю от той вести кусок поперек горла стал, руки, ноги дрожат.

А хмельные зятя - царевич да королевич - кричат, бахвалятся:

- Мы тебе, родитель богоданный, в беде - верная помога, на нас надейся!

Войско собрали, коней оседлали, пошли в поход. Царь со страху занемог, лежит стонет.

Встретились царские полки с неприятелем. Гвидонов богатырь с несметной силой напал, и начался кровавый бой.

Бьются ратники с чужеземными полчищами: один - с десятью, а двое - с тысячей.

Царские зятья как увидали великана-богатыря да несметное войско, и весь их боевой пыл пропал. За боярские спины хоронятся, а бояре - за кусты, за кусты, прочь подальше пятятся.

В ту пору выбежал Иван в чистое поле, в широкое раздолье. Свистнул посвистом молодецким, гаркнул голосом богатырским:

- Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

На тот крик-свист добрый конь бежит, под ним земля дрожит, из рта огонь-пламя пышет, из ноздрей искры сыплются, из ушей дым кудреват столбом валит. Иван коня остановил, оседлал и сам в боевые доспехи нарядился. В седло вскочил, поскакал на побоище, Наехал на Гвидоново войско и принялся бить, как траву косить, чужеземную силу.

Где проедет - там улица, а мечом махнет - переулочек.

Скачет Гвидонов богатырь на Ивана. На коне, как гора, сидит, готов Ивана живьем сглотнуть. Съехались, долгомерными копьями ударились - копья у них приломились, никоторый никоторого не ранили. Сшиблись кони грудь с грудью, выхватили наездники острые мечи. Угодил Иван мечом в супротивника. Рассек, развалил его надвое, до самой седельное подушки. Повалился из седла богатырь, будто овсяной сноп.

Тут Гвидоновы войска ужаснулись, снаряжение боевое кинули и побежали с поля боя прочь. А свои ратники приободрились: насаждают да бьют, гонят вражью силу.

Иван коня поворотил:

- Теперь и без меня управятся!

Навстречу ему едут царские старшие зятья с боярами, торопятся свои полки догнать, машут саблями, "ура" кричат. Мимо проскакали, на доброго молодца и не взглянули.

Уехал он в чистое поле, коня отпустил, снял с себя боевые доспехи. А сам в шкуру завернулся и пошел в свою избенку.

Залез на печь. Лежит отдыхает. Прибежала домой Наталья-царевна:

- Ох, Ваня, опять ты где-то скрывался, покуда наши войска с неприятельскими полчищами воевали!

Иван молчит. Заплакала Наталья-царевна:

- Стыдно мне добрым людям в глаза глядеть!

На другой день воротились в стольный град войска с победой. Все их в радости встречают. Царевич с королевичем царю рассказывают, как они Гвидоново войско побили.

Царь всех воевод щедро наградил. Велел выкатить бочки с вином да с пивом - ратникам угощение. Приказал из пушек палить, в колокола звонить. У царя в столице победу празднуют, а старший брат двух убитых богатырей - Росланей - уговорил короля Гвидона в третий раз на войну идти и сам свои полки выставил.

Гвидон собрал войско больше прежнего да Салтана, своего тестя, подбил в поход идти. Войска набралось видимо-невидимо.

Идут, песни поют, в барабаны бьют. Впереди едет сарацинский наездник, а за ним - самый сильный, самый отважный в Гвидоновом королевстве богатырь Росланей.

Заставу на границе побили, повоевали и написали царю письмо: "Подавай нам

своего наездника, который наших двух богатырей победил, и плати дани-выкупы вперед за сто лет, а не то все твоё царство разорим и тебя самого пошлем коров пасти".

Царь грамоту прочитал, с лица сменился. Позвал зятьев, князей да бояр:

- Что станем делать?

Зять-царевич говорит:

- Коли бы знамо да ведано было, кто богатырей Гвидоновых убил, лучше бы одного отдать, чем воевать. А зять-королевич присоветовал:

- Чем еще раз воевать, лучше дань платить. Сколько надо будет, столько с мужиков да с посадских людей и соберем - царская казна не убавится. На том и согласились, отписали Гвидону и Салтану: "Землю нашу не зорите, станем дань платить. И обидчика найдем да к вам приведем - дайте сроку три месяца".

Гвидон с Салтаном ответили: "Даем сроку три недели".

Царь с зятьями да с боярами торопятся. Послали гонцов по всем городам, по всем деревням:

- Собирайте казну с мужиков и посадских людей да ищите Гвидонова обидчика!

Вспомнил царь приметку:

- Смотрите, у кого руки по локоть золотые, а ноги по колено серебряные, того моим именем велите в железо ковать и везите сюда.

Проведала о том Наталья-царевна и догадалась: "Не иначе как мой муж богатырей победил! Недаром, когда бой был, его дома не было".

Легко ей стало, радостно, а как вспомнила, что велено его отыскать да в цепи заковать, запечалилась. Прибежала домой, кинулась мужу на шею:

- Прости меня, Иванушка! Напрасно я тебя обидела. Знаю теперь: ты победил обоих богатырей. - И рассказала ему про царский приказ. - Ухоронись подальше - как бы и сюда царские слуги не наехали.

- Не плачь, не горюй, женушка, я царских слуг не боюсь. Сейчас перво-наперво надо Гвидона с Салтаном проучить, вразумить, чтобы век помнили, как в нашу землю за данью ходить.

Тут Иван с молодой женой простился и побежал в чистое поле, в широкое раздолье. Свистнул посвистом молодецким, крикнул-гаркнул голосом богатырским:

- Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь прибежал и говорит:

- Ох, Иванушка, чую я, будет сегодня жаркий бой: прольется кровь и твоя и моя!

Иван на то ответил:

- Лучше смертную чашу испить, чем в бесчестье жить да лютому врагу дань платить!

Оседлал коня, сам в боевые доспехи снарядился и поехал в стольный град, в посадские концы. Вскричал тут громким голосом:

- Подымайтесь все, кому честь дорога! Постоим до последнего за жен, за детей, за престарелых родителей, не дадим свою землю Гвидону с Салтаном в поруганье!

На тот клич вставали посадские люди, поднялись мужики по всем волостям.

Три дня Иван войско собирал, на четвертый день по полкам разбивал, на пятый повел полки на недругов. А из дальних городов и волостей ратники валом валят, и такая рать-сила скопилась - глазом не окинуть!

Сошлись ратники с иноземными полчищами поближе. Выехал вперед сарацинский наездник:

- А, не хотите добром дань платить, войско послали! Все равно войско побьем и дань возьмем!

Метнул в него Иван копье и насквозь пронзил бахвальщика. Повалился сарацин из седла, будто скошенный.

- Вот тебе дань, получай, басурман⁴!

В ту пору выехал из вражьего стана самый сильный богатырь Росланей. Сидит на коне, как сенный стог. Конь под ним гора горой. Конь по щетки в землю проваливается, из-под копыт столько земли выворачивает - озера на том месте наливаются. Кличет богатырь себе поединщика.

Выехал навстречу Иван. Засмеялся чужеземный богатырь-великан:

- Эко, поединщик выискался! Соску бы тебе сосать, а не с богатырями силой меряться!

Закричал ему Иван:

- погоди, проклятое чудище, раньше времени хвалиться - не по тебе ли станут панихиду петь!

С теми словами разъехались богатыри на двенадцать верст, повернули коней, стали съезжаться. Не две громовые тучи скатились, не две горы столкнулись - два могучих, сильных богатыря на смертный бой съехались. Съехались, стопудовыми палицами ударились. Палицы в дугу согнулись, а сами некоторый некоторого не ранил.

Другой раз съехались, стали копьями долгомерными биться. До тех пор бились, покада копья у них не приломились, и опять некоторый некоторого не ранил. На третий раз съехались, выхватили острые мечи. Конь Ивану успел только сказать:

- Берегись! Как можешь, пригнись ниже!

И сам голову пригнул.

Росланей первым мечом ударил. Со свистом Росланеев меч пролетел. Задел Ивану левую руку да ухо коню отсек. Выпрямился Иван, размахнулся и вышиб меч из рук Росланей, не дал другой раз ударить. Тут сшиблись кони богатырские грудь с грудью. Иван с Росланеем спешили и схватились врукопашную. Бились они с полудня до вечера. Росланей по колено Ивана в землю втоптал. Рана у Ивана болит, и чувствует он - сил у него все меньше становится. Улучил добрый молодец минуту и кричит Росланею:

- Погляди-ка, что у тебя за спиной творится!

Не удержался Росланей, оглянулся, а Иван собрал все свои силы, изловчился и так сильно ударил супротивника, что тот зашатался. Тут Иван не стал мешкать, метнул в Росланей свой булатный нож и навеки пригвоздил его к сырой земле.

Тем временем Иванов конь сбил с ног, затоптал Росланеева коня.

А в ту пору Иваново войско кинулось на вражьи полчища, Ивану с конем и отдыхать некогда. Вскочил добрый молодец в седло и поскакал в бой. Бились с вечера до утренней зари. К утру все поле усеяли Гвидоновыми да сарацинскими войсками.

Салтан с Гвидоном ужаснулись и кинулись с остатками полков прочь бежать. Иван со своими ратниками их гнали и били не покладая рук. Под конец настигли Гвидона с Салтаном и взяли их в плен.

- Еще ли вздумаете к нам за данью приходить? - спрашивает Иван.

- Ох, добрый молодец, отпусти нас подобру-поздорову домой, и мы не только сами на вас войной не пойдем, а и детям нашим, внукам и правнукам накажем с вами в мире жить и вам веки-повеки дань платить!

- Ну, смотрите, нарушите слово - худо вам будет! Тогда все ваши земли разорю и корня вашего не оставлю!

После этого отпустил их Иван на все четыре стороны. Потом все свои полки собрал и повел домой. А между тем дошли вести до царя, что посадские люди и деревенские мужики побили Гвидоновы да Салтановы войска и самого могучего богатыря Росланея победили.

Собрал царь князей да бояр, позвал своих старших зятьев и говорит:

- Наши ратные люди все Гвидоновы и Салтановы полки побили, повоевали, а воеводой у наших ратников был тот молодец, у которого по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре. Он собрал мужиков да посадских людей, выступил в поход самовольно и тем мне, царю, и вам, моим ближним князьям да боярам, нанес большое бесчестье. Чего станем с самовольником делать?

- Чтобы вперед на такое самовольство никому соблазна не было, надо царева ослушника казнить! - князья с боярами закричали.

Тут поднялся с места один старый боярин, низко царю поклонился:

- Не вели, царь-надежа, казнить, вели слово молвить!

- Сказывай, боярин, сказывай, - царь велит.

- Покуда посадские люди да мужики все вместе и покуда у них есть свой воевода, негоже наши намерения показывать. Надо их ласково встретить да приветить. Надо выкатить из погребов все вино, какое есть, да побольше наград раздать - нечего жалеть золотой казны. Пусть ратники пьют, гуляют, забавляются. А как перепьются в разные стороны, тут поодиночке с ними полегче управиться. Тогда и царского ослушника, холопья воеводу, легче легкого в железо заковать, а там, царь-государь, твори над ним свою волю! Царю те речи по нраву пришлись, и все со старым боярином согласились.

Иван в ту пору незаметно отъехал от своих ратников подальше в чистое поле, в широкое раздолье. Коня расседлал, разнуздал.

- Спасибо, конь дорогой! Послужил ты мне верой и правдой, и я век твою службу помнить буду.

Конь ему и говорит:

- Ты, Ваня, пуще всего опасайся царской милости да боярской ласки. А я тебе и вперед буду верно служить, когда исполнишь мою просьбу.

- Говори, мой верный конь, я все для тебя сделать готов, чего бы ты ни попросил!

- Помни, Иванушка, свое обещанье!

- Говори, все исполню.

- Бери, Ваня, в руки свой острый меч и отруби мне голову, - просит конь.

- Что ты говоришь! Статочное ли дело, чтобы я своему верному коню сам голову

отрубил! Чего хочешь проси, а об этом и говорить нечего. Веки веков моя рука на этакое дело не подыметсЯ.

Конь голову опустил:

- Коли так, навеки ты меня несчастным оставишь.

И заплакал конь горькими слезами. Стоит Иван, глядит на друга-товарища, не знает, чего делать.

А конь неотступно просит:

- Не бойся ничего! Отруби голову и тогда увидишь, что будет.

Думал, думал Иван, схватил меч, размахнулся и отсек коню голову.

И вдруг, откуда ни возьмись, вместо коня стал перед ним добрый молодец:

- Ох, Иванушка, друг дорогой, спасибо, послушал меня, избавил от колдовства! А как бы не исполнил моей просьбы, век бы мне конем быть. Сам я из этого царства - Василий, крестьянский сын. Сила во мне великая. А в ту пору обидел царский слуга моего отца с матерью. Вызвал я обидчика на поединок и победил его в кулачном бою. Царь на меня прогневался. Подкараулили царские слуги меня и сонному руки, ноги сковали, увезли в глухой, темный лес, оставили там диким зверям на растерзание.

Мимо ехал леший, взял в свое царство. Не захотел я у него холопом служить. За это леший конем меня обернул, голодом морил да мучил, покуда ты не выручил меня? Мы с тобой вместе от лешего избавились, вместе за свою землю стояли, с лютыми врагами бились, кровь пролили. И никто, кроме тебя, не мог избавить меня от лешачьего колдовства.

Глядит Иван и глазам не верит: был конь, а теперь стоит добрый молодец.

Тут Василий, крестьянский сын, Ивану поклонился:

- Будь мне названным братом!

Иван обрадовался, названного брата за руки брал, крепко к сердцу прижимал.

И пошли они к своим войскам. А как стали полки к столице подходить, царь приказал из пушек палить, в барабаны бить и сам с боярами вышел навстречу ратникам:

- Спасибо, ребяташки, за верную службу! Век я вашей услуги не забуду, всех велю наградить! А теперь отдыхайте, пейте, гуляйте - угощения на всех хватит!

Тут Иван с Василием, крестьянским сыном, вышли вперед.

- Теперь-то ты ласковый, на посулы не скупись, а помнишь ли, как всю нашу землю ты да бояре Гвидону с Салатном согласились навек в кабалу отдать?

Теперь пришло время ответ держать. Царь и бояре ни живы ни мертвы стоят, руки, ноги дрожат и с лица сменились.

Названные братья им и говорят:

- Уходите, чтобы и духу вашего тут не было!

И все ратные люди закричали:

- Худую траву из поля вон!

Царь да бояре не стали мешкать, кинулись бежать кто куда, только их и видели.

А Иван - вдовый сын со своим названным братом стали тем царством править. Все лешачьи богатства и диковинки привезли. Все посадские люди и деревенские мужики

с тех пор стали лихо да беду изживать, добра наживать.
Тут и сказке конец, а кто слушал - молодец.

¹ Белоярская пшеница - кукуруза.

² Жемчуг скатный - достаточно крупный, круглый и ровный, как бы скатанный.

³ Ископыт - земля из-под копыта бегущего коня.

⁴ Басурман - иноверец

ИВАН - КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЧУДО-ЮДО

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха, и было у них три сына. Младшего звали Иванушка. Жили они - не ленились, с утра до ночи трудились: пашню пахали да хлеб засевали.

Разнеслась вдруг в том царстве-государстве дурная весть: собирается чудо-юдо поганое на их землю напасть, всех людей истребить, все города-села огнем спалить. Затужили старик со старухой, загоревали. А старшие сыновья утешают их:

- Не горюйте, батюшка и матушка! Пойдем мы на чудо-юдо, будем с ним биться насмерть! А чтобы вам одним не тосковать, пусть с вами Иванушка останется: он еще очень молод, чтобы на бой идти.

- Нет, - говорит Иванушка, - не хочу я дома оставаться да вас дожидаться, пойду и я с чудом-юдом биться!

Не стали старик со старухой его удерживать да отговаривать. Снарядили они всех троих сыновей в путь-дорогу. Взяли братья дубины тяжелые, взяли котомки с хлебом-солью, сели на добрых коней и поехали. Долго ли, коротко ли ехали - встречается им старый человек.

- Здорово, добрые молодцы!

- Здравствуй, дедушка!

- Куда это вы путь держите?

- Едем мы с поганим чудом-юдом биться, сражаться, родную землю защищать!

- Доброе это дело! Только для битвы вам нужны не дубинки, а мечи булатные.

- А где же их достать, дедушка!

- А я вас научу. Поезжайте-ка вы, добрые молодцы, все прямо. Доедете вы до высокой горы. А в той горе - пещера глубокая. Вход в нее большим камнем завален. Отвалите камень, войдите в пещеру и найдете там мечи булатные.

Поблагодарили братья прохожего и поехали прямо, как он учил. Видят - стоит гора высокая, с одной стороны большой серый камень привален. Отвалили братья тот камень и вошли в пещеру. А там оружия всякого - и не сочтешь! Выбрали они себе по мечу и поехали дальше.

- Спасибо, - говорят, - прохожему человеку. С мечами-то нам куда сподручнее биться будет!

Ехали они, ехали и приехали в какую-то деревню. Смотрят - кругом ни одной живой души нет. Все повыжжено, поломано. Стоит одна маленькая избушка. Вошли братья в избушку. Лежит на печке старуха да охает.

- Здравствуй, бабушка! - говорят братья.

- Здравствуйте, молодцы! Куда путь держите?

- Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост. Хотим с чудом-юдом сразиться, на свою землю не допустить.

- Ох, молодцы, за доброе дело взялись! Ведь он, злодей, всех разорил, разграбил! И до нас добрался. Только я одна здесь уцелела...

Переночевали братья у старухи, поутру рано встали и отправились снова в путь-дорогу.

Подъезжают к самой реке Смородине, к калиновому мосту. По всему берегу лежат мечи да луки поломанные, лежат кости человеческие.

Нашли братья пустую избушку и решили остановиться в ней.

- Ну, братцы, - говорит Иван, - заехали мы в чужедальнюю сторону, надо нам ко всему прислушиваться да приглядываться. Давайте по очереди в дозор ходить, чтоб чудо-юдо через калиновый мост не пропустить.

В первую ночь отправился в дозор старший брат. Прошел он по берегу, посмотрел за реку Смородину - все тихо, никого не видать, ничего не слышать. Лег старший брат под ракитов куст и заснул крепко, захрапел громко.

А Иван лежит в избушке - не спится ему, не дремлет. Как пошло время за полночь, взял он свой меч булатный и отправился к реке Смородине.

Смотрит - под кустом старший брат спит, во всю мочь храпит. Не стал Иван его будить. Спрятался под калиновый мост, стоит, переезд сторожит. Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали - подъезжает чудо-юдо о шести головах. Выехал он на середину калинового моста - конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади чёрный пес оцетинился.

Говорит чудо-юдо шестиголовое:

- Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты черный ворон, встрепенулся? Почему ты, черный пес оцетинился? Или вы чуете, что Иван - крестьянский сын здесь? Так он еще не родился, а если и родился, так на бой не сгодился! Я его на одну руку посажу, другой прихлопну!

Вышел тут Иван - крестьянский сын из-под моста и говорит:

- Не хвались, чудо-юдо поганое! Не подстрелил ясного сокола - рано перья щипать! Не узнал доброго молодца - нечего срамить его! Давай-ка лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они, поравнялись, да так ударились, что кругом земля загудела.

Чуду-юду не посчастливилось: Иван - крестьянский сын с одного взмаха сшиб ему

три головы.

- Стой, Иван - крестьянский сын! - кричит чудо-юдо. - Дай мне передохнуть!

- Что за отдых! У тебя, чудо-юдо, три головы, а у меня одна. Вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились. Иван - крестьянский сын отрубил чуду-юду и последние три головы. После того рассек туловище на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся и спать улегся.

Поутру приходит старший брат. Спрашивает его Иван:

- Ну что, не видал ли чего?

- Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала!

Иван ему ни словечка на это не сказал. На другую ночь отправился в дозор средний брат. Походил он, походил, посмотрел по сторонам и успокоился. Забрался в кусты и заснул.

Иван и на него не понадеялся. Как пошло время за полночь, он тотчас снарядился, взял свой острый меч и пошел к реке Смородине. Спрятался под калиновый мост и стал караулить.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались - подъезжает чудо-юдо девятиголовое. Только на калиновый мост въехал - конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади чёрный пес ошетинился... Чудо-юдо коня плеткой по бокам, ворона - по перьям, пса - по ушам!

- Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты, черный ворон, встрепенулся? Почему ты, черный пес, ошетинился? Или чуете вы, что Иван - крестьянский сын здесь? Так он еще не родился, а если и родился, так на бой не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван - крестьянский сын из-под калинового моста:

- погоди, чудо-юдо, не хвались, прежде за дело примись! Еще посмотрим, чья возьмет!

Как взмахнул Иван своим булатным мечом раздругой, так и снес у чуда-юда шесть голов. А чудо-юдо ударил - по колени Ивана в сырую землю вогнал. Иван - крестьянский сын захватил горсть песку и бросил своему врагу прямо в глазищи. Пока чудо-юдо глазищи протирал да прочищал, Иван срубил ему и остальные головы. Потом рассек туловище на мелкие части, побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Лег и заснул, будто ничего не случилось.

Утром приходит средний брат.

- Ну что, - спрашивает Иван, - не видал ли ты за ночь чего?

- Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал.

- Ну, коли так, пойдемте со мной, братцы дорогие, я вам и комара и муху покажу.

Привел Иван братьев под калиновый мост, показал им чудо-юдовы головы.

- Вот, - говорит, - какие здесь по ночам мухи да комары летают. А вам, братцы, не воевать, а дома на печке лежать!

Застыдились братья.

- Сон, - говорят, - повалил...

На третью ночь собрался идти в дозор сам Иван.

- Я, - говорит, - на страшный бой иду! А вы, братцы, всю ночь не спите, прислушивайтесь: как услышите мой посвист - выпустите моего коня и сами ко мне на помощь спешите.

Пришел Иван - крестьянский сын к реке Смородине, стоит под калиновым мостом, дожидается. Только пошло время за полночь, сырая земля заколебалась, воды в реке взволновались, буйные ветры завывали, на дубах орлы закричали. Выезжает чудо-юдо двенадцатиголовое. Все двенадцать голов свистят, все двенадцать огнем-пламенем пышут. Конь у чуда-юда о двенадцати крылах, шерсть у коня медная, хвост и грива железные. Только въехал чудо-юдо на калиновый мост - конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, черный пес позади ошетинился. Чудо-юдо коня плеткой по бокам, ворона - по перьям, пса - по ушам!

- Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего, черный ворон, встрепенулся? Почему, чёрный пес, ошетинился? Или чувствует, что Иван - крестьянский сын здесь? Так он еще не родился, а если и родился, так на бой не сгодился: только дуну - и праху его не останется!

Вышел тут из-под калинового моста Иван - крестьянский сын:

- погоди, чудо-юдо, хвалиться, как бы тебе не осрамиться!

- А, так это ты, Иван - крестьянский сын? Зачем пришел сюда?

- На тебя, вражья сила, посмотреть, твоей храбрости испробовать!

- Куда тебе мою храбрость пробовать! Ты муха передо мной!

Отвечает Иван - крестьянский сын чуду-юду:

- Пришел я не сказки тебе рассказывать и не твои слушать. Пришел я насмерть биться, от тебя, проклятого, добрых людей избавить!

Размахнулся тут Иван своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы.

Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем, к шеям приложил, и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали.

Плохо пришлось Ивану: чудо-юдо свистом его оглушает, огнем его жжет-палит, искрами его осыпает, по колени в сырую землю его вгоняет... А сам посмеивается:

- Не хочешь ли ты отдохнуть, Иван - крестьянский сын?

- Что за отдых? По-нашему - бей, руби, себя не береги! - говорит Иван.

Свистнул он, бросил свою правую рукавицу в избушку, где братья его ждали. Рукавица все стекла в окнах повыбивала, а братья спят, ничего не слышат.

Собрался Иван с силами, размахнулся еще раз, сильнее прежнего, и срубил чуду-юду шесть голов. Чудо-юдо подхватил свои головы, чиркнул огненным пальцем, к шеям приложил - и опять все головы на местах. Кинулся он тут на Ивана, забил его по пояс в сырую землю.

Видит Иван - дело плохо. Снял левую рукавицу, запустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья все спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся Иван - крестьянский сын, срубил чуду-юду девять голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем, к шеям приложил - головы опять приросли. Бросился он тут на Ивана и вогнал его в сырую землю по самые плечи... Снял Иван свою шапку и бросил в избушку. От того удара избушка зашаталась, чуть

по бревнам не раскатилась. Тут только братья проснулись, слышат Иванов конь громко ржет да с цепей рвется. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами побежали.

Иванов конь прискакал, стал бить чудо-юдо копытами. Засвистел чудо-юдо, зашипел, начал коня искрами осыпать.

А Иван - крестьянский сын тем временем вылез из земли, изловчился и отсек чудо-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы. Сшиб все до единой! Туловище на мелкие части рассек и побросал в реку Смородину.

Прибегают тут братья.

- Эх, вы! - говорит Иван. - Из-за сонливости вашей я чуть головой не поплатился!

Привели его братья к избушке, умыли, накормили, напоили и спать уложили.

Поутру рано Иван встал, начал одеваться-обуваться.

- Куда это ты в такую рань поднялся? - говорят братья. - Отдохнул бы после такого побоища!

- Нет, - отвечает Иван, - не до отдыха мне: пойду к реке Смородине свой кушак¹ искать - обронил там.

- Охота тебе! - говорят братья. - Заедем в город - новый купишь.

- Нет, мне мой нужен!

Отправился Иван к реке Смородине, да не кушак стал искать, а перешел на тот берег через калиновый мост и прокрался незаметно к чудо-юдовым каменным палатам. Подошел к открытому окошку и стал слушать - не замышляют ли здесь еще чего?

Смотрит - сидят в палатах три чудо-юдовых жены, да мать, старая змеиха. Сидят они да сговариваются. Первая говорит:

- Отомщу я Ивану - крестьянскому сыну за моего мужа! Забегу вперед, когда он с братьями домой возвращаться будет, напущу жары, а сама обернусь колодцем. Захотят они воды выпить - и с первого же глотка мёртвыми свалятся!

- Это ты хорошо придумала! - говорит старая змеиха.

Вторая говорит:

- А я забегу вперед и обернусь яблоней. Захотят они по яблочку съесть - тут их и разорвет на мелкие кусочки!

- И ты хорошо придумала! - говорит старая змеиха.

- А я, - говорит третья, - напущу на них сон да дрему, а сама забегу вперед и обернусь мягким ковром с шелковыми подушками. Захотят братья полежать-отдохнуть - тут-то их и спалит огнем!

- И ты хорошо придумала! - молвила змеиха. - Ну, а если вы их не сгубите, я сама обернусь огромной свиньей, догоню их и всех троих проглочу!

Подслушал Иван - крестьянский сын эти речи и вернулся к братьям.

- Ну что, нашёл ты свой кушак? - спрашивают братья.

- Нашёл.

- И стоило время на это тратить!

- Стоило, братцы!

После того собрались братья и поехали домой. Едут они степями, едут лугами. А день такой жаркий, такой знойный. Пить хочется - терпенья нет! Смотрят братья - стоит колодец, в колодце серебряный ковшик плавает.

Говорят они Ивану:

- Давай, братец, остановимся, холодной водицы попьем и коней напоим!

- Неизвестно, какая в том колодце вода, - отвечает Иван. - Может, гнилая да грязная.

Соскочил он с коня и принялся мечом сечь да рубить этот колодец. Завыл колодец, заревел дурным голосом. Тут спустился туман, жара спала - пить не хочется.

- Вот видите, братцы, какая вода в колодце была, - говорит Иван.

Поехали они дальше. Долго ли, коротко ли ехали - увидели яблоньку. Висят на ней яблоки, крупные да румяные.

Соскочили братья с коней, хотели было яблочки рвать. А Иван забежал вперед и давай яблоню мечом под самый корень рубить. Завыла яблоня, закричала...

- Видите, братцы, какая это яблоня? Невкусные на ней яблочки!

Сели братья на коней и поехали дальше. Ехали они, ехали и сильно утомились. Смотрят - разостлан на поле ковёр узорчатый, мягкий, а на нем подушки пуховые.

- Полежим на этом ковре, отдохнем, подремлем часок! - говорят братья.

- Нет, братцы, не мягко будет на этом ковре лежать! - отвечает им Иван.

Рассердились на него братья:

- Что ты за указчик нам: того нельзя, другого нельзя!

Иван в ответ ни словечка не сказал. Снял он свой кушак, на ковёр бросил. Вспыхнул кушак пламенем и сгорел.

- Вот с вами то же было бы! - говорит Иван братьям.

Подошел он к коврику и давай мечом коврик да подушки на мелкие лоскутья рубить. Изрубил, разбросал в стороны и говорит:

- Напрасно вы, братцы, ворчали на меня! Ведь и колодец, и яблоня, и коврик - все это чудо-юдовы жены были. Хотели они нас погубить, да не удалось им это: сами все погибли!

Поехали братья дальше.

Много ли, мало ли проехали - вдруг небо потемнело, ветер завыл, земля загудела: бежит за ними большущая свинья. Разинула пасть до ушей - хочет Ивана с братьями проглотить. Тут молодцы, не будь дурны, вытащили из своих котомок дорожных по пуду соли и бросили свинье в пасть.

Обрадовалась свинья - думала, что Ивана - крестьянского сына с братьями схватила. Остановилась и стала жевать соль. А как распробовала - снова помчалась в погоню.

Бежит, щетину подняла, зубищами щелкает. Вот-вот нагонит...

Тут Иван приказал братьям в разные стороны скакать: один направо поскакал, другой - налево, а сам Иван - вперед.

Подбежала свинья, остановилась - не знает, кого прежде догонять.

Пока она раздумывала да в разные стороны мордой вертела, Иван подскочил к ней, поднял ее да со всего размаха о землю ударил. Рассыпалась свинья прахом, а ветер

тот прах во все стороны развеял. С тех пор все чуда-юда да змеи в том краю повывелись - без страха люди жить стали.

А Иван - крестьянский сын с братьями вернулся домой, к отцу, к матери. И стали они жить да поживать, поле пахать да пшеницу сеять.

¹ Кушак - пояс из широкого длинного куска материи.

ИВАН - МУЖИЦКИЙ СЫН

Завелись у мужика в скирдах крыса и мышь. Мышь была заботлива, а крыса беззаботна - все бы ей по скирдам скакать.

Только и знала - как бы своровать яичко либо цыпленка. А мышь точит и точит зерно, готовит муку на весь год.

Вот снегом все замело, а у крысы поесть нечего. Приходит она к мыши, просит взаймы муки. Дала ей мышь муки.

Весна подошла. У мыши вся мука вывелась. Пошла мышь с крысы долг спрашивать.

Ухватила крыса мышь за хвост, много горя той досталось: избила она мышь в прах.

Подает мышь на крысу прошение в суд. Собрались звери и птицы, начали судить.

Крыса схитрила - всех перепоила: птиц и куниц, медведей и лисиц.

Орел главным судьей был. Вышел орел, прочитал приговор: оставить прошение мыши без последствий. А мышь бойкая была. Видит, что неправильно присудил орел в крысину пользу. Дождалась, когда орел спяну заснул, взяла и подгрызла ему крылышки. Поехал мужик рано утром нарубить леску, истопить печку. И, вот тебе, наехал на пьяных зверюжин. Испугался, поворачивает лошадей обратно. А орел говорит:

- погоди, мужичок, не торопись, назад вернись, возьми меня с собой! Корми-пои, пока не поправлюсь, - я тебя отблагодарю.

Мужик год орла кормил. Исправились у орла крылья. Он говорит:

- Полетим теперь ко мне!

Подхватил мужика, и полетели они к орлу. Мужик в гостях у орла год был. Пил, ел, гулял как прошел год, не видал.

Вот собирается он домой. Дает ему орел берестяной коробочек.

- Возьми, - говорит. - Только не открывай, пока домой не придешь.

Шел-шел мужик и думает: "Что же это за коробочек такой? Дай-ка я погляжу, что в нем".

Открыл он коробочек. Посыпались оттуда дома да амбары, лавки - полны товара. Никак он не закроет этот коробочек.

Где ни взялся колдун. Говорит:

- Отдай мне то, чего дома не знаешь, а я тебе помогу.

Мужик подумал: "Все-то я дома знаю. Нечего мне бояться".

Ну и согласился отдать то, чего дома не знает. Колдун договор написал. Дома, амбары и лавки в коробочек сложил.

Пришел мужик домой, глядит - жена его сына родила.

Мужик затосковал, весел с тех пор никогда не бывал. Положил договор в сундук, на самое дно, и никому о нем не сказал.

Живут они, поживают, сын с матерью ничего не знают. Коробочек открыли, амбаров понастроили. А мужик все невеселый.

Вот сравнялось Ивану двадцать два года. Полез он как-то в сундук и увидел договор.

- Что это? - спрашивает он отца. Мужик ему все рассказал.

- Эх, батя, - говорит Иван, - давно бы мне надо было сказать! Ну, не гневайся! Пойду я твой долг платить.

Шел-шел, зашел в лес дремучий. Там стоит дом премогучий, кругом по балясинам человеческими головами обнесен, кожами человеческими обвешан. Является Иван к колдуну. Колдун говорит:

- Давно, давно пора, Иван - мужицкий сын, отцов долг заплатить, мне послужить! Ступай на кухню отдыхать. А завтра за работу.

Пошел Иван на кухню. А у колдуна в кухарках красавица девица, была. И Иван собой красавец. Полюбились они друг другу. Рассказал Иван, откуда он и зачем пришел. Красавица девица говорит:

- Плохи твои дела Иван - мужицкий сын! Хочет тебя хозяин погубить - жизни лишит. Видишь посреди двора колоду? Велит он тебе завтра ее поколоть, порубить, в поленницу дрова сложить.

- То для меня пустое дело! - отвечает Иван. - Силой меня отец с матерью не обидели.

- Не хвались раньше времени, Иван - мужицкий сын! Колода та не простая. Тут не сила, а сноровка нужна. Деревья, что вокруг колоды стоят, такими, как ты, молодцами были. Станешь завтра колоду рубить, увидишь на комле маленький сучочек. Бей по тому сучку топором. Промахнешься - на себя пеняй. Вот велит на другой день колдун Ивану колоду поколоть, порубить, в поленницу дрова сложить. Берет Иван в руки топор. Размахнулся во все плечо и ударил по колоде.

Колода как лежала, так и лежит. А сам он в землю будто корнями врос.

Размахнулся Иван по второму разу. Сильней прежнего ударил.

Колода как лежала, так и лежит. А сам он по пояс дубовой корой оделся.

Тут испугался Иван. Вспомнил, что кухарка ему говорила. Приметил на комле маленький сучочек. Нацелился в него, попал топором.

Загремела колода, на поленья развалилась. Поленья сами в поленницу сложились. Спали с Ивана чары.

Приходит он к колдуну, докладывает: выполнил приказ.

Вышел колдун во двор. Посмотрел - правда. Злоба его взяла, однако вида не показывает.

- Ну что же, говорит, - спасибо за службу, Иван - мужицкий сын. Ступай на кухню отдыхать. Завтра будешь мне неезженного коня объезжать.

Приходит Иван на кухню, смеется.

- Это, - говорит, - для меня дело пустое, коня объезжать.

- Не хвались, Иван, раньше времени, - говорит кухарка. - Хочет тебя хозяин погубить, жизни лишит. Конь-то не простой будет. Дам я тебе три пуда железных прутьев. Когда станет конь подниматься кверху, бей ты его теми прутьями между ушей, сколько сил у тебя хватит.

Вот наутро подвели Ивану неезженного жеребца. Это сам колдун конем обернулся. Сел Иван верхом, поднялся конь выше лесов, чуть ниже облаков. Хочет Ивана на землю сбросить. А Иван к нему крепче прижимается, ногами бока давит, железными прутьями между ушей бьет.

Бил до тех пор, пока конь на землю не опустился. Привязал Иван коня у подъезда. Приходит к колдуну. А тот уже обернулся человеком, лежит в постели, охает:

- Послужил ты мне хорошо и на этот раз, Иван - мужицкий сын. Ну, исполни еще мой приказ: искупайся завтра утром в моей бане.

Приходит Иван на кухню, рассказывает служанке, смеется.

- Разве это работа, - говорит, - в бане искупаться?

Та отвечает:

- Плохо тебе завтра будет, Иван - мужицкий сын!

Хочет хозяин тебя живьем изжарить, кожу содрать, голову на балясину повесить. Ну, ложись спать, утро вечера мудренее.

Испекла она ночью пышку-говорушку. Посадила в баню. А сама с Иваном - бежать.

Приказывает колдун наутро слугам баню топить, докрасна раскалить.

Приходит спрашивает:

- Как, Иван - Мужицкий сын, хороша баня?

А пышка-говорушка Ивановым голосом отвечает:

- Баня не скоблена,
Три года не топлена,
Зуб на зуб не попадает.

Рассердился колдун на слуг, что плохо баню топят. Велел еще дров подложить.

Приходит снова, спрашивает:

- Как, Иван - мужицкий сын, хороша моя баня?

А пышка-говорушка отвечает:

- Баня не скоблена, Три года не топлена, Зуб на зуб не попадает.

Взялся колдун сам баню топить. Все дрова пожег. Спрашивает:

Пышка-говорушка отвечает:

- Баня не скоблена,
Три года не топлена,
Зуб на зуб не попадает.

Открыл колдун дверь, а там пышка-говорушка. Хватился - кухарки нет.

Снаряжает колдун погоню. Слышит красавица девица, что погоня близко, обернулась она свиньей, а Ивана пастухом сделала. Подбегает погоня:

- Тут Иван - мужицкий сын не проходил?

Пастух отвечает:

- Нет, никого не было.

Вернулась погоня ни с чем. Колдун спрашивает:

- Никого не видали?

- Нет никого. Только пастуха со свиньей повстречали.

- Это они самые и были!

Слышит красавица девица, что нагоняют. Сделала она Ивана конем, а сама обернулась репьем. Возвращается погоня ни с чем. Колдун спрашивает:

- Что же, никого не видали?

- Нет, никого. Только конь ходит, а на хвосте у него репей.

- Ах, это они самые!

Побежал колдун сам. Бежит - земля дрожит. Слышит красавица девица - нагоняют. Обернулась она морем, а Ивана селезнем сделала. Стал колдун воду пить, чтобы море осушить. А селезень крикает:

- Чтоб ты лопнул! Чтоб ты лопнул!

Так оно и случилось: лопнул колдун и издох. Прибежал Иван - мужицкий сын со своей невестой домой, к отцу-матери. Свадьбу сыграли. Стали жить-поживать.

Все у них хорошо. Письма мне пишут, только я что-то тех писем не получаю.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три дочери и один сын, Иван-царевич. Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич.

Как узнали про то соседние короли, сейчас собрали несчётные войска и пошли на

него войною. Иван-царевич не знает, как ему быть; приходит к своим сёстрам и спрашивает:

- Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Все короли поднялись на меня войною.

- Ах ты, храбрый воин! Чего убоился? Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою - золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает? А ты, ничего не видя, испугался!

Иван-царевич тотчас оседлал своего доброго коня, надел сбрую ратную, взял меч-кладенец, копье долгомерное и плетку шелковую и выехал против неприятеля. Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц - нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько мечом бьёт, сколько конём топчет; перебил все воинство вражее, воротился в город, лёг спать и спал трое суток беспробудным сном.

На четвертые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле - короли больше того войск собрали и опять под самые стены подступили.

Запечалился царевич, идет к своим сёстрам:

- Ах, сестрицы! Что мне делать? Одну силу истребил, другая под городом стоит, пуще прежнего грозит.

- Какой же ты воин! Сутки воевал да трое суток без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою - золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Иван-царевич побежал в белокаменные конюшни, оседлал доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую - плетку шелковую и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц - нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьёт, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном шесть суток.

На седьмые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле - короли больше того войск собрали и опять весь город обступили.

Идет Иван-царевич к сёстрам:

- Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Две силы истребил, третья под стенами стоит, ещё пуще грозит.

- Ах ты, храбрый воин! Одни сутки воевал да шестеро без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою - золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Горько показалось то царевичу; побежал он в белокаменные конюшни, оседлал своего доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую - плетку шёлковую и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц - нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьёт, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном девять суток.

На десятые сутки проснулся, призвал всех министров и сенаторов:

- Господа мои министры и сенаторы! Вздумал я в чужие страны ехать, на Белого Полянина посмотреть; прошу вас судить и рядить, все дела разбирать по правде.

Затем попрощался с сёстрами, сел на коня и поехал в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли - заехал он в темный лес; видит - избушка стоит, а в той избушке стар человек живет. Иван-царевич зашел к нему:

- Здравствуй, дедушка!

- Здравствуй, русский царевич! Куда идешь?

- Ищу Белого Полянина, не знаешь ли, где он?

- Сам не ведаю, а вот подожди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу - и вдруг начали к нему со всех сторон птицы слетаться. Налетело их видимо-невидимо, чёрной тучею все небо покрыли.

Крикнул стар человек громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

- Слуги мои верные, птицы перелётные! Не видали ль, не слыхали ль чего про Белого Полянина?

- Нет, видом не видали, слыхом не слыхали!

- Ну, Иван-царевич, - говорит стар человек, - ступай теперь к моему старшему брату - может, он тебе скажет. На, возьми клубочек, пусти перед собою: куда клубочек покатится, туда и коня направляй. Иван-царевич сел на своего доброго коня, покати клубочек и поехал вслед за ним, а лес всё темней да темней.

Приезжает царевич к избушке, входит в двери; в избушке старик сидит - седой как лунь.

- Здравствуй, дедушка!

- Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?

- Ищу Белого Полянина, не знаешь ли, где он?

- А вот погоди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу - и вдруг собрались к нему со всех сторон разные звери. Крикнул им громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

- Слуги мои верные, звери порысучие! Не видали ль, не слыхали ль чего про Белого Полянина?

- Нет, - отвечают звери, - видом не видали, слыхом не слыхали.

- А ну, рассчитайтесь промеж себя: может, не все пришли.

Звери рассчитались - нет кривой волчицы. Старик послал искать ее; тотчас побежали гонцы и привели ее.

- Сказывай, кривая волчица, не знаешь ли ты Белого Полянина?

- Как мне его не знать, коли я при нём завсегда живу: он войска побивает, а я мёртвым трупом питаюсь.

- Где же он теперь?

- В чистом поле на большом кургане, в шатре спит. Воевал он с бабою-ягою - золотой ногою, а после бою залег на двенадцать суток спать.

- Проводи туда Ивана-царевича. Волчица побежала, а вслед за нею поскакал царевич.

Приезжает он к большому кургану, входит в шатер - Белый Полянин крепким сном почивает.

"Вот сестры мои говорили, что Белый Полянин без роздыху воюет, а он на двенадцать суток спать залег! Не заснуть ли и мне пока?" Подумал-подумал Иванцаревич и лёг с ним рядом.

Тут прилетела в шатёр малая птичка, вьётся у самого изголовья и говорит таковые слова:

- Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти Ивана-царевича: не то встанет - сам тебя убьёт!

Иван-царевич вскочил, выгнал птичку из шатра и опять лег возле Белого Полянина. Не успел заснуть, как прилетает другая птичка, вьётся у изголовья и говорит:

- Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти Ивана-царевича: не то встанет - сам тебя убьёт!

Иван-царевич вскочил, выгнал птичку из шатра и опять лег на то же место. Вслед за тем прилетает третья птичка, вьётся у изголовья и говорит:

- Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти Ивана-царевича: не то встанет - сам тебя убьёт!

Иван-царевич вскочил, выгнал птичку из шатра вон, а сам лёг и крепко заснул.

Пришла пора - пробудился Белый Полянин, смотрит - рядом с ним незнамо какой богатырь лежит; схватился за острый меч и хотел было предать его злой смерти, да удержался вовремя. "Нет, - думает, - он наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне, доброму молодцу, загубить его! Сонный что мертвый! Лучше разбужу его". Разбудил Ивана-царевича и спрашивает:

- Добрый ли, худой ли человек? Говори, как тебя по имени зовут и зачем сюда заехал?

- Зовут меня Иваном-царевичем, а приехал на тебя посмотреть, твоей силы попытать.

- Больно смел ты, царевич! Без спросу в шатер вошел, выспался, можно тебя за то смерти предать!

- Эх, Белый Полянин! Не перескочил через ров, да хвастаешь; подожди - может, спотыкнешься! У тебя две руки, да и меня мать не с одной родила.

Сели они на своих богатырских коней, съехались и ударились, да так сильно, что их копыта вдребезги разлетелись, а добрые кони на колени попадали. Иван-царевич вышиб из седла Белого Полянина и занес над ним острый меч. Взмолился ему Белый Полянин:

- Не дай смерти, дай мне живот¹! Назовусь твоим меньшим братом, вместо отца почитать буду.

Иван-царевич взял его за руку, поднял с земли, поцеловал в уста и назвал своим меньшим братом.

- Слышал я, брат, что ты тридцать лет с бабой-ягою - золотою ногою воюешь. За что у вас война?

- Есть у неё полонянка-красавица, хочу добыть да жениться.

- Ну, - сказал царевич, - коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе.

Сели на коней, выехали в чистое поле; баба-яга - золотая нога выставила рать-силу несметную. То не ясные соколы налетают на стадо голубиное - напускаются сильномогучие богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубят, сколько конями топчут; прирубили, притоптали целые тысячи.

Баба-яга наутек бросилась, а Иван-царевич за ней вдогонку. Совсем было нагонять стал - как вдруг прибежала она к глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась под землю.

Иван-царевич и Белый Полянин накупили быков многое множество, начали их бить, кожи снимать да ремни резать; из тех ремней канат свили - да такой длинный, что один конец здесь, а другой на тот свет достанет.

Говорит царевич Белому Полянину:

- Опускай меня скорей в пропасть, да назад каната не вытаскивай, а жди: как я за канат дерну, тогда и тащи!

Белый Полянин опустил его в пропасть на самое дно. Иван-царевич осмотрелся кругом и пошел искать бабу-ягу.

Шёл, шёл, смотрит - за решёткой портные сидят.

- Что вы делаете?

- А вот что, Иван-царевич: сидим да войско шьём для бабы-яги - золотой ноги.

- Как же вы шьёте?

- Известно как: что кольнёшь иглою, то и казак с пикою, на лошадь садится, в строй становится и идёт войной на Белого Полянина.

- Эх, братцы! Скоро вы делаете, да не крепко; становитесь-ка в ряд, я вас научу, как крепче шить. Они тотчас выстроились в один ряд, а Иван-царевич как махнёт мечом, так и полетели головы. Побил портных и пошёл дальше.

Шёл, шёл, смотрит - за решёткою сапожники сидят.

- Что вы тут делаете?

- Сидим войско готовим для бабы-яги - золотой ноги.

- Как же вы, братцы, войско готовите?

- А вот как: что шилом кольнём, то и солдат с ружьем, на коня садится, в строй становится и идёт войной на Белого Полянина.

- Эх, ребята! Скоро вы делаете, да не споро. Становитесь-ка в ряд, я вас получше научу.

Вот они стали в ряд. Иван-царевич махнул мечом, и полетели головы. Побил сапожников - и опять в дорогу.

Долго ли, коротко ли - добрался он до большого города; в том городе царские терема выстроены, в тех теремах сидит девица красоты неописанной. Увидала она в окно добра молодца, зазвала к себе, расспросила, куда и зачем идёт.

Он ей сказал, что ищет бабу-ягу - золотую ногу.

- Ах, Иван-царевич, ведь это меня ищет Белый Полянин, а баба-яга теперь спит непробудным сном, залегла на двенадцать суток.

Иван-царевич пошёл к бабе-яге - золотой ноге, застал ее сонную, ударил мечом и отрубил ей голову. Голова покатилась и промолвила:

- Бей еще, Иван-царевич!

- Богатырский удар и один хорош! - отвечал царевич, воротился в терема к красной девице, сел с ней за столы дубовые, за скатерти браные. Наелся-напился и стал ее спрашивать:

- Есть ли в свете краше тебя?

- Ах, Иван-царевич! Что я за красавица! Вот как за тридевять земель, в тридесятом царстве живет у царя-змея королевна, так та подлинно красота несказанная.

Иван-царевич взял красную девицу за белую руку, привел к тому месту, где канат висел, и подал знак Белому Полянину. Тот ухватился за канат и давай тянуть; тянул, тянул и вытащил царевича с красной девицей.

- Здравствуй, Белый Полянин, - сказал Иван-царевич, - вот тебе невеста, живи, веселись, ни о чем не крушись! А я в змеиное царство поеду.

Сел на своего богатырского коня, попрощался с Белым Полянином и его невестой и поскакал за тридевять земель.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли - скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается - приехал он в царство змеиное, убил царя-змея, освободил из неволи прекрасную королевну и женился на ней; после того воротился домой и стал с молодой женою жить-поживать да добра наживать.

¹ Живот - здесь: жизнь.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

- Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

- Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на

мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

- Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

- Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошел средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит¹, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз. Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит - на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от ее хвоста. Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

- Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

- Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принес. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить и есть и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

- Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону. Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит - коня нет. Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня - одни кости обглоданные. Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую, даль?

"Ну что же, - думает, - взялся - делать нечего". И пошел пеший.

Шёл, шёл, устал до смерточки. Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит.

Откуда ни возьмись, бежит к нему серый волк:

- Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

- Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

- Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

- Послал меня батюшка поехать по белу свету, найти Жар-птицу.

- Фу, фу, тебе на своем добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Так и быть - коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал - синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

- Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся - час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем - на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: "Ах, какая - золотая, драгоценная! Как такую не взять!" И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

- Чей ты, откуда?

- Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

- Ай, срам какой! Царский сын да пошел воровать.

- А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

- А ты бы пришел ко мне, по совести попросил, я бы ее так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пушу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идет к серому волку. А волк ему:

- Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

- Ну прости же ты меня, прости, серый волк.

- То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

- Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашел на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку - она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошел звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

- Чей ты, откуда?

- Я Иван-царевич.

- Эка, за какие глупости взялся - коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить ее, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Еще пуще пригорюнился Иван-царевич, пошел к серому волку.

- Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

- Ну прости же меня, прости, серый волк.

- То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

- В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путем-дорогой, я тебя скоро нагоню. Иван-царевич пошел обратно путем-дорогой, а серый волк перемахнул через стену - да в сад. Засел за куст и глядит:

Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками.

Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину - и наутек.

Иван-царевич идет путем-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нем сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

- Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой - синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

- Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

- Да как же мне, серый волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

- Не разлучу я тебя с такой красотой - спрячем ее где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и води меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повел его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

- Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой. Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял ее, посадил на коня, и едут они путем-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повел он Елену Прекрасную в спальню, да только лег с ней на кровать, глядит - волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

- О чем задумался, Иван-царевич?

- Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем - конём златогривым, менять его на Жар-птицу.

- Не печалься, я тебе помогу. Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

- Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конём златогривым, ты меня и води к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конём. Иван-царевич повел его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жарптицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого

коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путём-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дареного коня и только хотел сесть на него - конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а серый волк пустился наутек и скоро догнал Ивана-царевича:

- Теперь прощай, мне дальше идти нельзя. Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

- Не навек прощайся со мной, я еще тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: "Куда же ты еще пригодишься? Все желанья мои исполнены". Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краев, вздумалось ему пополдневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жарптицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят - у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

- Давай убьём брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили ее:

- Дома не рассказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мёртвый, над ним уже вороны летают.

Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с воронёнком:

- Ты лети-ка, ворон, за живой и мёртвой водой. Принесешь мне живой и мёртвой воды, тогда отпущу твоего воронёнка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его вороненка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мёртвой воды. Серый волк sprыснул мёртвой водой раны Иван-царевичу, раны зажили; sprыснул его живой водой - Иван-царевич ожил.

- Ох, крепко же я спал!..

- Крепко ты спал, - говорит серый волк. - Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей!

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привез отцу своему Жар-птицу, а себе - невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его, сонного, да как серый волк их растерзал. Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

¹ Заполнить - здесь: осилить, сморить.

КАК ПОП РАБОТНИЦУ НАНИМАЛ

Тебе, девка, житье у меня будет лёгкое, — не столько работать, сколько отдыхать будешь!

Утром станешь, ну, как подобат, — до свету. Избу вымоешь, двор уберешь, коров подоишь, на поскотину выпустишь, в хлеву приберешься и — спи-отдыхай!

Завтрак состряпаешь, самовар согреешь, нас с матушкой завтраком накормишь — спи-отдыхай!

В поле поработаешь, али в огороде пополнишь, коли зимой — за дровами али за сеном съездишь и — спи-отдыхай!

Обед сварешь, пирогов напечешь: мы с матушкой обедать сядем, а ты — спи-отдыхай!

После обеда посуду вымоешь, избу приберешь и — спи-отдыхай!

Коли время подходяче — в лес по ягоду, по грибы сходишь, али матушка в город спсылат, дак сбегашь. До городу — рукой подать, и восьми верст не будет, а потом — спи-отдыхай!

Из городу прибежишь, самовар поставишь. Мы с матушкой чай станем пить, а ты —

спи-отдыхай!

Вечером коров встретишь, подоишь, попоишь, корм задашь и — спи-отдыхай!

Ужину сваришь, мы с матушкой съедим, а ты — спи-отдыхай!

Воды наносишь, дров наколешь — это к завтраму, и — спи-отдыхай!

Постели наладишь, нас с матушкой спать повалишь. А ты, девка, день-деньской проспишь-проотдыхаешь — во что ночь-то будешь спать?

Ночью попрядёшь, поткешь, повышивашь, пошьешь и опять — спи-отдыхай!

Ну, под утро белье постирать, которо надо — поштопашь да зашьешь и — спи-отдыхай!

Да ведь, девка, не даром. Деньги платить буду. Каждой год по рублю! Сама подумай. Сто годов — сто рублей. Богатейкой станешь!

Рисунки А. Сазонова

КЛАД

В некоем царстве жил-был старик со старухой в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени - померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная.

Пошел старик по соседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу: только и соседи и знакомые, знаячи его великую бедность, все начисто отказали. Пошел старик к попу, а у них на селе был поп куды жадный,

несовестливый.

- Потрудишься, - говорит, - батюшка, старуху похоронить.

- А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед!

- Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю - с лихвой заплачу, право слово - заплачу!

Поп не захотел и речей стариковых слушать:

- Коли нет денег, не смей и ходить сюда!

"Что делать, - думает старик, - пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху".

Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и зачал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся, копал-копал и выкопал котелок, глянул - а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: "Слава тебе Господи! Будет на что и похоронить и помянуть старуху".

Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой.

Ну, с деньгами знакомое дело - все пошло как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина и кушаньев и закусок разных - всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу. Только в двери, а поп на него:

- Сказано тебе толком, старый, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!

- Не серчай, батюшка! - просит его старик. - Вот тебе золотой - похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!

Поп взял деньги и не знает, как старика принятьто, где посадить, какими речами умилишь:

- Ну, старичок, будь в надежде, все будет сделано. Старик поклонился и пошел домой, а поп с попадьёю стал про него разговаривать:

- Вишь, старый черт! Говорят: беден, беден! А он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал...

Собрался поп со всем причётом¹ и похоронил старуху как следует.

После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу. Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось - и вино-то, и кушанья, и закуски разные, всего вдоволь! Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается.

Отобедали гости и стали по своим домам расходиться, вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать, и только вышли на двор - поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать:

- Послушай, свет! Покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха - все равно как перед Богом, так и передо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь на поди, откуда что взялось! Покайся-ка, свет! Чью загубил ты душу, кого обобрал?

- Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!

И рассказал, как все дело было. Как услышал эти речи поп, ажно затрясся от жадности; воротился домой, ничего не делает - и день и ночь думает: "Такой

ледащий мужичишка, и получил этакую силу денег. Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?" Сказал про то попадьё; стали вдвоем совет держать и присоветовали.

- Слушай, матка! Ведь у нас козёл есть?

- Есть.

- Ну, ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо.

Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру - со всем, и с рогами и с бородой; тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадьё:

- Бери, матка, иглу с ниткою;крепи кругом шкуру, чтоб не свалилась.

Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

Вот в самую глухую полночь пошел поп прямо к стариковой избе, подошел под окно и ну стучать да царапаться. Старик услышал шум, вскочил и спрашивает:

- Кто там?

- Чёрт!..

- Наше место свято! - завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать.

- Слушай, старик! - говорит поп. - От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал - думал: немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заграбил!

Глянул старик в окно - торчат козлиные рога с бородою: как есть нечистый! "Ну его совсем и с деньгами-то! - думает старик. - Наперед того без денег жил, и опосля без них проживу!" Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котел с деньгами и припустил домой. Воротился.

- Ну, - говорит, - деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал.

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать - как полъется кровь, как заорет он:

- Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!

Начнет она пороть в ином месте - то же самое!

Кругом к телу приросла козлиная шкура. Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли - нет, ничего не помогло; так и осталась на попе козлиная шкура. Знамо, Господь покарал за великую жадность!

¹ Причёт (причит) - служители какой-нибудь одной церкви.

КОРОЛЕВИЧ И ЕГО ДЯДЬКА

Жил-был король, у него был сын-подросток. Королевич был всем хорош - и лицом и нравом, да отец-то его плох: все его корысть мучила, как бы лишний барыш взять да побольше оброку сорвать. Увидел король раз старика с соболями, с куницами, с бобрами, с лисами:

- Стой, старик! Откудова ты?

- Родом из такой-то деревни, батюшка, а нынче служу у лешего.

- А как вы зверей ловите?

- Да леший наставит петли-леса, зверь глуп - и попадёт.

- Ну, слушай, старик! Я тебя вином напою и денег дам: укажи мне, где леса ставите?

Старик соблазнился и указал. Король тотчас же велел лешего поймать и в железный столб заковать, а в его заповедных лесах свои леса поделал. Вот сидит леший в железном столбе да в окошечко поглядывает, а тот столб в саду стоял. Вышел королевич с бабками, с мамками, с верными служанками погулять по саду, идет мимо столба, а леший кричит ему:

- Королевское дитя! Выпусти меня: я тебе сам пригожусь.

Пожалел королевич лешего:

- Да как же я тебя выпущу?

- А пойдй к своей матери, уллучи минуту, вытащи ключ у ней из кармана да меня и выпусти.

Королевич так и сделал: вытащил ключ из кармана матери, прибежал в сад, сделал себе стрелку, положил на тугой лук и пустил ее далеко-далеко, а сам кричит, чтоб мамки и няньки ловили стрелу; мамки и няньки разбежались, в это время королевич отпер железный столб и высвободил лешего.

Пошел леший рвать королевские леса! Видит король, что звери больше не попадают, осерчал и напустился на свою жену: зачем ключ давала, лешего выпускала? И созвал король бояр, генералов и думных людей, как они присудят: голову ли ей на плахе снять али в ссылку сослать?

Плохо пришлось королевичу - жаль родную мать, и признался он отцу, что это его вина: вот так-то и так-то всё дело было.

Взгоревался король: что ему с сыном делать? Казнить нельзя. Присудили отпустить на все четыре стороны, на все ветры полуденные, на все вьюги зимние, на все вихри осенние; дали ему котомку и одного дядьку. Вышел королевич с дядькою в чистое поле. Шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли и увидали колодезь.

Говорит королевич дядьке:

- Ступай за водою!

- Нейду! - отвечает дядька.

Пошли дальше, шли, шли - опять колодезь.

- Ступай принеси воды! Мне пить хочется, - просит дядьку королевский сын в другой раз.

- Нейду! - говорит дядька.

Вот еще шли, шли - попадаетесь третий колодезь, дядька опять нейдет, и пошел за водою сам королевич. Спустился в колодезь, а дядька захлопнул его крышкою и говорит:

- Не выпущу! Будь ты слугой, а я - королевичем.

Нечего делать, королевич согласился. Потом поменялись они платьями и отправились дальше. Вот пришли они в иное государство, идут к царю во дворец - дядька впереди, а королевич позади.

Стал дядька жить у того царя в гостях: и ест и пьет с ним за одним столом.

Вот и говорит дядька царю:

- Ваше царское величество! Возьмите моего слугу на кухню.

Взяли королевича на кухню, заставляют его дрова носить, кастрюли чистить.

Немного прошло времени - выучился королевич готовить кушанья лучше царских поваров.

Узнал про то государь, полюбил его и стал дарить золотом. Поварам показалось обидно, и стали они искать случая, как бы извести его.

Вот один раз сделал королевич пирог и поставил в печку, а повара добавили яду, взяли да и посыпали на пирог.

Сел царь обедать, подают пирог; царь только было за нож взялся, как бежит главный повар:

- Ваше величество! Не извольте кушать.

И насказал на королевича много всякой напраслины.

Царь не пожалел своей любимой собаки, отрезал кусок пирога и бросил наземь: собака съела да тут же издохла.

Призвал государь королевича, закричал на него грозным голосом:

- Как ты смел с отравой пирог изготовить, сейчас велю тебя казнить лютою казнию!

- Знать не знаю, ведать не ведаю, ваше величество! - отвечает королевич. - Видно, поварам в обиду стало, что вы меня жалуете: нарочно меня под ответ подвели.

Царь его помиловал, велел конюхом быть. Повел королевич коней на водопой, а навстречу ему леший:

- Здорово, королевский сын! Пойдем ко мне в гости!

- Боюсь, кони разбегутся.

- Ничего, пойдем!

Изба тут же очутилась. У лешего три дочери; спрашивает он старшую:

- А что ты присудишь королевскому сыну за то, что меня из железного столба

выпустил?

Дочь говорит:

- Дам ему скатерть-самобранку.

Вышел королевич от лешего с подарком, смотрит - кони все тут; развернул скатерть - чего хочешь, того просишь: явились и питье и еда!

На другой день гонит он царских коней на водопой, а леший опять навстречу:

- Пойдем ко мне в гости!

Привел и спрашивает среднюю дочь:

- А ты что королевскому сыну присудишь?

- Я ему подарю зеркальце: что захочешь, всё в зеркальце увидишь!

На третий день опять попадается королевичу леший, ведет к себе в гости и спрашивает меньшую дочь:

- А ты что королевскому сыну присудишь?

- Я ему подарю дудочку: только к губам приложи, сейчас явятся и музыканты и песельники.

Весело стало жить королевскому сыну: ест-пьет хорошо, всё знает, всё ведаёт, музыка целый день гремит. Чего лучше? А кони-то, кони-то! Чудо, да и только: и сыты, и статны, и на ногу резвы.

Начал царь хвалиться своей любимой дочери, что послала ему судьба славного конюха. А прекрасная царевна и сама давным-давно конюха заприметила: да как и не заметить красной девице добра молодца! Любопытно стало царевне: отчего у нового конюха лошади и резвее и статнее, чем у всех других? "Дай, - думает, - пойду в его горницу, посмотрю, как он, бедняжка, поживает?"

Улучила время, когда королевич на водопой коней погнал, пришла в его горницу, а как глянула в зеркальце - тотчас все смекнула и унесла с собой и скатерть-самобранку, и зеркальце, и дудочку.

В это время случилась у царя беда: наступил на его царство семиглавый Идолище, просит себе царевну в замужество. "А если не выдадут, так и силой возьму!" - сказал он и расставил свое войско - тьму-тьмущую. Плохо пришлось царю: кликнул он клич по всему своему царству, сзывает князей и богатырей: кто из них победит Идолища семиглавого, тому обещает дать половину царства и вдобавок дочь в замужество. Вот собрались князья и богатыри, поехали сражаться против Идолища, отправился и дядька с царским войском. И наш конюх сел на кобылу сиву и потащился вслед за другими.

Едет, а навстречу ему леший:

- Куда ты, королевский сын?

- Воевать.

- Да на кляче далеко не уедешь! А еще конюх! Пойдем ко мне в гости!

Привел в свою избу, зачерпнул ему ковш воды. Королевич выпил.

- Много ль в себе силы чувствуешь? - спрашивает леший.

- Да если б была палица в пятьдесят пудов, я б ее вверх подбросил да свою голову подставил, а удара и не почувля бы.

Дал ему другой ковш выпить:

- А теперь много ли силы?

- Да если б была палица во сто пудов, я б ее выше облаков подбросил!

Зачерпнул ему третий ковш:

- А теперь какова твоя сила?

- Да если бы утвердить столб от земли до неба, я бы всю вселенную повернул!

Леший зачерпнул воды из другого чана и подал королевичу; королевич выпил - и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть.

После этого вывел его леший на крыльцо, свистнул молодецким посвистом; отколь ни взялся - вороной конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя, из ушей дым столбом, из-под копыт искры сыплются. Прибежал к крыльцу и пал на колени.

- Вот тебе конь!

Дал ему еще палицу-буявицу да плетъ шелковую. Выехал королевич на своем вороном коне супротив рати неприятельской; смотрит, а дядька его на березу взлез, сидит да от страху трясется. Королевич стегнул его плеткою раз-другой и полетел на вражее воинство; много воинов мечом прирубил, еще больше конем притоптал, самому Идолищу семь голов снес.

А царевна все это видела: не утерпела, чтоб не посмотреть в зеркальце, кому она достанется. Тотчас выехала навстречу, спрашивает королевича:

- Чем себя поблагодарить велишь?

- Поцелуй меня, красна девица!

Царевна не устыдилась, прижала его к ретиву сердцу и громко-громко поцеловала, так что все войско слышало.

Королевич ударил коня - и был таков! Вернулся домой и сидит в своей горенке, словно и на сражении не был, а дядька всем хвастает, всем рассказывает:

- Это я был, я Идолище победил!

Царь встретил его с большим почетом, сговорил за него свою дочь и задал великий пир.

Только царевна не будь глупа - возьми да и скажись, что у ней головушка болит, ретивое щемит. Как быть, что делать нареченному зятю?

- Батюшка, - говорит он царю, - дай мне корабль, я поеду за лекарствами для своей невесты, да прикажи и конюху со мною ехать: я ведь больно к нему привык!

Царь послушался, дал ему корабль и конюха. Вот они и поехали; близко ли, далеко ли отплыли - дядька приказал сшить куль, посадить в него конюха и пустить в воду.

Царевна глянула в зеркальце, видит - беда! Села в коляску - и поскорей к морю, а на берегу уж леший сидит да невод вяжет.

- Мужичок! Помоги моему горю: злой дядька королевича утопил.

- Изволь, красна девица! Вот и невод готов! Приложи-ка сама к нему белые ручки.

Вот царевна запустила невод в глубокое море, вытащила королевича и повезла с собою, а дома все дочиста отцу рассказала.

Сейчас веселым пирком да и за свадебку: у царя ни мед варить, ни вино курить - всего вдоволь! А дядька накупил разных снадобий и воротился назад: входит во

дворец, а тут его и схватили. Свадьба королевича была веселая. И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

КРИВАЯ УТОЧКА

Жили-были дед да баба. Они пошли за грибами в лес и нашли уточку. А та уточка была кривая. Они ее взяли и принесли домой. Назавтра встали и опять пошли за грибами, а ей сделали утечье гнездышко из перьев.

Они ушли, а уточка обернулась девушкой, избу вымыла, воды наносила и пирогов испекла.

Дед и баба пришли и спрашивают:

- Кто это у нас так все прибрал?

А соседи им говорят:

- У вас тут кривенька девушка воду носила. Вот дед и баба и назавтра ушли да и спрятались в чулан. Уточка обернулась девушкой и пошла за водой. А дед и баба выскочили да ее пёрышки и бросили в печь. Пёрышки все и сгорели.

Тут пришла девушка и заплакала. Стала просить у деда, у бабы золотую прялочку. Села на крылечко и прядет куделю. Тут летит стадо гусей-лебедей. Она и говорит:

- Гуси мои любезные, дайте мне по пёрышку.

А те говорят:

- Другие летят, те дадут.

Опять летит стадо гусей-лебедей.

- Гуси мои любезные, дайте мне по пёрышку.

- Другие летят, те дадут.

Тут летит одинокий гусь, он и бросил ей пёрышки. Стала она опять уточкой и улетела.

Поплакали дед с бабой, да ничего не выплакали.

КРЫЛАТЫЙ, МОХНАТЫЙ ДА МАСЛЕННЫЙ

(в обработке И. В. Карнауховой)

На лесной опушке, в тепленькой избушке, жили-были три братца: воробей крылатый, мышонок мохнатый да блин масленый.

Воробей с поля прилетел, мышонок от кота удрал, блин со сковороды убежал.

Жили они, поживали, друг друга не обижали. Каждый свою работу делал, другому помогал. Воробей еду приносил — с полей зерен, из лесу грибов, с огорода бобов. Мышонок дрова рубил, а блин щи да кашу варил.

Хорошо жили. Бывало, воробей с охоты воротится, ключевой водой умоемся, сядет на лавку отдыхать. А мышь дрова таскает, на стол накрывает, ложки крашенные считает. А блин у печи — румян да пышен — щи варит, крупной солью солит, кашу пробует.

Сядут за стол — не нахвалятся. Воробей говорит:

— Эх, щи так щи, боярские щи, как хороши да жирны!

А блин ему:

— А я, блин масленый, окунусь в горшок да вылезу — вот щи и жирные!

А воробей кашу ест, похваливает:

— Ай каша, ну и каша — горазд горяча!

А мышь ему:

— А я дров навезу, мелко нагрызу, в печь набросаю, хвостиком разметаю — хорошо в печи огонь горит — вот и горяча!

— Да и я, — говорит воробей, — не промах: соберу грибов, натащу бобов — вот вы и сыты!

Так они жили, друг друга хвалили, да и себя не обижали.

Только раз призадумался воробей.

«Я, — думает, — целый день по лесу летаю, ножки бью, крылышки треплю, а они как работают? С утра блин на печи лежит — нежится, а только к вечеру за обед берется. А мышь с утра дрова везет да грызет, а потом на печь заберется, на бок перевернется, да и спит до обеда. А я с утра до ночи на охоте — на тяжелой работе. Не бывать больше этому!»

Рассердился воробей — ножками затопал, крыльями захлопал и давай кричать:

— Завтра же работу поменяем!

Ну, ладно, хорошо. Блин да мышонок видят, что делать нечего, на том и порешили.

На другой день утром блин пошел на охоту, воробей — дрова рубить, а мышонок — обед варить.

Вот блин покатился в лес. Катится по дорожке и поет:

Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я — масленый бок,
На сметанке мешан,
На маслице жарен!
Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я — масленый бок!

Бежал, бежал, а навстречу ему Лиса Патрикеевна.

— Ты куда, блинок, бежишь-спешишь?

— На охоту.

— А какую ты, блинок, песенку поешь?

Блин заскакал на месте да и запел:

Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я — масленый бок,
На сметанке мешан,
На маслице жарен!
Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я — масленый бок!

— Хорошо поешь, — говорит Лиса Патрикеевна, а сама ближе подбирается. — Так, говоришь, на сметане мешан?

А блин ей:

— На сметане да с сахаром!

А лиса ему:

— Прыг-скок, говоришь?

Да как прыгнет, да как фыркнет, да как ухватит за масленый бок — ам!

А блин кричит:

— Пусти меня, лиса, в дремучие леса, за грибами, за бобами — на охоту!

А лиса ему:

— Нет, я съем тебя, проглочу тебя, со сметаной, с маслом да и с сахаром!

Блин бился, бился, еле от лисы вырвался, — бок в зубах оставил, — домой побежал!

А дома-то что делается!

Стала мышка щи варить: чего ни положит, а щи все не жирны, не хороши, не маслены.

«Как, — думает, — блин щи варил? А, да он в горшок нырнет да выплывет, и станут щи жирные!»

Взяла мышка да и кинулась в горшок. Обварилась, ошпарилась, еле выскочила!

Шубка повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Села на лавку да слезы льет.

А воробей дрова возил: навозил, натаскал да давай клевать, на мелкие щепки ломать. Клевал, клевал, клюв на сторону своротил. Сел на завалинку и слезы льет.

Прибежал блин к дому, видит: сидит воробей на завалинке — клюв на сторону, слезами воробей заливаётся. Прибежал блин в избу — сидит мышь на лавке, шубка у ней повылезла, хвостик дрожмя дрожит.

Как увидели, что у блина полбока съедено, еще пуще заплакали.

Тут блин и говорит:

— Так всегда бывает, когда один на другого кивает, свое дело делать не хочет.

Тут воробей со стыда под лавку забился.

Ну, делать нечего, поплакали-погоревали, да и стали снова жить-поживать по-старому: воробей еду приносить, мышь дрова рубить, а блин щи да кашу варить.

Так они живут, пряники жуют, медком запивают, нас с вами вспоминают.

КУЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

Жил-проживал Кузьма один-одинёшенек в тёмном лесу. Ни скинуть, ни надеть у него ничего не было, а постлать - и не заводил.

Вот поставил он капкан. Утром пошел посмотреть - попала лисица.

- Ну, лисицу теперь продам, деньги возьму, на то и жениться буду.

Лисица ему говорит:

- Кузьма, отпусти меня, я тебе великое добро доспею, сделаю тебя Кузьмой Скоробогатым, только ты изжарь мне одну курочку с масличком - пожирнее.

Кузьма согласился. Изжарил курочку. Лиса наелась мяса, побежала в царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

- У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела - пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Бежит волк и спрашивает:

- Чего, кума, катаешься, лаешь?

- Как мне не кататься, не лаять! У царя была в гостях, чего хотела - пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Волк и просит:

- Лисанька, не сведешь ли меня к царю на обед?

- Станет царь из-за одного тебя беспокоиться. Собирайтесь вы - сорок волков, тогда поведу вас в гости к царю.

Волк стал по лесу бегать, волков собирать. Собрал сорок волков, привел их к лисице, и лиса повела их к царю.

Пришли к царю, лиса забежала вперед и говорит:

- Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока волками.

Царь обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду, запереть накрепко и сам думает: "Богатый человек Кузьма!"

А лисица побежала к Кузьме. Велела изжарить еще одну курочку с масличком - пожирнее, пообедала сытно и пустилась на царские заповедные луга. Катается, валяется по заповедным лугам. Бежит медведь мимо, увидал лису и говорит:

- Эк ведь, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!

А лиса ему:

- У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела - пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Медведь стал просить:

- Лиса, не сведешь ли меня к царю на обед?

- Для одного тебя царь и беспокоиться не захочет. Собери сорок чёрных медведей - поведу вас в гости к царю.

Медведь побежал в дуброву, собрал сорок черных медведей, привел их к лисе, и лисица привела их к царю. Сама забежала вперед и говорит:

- Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока медведями.

Царь весьма тому обрадовался, приказал загнать медведей и запереть накрепко. Сам думает: "Вот какой богатый человек Кузьма!"

А лисица опять прибежала к Кузьме. И велела зажарить курочку с петушком, с масличком - пожирнее. Скушала на здоровье - и давай кататься в царских заповедных лесах.

Бежит мимо соболь с куницею:

- Эк, лукавая лиса, где так жирно накушалась?

- У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела - пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Соболь и куница стали упрашивать лису:

- Кумушка, своди нас к царю. Мы хоть посмотрим, как пируют.

Лиса им говорит:

- Соберите сорок сороков соболей да куниц - поведу вас к царю.

Согнали соболь и куница сорок сороков соболей и куниц. Лиса привела их к царю, сама забежала вперед:

- Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока сороками соболей да куниц.

Царь не может надивиться богатству Кузьмы Скоробогатого. Велел и этих зверей загнать, запереть накрепко.

"Вот, - думает, - беда, какой богач Кузьма!"

На другой день лисица опять прибегает к царю:

- Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый приказал тебе кланяться и просит ведро с обручами - мерять серебряные деньги. Свои-то вёдра у него золотом заняты.

Царь без отказа дал лисе ведро с обручами. Лиса прибежала к Кузьме и велела мерять ведрами песок, чтобы высветлить у ведра бочок.

Как высветлило у ведра бочок, лиса заткнула за обруча сколько-то мелких денежек и понесла назад царю.

Принесла и стала сватать у него прекрасную царевну за Кузьму Скоробогатого.

Царь видит - денег много у Кузьмы: за обруча западали, он и не заметил. Царь не отказывает, велит Кузьме изготовиться и приезжать.

Поехал Кузьма к царю. А лисица вперед забежала и подговорила работников подпилить мостик.

Кузьма только что въехал на мостик - он вместе с ним и рушился в воду.

Лисица стала кричать:

- Ахти! Пропал Кузьма Скоробогатый!

Царь услышал и тотчас послал людей перехватить Кузьму. Вот они перехватили его, а лиса кричит:

- Ахти! Надо Кузьме одежду дать - какую получше.

Царь дал Кузьме свою одежду праздничную. Приехал Кузьма к царю. А у царя ни пива варить, ни вина курить - все готово.

Обвенчался Кузьма с царевной и живет у царя неделю, живет другую.

- Ну, - говорит царь, - поедем теперь, любезный зять, к тебе в гости.

Кузьме делать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисица отправилась вперед. Видит - пастухи стерегут стадо овец, она их спрашивает:

- Пастухи, пастухи! Чьё стадо пасете?

- Змея Горыныча.

- Сказывайте, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоныца: коли не скажете им, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, они вас всех и с овцами-то сожгут и спалят!

Пастухи видят, что дело неминуемое, и обещали сказывать про Кузьму Скоробогатого, как лиса научила. А лиса пустилась вперед. Видит - другие пастухи стерегут коров.

- Пастухи, пастухи! Чьё стадо пасете?

- Змея Горыныча.

- Сказывайте, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоныца: они вас всех с коровами сожгут и спалят, коли станете поминать Змея Горыныча!

Пастухи согласились. Лиса опять побежала вперед. Добегает до конского табуна Змея Горыныча, велит пастухам сказывать, что это табун Кузьмы Скоробогатого.

- А то едут царь Огонь да царица Молоныца: они всех вас с конями сожгут и спалят!

И эти пастухи согласились. Лиса бежит вперед. Прибегает к Змею Горынычу прямо в белокаменные палаты:

- Здравствуй, Змей Горыныч!

- Что скажешь, лисанька?

- Ну, Змей Горыныч, теперь тебе надо скоро-наскоро прятаться. Едет грозный царь Огонь да царица Молоньница, все жгут и палят. Стада твои с пастухами прижгли и спалили. Я не стала мешкать - пустилась к тебе сказать, что сама чуть от дыма не задохлась.

Змей Горыныч закручинился:

- Ах, лисанька, куда же я подеваюсь?

- Есть в твоём саду старый заповедный дуб, середина вся повыгнила; беги, схоронись в дупле пока царь Огонь с царицей Молоньницей мимо не проедут.

Змей Горыныч со страху спрятался в это дупло, как лиса научила.

Кузьма Скоробогатый едет себе да едет с царем да с женой-царевной. Доезжают они до овечьего стада. Царевна спрашивает:

- Пастушки, чьё стадо пасете?

- Кузьмы Скоробогатого.

Царь тому и рад:

- Ну, любезный зять, много же у тебя овец!

Едут дальше, доезжают до коровьего стада.

- Пастушки, чьё стадо пасете?

- Кузьмы Скоробогатого.

- Ну, любезный зять, много же у тебя коров!

Едут они дальше; пастухи лошадей пасут.

- Чей табун?

- Кузьмы Скоробогатого.

- Ну, любезный зятюшка, много же у тебя коней!

Вот приехали ко дворцу Змея Горыныча.

Лиса встречает гостей, низко кланяется, вводит их в палаты белокаменные, сажает их за столы дубовые, за скатерти браные...

Стали они пировать, пить-есть и веселиться. Пируют день, пируют другой, пируют они неделю. Лиса и говорит Кузьме:

- Ну, Кузьма! Перестань гулять - надо дело исправлять. Ступай с царём в зелёный сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит Змей Горыныч, он от вас спрятался. Расстреляй дуб на мелкие части.

Кузьма пошел с царем в зелёный сад. Увидели они старый заповедный дуб, и стали они в тот дуб стрелять. Тут Змею Горынычу и смерть пришла. Кузьма Скоробогатый стал жить-поживать с женой-царевной в палатах белокаменных и лисаньку всякий день угощать курочкой.

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Жили-были старик да старуха. У них было три сына - два старших умниками слыли, а младшего все дурачком звали. Старших старуха любила - одевала чисто, кормила вкусно. А младший в дырявой рубашке ходил, черную корку жевал.

- Ему, дурачку, все равно: он ничего не смыслит, ничего не понимает!

Вот однажды дошла до той деревни весть: кто построит царю корабль, чтоб и по морям ходил и под облаками летал, - за того царь свою дочку выдаст. Решили старшие братья счастья попытать.

- Отпустите нас, батюшка и матушка! Авось который-нибудь из нас царским зятем станет!

Снарядила мать старших сыновей, напекла им в дорогу пирогов белых, нажарила-наварила курятины да гусятины:

- Ступайте, сыночки!

Отправились братья в лес, стали деревья рубить да пилить. Много нарубили-напилили. А что дальше делать - не знают. Стали они спорить да браниться, того и гляди, друг дружке в волосы вцепятся.

Подошел тут к ним старичок и спрашивает:

- Из-за чего у вас, молодцы, спор да брань? Может, и я вам какое слово на пользу скажу?

Накинулись оба брата на старичка - слушать его не стали, нехорошими словами обругали и прочь прогнали. Ушел старичок.

Поругались еще братья, съели все свои припасы, что им мать дала, и возвратились домой ни с чем... Как пришли они, начал проситься младший:

- Отпустите теперь меня!

Стали мать и отец отговаривать его да удерживать:

- Куда тебе, дурню, - тебя волки по дороге съедят!

А дурень знай свое твердит:

- Отпустите - пойду, и не отпустите - пойду!

Видят мать и отец - никак с ним не сладишь. Дали ему на дорогу краюху черного сухого хлеба и выпроводили вон из дому.

Взял дурень с собой топор и отправился в лес. Ходил-ходил по лесу и высмотрел высокую сосну: верхушкой в облака эта сосна упирается, обхватить ее впору только троим.

Срубил он сосну, стал ее от сучьев очищать. Подошел к нему старичок.

- Здравствуй, - говорит, - дитятко!

- Здравствуй, дедушка!

- Что это, дитятко, ты делаешь, на что такое большое дерево срубил?

- А вот, дедушка, царь обещал выдать свою дочку за того, кто ему летучий корабль построит, я и строю.

- А разве ты сможешь такой корабль смастерить? Это дело мудреное, пожалуй, и не сладишь.

- Мудреное не мудреное, а попытаться надо: глядишь, и слажу! Вот и ты кстати пришел: старые люди бывалые, сведущие. Может, ты мне что и присоветуешь.

Старичок говорит:

- Ну, коли просишь совет тебе подать, слушай: возьми-ка ты свой топор и отеши эту сосну с боков: вот этак!

И показал, как надо обтесывать.

Послушался дурень старичка - обтесал сосну так, как он показывал. Обтесывает он, диву дается: топор так сам и ходит, так и ходит!

- Теперь, - говорит старичок, - обдeldывай сосну с концов: вот так и вот этак!

Дурень старичковы слова мимо ушей не пропускает: как старичок показывает, так он и делает. Закончил он работу, старичок похвалил его и говорит:

- Ну, теперь не грех передохнуть да закусить малость.

- Эх, дедушка, - говорит дурень, - для меня-то еда найдется, вот эта краюха черствая. А тебя-то чем угостить? Ты небось не угрызешь мое угощение?

- А ну-ка, дитятко, - говорит старичок, - дай сюда свою краюху!

Дурень подал ему краюху. Старичок взял ее в руки, осмотрел, пощупал да и говорит:

- Не такая уж черствая твоя краюха!

И подал ее - дурню. Взял дурень краюху - глазам своим не верит: превратилась краюха в мягкий да белый каравай.

Как поели они, старик и говорит:

- Ну, теперь станем паруса прилаживать!

И достал из-за пазухи кусок холста. Старичок показывает, дурень старается, на совесть все делает - и паруса готовы, прилажены.

- Садись теперь в свой корабль, - говорит старичок, - и лети, куда тебе надобно. Да смотри, помни мой наказ: по пути сажай в свой корабль всякого встречного!

Тут они и распрощались. Старичок своей дорогой пошел, а дурень на летучий корабль сел, паруса расправил. Надулись паруса, взмыл корабль в небо, полетел быстрее сокола. Летит чуть ниже облаков ходячих, чуть повыше лесов стоячих...

Летел-летел дурень и видит: лежит на дороге человек - ухом к сырой земле припал. Спустился он и говорит:

- Здорово, дядюшка!

- Здорово, молодец!

- Что это ты делаешь?

- Слушаю я, что на том конце земли делается.

- А что же там делается, дядюшка?

- Поют-заливаются там птички голосистые, одна другой лучше!

- Экой ты, какой слухменный! Садись ко мне на корабль, полетим вместе.

Слухало не стал отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели, видят - идет по дороге человек, идет на одной ноге, а другая нога к уху привязана.

- Здорово, дядюшка!

- Здорово, молодец!

- Что это ты на одной ноге скачешь?

- Да если я другую ногу отвяжу, так за три шага весь свет перешагну!

- Вот ты какой быстрый! Садись к нам.

Скороход отказываться не стал, взобрался на корабль, и полетели они дальше.

Много ли, мало ли пролетели, глядь - стоит человек с ружьем, целится. А во что целится - неведомо.

- Здорово, дядюшка! В кого это ты целишься - ни зверя, ни птицы кругом не видно.

- Экие вы! Да я и не стану близко стрелять. Целюсь я в тетерку, что сидит на дереве верст за тысячу отсюда. Вот такая стрельба по мне.

- Садись с нами, полетим вместе!

Сел и Стреляло, и полетели все они дальше. Летели они, летели, и видят: идет человек, несет за спиной большущий мешок хлеба.

- Здорово, дядюшка! Куда идешь?

- Иду добывать хлеба себе на обед.

- На что тебе еще хлеб? У тебя и так полон мешок!

- Что тут! Этот хлеб мне в рот положить да проглотить. А чтобы досыта наесться, мне надобно сто раз по столько!

- Ишь ты какой! Садись к нам в корабль, полетим вместе.

Сел и Обьедало на корабль, полетели они дальше. Над лесами летят, над полями летят, над реками летят, над селами да деревнями летят.

Глядь: ходит человек возле большого озера, головой качает.

- Здорово, дядюшка! Что это ты ищешь?

- Пить хочется, вот и ищу, где бы напиться.

- Да перед тобой целое озеро. Пей в свое удовольствие!

- Да этой воды мне всего на один глоточек станет. Подивился дурень, подивились его товарищи и говорят:

- Ну, не горюй, найдется для тебя вода. Садись с нами на корабль, полетим далеко, будет для тебя много воды!

Опивало сел в корабль, и полетели они дальше. Сколько летели - неведомо, только видят: идет человек в лес, а за плечами у него вязанка хвороста.

- Здорово, дядюшка! Скажи ты нам: зачем это ты в лес хворост тащишь?
- А это не простой хворост. Коли разбросать его, тотчас целое войско появится.
- Садись, дядюшка, с нами!

И этот сел к ним. Полетели они дальше.

Летели-летели, глядь: идет старик, несет куль соломы.

- Здорово, дедушка, седая головушка! Куда это ты солому несешь?
- В село.
- А разве в селе мало соломы?
- Соломы много, а такой нету.
- Какая же она у тебя?
- А вот такая: стоит мне разбросать ее в жаркое лето - и станет враз холодно: снег выпадет, мороз затрещит.
- Коли так, правда твоя: в селе такой соломы не найдешь. Садись с нами!

Холодило взобрался со своим кулем в корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели и прилетели к царскому дворцу. Царь в ту пору за обедом сидел. Увидел он летучий корабль и послал своих слуг:

- Ступайте спросите: кто на том корабле прилетел - какие заморские царевицы и королевичи?

Слуги побежали к кораблю и видят - сидят на корабле простые мужики.

Не стали царские слуги и спрашивать у них: кто таковы и откуда прилетели. Воротились и доложили царю:

- Так и так! Нет на корабле ни одного царевицы, нет ни одного королевича, а все черная кость - мужики простые. Что прикажешь с ними делать?

"За простого мужика нам дочку выдавать зазорно, - думает царь. - Надобно от таких женихов избавиться".

Спросил он у своих придворных - князей да бояр:

- Что нам теперь делать, как быть?

Они и присоветовали:

- Надо жениху задавать разные трудные задачи, авось он их и не разгадает. Тогда мы ему от ворот поворот и покажем!

Обрадовался царь, сейчас же послал слуг к дурню с таким приказом:

- Пусть жених достанет нам, пока наш царский обед не кончится, живой и мертвой воды!

Задумался дурень:

- Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды.
- А я на что? - говорит Скороход. - Мигом за тебя справлюсь.

Отвязал ногу от уха и побежал за тридевять земель в тридесятое царство. Набрал два кувшина воды живой и мертвой, а сам думает: "Времени впереди много осталось, дай-ка малость посижу - успею к сроку возвратиться!"

Присел под густым развесистым дубом, да и задремал...

Царский обед к концу подходит, а Скорохода нет как нет.

Загоревали все на летучем корабле - не знают, что и делать. А Слухало приник ухом к сырой земле, прислушался и говорит:

- Экой сонливый да дремливый! Спит себе под деревом, храпит вовсю!

- А вот я его сейчас разбужу! - говорит Стреляло. Схватил он "свое ружье, прицелился и выстрелил в дуб, под которым Скороход спал. Посыпались с дуба желуди - прямо на голову Скороходу. Проснулся тот.

- Батюшки, да, никак, я заснул!

Вскочил он и в ту же минуту принес кувшины с водой:

- Получайте!

Встал царь из-за стола, глянул на кувшины и говорит:

- А может, эта вода не настоящая?

Поймали петуха, оторвали ему голову и sprыснули мертвой водой. Голова вмиг приросла. Sprыснули живой водой - петух на ноги вскочил, крыльями захлопал, "ку-ка-реку!" закричал.

Досадно стало царю.

- Ну, - говорит он дурню, - эту мою задачу ты выполнил. Задам теперь другую! Коли ты такой ловкий, съешь со своими сватами за один присест двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печах испечено!

Опечалился дурень, говорит своим товарищам:

- Да я и одного хлеба за целый день не съем!

- А я на что? - говорит Обьедало. - Я и с быками и с хлебами их один управлюсь. Еще мало будет!

Велел дурень сказать царю:

- Тащите быков и хлебы. Будет есть!

Привезли двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печах испечено. Обьедало давай быков поедать - одного за другим. А хлебы так в рот и мечет каравай за караваем. Все возы опустели.

- Давайте еще! - кричит Обьедало. - Почему так мало припасли? Я только во вкус вошел!

А у царя больше ни быков, ни хлебов нет.

- Теперь, - говорит он, - новый вам приказ: чтобы выпито было зараз сорок бочек пива, каждая бочка по сорока ведер.

- Да я и одного ведра не выпью, - говорит дурень своим сватам.

- Эка печаль! - отвечает Опивало. - Да я один все у них пиво выпью, еще мало будет!

Прикатили сорок бочек-сороковок. Стали черпать пиво ведрами да подавать Опивале. Он как глотнет - ведро и пусто.

- Что это вы мне ведрами подносите? - говорит Опивало. - Этак мы целый день проканителмся!

Поднял он бочку да и опорожнил ее зараз, без роздыху. Поднял другую бочку - и та

откатилась. Так все сорок бочек и осушил.

- Нет ли, - спрашивает, - еще пивца? Не вволю я напился! Не промочил горло!

Видит царь: ничем дурня нельзя взять. Решил погубить его хитростью.

- Ладно, - говорит, - Выдам я за тебя свою дочку, готовься к венцу! Только перед свадьбой сходи в баню, вымойся-выпарься хорошенько.

И приказал топить баню. А баня-то была вся чугунная.

Трое суток баню топили, докрасна раскалили. Огнем-жаром от нее пышет, за пять саженей к ней не подойти.

- Как буду мыться? - говорит дурень. - Сгорю заживо.

- Не печалься, - отвечает Холодило. - Я с тобой пойду!

Побежал он к царю, спрашивает:

- Не разрешите ли и мне с женихом в баню сходить? Я ему соломки подстелю, чтобы он пятки не испачкал!

Царю что? Он дозволил: "Что один сгорит, что оба!"

Привели дурня с Холодилой в баню, заперли там. А Холодила разбросал в бане солому - и стало холодно, стены инеем подернулись, в чугунах вода замерзла.

Сколько-то времени прошло, отворили слуги дверь. Смотрят, а дурень жив-здоров, и старичок тоже.

- Эх, вы, - говорит дурень, - да в вашей бане не париться, а разве на салазках кататься!

Побежали слуги к царю. Доложили: так, мол, и так. Заметался царь, не знает, что и делать, как от дурня избавиться.

Думал-думал и приказал ему:

- Выстави поутру перед моим дворцом целый полк солдат. Выставишь - выдам за тебя дочку. Не выставишь - вон прогоню!

А у самого на уме: "Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он выполнить не сможет. Туго мы его и выгоним в шею!"

Услышал дурень царский приказ - говорит своим сватам:

- Выручали вы меня, братцы, из беды не раз и не два... А теперь что делать будем?

- Эх, ты, нашел о чем печалиться! - говорит старичок с хворостом. - Да я хоть семь полков с генералами выставлю! Ступай к царю, скажи - будет ему войско!

Пришел дурень к царю.

- Выполню, - говорит, - твой приказ, только в последний раз. А если отговариваться будешь - на себя пеняй!

Рано поутру старик с хворостом кликнул дурня и вышел с ним в поле. Раскидал он вязанку, и появилось несметное войско - и пешее, и конное, и с пушками. Трубачи в трубы трубят, барабанщики в барабаны бьют, генералы команды подают, кони в землю копытами бьют... Дурень впереди стал, к царскому дворцу войско повел. Остановился перед дворцом, приказал громче в трубы трубить, сильнее в барабаны бить.

Услышал царь, выглянул в окошко, от испугу белее полотна стал. Приказал он воеводам свое войско выводить, на дурня войной идти.

Вывели воеводы царское войско, стали в дурня стрелять да палить. А дурневы солдаты стеной идут, царское войско мнут, как траву. Напугались воеводы и побежали вспять, а за ними вслед и все царское войско.

Вылез царь из дворца, на коленках перед дурнем ползает, просит дорогие подарки принять да с царевной скорее венчаться.

Говорит дурень царю:

- Теперь ты нам не указчик! У нас свой разум есть!

Прогнал он царя и не велел никогда в то царство возвращаться. А сам на царевне женился.

- Царевна - девка молодая да добрая. На ней никакой вины нет!

И стал он в том царстве жить, всякие дела вершить.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК

(в обработке А. Н. Толстого)

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

- Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнётся, лежит себе как мёртвая.

- Вот будет подарок жене! - сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.

- Ну, старуха, - говорит дед, - какой воротник привез я тебе на шубу!

- Где?

- Там на возу - и рыба, и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы - и начала ругать мужа:

- Ах ты, такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу в кучку, уселась на дорогу и кушает себе. Приходит к ней серый волк:

- Здравствуй, сестрица!

- Здравствуй, братец!

- Дай мне рыбки!

- Налови сам да и кушай.

- Я не умею.

- Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: "Ловись, рыбка, и мала, и велика! Ловись, рыбка, и мала, и велика!" Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошел на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

- Ловись, рыбка, и мала, и велика!

Ловись рыбка, и мала, и велика!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

- Ясни, ясни на небе звезды, Мерзни, мерзни, волчий хвост!

- Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

- То я тебе помогаю.

А сама, плутовка, поминутно твердит:

- Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться: не тут-то было!

"Эка, сколько рыбы привалило - и не вытащишь!" - думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

- Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка - кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

"Хорошо же, - думает, - уж я тебе отплачу, сестрица!"

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть. Забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

- Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

- Эх, волчику-братику! - говорит лисичка-сестричка. - У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилу плетусь.

- И то правда, - говорит волк, - где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он ее и повез.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

- Битый небитого везет. Битый небитого везет!

- Что ты, сестрица, говоришь?
- Я, братец, говорю: "Битый битого везет".
- Так, сестрица, так!

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

(В обработке А. Н. Толстого)

Жили старик со старухой. Раз старуха рубила капусту и нечаянно отрубила палец. Завернула его в тряпку и положила на лавку.

Вдруг услышала - кто-то на лавке плачет. Развернула тряпку, а в ней лежит мальчик ростом с пальчик.

Удивилась старуха, испугалась:

- Ты кто таков?
- Я твой сынок, родился из твоего мизинчика.

Взяла его старуха, смотрит - мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно. И назвала его Мальчик с пальчик.

Стал он у них расти. Ростом мальчик не вырос, а разумом умнее большого оказался.

Вот он раз и говорит:

- Где мой батюшка?
- Поехал на пашню.
- Я к нему пойду, помогать стану.
- Ступай, дитятко.

Пришел он на пашню:

- Здравствуй, батюшка!

Осмотрелся старик кругом:

- Что за чудо! Голос слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мной?
- Я - твой сынок. Пришел тебе помогать пахать. Садись, батюшка, закуси да отдохни маленько!

Обрадовался старик, сел обедать. А Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать, а отцу наказал:

- Коли кто будет торговать меня, продавай смело: небось - не пропаду, назад домой приду.

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет, а человека нет.

- Этого еще видом не видано, слыхом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!

Старик говорит барину:

- Что ты, разве ослеп? То у меня сын пашет.

- Продай мне его!

- Нет, не продам: нам только и радости со старухой, только и утехи, что Мальчик с пальчик.

- Продай, дедушка!

- Ну, давай тысячу рублей.

- Что так дорого?

- Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку легок!

Барин заплатил тысячу рублей, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой.

А Мальчик с пальчик прогрыз дыру в кармане и ушел от барина.

Шел, шел, и пристигла его темная ночь.

Спрятался он под былинку подле самой дороги и уснул.

Набежал голодный волк и проглотил его.

Сидит Мальчик с пальчик в волчьем брюхе живой, и горя ему мало!

Плохо пришлось серому волку: увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, а только подкрадется овцу унести - Мальчик с пальчик и закричит во все горло:

- Пастух, пастух, овечий дух! Спишь, а волк овцу тащит!

Пастух проснется, бросится бежать на волка с дубиной да еще притравит его собаками, а собаки ну его рвать - только клочья летят! Еле-еле уйдет серый волк!

Совсем волк отощал, пришлось пропадать с голоду. Просит он Мальчика с пальчик:

- Вылези!

- Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу.

Делать нечего. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу.

Мальчик с пальчик тотчас выскочил из волчьего брюха:

- Бейте волка, бейте серого!

Старик схватил кочергу, старуха ухват - и давай бить волка. Тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали.

МАРЬЯ-КРАСА - ДОЛГАЯ КОСА

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. И была у них единственная дочь Марья-краса - долгая коса. Жили они хорошо и счастливо.

Вдруг пришла на них страшная беда. Налетел на царство-государство страшный Змей о девяти головах, о девяти хоботах, о девяти хвостах. С ним два сына Змееныша. Старший о шести головах, младший о трех. Закричал Змей такие слова:

- Слушайте, царь с царицей и весь народ! Все я царство огнем сожгу, пеплом развею. Все леса повыдеру, все реки-озера повыплесну, все поля, луга притопчу, всех людей погублю! А хотите живыми быть, кормите меня с сыновьями по самую смерть. Чтобы каждый день к вечерней заре оставляли на Буян-горе девушку молодую. Нам на съеденье, вам на спасенье.

Что тут делать? Заплакал весь народ горько, да делать нечего. Стали с той поры каждый день к вечеру брать по девушке молодой, вели ее на Буян-гору, к столетнему дубу приковывали.

Налетали тут змеи, девушку пожирали, косточки в озеро бросали.

В ту пору, в то время был у бедной бабушки-задворенки на краю города любимый внук Ваня.

Увидал раз Иван, как у синего моря на золотом песке Марья-краса - долгая коса хороходы водила, и полюбил ее без памяти.

Вдруг весть пришла, что завтра царевне на съеденье к Змею идти.

Встал поутру Иван, говорит бабушке:

- Готовь мне, бабушка, льняную рубашку чистую, пойду я биться со Змеем лютым - или живым не буду, или Марью-царевну освобожу.

Заплакала тут бабушка, приготовила ему льняную рубаху, побежала в огород, принесла жгучей крапивы, стала из жгучей крапивы вторую рубаху плести. Плетет рубаху, сама от боли плачет.

- Вот, - говорит, - Ванечка, надень ты эту рубаху. Будет Змей тебя кусать - языки обожжет.

- Хорошо, - говорит Иван.

Вот на вечерней заре обрядился Иван. Взял острую косу, железную палицу, надел льняную рубаху, сверху крапивную, попрощался с бабушкой и пошел на гору Буян.

Стоит на горе Буян столетний дуб. У дуба Марья-краса - долгая коса золотой цепью прикована. Увидела она Ивана - заплакала.

- Ты зачем пришел, добрый молодец? Мой черед смерть принимать, горячую кровь проливать, а тебе за что пропадать? Прилетит сейчас Змей и тебя сожрёт.

- Не бойся, красна девица! Авось не сожрёт - подавится.

Подошел Иван к царевне, ухватил золотую цепь богатырской рукой, разорвал, как

гнилую веревочку. Потом лег на песок, положил голову Марье-красе на колени и говорит:

- Я посплю, царевна, недолгим сном, а ты на море смотри. Только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхнется, тотчас разбуди меня!

Заснул Иван богатырским сном. А Марья-краса на море смотрит. Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхнулось, из синей волны трехголовый у змей идет.

Разбудила Марья-царевна Ивана. Только тот на ноги вскочил, а Змей уже тут как тут.

- Ты, Иван, зачем пожаловал? Богу молись, с белым светом простись да полезай скорей сам в мою глотку, тебе же легче будет.

- Врешь, проклятый Змей! Не проглотишь! Подавишься.

Схватил Иван острую косу, размахнулся во все плечо и скосил у Змея все три головы. Поднял серый камень, собрал три головы. Языки вырезал, в сумку спрятал, головы под камень положил, туловище в море столкнул, сам на песок упал, заснул богатырским сном. Стоит Марья-краса - долгая коса ни жива ни мертва. Не знает - плакать или радоваться. Села на песок, подняла голову Ивана, на колени себе положила, шёлковым платком пот вытерла. Вдруг видит: туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхнулось.

Лезет из синего моря Змей, на Буян-гору поднимается. Стала царевна Иванушку будить. А Иван спит богатырским сном. Ухватила его царевна за волосы.

- Проснись! Проснись, Иванушка! Наша смерть идет!

Тут вскочил Иван на ноги. Увидел его шестиглавый Змей, заворчал, зафыркал.

- Жалко мне тебя, добрый молодец! Тебя есть - вкусу в тебе нет. Проглочу тебя разве не разжёвывая.

- Ничего, - говорит Иван, - авось подавишься!

Схватил Иван свою острую косу, размахнулся широко рукой, отрубил Змею три головы. А три головы огнем палят, дымом дышат, глаза выжигают. Ухватила Марья-краса свою долгую косу, стала золотой косой Змея по глазам хлестать. Обернулся Змей в ее сторону. Подскочил тут Иван, отрубил Змею оставшиеся три головы. Языки вырезал, головы под камень спрятал, туловище в море столкнул. Сам упал на крутой берег, уткнулся в золотой песок и заснул богатырским сном.

Подняла Марья-краса его голову, себе на колени положила, шёлковым платочком пот вытерла. Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхнулось.

Выходит из моря старший Змей о девяти головах, о девяти хоботах, о девяти хвостах. Каждый хвост в свою сторону бьет, каждый хобот своим напевом поет, каждая голова зубами щелкает.

Испугалась Марья-краса пуще прежнего, стала Ивана будить.

- Вставай, вставай, Иванушка! Старший Змей идет, нас с тобой сожрет!

Спит Иван непробудным сном. Плачет над ним царевна, слезами обливается.

- Проснись, проснись, Иванушка! Русский человек смерть лежа не встречает, перед нею на ногах стоит!

Тут проснулся Иван, встрепенулся Иван, схватился за косу острую.

Налетел тут на него девятиголовый Змей, закричал, зафыркал.

- И хорош ты, и пригож ты, добрый молодец! Да не быть тебе живому. Съем я тебя, да и с косточками.

- Врешь, проклятая гадина! Подавишься.

Начали они биться смертным боем. Лес кругом на корню шатается, песок столбом поднимается, по синему морю волны идут. Змей огнем пышет, дымом душит. Иван косой косит. Коса у него в руках докрасна раскалилась. Семь голов Иван отрубил - две одолеть не может. Ухватил его было Змей поперек, да выплюнул. Крапивная рубашка язык обожгла.

Подбежала тут Марья-царевна, стала Змея по глазам косой хлестать.

Обернулся Змей в ее сторону, а тут Иван подскочил, две последние головы Змею ссек. Языки вырезал, головы под камень спрятал, туловище в море столкнул. Пала Марья-царевна Ивану в ноги.

- Спасибо тебе, Иванушка! Меня освободил, всю землю Русскую избавил.

Будешь ты моим суженым, батюшке помощником, моей матушке - любимым сынком.

Сняла она с руки золотой перстенок, Ивану на мизинный палец надела.

А Иванушка на ногах шатается, кровавый пот по лицу бежит. Упал Иван на сырой песок, заснул богатырским сном, - видно, смертно намаялся. Села Марья-царевна около него, сон оберегает, комаров-мух отгоняет.

Ехал мимо царский воевода на белом коне. Сам страшный, голова стручком, руки-ноги граблями. Видит, Марья-царевна сидит, крепким сном Иван спит, под камнем головы валяются. Ухватил он Марью-царевну за косу, посадил ее на коня с собой рядом, завез в густой дремучий лес и давай нож точить.

Спрашивает его Марья-царевна:

- Что ты, добрый человек, делать собираешься?

- Я нож точу, тебя убить хочу!

Заплакала царевна.

- Не режь меня, добрый человек! Я тебе ничего худого не сделала.

- Скажи отцу, что я тебя от смерти избавил, Русскую землю от гадов освободил, посулись, что будешь ты мне верной женой, - тогда помилую.

Ничего не поделаешь, пришлось Марье-царевне согласие дать.

Повез ее воевода во дворец. Привез к царю, змеиные головы показал.

- Вот, - говорит, - кто тебя от беды избавил!

Обрадовался царь, обнял воеводу.

- Через три дня, - говорит, - честным пирком да за свадебку!

Марья-краса плачет, а слово сказать боится. Только через три дня к вечеру проснулся Иван, видит - один он на Буян-горе, нет рядом Марьи-царевны, нет под серым камнем змеиных голов. Пошел Иван в город, пришел к бабушке. Обрадовалась бабушка. Пироги на стол тащит, жаркую баньку топит.

А Иван говорит:

- Пойди-ка, бабушка, в город, послушай, что люди говорят.

Сбегала бабушка в город, послушала, что люди говорят, воротилась назад, рассказывает:

- Идет по народу молва, что будет сегодня у царя великий пир - честная свадьба. Выдает царь Марью-царевну за воеводу. А ты думал, Иванушка, она за бедняка пойдет!

Иванушка в бане вымылся, чистую рубаху надел, стал молодец хорош-пригож - лучше не надо! Вечером пошел во дворец. Там пир идет. Гости пьют-едят, всякими играми забавляются.

Ходит воевода по горницам, хорохорится.

- Кто вас, хлопцы, от смерти спас? Вы мне теперь слова поперек не молвите!

Марья-царевна сидит бела, как мел, глаза наплаканы.

Взял Иван золотой кубок, налил в него меду сладкого, опустил в него золотое кольцо, позвал девку-чернавку и говорит:

- Поклонись Марье-царевне, пускай выпьет до самого дна за того, кто ее от смерти спас.

Поднесла чернавка кубок Марье-царевне. Выпила Марья-краса до самого дна. Подкатился к ее губам золотой перстенок. Вынула его Марья-царевна, обрадовалась.

- Батюшка, - говорит, - не тот меня от смерти избавил, кто рядом со мной сидит, хорохорится, а тот меня спас, что меж гостями стоит, кому я этот перстень дала, кого суженым назвала. Выйди сюда, Иванушка!

Вышел Иван на середину горницы. Марья-царевна к нему подошла. Гости разохались, переглядываются. Вскочил воевода, ругается:

- Ах ты, этакой! Людей честных обманывать! Кто Змея убил, тот и головы срубил, тот их и во дворец приволок.

А Иван ему в ответ:

- Если ты Змея убил, ему головы срубил, скажи, какой в головах изъян?

- Никакого изъяну в головах нет - они целехоньки. Я его не ранил, не колол, с одного разу голову ссек.

Поднял головы змеиные Иван, пасти раскрыл.

- Вот, - говорит, - какой в головах изъян! Языков-то в них нет! Они у меня в сумочке.

Тут Марья-царевна подошла и говорит:

- А вот мой платочек шелковый. На нем кровь и пот Иванушки.

Тут царь разгневался, приказал воеводу плетью прогнать, а Ивана обвинил с Марьей-красой - долгой косой тем же вечером.

Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец.

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич. У него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна.

Отец и мать у них померли. Умирая, они сыну наказывали:

- Кто первый за сестёр станет свататься, за того и отдавай - при себе не держи долго.

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сёстрами во зелёный сад погулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

- Пойдемте, сестрицы, домой, - говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец - как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол. Ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

- Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришёл сватом: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

- Коли люб ты сестрице, я её не держу - пусть идёт.

Марья-царевна согласилась. Сокол женился и унёс её в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами - целого года как не бывало.

Пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зелёный сад погулять. Опять встаёт туча с вихрем, с молнией.

- Пойдемте, сестрицы, домой, - говорит царевич.

Только пришли во дворец - как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орёл. Ударился орёл об пол и сделался добрым молодцем.

- Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ездил, а теперь пришёл сватом.

И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

- Если люб ты Ольге-царевне, то пусть за тебя идёт, я с неё воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж. Орел подхватил её и унёс в свое царство. Прошел еще один год. Говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

- Пойдем, во зелёном саду погуляем.

Погуляли немножко. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

- Вернёмся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть - как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон. Ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем. Прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

- Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом: отдай за меня Анну-царевну.

- Я с сестрицы воли не снимаю. Коли ты полюбился ей, пусть идёт за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он её в свое государство. Остался Иван-царевич один. Целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

- Пойду, - говорит, - искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел, шел и видит: лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

- Коли есть тут жив человек, отзовись: кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

- Все это войско великое побил Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева:

- Здравствуй, царевич. Куда тебя Бог несёт - по воле аль по неволе?

Отвечает ей Иван-царевич:

- Добрые молодцы по неволе не ездят.

- Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад: две ночи в шатрах ночевал. Полюбился Марье Моревне и женился на ней. Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство. Пожили они вместе столько-то времени, и вздумалось королеве на войну собираться. Покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

- Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не заглядывай.

Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул - а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

- Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил - совсем в горле пересохло.

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

- Мне одним ведром не залить жажды. Дай еще!

Царевич подал другое ведро. Кощей выпил и запросил третье; а как выпил третье ведро, взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

- Спасибо, Иван-царевич, - сказал Кощей Бессмертный, - теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих.

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил её и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: "Что ни будет, а разыщу Марью Моревну".

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец. У дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит.

Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

- Ах, шуринок мой любезный!

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

- Не могу у вас гостить долго: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную

королевну.

- Трудно тебе сыскать ее, - отвечает сокол. - Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошёл в дорогу.

Шёл он день, шёл другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого. Возле дворца дуб стоит, на дубу орёл сидит.

Слетел орёл с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

- Вставай, Ольга-царевна, милый наш братец идет!

Ольга-царевна тотчас прибежала, стала его целовать, обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

- Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает орёл:

- Трудно тебе сыскать ее. Оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу. День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух. Возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцом и закричал:

- Анна-царевна, поскорей выходи, наш братец идет!

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

- Прощайте. Пойду жену искать, Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

- Трудно тебе сыскать ее. Оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шёл, другой шёл, а на третий добрался до Марьи Моревны.

Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

- Ах, Иван-царевич, зачем ты меня не послушался - посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

- Прости, Марья Моревна, не поминай старого. Лучше поедем со мной; пока не видать Кощея Бессмертного. А вась не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был. К вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

- Иван-царевич приходил, Марью Моревну увёз.

- А можно ли их догнать?

- Можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть да тогда вдогонь ехать - и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

- Ну, - говорит, - первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись - на куски изрублю.

Отнял у него Марью Моревну и увез. А Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною. Кощей Бессмертного дома не случилось.

- Поедем, Марья Моревна!

- Ах, Иван-царевич, он нас догонит!

- Пускай догонит. Мы хоть часок-другой поедем вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

- Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

- А можно ли их догнать?

- Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, вдоволь напиться, до отвалу наесться, выспаться да тогда вдогонь ехать - и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

- Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Морены, как ушей своих!

Отнял её и унес к себе. Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною. На ту пору Кощей дома не случилось.

- Поедем, Марья Моревна!

- Ах, Иван-царевич, ведь он догонит, тебя в куски изрубит!

- Пускай изрубит, я без тебя жить не могу!

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

- Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклап в смоляную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез. В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

- Ах, - говорят они, - видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег. Сокол полетел за живою водою, а ворон - за мертвою.

Слетелись все трое в одно место, разрубили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемили и склади, как надобно.

Ворон брызнул мертвою водою - тело срослось, соединилось. Сокол брызнул живою водою - Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

- Ах, как я долго спал!

- Еще бы дольше проспал, если бы не мы, - отвечали зятья. - Пойдем теперь к нам в гости.

- Нет, братцы, я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

- Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать.

Кощей сказал:

- За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга. У ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у нее и других славных кобылиц. Я у нее три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребёночка.

- Как же ты через огненную реку перебрался?

- А у меня есть такой платок - как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет.

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу. И платок унесла да ему отдала. Иван-царевич переправился через огненную реку и пошёл к бабе-яге.

Долго шёл он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

- Съем-ка я одного цыплёночка!

- Не ешь, Иван-царевич, - просит заморская птица. - В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошёл он дальше. Видит в лесу улей пчел.

- Возьму-ка я, - говорит, - сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

- Не тронь моего мёду, Иван-царевич. В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошёл дальше. Попадаетеся ему навстречу львица со львенком.

- Съем я хоть этого львенка. Есть так хочется, ажно тошно стало.

- Не тронь, Иван-царевич, - просит львица. - В некоторое время я тебе пригожусь.

- Хорошо, пусть будет по-твоему.

Побрел голодный. Шел, шел - стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один незанятый.

- Здравствуй, бабушка!

- Здравствуй, Иван-царевич. Почто пришел - по своей доброй воле аль по нужде?

- Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

- Изволь, царевич, у меня ведь не год служить, а всего-то три дня. Если упасешь моих кобылиц - дам тебе богатырского коня, а нет - то не гневайся: торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился. Баба-яга его накормила, напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались. Не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уж на закате, прилетела заморская птица и будит его:

- Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, домой пошел. А баба-яга и шумит и кричит на кобылиц:

- Зачем вы домой воротились?

- Как же было нам не воротиться! Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

- Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич. Наутро баба-яга ему говорит:

- Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь - быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам.

Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул. Солнышко село за лес.

Прибежала львица:

- Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой. Баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

- Зачем домой воротились?

- Как нам было не воротиться! Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

- Ну, вы завтра забежите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич. Наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

- Если не упасешь - быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море, стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

- Вставай, царевич! Кобылицы все собраны. Да как воротиться домой, бабе-яге ни глаза не показывайся, поди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок - в навозе валяется. Ты возьми его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич пробрался в конюшню, улегся за яслями. Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

- Зачем воротились?

- Как же нам было не воротиться! Налетело пчел видимо-невидимо, со всего света, и давай нас со всех сторон жалить до крови.

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич взял у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза

платком в правую сторону - и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза - остался через реку мост тоненький-тоненький.

Поутру пробудилась баба-яга - паршивого жеребёнка видом не видать. Бросилась в погоню. Во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: "Хорош мост".

Поехала по мосту, только добралась до середины - мост обломился, и баба-яга в реку свалилась. Тут ей и лютая смерть приключилась.

Иван-царевич откормил жеребёнка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне. Она выбежала, бросилась к нему на шею:

- Как тебе удалось от смерти избавиться?

- Так и так, - говорит, - поедem со мной.

- Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

- Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

- Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

- А можно ли их догнать?

- Не знаю. Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

- Нет, не утерплю, - говорит Кощей Бессмертный, - поеду в погоню!

Долго ли, коротко ли - нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей. В те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощей Бессмертного и разmozжил ему голову, а царевич доконал его палицей.

После того накинул царевич грудy дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

- Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть! Ну, не даром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать - другой не найти.

Погостили они, попиrowали и поехали в свое царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попиrowать.

МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ ЦАРСТВА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У него была жена Настасья - золотая коса и три сына: Пётр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич.

Пошла раз царица со своими мамушками и нянюшками прогуляться по саду. Вдруг налетел Вихрь, подхватил царицу и унес неведомо куда. Царь запечалился, закручинился, да не знает, как ему быть.

Вот подросли царевичи, он им и говорит:

- Дети мои любезные, кто из вас поедет свою мать искать?

Собрались два старших сына и поехали. И год их нет, и другой их нет, вот и третий год начинается... Стал Иван-царевич батюшку просить:

- Отпусти меня матушку поискать, про старших братьев разузнать.

- Нет, - говорит царь, - один ты у меня остался, не покидай меня, старика.

А Иван-царевич отвечает:

- Все равно, позволишь - уйду и не позволишь - уйду.

Что тут делать? Отпустил его царь.

Оседлал Иван-царевич своего доброго коня и в путь отправился. Ехал-ехал... Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Доехал до стеклянной горы. Стоит гора высокая, верхушкой в небо упёрлась. Под горой - два шатра раскинуты: Петра-царевича да Василия-царевича.

- Здравствуй, Иванушка! Ты куда путь держишь?

- Матушку искать, вас догонять.

- Эх, Иван-царевич, матушкин след мы давно нашли, да на том следу ноги не стоят. Пойди-ка попробуй на эту гору взобраться, а у нас уже моченьки нет. Мы три года внизу стоим, наверх взойти не можем.

- Что ж, братцы, попробую.

Полез Иван-царевич на стеклянную гору. Шаг наверх ползком, десять - вниз кубарем. Он и день лезет, и другой лезет. Все руки себе изрезал, ноги искровянил. На третьи сутки долез до верху.

Стал сверху братьям кричать:

- Я пойду матушку отыскивать, а вы здесь оставайтесь, меня дожидаетесь три года и три месяца, а не буду в срок, так и ждать нечего. И ворон моих костей не принесет!

Отдохнул немного Иван-царевич и пошёл по горе. Шёл-шёл, шёл-шёл. Видит - медный дворец стоит. У ворот страшные змеи на медных цепях прикованы, огнем дышат. А подле колодец, у колодца медный ковш на медной цепочке висит. Рвутся змеи к воде, да цепь коротка.

Взял Иван-царевич ковшик, зачерпнул студеной воды, напоил змей. Присмирели

змеи, улеглись. Он и прошёл в медный дворец. Вышла к нему медного царства царевна:

- Кто ты таков, добрый молодец?

- Я Иван-царевич.

- Что, Иван-царевич, своей охотой или неволей зашёл сюда?

- Ищу свою мать - Настасью-царицу. Вихрь ее сюда утащил. Не знаешь ли, где она?

- Я-то не знаю. А вот недалеко отсюда живёт моя средняя сестра, может, она тебе скажет.

И дала ему медный шарик.

- Покати шарик, - говорит, - он тебе путь-дорогу до средней сестры укажет. А как победишь Вихря, смотри не забудь меня, бедную.

- Хорошо, - говорит Иван-царевич.

Бросил медный шарик. Шарик покатился, а царевич за ним вслед пошёл.

Пришёл в серебряное царство. У ворот страшные змеи на серебряных цепях прикованы. Стоит колодец с серебряным ковшом. Иван-царевич зачерпнул воды, напоил змей. Они улеглись и пропустили его. Выбежала серебряного царства царевна.

- Уже скоро три года, - говорит царевна, - как держит меня здесь могучий Вихрь. Я русского духу слыхом не слыхала, видом не видала, а теперь русский дух сам ко мне пришёл. Кто ты такой, добрый молодец?

- Я Иван-царевич.

- Как же ты сюда попал: своей охотой или неволей?

- Своей охотой - ищу родную матушку. Пошла она в зеленый сад гулять, налетел могучий Вихрь, умчал ее неведомо куда. Не знаешь ли, где найти ее?

- Нет, не знаю. А живёт здесь недалеко, в золотом царстве, старшая сестра моя - Елена Прекрасная. Может, она тебе скажет. Вот тебе серебряный шарик. Покати его перед собой и ступай за ним следом. Да смотри, как убьешь Вихря, не забудь меня, бедную.

Покатил Иван-царевич серебряный шарик, сам вслед пошёл.

Долго ли, коротко ли - видит: золотой дворец стоит, как жар горит. У ворот кишат страшные змеи, на золотых цепях прикованы. Огнем пышут. Возле колодец, у колодца золотой ковш на золотых цепях прикован.

Иван-царевич зачерпнул воды, напоил змей. Они улеглись, присмирели. Зашёл Иван-царевич во дворец; встречает его Елена Прекрасная - царевна красоты неописанной:

- Кто ты таков, добрый молодец?

- Я Иван-царевич. Ищу свою матушку - Настасью-царицу. Не знаешь ли, где найти ее?

- Как не знать? Она живёт недалеко отсюда. Вот тебе золотой шарик. Покати его по дороге - он доведет тебя, куда надобно. Смотри же, царевич, как победишь ты Вихря, не забудь меня, бедную, возьми с собой на вольный свет.

- Хорошо, - говорит, - красота ненаглядная, не забуду.

Покатил Иван-царевич шарик и пошёл за ним. Шёл, шёл и пришёл к такому дворцу, что ни в сказке сказать, ни пером описать - так горит скатным жемчугом и камнями драгоценными. У ворот шипят шестиглавые змеи, огнём палят, жаром дышат.

Напоил их царевич. Присмирели змеи, пропустили его во дворец. Прошёл царевич большими покоями. В самом дальнем нашёл свою матушку. Сидит она на высоком троне, в царском наряде разукрашенном, драгоценной короной увенчана. Глянула она на гостя и вскрикнула:

- Иванушка, сынок мой! Как ты сюда попал?!

- За тобой пришёл, моя матушка.

- Ну, сынок, трудно тебе будет. Великая сила у Вихря. Ну, да я тебе помогу, силы тебе прибавлю.

Тут подняла она половицу, свела его в погреб. Там стоят две кадки с водой - одна по правой руке, другая по левой.

Говорит Настасья-царица:

- Испей-ка, Иванушка, водицы, что по правую руку стоит.

Иван-царевич испил.

- Ну, что? Прибавилось в тебе силы?

- Прибавилось, матушка. Я бы теперь весь дворец одной рукой перевернул.

- А ну, испей еще!

Царевич еще испил.

- Сколько, сынок, теперь в тебе силы?

- Теперь захочу - весь свет поворочу.

- Вот, сынок, и хватит. Ну-ка, переставь эти кадки с места на место. Ту, что стоит направо, отнеси на левую сторону, а ту, что стоит направо, отнеси на правую сторону.

Иван-царевич взял кадки, переставил с места на место.

Говорит ему царица Настасья:

- В одной кадке сильная вода, в другой - бессильная. Вихрь в бою сильную воду пьет, оттого с ним никак не сладишь.

Воротились они во дворец.

- Скоро Вихрь прилетит, - говорит царица Настасья. - Ты схвати его за палицу. Да смотри не выпускай. Вихрь в небо взовьется - и ты с ним: станет он тебя над морями, над горами высокими, над глубокими пропастями носить, а ты держись крепко, рук не разжимай. Умается Вихрь, захочет испытать сильной воды, бросится к кадке, что по правой руке поставлена, а ты пей из кадки, что по левой руке...

Только сказать успела, вдруг на дворе потемнело, все вокруг затряслось. Влетел Вихрь в горницу. Иван-царевич к нему бросился, схватился за палицу.

- Ты кто таков? Откуда взялся? - закричал Вихрь. - Вот я тебя съем!

- Ну, бабка надвое сказала! Либо съешь, либо нет.

Рванулся Вихрь в окно - да в поднебесье. Уж он носил, носил Ивана-царевича... И над горами, и над морями, и над глубокими пропастями. Не выпускает царевич из рук палицы. Весь свет Вихрь облетел. Умаялся, из сил выбился. Спустился - и прямо в погреб. Подбежал к кадке, что по правой руке стояла, и давай воду пить.

А Иван-царевич налево кинулся, тоже к кадке припал. Пьет Вихрь - с каждым глотком силы теряет. Пьет Иван-царевич - с каждой каплей силушка в нем прибывает. Сделался могучим богатырем. Выхватил острый меч и разом отсек Вихрю голову.

Закричали позади голоса:

- Руби еще! Руби еще! А то оживёт!

- Нет, - отвечает царевич, - богатырская рука два раза не бьет, с одного раза все кончает.

Побежал Иван-царевич к Настасье-царице:

- Пойдем, матушка. Пора. Под горой нас братья дожидаются. Да по дороге надо трех царевен взять.

Вот они в путь-дорогу отправились. Зашли за Еленой Прекрасной.

Она золотым ячком покатила, все золотое царство в ячко запрятала.

- Спасибо тебе, - говорит, - Иван-царевич, ты меня от злого Вихря спас. Вот тебе яичко, а захочешь - будь моим суженым.

Взял Иван-царевич золотое яичко, а царевну в алые уста поцеловал.

Потом зашли за царевной серебряного царства, а потом и за царевной медного. Захватили с собой полотна тканого и пришли к тому месту, где надо с горы спускаться. Иван-царевич спустил на полотне Настасью-царицу, потом Елену Прекрасную и двух сестер её.

Братья стоят внизу, дожидаются. Увидели мать - обрадовались. Увидели Елену Прекрасную - обмерли. Увидели двух сестер - позавидовали.

- Ну, - говорит Василий-царевич, - молод-зелен наш Иванушка вперед старших братьев становиться. Заберем мать да царевен, к батюшке повезем, скажем: нашими богатырскими руками добыты. А Иванушка пусть на горе один погуляет.

- Что ж, - отвечает Пётр-царевич, - дело ты говоришь. Елену Прекрасную я за себя возьму, царевну серебряного царства ты возьмешь, а царевну медного за генерала отдадим.

Тут как раз собрался Иван-царевич сам с горы спускаться; только стал полотно к пню привязывать, а старшие братья снизу взяли за полотно, рванули из рук у него и вырвали. Как теперь Иван-царевич вниз спустится?

Остался Иван-царевич на горе один. Заплакал и пошёл назад. Ходил-ходил, нигде нет ни души. Скука смертная! Стал Иван-царевич с тоски-горя Вихревой палицей играть.

Только перекинул палицу с руки на руку - вдруг, откуда ни возьмись, выскочили Хромой да Кривой.

- Что надобно, Иван-царевич! Три раза прикажешь - три наказа твоих выполним.

Говорит Иван-царевич:

- Есть хочу, Хромой да Кривой!

Откуда ни возьмись - стол накрыт, на столе кушанья самые лучшие.

Поел Иван-царевич, опять с руки на руку перекинул палицу.

- Отдохнуть, - говорит, - хочу!

Не успел выговорить - стоит кровать дубовая, на ней перина пуховая, одеяльце

шёлковое. Выспался Иван-царевич - в третий раз перекинул палицу. Выскочили Хромой да Кривой:

- Что, Иван-царевич, надобно?
- Хочу быть в своем царстве-государстве.

Только сказал - в ту же минуту очутился Иван-царевич в своем государстве. Прямо посреди базара стал. Стоит, озирается. Видит: по базару идёт ему навстречу башмачник, идёт, песни поёт, ногами в лад притоптывает - такой весельчак!

Царевич и спрашивает:

- Куда, мужичок, идёшь?
- Да несу башмаки продавать. Я ведь башмачник.
- Возьми меня к себе в подмастерья.
- А ты умеешь башмаки шить?
- Да я все, что угодно, умею. Не то что башмаки, и платье сошью.

Пришли они домой, башмачник и говорит:

- Вот тебе товар самый лучший. Сшей башмаки, посмотрю, как ты умеешь.
- Ну что это за товар?! Дрянь, да и только!

Ночью, как все заснули, взял Иван-царевич золотое яичко, покатило по дороге. Стал перед ним золотой Дворец. Зашёл Иван-царевич в горницу, вынул из сундука башмаки, золотом шитые, покатило яичком по дороге, спрятал в яичко золотой дворец, поставил башмаки на стол, спать лег.

Утром-светом увидал хозяин башмаки, ахнул:

- Этакie башмаки только во дворце носить!

А в эту пору во дворце три свадьбы готовились: берет Пётр-царевич за себя Елену Прекрасную, Василий-царевич - серебряного царства царевну, а медного царства царевну за генерала отдают.

Принес башмачник башмаки во дворец. Как увидела башмаки Елена Прекрасная, сразу все поняла: "Знать, Иван-царевич, мой суженый, жив-здоров по царству ходит".

Говорит Елена Прекрасная царю:

- Пусть сделает мне этот башмачник к завтраму без мерки платье подвенечное, да чтобы золотом было шито, камнями самоцветными приукрашено, жемчугами усеяно. Иначе не пойду замуж за Петра-царевича.

Позвал царь башмачника.

- Так и так, - говорит, - чтобы завтра царевне Елене Прекрасной золотое платье было доставлено, а не то на виселицу!

Идет башмачник домой невесел, седую голову повесил.

- Вот, - говорит Ивану-царевичу, - что ты со мной наделал!
- Ничего, - говорит Иван-царевич, - ложись спать! Утро вечера мудренее.

Ночью достал Иван-царевич из золотого царства подвенечное платье, на стол к башмачнику положил. Утром проснулся башмачник - лежит платье на столе, как жар горит, всю комнату освещает. Схватил его башмачник, побежал во дворец, отдал Елене Прекрасной.

Елена Прекрасная наградила его и приказывает:

- Смотри, чтобы завтра к рассвету на седьмой версте, на море стояло царство с золотым дворцом, чтобы росли там деревья чудные и птицы певчие разными голосами меня бы воспевали. А не сделаешь - велю тебя лютой смертью казнить.

Пошёл башмачник домой еле жив.

- Вот, - говорит Ивану-царевичу, - что твои башмаки наделали! Не быть мне теперь живому.

- Ничего, - говорит Иван-царевич, - ложись спать. Утро вечера мудренее.

Как все заснули, пошёл Иван-царевич на седьмую версту, на берег моря. Покатил золотым яичком. Стало перед ним золотое царство, в середине золотой дворец, от золотого дворца мост на семь верст тянется, вокруг деревья чудные растут, певчие птицы разными голосами поют.

Стал Иван-царевич на мосту, в перильца гвоздики вколачивает.

Увидала дворец Елена Прекрасная, побежала к царю:

- Посмотри, царь, что у нас делается!

Посмотрел царь и ахнул.

А Елена Прекрасная и говорит:

- Вели, батюшка, запрягать карету золочёную, поеду в золотой дворец с царевичем Петром венчаться.

Вот и поехали они по золотому мосту. На мосту столбики точеные, колечки золоченые. А на каждом столбике голубь с голубушкой сидят, друг дружке кланяются да и говорят:

- Помнишь ли, голубушка, кто тебя спас?

- Помню, голубок, - спас Иван-царевич.

А около перил Иван-царевич стоит, золотые гвоздики приколачивает.

Закричала Елена Прекрасная громким голосом:

- Люди добрые! Задержите скорей коней быстрых. Не тот меня спас, кто рядом со мной сидит, а тот меня спас, кто у перильцев стоит!

Взяла Ивана-царевича за руку, посадила с собой рядом, в золотой дворец повезла, тут они и свадьбу сыграли.

Вернулись к царю, всю правду ему рассказали. Хотел было царь старших сыновей казнить, да Иван-царевич на радостях упросил их простить. Выдали за Петра-царевича царевну серебряного царства, за Василия-царевича - медного. Был тут пир на весь мир! Вот и сказке конец.

МОРОЗКО

Живало-бывало, - жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернешься - бита и недовернешься - бита. А родная дочь что ни сделает - за все гладят по головке: умница. Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела - еще до свету... Ничем старухе не угодишь - все не так, все худо. Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится - не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

- Вези, вези ее, старик, - говорит мужу, - куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь.

Запряг лошадь:

- Садись, мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит - невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

- Тепло ли тебе, девица?

Она чуть дух переводит:

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозно стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощёлкивает:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

- Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей; окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

- Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места, - под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около - короб с богатыми подарками. Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

- Не так твякаешь! Говори: "Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут..."

Собака съест блин и опять:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, собачка - все свое...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица - в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула - и руки врозь...

- Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит. А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

- Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

- Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощёлкивать:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

- Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

- Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

- Не так твякаешь! Скажи: "Старухину дочь в злате-серебре везут..."

А собачка - все свое:

- Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая. Заголосила старуха, да поздно.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам, долгое время дома не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает. Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на брюхо и давай глотать студеною воду.

Пьет и не чует беды; а царь морской ухватил его за бороду.

- Пусти! - просит царь.
- Не пущу, не смей пить без моего ведома!
- Какой хочешь возьми откуп - только отпусти!
- Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал-подумал - чего он дома не знает? Кажись, всё знает, всё ему ведомо, - и согласился. Попробовал - бороду никто не держит; встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает он домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь.

Стали они жить по-старому; а царевич растёт себе да растёт, словно тесто на опаре - не по дням, а по часам, и вырос большой.

"Сколько ни держать при себе, - думает царь, - а отдавать надобно: дело неминуемое!" Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру.

- Поищи здесь, - говорит, - мой перстень; я ненароком вчера обронил.

Оставил одного царевича, а сам повернул домой. Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадается ему навстречу старушка.

- Куда идешь, Иван-царевич?
- Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.
- Ну, оставайся... - И пошла старушка в сторону. А Иван-царевич пораздумался: "За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет". И стал ворочать старушку:
- Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстень искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!

- Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

- Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старуху. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц - все красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки; у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять вёрст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!

Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красы несказанной: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать!

Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют.

Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее!

Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на нее заглядывался, да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась - нет сорочки, унес кто-то; бросились все искать, искали, искали - не видать нигде.

- Не ищите, милые сестрицы! Улетайте домой; я сама виновата - недосмотрела, сама и отвечать буду. Сестрицы - красные девицы ударились о сыру землю, сделали голубицами, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

- Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек - будешь мне родной батюшка, коли средних лет - будешь братец любимый, коли ровня мне - будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

- Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича. А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит - и там свет такой же, как у нас, и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет.

Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

- Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и поперек - одни рвы, буераки да каменье острое! Чтоб к завтраму было там как ладонь гладко, и была бы рожь посеяна, и выросла б к раннему утру высока, чтобы в ней галка могла схорониться. Если того не сделаешь - голова твоя с плеч долой!

Идет Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидала его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

- Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?

- Как же мне не плакать? - отвечает царевич. - Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменье острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться.

- Это не беда, беда впереди будет. Ложись с Богом спать; утро вечера мудренее, все будет готово!

Лег спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

- Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменье острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело.

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул - все готово: нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нем рожь - столь высока, что галка схоронится.

Пошел к морскому царю с докладом.

- Спасибо тебе, - говорит морской царь, - что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копен - все пшеница белоярая; обмолоти мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь - голова твоя с плеч долой!

- Слушаю, ваше величество! - сказал Иван-царевич; опять идет по двору да слезами обливается.

- О чем горько плачешь? - спрашивает его Василиса Премудрая.

- Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

- Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с Богом, утро вечера мудренее.

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

- Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть - все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто.

Поутру зовет морской царь Ивана-царевича:

- Сослужил ли ты службу?

- Сослужил, ваше величество!

- Пойдем посмотрим.

Пришли на гумно - все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы - все закрома полнехоньки зерном.

- Спасибо тебе, брат! - сказал морской царь. - Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтобы к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба.

Опять идет Иван-царевич по двору, слезами умывается.

- О чем горько плачешь? - спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая.

- Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал мне морской царь за одну ночь

сделать церковь из чистого воску.

- Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать, утро вечера мудренее.

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

- Гей вы, пчелы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть - все летите сюда и слепите из чистого воску церковь Божию, чтоб к утру была готова!

Поутру встал Иван-царевич, глянул - стоит церковь из чистого воску, и пошел к морскому царю с докладом.

- Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня ни бывало, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства сберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены.

Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня. Ни много ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

- Что так грустен, Иван-царевич?

- Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

- Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитриться!

Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя - молодых подымать, во дворец к царю ждать. Стучатся в двери:

- Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовет.

- Еще рано, мы не выспались, приходите после! - отвечает одна слюнка.

Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся:

- Не пора-время спать, пора-время вставать!

- Погодите немного: встанем, оденемся! - отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные: царь-де морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются.

- Сейчас будем! - отвечает третья слюнка. Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться: нет отклика, нет отзыва! Выломали двери, а в тереме пусто. Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

- Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит;

- Слышу я людскую молвь и конский топ!

- Это за нами гонят! - сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом, Ивана-царевича - старым пастухом, а сама сделалась смирной

овечкою.

Наезжает погоня:

- Эй, старичок! Не видал ли ты - не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

- Нет, люди добрые, не видал, - отвечает Иван-царевич. - Сорок лет, как пасу на этом месте - ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

- Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видели только: пастух овечку пасет.

- Что ж не хватали? Ведь это они и были! - закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван-царевич с Василисою Премудрой давнымдавно скачут на борзых конях.

- Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

- Слышу я людскую молвь и конский топ.

- Это за нами гонят! - сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана-царевича обратила стареньким попом, а лошадей - деревьями. Наезжает погоня:

- Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?

- Нет, люди добрые, не видал. Сорок лет тружусь в этой церкви - ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Повернула погоня назад:

- Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа-старика.

- Что же вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! - закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою.

А они далеко уехали. Опять говорит Василиса Премудрая:

- Иван-царевич! Припади к сырой земле - не слышать ли погони?

Слез Иван-царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

- Слышу людскую молвь и конский топ пуще прежнего.

- Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича - селезнем, а сама сделалась уткой. Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень, ударился о сыру землю и обернулся орлом. Хочет орел убить их до смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился, бился, так ничего и не мог сделать.

Поскакал царь морской в своё подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридесятое царство.

- Подожди меня в этом лесочке, - говорит Иван-царевич Василисе Премудрой, - я пойду доложусь наперед отцу, матери.

- Ты меня забудешь, Иван-царевич!

- Нет, не забуду.

- Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, когда станут два голубка в окна биться!

Пришел Иван-царевич во дворец; увидели его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его. На радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую.

Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься к какой-то королевне. Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвирне в работницы. Стали просвиры¹ готовить, она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь.

- Разгадай, хозяйюшка, что будет из этих голубков!

- А что будет? Съедем их - вот и все!

- Нет, не угадала!

Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно - и в ту же минуту голуби встрепонулись, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь. Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать.

¹ Просвира (просфора) - белый круглый хлебец из крутого теста, употребляется в православном богослужении.

Наказанная царевна

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и была у него дочка. Говорит она раз отцу:

— Прикажи, батюшка, кликнуть клич: пусть к нам едут со всех сторон молодцы. Они будут загадки загадывать, а я буду отгадывать. Чьи загадки отгадаю, тому голову рубить. Чьи не отгадаю, за того пойду замуж, пускай хоть последним пастухом будет!

Согласился царь. Кликнули клич. Съехались со всех сторон молодцы, каждый со

своими загадками. Начнёт какой из них загадывать загадку, а царевна не дослушает и кричит:

— Знаю, знаю!

И сейчас же отгадку скажет.

Возьмут молодца, срубят ему голову. Столько погубили народу, что и не сочтёшь...

А жил в том царстве-государстве старик. У него было три сына. Младшего Иванушкой звали. Вот Иванушка услышал, что царевна даром людей губит, и говорит отцу:

— Отпусти меня, батюшка, пойду я к царевне загадки загадывать. Мои-то она авось не отгадает!

— Куда тебе, дурачок! Вон братья и поумнее тебя, да и то не идут. Сиди уж лучше дома: голова-то целее будет!

— Что мне братья! — отвечает Иванушка. — У них свой разум, у меня свой. Благословляй в путь-дорогу!

Нечего делать, отпустил старик Иванушку.

Сел Иванушка на старую клячу-водовозку и поехал. Видит — на дороге ржавое копьё лежит. Поднял он это копьё и поехал дальше.

Ехал он, ехал — смотрит: забрался бык в овёс, ест да топчет его. Слез Иванушка с лошади, вырвал пук овса, махнул им, как кнутом, и выгнал быка из овса. Выгнал и говорит:

— Вот первая загадка есть!

Поехал он дальше. Смотрит — навстречу ему по дороге змея ползёт. Иванушка заколол её копьём и говорит:

Вот и другая загадка есть!

Долго ли, коротко ли — подъехал он к реке и думает:

«Время уже позднее, нельзя дальше ехать. Надо здесь ночевать».

Отпустил он свою лошадь на траву пастись, а сам улёгся в старую лодку, что была у берега привязана, и заснул.

Утром Иванушка проснулся. Видит — на воде пена собралась. Снял он с воды пену, умылся. Подошёл к своей лошади и утёрся её гривой вместо полотенца.

— Вот, — говорит, — и третья загадка есть!

Сел на лошадь и поехал дальше. Приехал к царскому дворцу и говорит:

— Ведите меня к вашей царевне! Буду ей загадки загадывать!

Привели его. Загадал он первую загадку:

— Ехал я к вам и вижу — возле дороги добро, а в добре добро бродит. Я взял добро да добром-то добро из добра и выгнал. Какая ваша отгадка будет?

Царевна думала-думала — никак отгадать не может. Схватила она толстую книжку, стала искать в ней отгадку. Нету в книжке такой отгадки! Говорит царевна отцу:

— Пусть он мне ещё какую другую загадку загадает — я разом обе разгадаю!

Загадал Иванушка и вторую загадку:

— Ехал я к вам, вижу — на дороге зло. Взял я зло да злом зло и ударил. Зло от зла

смерть приняло. Какая ваша отгадка будет?

Царевна опять схватила книжку. Искала-искала в ней отгадку — не могла найти! Пустилась она тогда на хитрость.

— Пусть, — говорит, — он и третью загадывает: мне что одну, что три разгадывать!

Загадал Иванушка и третью загадку:

— Поехал я дальше, и застигла меня в пути тёмная ночь. Остановился я ночевать. Лёг спать не на небе, не на земле, не в избе, не на улице, не в лесу, не в поле. Утром проснулся, умылся не росой, не водой; утёрся не тканым, не вязаным. Какая ваша отгадка будет?

Царевна уж и за книжку свою не хватается: знает, что не найти в ней отгадки. Говорит она царю:

— Ох, батюшка! У меня сегодня головушка болит, мысли помешались... Я завтра отгадаю.

Царь велел отложить отгадки до завтра. Отвели Иванушку в комнату, велели никуда не уходить. Достал он краюшку хлеба, сидит и уплетает её.

А царевна места себе не находит.

«Неужели, — думает, — придётся за мужика замуж выходить? Сколько загадок отгадано, сколько голов отрублено! Короли, принцы ничего поделать не могли, а тут мужичишка-лапотник верх надо мною взять хочет!..»

Выбрала царевна верную служанку и подсылает её к Иванушке.

— Поди, — говорит, — выведай у него отгадки. Обещай ему и золота и серебра, чего угодно! Ничего не жалеи!

Пришла служанка к Иванушке. Стала выпрашивать, выведывать, сама ему и золота и серебра обещает. А Иванушка говорит:

— На что мне ваше золото, серебро? Не за тем я сюда ехал. Пусть царевна мои загадки отгадает! И ещё одну загадку ей передай: бросили петушку горошку до солнышка, а он не клюёт!

Вернулась служанка к царевне ни с чем.

— Так и так, — говорит, — не берёт он золото, серебро, требует, чтобы ты загадки отгадала.

Рассердилась царевна, не знает, что и делать. И загадки отгадать не может, и замуж за простого мужика идти не хочет. ДуМала она, думала и надумала недоброе дело.

Утром, как все собрались, вышла царевна и говорит:

— Я своему слову хозяйка: загадки отгадать не могла, пойду за Ивана замуж. Готовьте всё к свадьбе!

Обрадовались все: наконец-то перестанут молодецкие головы рубить!..

Приказала царевна Иванушку к себе в горницу просить: хочет с женихом побеседовать, пряниками да винами сладкими угостить. Иванушка пришёл. Усадила его царевна за стол, стала потчевать. А сама незаметно ему в чарку сонного зелья подсыпала. Выпил Иванушка и крепко заснул.

Тут царевна позвала свою верную служанку, одарила её богатыми подарками и велела увести Иванушку подальше и бросить в топкое болото, чтобы ни слуху ни духу больше не было!

Отвезли Иванушку и бросили его в болото, в самую трясину...

Трое суток спал Иванушка в болоте. Пробудился он, огляделся и говорит:

— Как это я в такое недоброе место попал?

Вспомнил он, как его царевна угощала-потчевала, своими руками вина подливала, и догадался, кто его в трясину на погибель бросил.

Стал Иванушка из болота выбираться. За кочки, за коренья хватается — еле вылез. Пошёл он к речке, вымылся и побрёл куда глаза глядят.

Шёл он долгое время и забрёл в дремучий лес. Бродил, бродил по лесу, и захотелось ему есть. Смотрит — стоит на лесной полянке яблоня, спелыми, румяными яблочками увешана.

Сорвал Иванушка яблоко, съел и в тот же миг выросли у него на голове рога — большие да тяжёлые, голову к земле клонят.

Взглянул он в озеро, увидел себя и ужаснулся.

«Вот,— думает,— беда! Если я теперь на поле выйду, так меня и скотина будет бояться, не только народ. Да и по лесу ходить опасно: охотники за зверя примут — убьют. Что делать? Надо глубже в лес уходить!»

Пошёл Иванушка по лесу, рогами за деревья цепляется.

Долго ли, мадо ли шёл — увидел другую яблоню. Яблоки на ней висят невиданные: сквозь кожуру семечки видно. Остановился он возле этой яблони и думает:

«Э, что будет, то и будет! Съем-ка яблочко!»

Сорвал он яблочко, съел, и в ту же минуту пропали у него рога, а сам он молодцом да красавцем стал, лучше прежнего.

«Ну, — думает Иванушка, — проучу я эту царевну! Не захочет она губить да обманывать добрых людей!»

Нарвал он яблок с обеих яблонь — и рогастых и целебных — и пошёл в город. Вошёл и видит: сидит у одного домика старая старушка, вся от старости трясётся. Пожалел её Иванушка. Подошёл и говорит:

— Здорово, бабушка! На-ко, съешь это яблочко! Съела старуха хорошее яблочко и сразу помолодела — толстая да румяная стала.

— Ах, — говорит, — дитяtko моё милое! Чем отблагодарить тебя?

— Не поможешь ли мне, бабушка, достать лоток да поддёвку, в какой купцы ходят? Переоденусь я, пойду эти молодильные яблоки продавать.

Старушка ему живо и поддёвку и лоток достала. Нарядился Иванушка в купеческую поддёвку, разложил на лотке яблоки, поставил лоток на голову и стал как настоящий купец.

Пошёл он к царскому дворцу. Пришёл и давай громко покрикивать:

— Яблоки сладки! Яблоки вкусны! Яблоки румяны! Кому сладкие яблочки? Кому сладкие яблочки?

Услышала царевна, посылает свою служанку:

— Поди узнай, подлинно ли сладкие яблочки он продаёт?

Побежала служанка, спрашивает:

— Эй, купец-молодец! А не кислые ли ваши яблочки?

— Извольте, сударыня, попробовать! — отвечает Иванушка и подает ей яблочко.

Съела служанка это яблочко и такой красавицей стала, что даже царевна не узнала её, когда она во дворец вернулась.

— Да ты ли это?! — спрашивает. — Была ты чернявая да рябая, а теперь лучше меня стала! Как это случилось?

— Я самая! От яблочка такой сделалась!

Пересказ М. Булатова

Рис. И. Кузнецова

Дала царевна служанке сто рублей и говорит:

— Ступай скорее, купи и мне этих яблоч.

Сбегала служанка, купила яблоч и принесла их царевне. Царевна выбрала самое румяное, самое крупное яблоко и сейчас же съела его. И только съела — выросли у неё рога до потолка, большие да тяжёлые...

Служанка глянула на неё, испугалась, побежала скорее к царю.

— Ой, — кричит, — у царевны чёрт!..

Царь прибежал, видит — действительно чёрт. Затрясся от страха.

А царевна говорит:

— Да не бойтесь вы, папаша, я ваша дочь!

А сама плачет-заливается. И царь плачет, и царица:

— Срам, срам! Что делать? Как на глаза иностранным государям показаться?

Забегали тут все, заохали, а поделать ничего не могут. Уложили царевну на кровать, а над кроватью велели плотникам полки сделать, чтобы рога на них положить.

Лежит царевна на кровати, сама охает, причитает:

— Ох, теперь мне ни на люди показаться, ни замуж выйти...

Созвали лекарей. Принялись лекари парить да пилить рога — ничего не могут поделать.

А Иванушка тем временем привязал бороду, нарядился лекарем, обвешался весь пузырьками да травами, взял в руки три прута и пошёл ко дворцу. Пришёл и давай кричать:

Мы лекари, мы аптекари —
Лечим на славу
Хоть Фому, хоть Савву!
Мы в баньке парим,
Мы в баньке жарим:
В баню — на дровнях,
Из бани — на ногах.

Нет ли лекарю работы? От всяких хворей лечу, от великих болезней избавляю!

Услышала это царевна и говорит служанкам:

— Ох, зовите скорее этого лекаря! Может, он меня от рогов избавит!

Бросились служанки за лекарем. Привели во дворец. Сам царь его встретил. Спрашивает Иванушка:

— Кто тут у вас болен?

— Ты, видно, не нашего царства, — говорит царь, — коли не знаешь, что у нас случилось!.. Выросли у моей дочки рога до самого потолка. Если вылечишь её — награжу и выдам царевну за тебя замуж, а как состарюсь, поставлю тебя на своё царское место.

— Ваше царское величество, — отвечает Иванушка, — позвольте прежде осмотреть больную!

Привели его к царевне. Посмотрел на неё Иванушка и говорит:

— У неё ветряная болезнь: злым ветром надуло! Прикажите хорошенько вытопить - баню и отвести туда царевну, там я её лечить буду. Отпарю ей рога.

Царь говорит:

— Что хочешь проси! Всё дам, озолочу тебя!

— Золотить меня потом будете. Сначала вылечить надобно. Одно только требую: пусть возле бани музыка погромче играет, барабаны бьют, в пушки палят, а без того у меня лечение не получится.

Царь говорит:

— Что прикажешь, то и будем делать!

— Ну, тогда выводите царевну!

Стали выводить царевну, а она в дверь пройти не может: рога не пускают. Царь кричит:

— Разбирайте простенок!

Разобрали простенок, вывели царевну, хотели было в карету усаживать. А кони увидели её — заржали, затопали копытами со страху и бросились бежать. И карету поломали, и людей много потоптали...

Запряглись в карету солдаты и повезли царевну.

Привезли к бане, вывели. Тут музыка заиграла, в барабаны бить стали, из пушек палить.

Отослал Иванушка всех слуг прочь, схватил царевну за рога и давай её выпрашивать:

— За какие плохие дела у тебя эти рога выросли? Повинись: не обижала ли кого, не обманывала ли?

— Батюшка лекарь, — отвечает царевна, — я никого никогда сроду не обманывала, не обижала... Только одни добрые дела делала!

Взял Иванушка прут, хлестнул царевну и опять спрашивает:

— Повинись: не обижала ли, не обманывала ли кого?

Царевна всё никак не признаётся. Говорит ей Иванушка:

— До тех пор не отпущу, пока правду не скажешь!

Испугалась царевна, говорит:

— Виновата, батюшка лекарь! Велела я одного мужика в болото топкое бросить! Только разве это можно за грех считать?

Ведь это простой мужик...

Снял Иванушка бороду и спрашивает:

— Смотри, не тот ли я мужик?

Глянула на него царевна да как закричит:

— Слуги! Солдаты! Стража! Хватайте его! В тюрьму тащите!

А музыка играет вовсю, барабаны бьют, пушки палят. Разве услышишь, как она зовёт?

Видит царевна — не бегут к ней на помощь. По-другому заговорила.

— Ох,— говорит, — смилуйся надо мною, Иванушка! Избавь меня от рогов этих! Выйду за тебя замуж! Любить буду! Сам царём станешь!

— Ну, нет, не нужна ты мне, — отвечает Иванушка. — За твой обман да злодейства будешь ты эти рога всегда носить!

Сказал да ушёл. Только его и видели.

НИКИТА КОЖЕМЯКА

В старые годы появился невдалеке от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге.

Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет её домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесёт.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильней. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

- Есть, - говорит змей, - в Киеве Никита Кожемяка - тот меня сильней.

Как ушёл змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошёл его просить выручить их дочку из тяжелой неволи. В ту пору мьял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя - испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царевна пойти выручить царевну, не пошел.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот - осиротил их лютый змей, - и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насмолил её смолою, весь пенькою обмотался и пошел.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

- Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! - сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душисть. Стал тут змей молить Никиту:

- Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я - в другой.

- Хорошо, - сказал Никита. - Надо же прежде межу проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева межу прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

- Землю мы разделили - теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить - вогнал Никита змея в Чёрное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего! Царевна же воротилась к отцу, к матери. Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени на две высоту. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют её на память о Никите Кожемяке.

ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и безупречно, службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать - как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся. Тяжело стало солдату, и задумал он бежать; ранец через плечо, ружье на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать:

- Куда идешь? Аль батальонный требует?

- Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!

И пошел он, добрый молодец, куда глаза глядят. Много ли, мало ли шел - оказался в ином государстве, усмотрел часового и спрашивает:

- Нельзя ли где остановиться и отдохнуть?

Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор - офицеру, офицер - генералу, генерал доложил самому королю. Король приказал позвать служивого перед свои светлые очи.

Вот явился солдат - как следует, при форме, сделал ружьем на караул и стал как вкопанный. Говорит ему король:

- Скажи мне по совести, откуда и куда идешь?

- Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить.

Признался во всем королю по совести и стал на службу проситься.

- Хорошо, - сказал король, - наймись у меня сад караулить. У меня теперь в саду неблагополучно - кто-то ломает мои любимые деревья, - так ты постарайся, сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую.

Солдат согласился, стал в саду караул держать. Год и два служит - все у него исправно; вот и третий год на исходе, пошел однажды сад оглядывать и видит: половина что ни есть лучших деревьев поломана.

"Боже мой! - думает сам с собою. - Вот какая беда приключилась! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить".

Взял ружье в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался.

Вдруг послышался треск и шум; очнулся добрый молодец, глядь - прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валить деревья! Солдат выстрелил в нее из ружья, убить не убил, а только ранил ее в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица по земле наутек пустилась. Солдат - за нею. Ноги у птицы быстрые, скорехонько добежала до провалища¹ и скрылась из глаз.

Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печенки и целые сутки лежал без памяти. После опомнился, встал, осмотрелся. Что же? - и под землей такой же свет.

"Стало быть, - думает, - и здесь есть люди!" Шел, шел - перед ним большой город, у ворот караульня, при ней часовой; стал его спрашивать - часовой молчит, не движется; взял его за руку - а он совсем каменный!

Вошел солдат в караульню. Народу много - и стоят и сидят, - только все окаменелые; пустился бродить по улицам - везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, все как есть камень! Вот и дворец - расписной, вырезной. Марш туда, смотрит - комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто.

Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему, словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружье и стал у дверей.

Входит в палату прекрасная царевна с мамками, с няньками. Солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась.

- Здравствуй, служивый! Расскажи, - говорит, - какими судьбам ты сюда попал?

Солдат начал рассказывать:

- Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать. Вот я подстерег ее, выстрелил из ружья и выбил у ней из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь.

- Эта птица - мне родная сестра; много она творит всякого зла и на мое царство беду наслала - весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай ее с вечера и до тех пор, пока петухи не запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай свое - читай книжку да держи ее крепче, чтоб не вырвали, не то жив не будешь! Если прстоишь три ночи, то выйду за тебя замуж.

- Ладно! - отвечал солдат.

Только стемнело, взял он книжку и начал читать. Вдруг застучало, загремело - явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его и грозят за побег смертью; вот уж и ружья заряжают, прицеливаются. Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает.

Закричали петухи - и все разом сгнуло! На другую ночь страшней было, а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал.

Запели петухи - и наваждение сгнуло! В тот самый час все царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царевна с генералами, со свитой, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем.

На другой день женился он на прекрасной царевне и зажил с нею в любви и радости.

ПАСТУШЬЯ ДУДОЧКА

Жили в одном селе старик да старуха, бедные-пребедные, и был у них сын Иванушка. С малых лет любил он на дудочке играть. И так-то он хорошо играл, что все слушали - наслушаться не могли. Заиграет Иванушка грустную песню - все пригорюнятся, у всех слезы катятся. Заиграет плясовую - все в пляс идут, удержаться не могут.

Подрос Иванушка и говорит отцу да матери:

- Пойду я, батюшка и матушка, в работники наниматься. Сколько заработаю - все вам принесу.

Попрощался и пошел. Пришел в одну деревню - никто не нанимает. В другую пошел - и там работники не нужны. Пошел Иванушка дальше. Шел-шел и пришел в дальнее село. Ходит от избы к избе, спрашивает:

- Не нужен ли кому работник?

Вышел из одной избы мужик и говорит:

- Не наймёшься ли ты овец пасти?

- Наймусь, дело не хитрое!

- Не хитрое оно, это так. Только у меня такое условие: если хорошо пасти будешь - двойное жалованье заплачу. А если хоть одну овечку из моего стада потеряешь - ничего не получишь, прогоню без денег!

- Авось не потеряю! - отвечает Иванушка.

- То-то, смотри!

Уговорились они, и стал Иванушка стадо пасти. Утром чуть свет уйдёт со двора, а возвращается, когда солнце сядет.

Как идет он с пастбища, хозяин с хозяйкой уже у ворот стоят, овец считают: - Одна, две, три... десять... двадцать... сорок... пятьдесят... Все овцы целы!

Так и месяц прошел, и другой, и третий. Скоро надо с пастухом рассчитывать, жалованье ему платить.

"Что это? - думает хозяин. - Как это пастух всех овец сберегает? В прошлые годы всегда овцы пропадали: то волк задерет, то сами куда забредут, потеряются...

Неспроста это. Надо посмотреть, что пастух на пастбище делает".

Под утро, когда еще все спали, взял хозяин овчинный тулуп, выворотил его шерстью наружу, напялил на себя и пробрался в хлев. Стал среди овец на четвереньки. Стоит дожидается, когда пастух погонит стадо на пастбище.

Как солнышко взошло, Иванушка поднялся и погнал овец. Заблеяли овцы и побежали. А хозяину хоть и трудно, только не отстают - бежит вместе с овцами, покрикивает:

- Бя-бя-бя! Бя-бя-бя!

А сам думает: "Теперь-то я все узнаю, выведу!"

Думал он, что Иванушка его не заметит. А Иванушка зорким был, сразу его увидел, только виду не подал - гонит овец, а сам нет-нет и стегнёт их кнутом. Да все метит прямо хозяина по спине! Пригнал овец на опушку леса, сел под кусток и стал краяху жевать.

Ходят овцы по полянке, щиплют травку. А Иванушка за ними посматривает. Как увидит, что какая овца хочет в лес забежать, сейчас на дудочке заиграет. Все овцы к нему бегут. А хозяин все на четвереньках ходит, головой в землю тычется, будто травку щиплет.

Устал, утомился, - а показаться стыдно: расскажет пастух соседям - сраму не оберешься!

Как наелись овцы, Иванушка и говорит им:

- Ну, сыты вы, довольны вы, теперь и поплясать можно!

Да и заиграл на дудочке плясовую. Принялись овцы скакать да плясать, копытцами постукивать! И хозяин туда же: хоть и не сыт и не доволен, а выскочил из середины стада и давай плясать вприсядку. Пляшет, пляшет, ногами разные штуки выделяет, удержаться не может!

Иванушка все быстрее да быстрее играет. А за ним и овцы и хозяин быстрее пляшут. Уморился хозяин. Пот с него градом так и катится. Красный весь, волосы растрепались... Не выдержал, закричал:

- О, батрак, перестань ты играть!.. Мочи моей нет!

А Иванушка будто не слышит - играет да играет! Остановился он наконец и говорит:

- Ой, хозяин! Ты ли это?

- Я...

- Да как же ты сюда попал?

- Да так, забрел невзначай...

- А тулуп зачем надел?

- Да холодно с утра показалось...

А сам за кусты, да и был таков. Приплёлся домой и говорит жене:

- Ну, жена, надо нам поскорее батрака выпроводить подобру-поздорову, надо ему жалованье отдать...

- Что так? Никому не отдавали, а ему вдруг отдадим...

- Нельзя не отдать. Он так нас осрамил, что и людям не сможем показаться.

И рассказал ей, как пастух заставил его плясать, чуть до смерти не уморил.

Выслушала хозяйка и говорит:

- Настоящий ты дурень! Нужно же тебе было плясать! Меня-то он не заставит! Как придет, велю ему играть. Посмотришь, что будет.

Стал хозяин просить жену:

- Коли ты такое дело затеяла, посади меня в сундук да привяжи на чердаке за перекладину, чтоб мне вместе с тобой не заплясать... Будет с меня! Наплясался я утром, чуть жив хожу.

Хозяйка так и сделала. Посадила мужа в большой сундук и привязала на чердаке за перекладину. А сама ждет не дождется, когда вернется батрак с поля. Вечером, только Иванушка пригнал стадо, хозяйка и говорит ему:

- Правда ли, что у тебя такая дудка есть, под которую все пляшут?

- Правда.

- Ну-ка поиграй! Если и я запляшу - отдадим тебе жалованье, а не запляшу - так прогоним.

- Хорошо, - говорит Иванушка, - будь по-твоему.

Вынул он дудочку и стал плясовую наигрывать. А хозяйка в это время тесто месила. Не удержалась она и пошла плясать. Пляшет, а сама переваливает тесто с руки на руку.

А Иванушка все быстрее да быстрее, все громче да громче играет.

И хозяйка все быстрее да быстрее пляшет. Услыхал дудочку и хозяин на чердаке. Стал в своем сундуке руками да ногами шевелить, поплясывать. Да только тесно ему там, - все головой о крышку стучается. Возился, возился да сорвался с перекладки вместе с сундуком. Прошиб головой крышку, выскочил из сундука и давай по чердаку вприсядку плясать! С чердака скатился, в избу ввалился. Стал там вместе с женой плясать, руками да ногами размахивать!

А Иванушка вышел на крылечко, сел на ступеньку, все играет, не умолкает.

Хозяин с хозяйкой за ним во двор выскочили и ну плясать да скакать перед крыльцом.

Устали оба, еле дышат, а остановиться не могут. А глядя на них, и куры заплясали, и овцы, и коровы, и собака у будки.

Тут Иванушка встал с крыльца да, поигрывая, к воротам пошел. А за ним и все потянулись. Видит хозяйка - дело плохо. Стала упрашивать Иванушку:

- Ой, батрак, перестань, не играй больше! Не выходи со двора! Не позорь перед людьми! По-честному с тобой рассчитаемся! По уговору жалованье отдадим!

- Ну нет! - говорит Иванушка. - Пусть на вас добрые люди посмотрят, пусть посмеются!

Вышел он за ворота - еще громче заиграл. А хозяин с хозяйкой со всеми коровами, овцами да курами еще быстрее заплясали. И крутятся, и вертятся, и приседают, и подпрыгивают!

Сбежалась тут вся деревня - и старые и малые, смеются, пальцами показывают...

До самого вечера играл Иванушка. Утром получил жалованье и ушел к отцу, к матери. А хозяин с хозяйкой в избу спрятались. Сидят и показаться людям на глаза не смеют.

ПЕТУШОК - ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК И ЖЕРНОВЦЫ¹

Жил да был себе старик со старухой, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один желудь в подполье. Пустил жёлудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит:

- Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растет выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол; деревцо росло, росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял. Деревцо все растет да растет и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез-лез и взобрался на небо. Ходил, ходил, по небу, увидал: сидит кочеток - золотой гребешок, масляна головка, и стоят жерновцы. Старик долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит:

- Как нам, старуха, быть, что нам есть?

- Постой, - молвила старуха, - я попробую жерновцы.

Взяла жерновцы и стала молоть; ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернет - все блин да пирог!.. И накормила старика.

Ехал мимо какой-то боярин и заехал к старику со старушкой в хату.

- Нет ли, - спрашивает, - чего-нибудь поесть?

Старуха говорит:

- Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?

Взяла жерновцы и намолола: нападали блинчики да пирожки. Приезжий поел и говорит:

- Продай мне, бабушка, твои жерновцы.

- Нет, - говорит старушка, - продать нельзя.

Он взял да и украл у ней жерновцы. Как увидели старик со старухой, что украдены жерновцы, стали горе горевать.

- Постой, - говорит кочеток - золотой гребешок, - я полечу, догоню!

Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит:

- Кукареку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Как услышал боярин, сейчас приказывает:

- Эй, малый! Возьми, брось его в воду.

Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать:

- Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду! - и выпил всю воду. Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит:

- Кукареку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Боярин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь - прямо в огонь; он и стал приговаривать:

- Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду!

И залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит:

- Кукареку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

В то же самое время боярин гостей принимал. Гости услышали, что кричит кочеток и тотчас же побежали вон из дому. Хозяин бросился догонять их а кочеток - золотой гребешок подхватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

¹ Жерновцы - ручная мельница.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ

(В обработке А. Н. Толстого)

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий дурачок Емеля. Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

- Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

- Неохота...

- Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

- Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь.

И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

- Вот уха будет сладка!

Вдруг щука ему человеческим голосом:

- Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

- На что ты мне понадобишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

- Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

- Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

- Емеля, Емеля, скажи - чего ты сейчас хочешь?

- Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

- Запомни мои слова, когда что тебе захочется - скажи только: "По щучьему веленью, по моему хотенью".

Емеля и говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал - ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается... Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени - невестки говорят ему:

- Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

- Неохота...

- Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - поди, топор, наколи дров, а дрова сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки - и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло - невестки опять говорят:

- Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

- Да вы-то на что?

- Как - мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

- Мне неохота...

- Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани:

- Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

- Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

- Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро - на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: "Держи его! Лови его!" А он, знай, сани погоняет.

Приехал в лес:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся.

Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку - такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж ждут. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют. Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила - и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли - услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера - его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

- Ты - дурак Емеля?

А он с печи:

- А тебе на что?

- Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

- А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила - и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого большого вельможу:

- Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

- Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, - тогда он все сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

- Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

- Мне и тут тепло...

- Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить - пожалуйста, поедем.

- А мне неохота...

- Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

- Ну, ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю...

Царь глядит в окно, дивится:

- Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

- А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

- Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

- А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь - Марья-царевна. Емеля увидел ее в окошке и говорит потихоньку:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал еще:

- Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, вошла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает. А у царя во дворце крик да слезы.

Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

- Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли - проснулся Емеля, видит - темно, тесно:

- Где же это я?

А ему отвечают:

- Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

- А ты кто?

- Я - Марья-царевна.

Емеля говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок.

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

- Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

- А мне неохота.

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - выстройся, каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал - появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом - зеленый сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

- Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля не долго думал:

- По щучьему веленью, по моему хотенью - стать мне добрым молодцом, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит - стоит дворец, где раньше ничего не было.

- Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: "Кто такие?"

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

- Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

- Кто же ты такой, добрый молодец?

- А помнишь дурачка Емелю - как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я - тот самый Емеля. Захочу - все твое царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

- Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал - молодец.

ПОЙДИ ТУДА - НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО - НЕ ЗНАЮ ЧТО

В некотором государстве жил-был царь, холост - не женат. Был у него на службе стрелок по имени Андрей.

Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу - не посчастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идет он обратно - кручинится. Видит - сидит на дереве горлица. "Дай, - думает, - стрельну хоть эту". Стрельнул и ранил ее - свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял ее Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

- Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри, как найдет на меня дремота - в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принес горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила голову под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, ударил ее правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьейцаревной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

- Сумел меня взять, умей и удержать - неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе местной да веселой женой.

На том и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой, потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идет в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню. Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

- Бедно живешь ты, Андрей!

- Да, как сама видишь.

- Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шелку, я все дело поправлю.

Послушался Андрей, пошел к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шелку и принес жене. Марья-царевна взяла шелк и говорит:

- Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом свете не видавали: на нем все царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери в горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдает ковер мужу:

- Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри - своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковер, повесил на руку и пошел по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

- Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

- Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал - не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним - еще. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилу пропихался через великую толпу и спрашивает:

- Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чем речь у вас?

- Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковер и сам дался диву:

- Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковер?

- Так и так, моя жена вышила.

- Сколько же тебе дать за него?

- А я и сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

- Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковер и пошел домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковер. Царь взглянул - на ковре все его царство как на ладони. Он так и ахнул:

- Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам!

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдает советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает. "Ничего, я себе другой, еще лучше, закажу". Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплелся домой. И с той поры и ест - не заест и пьет - не запьет: все ему представляется стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выпрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

- Ах, видел я у одного стрелка жену, все о ней думаю! И не запить это, не заесть, никаким зельем не заморозить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Оделся он в простое платье,

поехал в слободу, нашел избенку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занес, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота. Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. "Чего, - думает, - хожу холост, не женат? Вот бы жениться на этой красавице! Не стрельчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей".

Воротился царь во дворец и задумал думу нехорошую - отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

- Надумай, как известить Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь - награжу городами и деревнями и золотой казной, не придумаешь - сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошел и нос повесил. Как известить стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень¹ в рваном кафтанишке:

- О чем, царский советник, пригорюнился, зачем нос повесил?

- Поди прочь, кабацкая теребень!

- А ты меня не гони, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу. Поднес ему царский советник стаканчик винца и рассказал про свою горе.

Кабацкая теребень и говорит ему:

- Известить Андрея-стрелка дело нехитрое - сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи: пускай он pošлет Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь батюшка. Андрей уйдет и назад не вернется.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень - и бегом к царю:

- Так и так, можно стрелка известить. И рассказал, куда нужно его послать и зачем.

Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

- Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи еще службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч - твоя голова с плеч.

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил.

Марья-царевна его спрашивает:

- Что невесел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу.

Марья-царевна говорит:

- Есть о чем горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко.

- Поди к царю и проси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведет.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошел к царю просить

себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоем и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко - оно катится, Андрей идет за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей - и опять в путь. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось. Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо их на старом-престаром царе два черта дрова везут - большущий воз - и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого. Андрей говорит:

- Смотри: никак, это наш покойный царь-батюшка?

- Твоя правда, это он самый дрова везет.

Андрей и закричал чертям:

- Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чем его расспросить.

Черти отвечают:

- Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезем?

- А вы возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками - тот гнется, а везет. Андрей стал спрашивать старого царя про его житье-бытье.

- Ах, Андрей-стрелок, - отвечает царь, - плохое мое житье на том свете! Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станет.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царем, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в свое царство, являются во дворец. Царь увидал стрелка и в сердцах накинулся на него:

- Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

- Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живет он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

- А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

- А тем докажу, что у вашего советника на спине и теперь еще знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего - отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

- Вздумай, как известить стрелка, не то мой меч - твоя голова с плеч.

Пошел царский советник, еще ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

- Что пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднес ему стаканчик винца и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень

ему и говорит:

- Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу - ее не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота Баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся.

Царь посылает за Андреем.

- Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота Баюна. Не то мой меч - твоя голова с плеч.

Пошел Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

- Есть о чем кручиниться! - Марья-царевна говорит. - Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

- Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое государство. Трех верст не дойдешь, станет одолевать тебя сильный сон - кот Баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснешь, кот Баюн убьет тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается - пришел Андрей-стрелец в тридесятое царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит - идет, а где и катком катится. Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот Баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову - один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сек железным прутком; изломал железный, принялся угощать медным - и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнется, не ломится, вокруг хребта обвивается. Андрей бьет, а кот Баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутком. Невмоготу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

- Покинь меня, добрый человек! Что надо, все тебе сделаю.

- А пойдешь со мной?

- Куда хочешь пойду.

Андрей пошел в обратный путь и кота за собой повел. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:

- Так и так службу выполнил, добыл вам кота Баюна.

Царь удивился и говорит:

- А ну, кот Баюн, покажи большую страсть.

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у него белую грудь раздирать, из живого сердца вынимать.

Царь испугался:

- Андрей-стрелок, уйми кота Баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошел домой, к Марье-царевне. Живет поживает, - тешится с молодой женой. А царя еще пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал советника:

- Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не то мой меч - твоя голова с плеч.

Царский советник идет прямо в кабак, нашел там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

- Ступай, - говорит, к царю и скажи: пусть pošлет Андрея-стрелка туда - не знаю куда, принести то - не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернется.

Советник побежал к царю и все ему доложил. Царь посылает за Андреем.

- Сослужил ты мне две верные службы, сослужи третью: сходи туда - не знаю куда, принеси то - не знаю что. Сослужишь - награжу по-царски, а не то мой меч - твоя голова с плеч.

Пришел Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

- Что, милый, невесел? Или еще невзгода какая?

- Эх, - говорит, - через твою красу все напасти несусь! Велел мне царь идти туда - не знаю куда, принести то - не знаю что.

- Вот это служба так служба! Ну ничего ложись спать, утро вечера мудренее.

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про цареву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

- Звери лесные, птицы поднебесные, вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете, - не слышали ль, как дойти туда - не знаю куда, принести то - не знаю что?

Звери и птицы ответили:

- Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком - звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз - появились перед ней два великана:

- Что угодно? Что надобно?

- Слуги мои верные, отнесите меня на середину Океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на Океан-море и стали на середине на самой пучине, - сами стоят, как столбы, а ее на руках держат. Марья-царевна махнула платочком и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

- Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете, не слышали ль, как дойти туда - не знаю куда, принести то - не знаю что?

- Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили ее, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку².

- Брось клубок перед собой - куда он покатится, туда и иди. Да смотри, куда бы ты ни пришел, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на все четыре стороны и пошел на заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился - катится да катится, Андрей идет за ним следом.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Много царств и земель прошел Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется. Стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге.

Дошел Андрей до леса, видит стоит избушка на курьих ножках.

- Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась, Андрей вошел и видит - на лавке сидит седая старуха, прядет кудель.

- Фу, фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел! Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

Андрей отвечает старухе:

- Что ты, старая баба-яга, станешь есть дорожного человека! Дорожный человек костоват и черен, ты наперед баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться. Баба-яга спрашивает:

- Откуда у тебя ширинка? Ее моя дочь вышивала.

- Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

- Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев и медов. Андрей не чванится - сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом. Он ест, она выпрашивает: как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо? Андрей все рассказал: как женился и как царь послал его туда - не знаю куда, добыть то - не знаю что.

- Вот бы ты помогла мне, бабушка!

- Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхивала. Знает про это одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет... Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а баба-яга взяла два голика³, полетела на болото и стала звать:

- Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

- Жива.

- Выдь ко мне из болота.

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга ее спрашивает:

- Знаешь ли, где то - не знаю что?

- Знаю.

- Укажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда - не знаю куда, взять то - не знаю что.

Лягушка отвечает:

- Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесет твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея:

- Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке - лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезет до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

- Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

- Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

- Что ты, бабушка, эка маленькая, чай, я тебя задавлю.

- Не бойся, не задавишь. Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась - сделалась словно копна сена.

- Крепко ли держишься?

- Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась, дулась - стала выше темного леса, да как скакнет - и перепрыгнула через огненную реку, перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

- Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем - не терем, избу - не избу, сарай - не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то - не знаю что.

Андрей пошел по тропинке, видит: старая изба - не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он вошел и спрятался за печью.

Вот немного погода застучало, загремело по лесу, и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток, да как крикнет:

- Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул, откуда ни возьмись, появляется стол накрытый, на нем бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный. Мужичок с ноготок, борода с локоток, сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

- Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не бывало, - ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдет мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

- Сват Наум, покорми меня...

Только позвал, откуда ни возьмись, появился стол, на нем разные кушанья, закуски и заедки, и меды. Андрей сел за стол и говорит:

- Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

- Спасибо тебе, добрый человек! Сто лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, пиво и меды сами в ковш наливаются - и скок, скок да скок. Андрей просит:

- Сват Наум, покажись мне!

- Нет, меня никто не может видеть, я то - не знаю что.

- Сват Наум, хочешь у меня служить?

- Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

Вот они поели. Андрей и говорит:

- Ну, прибирай все да пойдем со мной.

Пошел Андрей из избенки, оглянулся:

- Сват Наум, ты здесь?

- Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошел Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка:

- Добрый молодец, нашел то - не знаю что?

- Нашел, бабушка.

- Садись на меня.

Андрей опять сел на нее, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-скакушку поблагодарил и пошел путем-дорогой в свое царство. Идет, идет, обернется:

- Сват Наум, ты здесь?

- Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шел, шел Андрей, дорога далека - прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.

- Эх, - говорит, - до чего же я утомился!

А сват Наум ему:

- Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понес - горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

- Сват Наум, передохнуть бы!

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит - где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:

- Отдыхай, ешь, пей да и на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько - у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки; не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидели остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

- Что за чудо? - говорят. - Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем!

Три корабля бросили якоря, три купца-корабельщика сели на легкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

- Пожалуйте, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

- Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?

- Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил.

Андрей повел гостей в терем:

- Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!

Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нем - кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

- Давай, - говорят, - добрый человек, меняться: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

- Отчего ж не поменяться? А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи дубинку. Ей только скажи: "Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку!" - дубинка сама начнет колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху - топор сам начал таять: тая да лая - вышел корабль; тая да лая - еще корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбры моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз - сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел - войско появилось: и конница, и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамена развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают. Купец задудел с другого конца в дудку - нет ничего, все пропало.

Андрей-стрелок говорит:

- Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться - отдайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

- Не много ли будет?

- Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: "На что нам дубинка, топор да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем безо всякой заботы день и ночь и сыты и пьяны".

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и дудку и кричат:

- Эй, сват Наум, мы тебя берем с собой! Будешь нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

- Отчего не служить? Мне все равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать - пьют, едят, знай покрикивают:

- Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай этого!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать повалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился. "Ох, - думает, - где-то теперь мои верный слуга, сват Наум?"

- Я здесь, чего надобно?

Андрей обрадовался:

- Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонushку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понес в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

- Эй, сват Наум, собери-ка нам попить - поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, все нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: "Эх, надул нас недобрый человек!" - да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустилсЯ возле своего домишки, смотрит: вместо домишки обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошел из города на синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударилаСя об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

- С той поры как ты из дому ушел, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорит:

- Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

- Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться - и дворец поспел, да такой славный, лучше царского, кругом зеленый сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут. Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любятСя. Живут, горя не знают, и день, и другой, и третий.

А царь в то время поехал на охоту, на синее море, и видит - на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

- Какой невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, все разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живет он в нем с молодой женой, Марьей-царевной. Еще пуще

разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда - не знаю куда, принес ли то - не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

- Андрей-стрелец ходил туда - не знаю куда и добыл то - не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал, приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидал Андрей, что идет на него сильное войско, скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тят да ляп - стоит на море корабль, опять тят да ляп - стоит другой корабль. Сто раз тятнул, сто кораблей поплыло по синему морю. Андрей вынул дудку, задудел - появилось войско: и конница, и пехота, с пушками, со знаменами.

Начальники приказа ждут. Андрей приказал начинать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит, войско его бежит, кинулся сам к войску - останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

- Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю; нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришел. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтобы взял он в свои руки все государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир и вместе с Марьей-царевной правил он этим царством до глубокой старости.

¹ *Теребень - постоянный посетитель кабака, завсегдатай.*

² *Ширинка - полотенце, вырезанное из ткани во всю ширину пласта.*

³ *Голик - березовый веник без листьев.*

ПРИТВОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

Бывали-живали царь да царица; у царицы был один сын, Иван-царевич. Вскоре царь умер, сыну своему царство оставил.

Царствовал Иван-царевич, тихо и благополучно и всеми подданными был любим. Женился Иван, и вскоре родились у него два сына.

Иван-царевич ходил с своим воинством воевать в иные земли, в дальние края, к Пану Плешевичу; ратьсилу его побил, а самого в плен взял и в темницу заточил.

А был Пан Плешевич куда хорош и пригож! Увидала царица, мать Ивана-царевича, полюбила и стала частенько навещать его в темнице.

Однажды говорит ей Пан Плешевич:

- Как бы нам сына твоего, Ивана-царевича, убить? Стал бы я с тобой вместе царствовать!

Царица ему в ответ:

- Я бы очень рада была, если б ты убил его.

- Сам я убить его не могу, а слышал я, что есть в чистом поле чудище о трёх головах. Скажись царевичу больною и вели убить чудище о трех головах да вынуть из чудища все три сердца; я бы съел их - и у меня бы силы прибыло.

На другой день царица разболелась-расхворалась, позвала к себе царевича и говорит ему таково слово:

- Чадо мое милое, Иван-царевич! Съезди в поле чистое, убей чудище о трёх головах, вынь из него три сердца и привези ко мне: скушаю - авось поправлюсь!

Иван-царевич послушался, сел на коня и поехал. В чистом поле привязал он своего доброго коня к старому дубу, сам сел под дерево и ждет... Вдруг прилетело чудище великое, село на старый дуб - дуб зашумел и погнулся.

- Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь - на обед, молодец - на ужин!

- Эх ты, поганое чудище! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь! - сказал Иван-царевич, натянул свой тугой лук и пустил калену стрелу; разом сшиб чудищу все три головы, вынул три сердца, привез домой и отдал матери.

Царица приказала их сжарить; после взяла и понесла в темницу к Пану Плешевичу.

Съел он, царица и спрашивает:

- Что - будет ли у тебя силы, как у моего сына?

- Нет, ещё не будет! А слышал я, что есть в чистом поле чудище о шести головах; пусть царевич с ним поборется. Одно что-нибудь: или чудище его пожрёт, или он привезет еще шесть сердец.

Царица побежала к Ивану-царевичу:

- Чадо мое милое! Мне немного полегчало; а слышала я, что есть в чистом поле другое чудище, о шести головах; убей его и привези шесть сердец.

Иван-царевич сел на коня и поехал в чистое поле, привязал коня к старому дубу, а сам сел под дерево. Прилетело чудище о шести головах - весь дуб пошатнулся.

- Ха-ха-ха! Конь - на обед, молодец - на ужин!

- Нет, чудище поганое! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь!

Натянул царевич свой тугой лук, пустил калену стрелу и сбил чудищу три головы.

Бросилось на него чудище поганое, и бились они долгое время; Иван-царевич осилил, срубил и остальные три головы, вынул из чудища шесть сердец, привез и отдал матери.

Она того часу приказала их сжарить; после взяла и понесла в темницу к Пану Плешевичу.

Пан Плешевич от радости на ноги вскочил, царице челом бил; съел шесть сердец. Царица и спрашивает:

- Что - станет ли у тебя силы, как у моего сына?

- Нет, не станет! А слышал я, что есть в чистом поле чудище о девяти головах: коли съем его еще сердца - тогда наверное будет у меня силы с ним побороться!

Царица побежала к Ивану-царевичу:

- Чадо мое милое! Мне получше стало; а слышала я, что есть в чистом поле чудище о девяти головах; убей его и привези девять сердец.

- Ах, матушка родная! Ведь я устал, пожалуй, мне не выстоять супротив того чудища о девяти головах!

- Дитя мое! Прошу тебя - съезди, привези.

Иван-царевич сел на коня и поехал; в чистом поле привязал коня к старому дубу, сам сел под дерево и заснул.

Вдруг прилетело чудище великое, село на старый дуб - дуб до земли пошатнулся.

- Ха-ха-ха! Конь - на обед, молодец - на ужин!

Царевич проснулся:

- Нет, чудище поганое! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь!

Натянул свой лук, пустил калену стрелу и сразу сшиб шесть голов, а с остальными долго-долго бился; срубил и те, вынул сердца, сел на коня и поскакал домой.

Мать встречает его:

- Что, Иван-царевич, привез ли девять сердец?

- Привез, матушка! Хоть с великим трудом, а достал.

- Ну, дитя мое, теперь отдохни!

Взяла от сына сердца, приказала сжарить и отнесла в темницу к Пану Плешевичу.

Пан Плешевич съел, царица и спрашивает:

- Что - станет ли теперь силы, как у моего сына?

- Станет-то станет, да всё опасно; а слышал я, что когда богатырь в баню сходит, то много у него силы убудет; пошли-ка наперед сына в баню.

Царица побежала к Ивану-царевичу:

- Чадо мое милое! Надо тебе в баню сходить, с белого тела пот омыть.

Иван-царевич пошел в баню; только что омылся - а Пан Плешевич тут как тут, размахнулся острым мечом и срубил ему голову.

Узнала о том царица - от радости запрыгала, стала с Паном Плешевичем в любви поживать да всем царством заправлять.

Осиротели двое малых сыновей Ивана-царевича. Вот они бегали, играли, у бабушки-задворенки оконницу изломали.

- Ах вы, такие-сякие! - обругала их бабушка-задворенка. - Зачем оконницу изломали?

Прибежали они к своей матери, стали ее спрашивать: почему-де так неласково обошлась с нами? Говорит мать:

- Был бы у вас батюшка, заступился, да убил его Пан Плешевич, и схоронили его во

сырой земле.

- Матушка! Дай нам мешочек сухариков, мы пойдем оживим нашего батюшку.

- Нет, дитятки, не оживить его вам.

- Благослови, матушка, мы пойдем.

- Ну, ступайте...

Того часу дети Ивана-царевича срядились и пошли в дорогу.

Долго ли, коротко ли шли они - скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, - попался навстречу им седой старичок:

- Куда вы, царевичи, путь держите?

- Идем к батюшке на могилу: хотим его оживить.

- Ох, царевичи, вам самим его не оживить. Хотите, я помогу?

- Помоги, дедушка!

- Нате, вот вам корешок; отройте Ивана-царевича, этим корешком его вытрите.

Они взяли корешок, нашли могилу Ивана-царевича, разрыли, вынули его, тем корешком вытерли. Иван-царевич встал:

- Здравствуйте, дети мои милые! Как я долго спал!

Воротился домой, а у Пана Плешевича пир идет. Как увидал он Ивана-царевича, так со страху и задрожал.

Иван-царевич предал его лютой смерти. Схоронили Пана Плешевича и отправились поминки творить; и я тут был - поминал, кутью большой ложкой хлебал, по бороде тепло - в рот не попало!

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

В одном городе жил купец с купчихою, и родился у них сын не по годам смысленный, назвали его Василием.

Раз как-то обедали они втроем; а над столом висел в клетке соловей и так жалобно пел, что купец не вытерпел и проговорил:

- Если б сыскался такой человек, который отгадал бы мне, что соловей распевает и какую судьбу предвещает, - кажись, при жизни бы отдал ему половину имения, да и по смерти отказал много добра. А мальчик - ему было лет шесть тогда - посмотрел отцу с матерью в глаза и сказал:

- Я знаю, что соловей поет, да сказать боюсь.

- Говори без утайки! - пристали к нему отец с матерью.

И Вася со слезами вымолвил:

- Соловей предвещает, что придет пора-время, будете вы мне служить: отец станет воду подавать, а мать полотенце - лицо, руки утирать.

Слова эти больно огорчили купца с купчихою, и решились они сбыть свое детище; построили небольшую лодочку, в темную ночь положили в нее сонного мальчика и пустили в открытое море. На ту пору вылетел из клетки соловей-вещун, прилетел в лодку и сел мальчику на плечо.

Вот плывет лодка по морю, а навстречу ей корабль на всех парусах летит. Увидал корабельщик мальчика, жалко ему стало, взял его к себе, расспросил про все и обещал держать и любить его, как родного сына. На другой день говорит мальчик новому отцу:

- Соловей напевает, что подымется буря, поломают мачты, прорвет паруса; надо поворотить в становище.

Но корабельщик не послушался. И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса.

Делать нечего, прошлого не воротишь; поставили новые мачты, поправили паруса и поплыли дальше. А Вася опять говорит:

- Соловей напевает, что навстречу идут двенадцать кораблей, все разбойничьих, во полон нас возьмут!

На тот раз корабельщик послушался, приворотил к острову и видел, как те двенадцать кораблей, все разбойничьих, пробежали мимо. Выждал корабельщик сколько надобно и поплыл дальше.

Ни мало, ни много прошло времени, пристал корабль к городу Хвалынску; а у короля тех мест уже несколько годов перед дворцовыми окнами летают и кричат ворон с ворониhoю и вороненком, ни днем, ни ночью никому угомонu не дают.

Что ни делали, никакими хитростями не могут их от окошек отжить. И приказано было от короля прибить на всех перекрестках и пристанях такову грамоту: ежели кто сможет отжить от дворцовых окошек ворона с ворониhoю, тому король отдаст в награду полцарства своего и меньшую королевну в жены; а кто возьмется за такое дело, а дела не сделает, тому отрублена будет голова.

Много было охотников породниться с королем, да все головы свои под топор положили.

Узнал про то Вася, стал проситься у корабельщика:

- Позволь пойти к королю - отогнать ворона ворониhoю.

Сколько ни уговаривал его корабельщик, никак не мог удержать.

- Ну, ступай, - говорит, - да если что недоброе случится, на себя пеняй!

Пришел Вася во дворец, сказал королю и велел открыть то самое окно, возле которого воронье летало. Послушал птичьего крику и говорит королю:

- Ваше величество, сами видите, что летают здесь трое: ворон, жена его ворониха и сын их вороненок; ворон с ворониhoю спорят, кому принадлежит сын - отцу или матери, и просят рассудить их. Ваше величество! Скажите, кому принадлежит сын?

Король говорит:

- Отцу.

Только сказал король это слово, ворон с вороненком полетели вправо, а ворониха -

влево. После того король взял мальчика к себе, и жил он при нем в большой милости и чести; вырос и стал молодец молодцом, женился на королевне и взял в приданое полцарства.

Вздумалось ему как-то поездить по разным местам, по чужим землям, людей посмотреть и себя показать; собрался и поехал странствовать.

В одном городе остановился он ночевать; переночевал, встал поутру и велит, чтобы подали ему умываться.

Хозяин принес ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился с ними королевич и узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским; а после взял их с собою в город Хвалынский, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

Семилетка

Жил-был старик, и было у него два сына. Надумал старик сыновей отделить. Старшему почти всё своё добро отдал, а младшему — избу разваленную да худую кобылёнку. И стали два брата жить: старший в богатстве да довольстве, а младший в бедности. Однако бедный и в нужде не унывает: избу починил, кобылёшку выкормил, выхолил; стала лошадь хоть куда и ожеребиться должна была летом. Ждёт бедняк, и всё его семейство ждёт, когда жеребёнок появится.

Вот подошла сенокосная пора, надо сено косить да возить, а телеги-то у бедного нету. Что будешь делать? Пошёл к богатому брату:

— Дай, братец, телегу, сено с луга перевозить!

— Ладно,— говорит богатый,— дам тебе телегу, только ты за это и моё сено перевези.

Согласился бедный — деваться-то ему некуда. Запряг кобылу, поехал на луг. Стал он возить сено. Со своим управился — за братово принялся. До самой ночи возил, а как совсем стемнело, думает:

«Останусь-ка я здесь, переночую под копной, а завтра чуть свет остальное перевезу».

Выпряг кобылу, лёг под копну и заснул.

Кобыла-то ночью и ожеребилась, а жеребёнок под телегу залез.

Утром, ни свет ни заря, пришёл на луг богатый брат: нужно ему поглядеть, как бедный его сено возит.

Глянул он под телегу и увидел жеребёнка. «Ну, — думает, — проведу я братца!» Растолкал он бедного и говорит:

— Эге, брат, у меня прибыль: телега ожеребилась! Смотри, какого жеребёночка принесла!

— Что ты, брат! — говорит бедный.— Или смеёшься? Да как это можно, чтоб телега жеребёнка принесла? Это моя кобылка ожеребилась!

А старший брат в ответ:

— Кабы твоя кобыла принесла жеребёнка, был бы он подле неё. А коли он под моей телегой лежит, значит, мой он!

Бедный своё доказывает, богатый — своё.

Спорили они, спорили, порешили судиться: пусть судьи разберут, кто прав, кто неправ.

Старший брат судей деньгами задарил, а бедный только словами свою правоту доказывает.

Судьи выслушали и говорят в один голос:

— Вот какое нашего суда решение: телега жеребёнка принесла. Стало быть, надо жеребёнка старшему брату отдать!

Как ни доказывал бедный, не мог своей правоты доказать.

Говорит он судьям:

— Не признаю вашего несправедливого суда решение! Пойду к самому царю, буду ему челом бить!

Пришёл к царю, поклонился ему в ноги, рассказал, как судьи криво судили.

Выслушал царь мужика и приказал привести старшего брата. Привели его.

— Твой жеребёнок? — спрашивает царь.

— Мой, ваше царское величество! Так и судьи праведные постановили.

А бедный брат и здесь не унимается, своё доказывает.

Вот царь и говорит:

— Задам я вам четыре загадки. Кто отгадает, того и жеребёнок будет. Первая загадка: что на свете всего жирнее? Вторая загадка: что на свете всего сильнее? Третья загадка: что на свете всего быстрее? Четвёртая загадка: что на свете всего мягче? Идите, думайте.

Пришёл богатый брат домой сердитый. Уселся на лавку, стал думать. А думать-то и не умеет, только бурчит. Вот жена и спрашивает его:

— Чего это ты такой невесёлый?

Будешь невесёлый, когда царь мудрёные загадки загадал! Отгадай попробуй!

— А какие загадки?

Рассказал ей муж. Жена говорит:

— Нам самим всё равно не додуматься. Ступай к куме. Она баба острая — всё знает, всё понимает.

Пошёл богатый к куме.

— Так и так,— говорит,— выручай, кума, из беды! Ты всё знаешь, всё понимаешь.

— А что у тебя за беда?

— Да вот задал мне царь четыре загадки, а на отгадки-то дал всего три дня сроку. Уж я думал-думал, голову ломал, а отгадать не мог

— Какие же это загадки? Говори скорее!

— Первая царская загадка: что на свете всего жирнее?

— Экая загадка, подумаешь! Да у нас рябой боров есть — такой жирнуший, жирнее нигде не найдёшь! Весь жиром заплыл и на ноги не поднимается.

— Вторая загадка: что на свете всего сильнее?

— И эта загадка не мудра! Сильнее всех на свете медведь: он и корову задерёт и ёлку с корнями из земли вывернет. Кто же сильнее его!

— Третья загадка: что на свете всего быстрее?

— Ну, здесь и думать нечего! У моего мужа такой жеребец — нет его быстрее! Плёткой ударить — зайца перегонит!

— Четвёртая загадка: что на свете всего мягче?

— А всего мягче на свете, кум, известное дело — мой пуховик: как ляжешь, так потонешь!

Обрадовался богатый брат, стал благодарить куму:

— Спасибо тебе, кума, научила ты меня уму-разуму! Век не забуду! Недаром люди говорят, что ты всё знаешь, всё понимаешь!

Пришёл домой и младший брат. Сел на лавку, облокотился на стол, рассказал жене, какие загадки ему царь загадал. Заплакала жена:

— Где тебе такие мудрёные загадки отгадать! Отнимут у нас жеребёнка!..

Тут подошла дочка-семилетка и говорит:

— Не горюй, батюшка! Я за тебя эти загадки отгадаю. А ты ложись да спи спокойно! Утро вечера мудренее!

Послушался отец своей дочки, лёг спать. Утром будит его семилетка:

— Вставай, батюшка, иди к царю!

— Да с чем же я пойду к нему?

— С отгадками пойдёшь! Как придёшь, скажи: жирнее всего матушка сыра земля, всех нас она кормит, на всех у неё щедрости хватает. Сильнее всего вода: ничем не удержишь её, не остановишь. Быстрее всего мысли наши: вмиг весь мир облетят. А мягче всего рука наша: как ни мягка будет подушка, всё руку под голову подкладываешь!

— Спасибо тебе, дочка! Мудрые твои отгадки. Только как-то царь их примет!

— Ничего, не бойся, смело ступай!

Приходят в назначенный срок оба брата к царю.

Богатый — надутый да важный, отгадал загадки; бедный — с сомнением: как-то ещё дело повернётся.

Вышел царь к братьям со своими боярами да вельможами и спрашивает:

— Ну, разгадали вы мои загадки?

Старший брат весело да бойко отвечает:

— Разгадали, ваше царское величество!

— Ну, коли разгадали, отвечайте по порядку — сперва старший, потом младший.

Вот старший и говорит:

— Жирнее всего на свете рябой боров у моей кумы, ваше царское величество: весь он жиром заплыл и на ноги уж не поднимается!

— Дальше говори!

— Сильнее всех на свете медведь: вот какие ёлки с корнями выворачивает! Быстрее всего на свете карий жеребец у моей кумы: настегай его — он зайца перегонит. А мягче всего пуховик у кумы — как ляжешь, так потонешь!

Усмехнулся царь и молвил:

— Теперь ты, младший, говори!

Бедный ответил всё, как его дочка научила. Выслушал царь его ответы и спрашивает:

— Сам ли ты ответы нашёл или кто тебя научил?

Бедный скрывать не стал, отвечает:

— Научила меня моя дочка-семилетка.

— Ну, коли твоя дочка такая мудрая, — говорит царь, — пусть она мое приказание выполнит! Вот тебе ниточка — пусть она из этой ниточки завтра к утру соткёт мне полотенце узорчатое!

Что делать? Спорить с царём не станешь! Взял бедный ниточку, пошёл домой. Приходит кручинный да печальный, ниже плеч голову опустил.

Подбежала к нему дочка и спрашивает:

— Что ты, батюшка, невесел? Или мои отгадки неверные были?

— Нет, дочка, отгадки твои правильные. Только новая беда на нас свалилась. Приказал царь из этой ниточки соткать ему к утру полотенце узорчатое...

Засмеялась семилетка и говорит:

— Не печалься, батюшка! Царь мне свой приказ прислал, а я ему свой пошлю!

Отломилла она прутик от метлы и говорит:

— Ступай к царю и скажи: пусть он из этого пруточка смастерит мне станок ткацкий

— тогда и узорчатое полотенце ему к утру вытку!

Пошёл бедный к царю, подал ему прутик:

— Просит дочка из этого прутика станок ткацкий ей смастерить — тогда, говорит, и полотенце будет.

Взглянул царь на прутик и молвил:

— Ладно, полотенце мне не нужно! Другой приказ от меня будет: вот ей полтора пуда печёных яиц — пусть выведет мне завтра к утру полтора цыплят.

Взял бедный лукошко с яйцами, пошёл домой. Воротился ещё кручиннее, ещё печальнее. Спрашивает его семилетка:

— Что, батюшка, невесел? Или какая новая забота появилась?

— Ах, дочка! Как не забота! От одной беды избавились, другая навязалась: приказал

царь из печёных яиц вывести ему к утру полтора цыплят...

Усмехнулась семилетка и говорит:

— Нечего, батюшка, печалиться! Давайте-ка сядем все за стол да будем печёные яйца есть!

Как поели они, семилетка сварила в чугушке пшённой каши и говорит отцу:

— Ступай к царю и скажи: пусть посеет эту кашу и вырастит завтра к утру просо, сожнёт его да обмолотит. Цыплята, скажи, в одну ночь будут выведены, и пшено для них надобно в одну ночь вырастить. Другого корма они клевать не станут!

Пошёл бедный к царю, подал ему чугунок каши и сказал всё, как семилетка велела.

— Не нужны мне цыплята, — говорит царь. — А раз твоя семилетка так хитра да мудра, пусть наутро сама ко мне явится — не одетая, не раздетая, не пешком, не в повозке, не верхом, не с подарком, не без подарка!

Пошёл бедный домой.

«Ну,— думает,— такой хитрой задачи и моя семилетка не разрешит. Видно, придётся нам совсем пропадать!»

Пришёл он и рассказал всё, что царь требует.

— Не печалься, батюшка,— говорит семилетка.— Царь мудрит, и мы не хуже его: ещё помудрёнее придумаем! Достань ты мне зайца да поймай воробья.

Достал бедный у охотника зайца, изловил в коноплях воробья.

На другой день поутру сбросила семилетка свою одежду и накинула на себя старую рыбацкую сеть. Вот она и не одета и не раздета! После того села она боком на козла, одну ногу на землю опустила, взяла зайца да воробья и отправилась к царю во дворец.

А царь её уже дожидается — стоит у окна, смотрит. Как увидел, приказал собак борзых выпустить.

Выпустили псари борзых. Забрехали собаки, пустились навстречу семилетке, а она, не будь глупа, бросила зайца. Заяц поднял хвостик — да наутёк, а собаки за ним. Так все и убежали в поле.

Въехала семилетка во двор и говорит царю:

— Вот тебе, царь-государь, подарочек! И подаёт ему воробья.

Царь протянул руки, хотел было воробья взять, а воробей — порх! — и был таков.

Пересказ М. Булатова

Рис. И. Кузнецова

Видит царь, что и в этот раз семилетка перемудрила его.

— Хорошо,— говорит.— Как было приказано, так и сделала. Скажи-ка мне теперь, велика ли у вас семья и чем вас отец кормит?

— Семья у нас велика,— говорит семилетка,— а кормимся мы вот чем: отец мой в поле рыбу ловит, а мы её граблями сгребая да уху из неё варим — тем и кормимся.

— Экая ты глупая! — говорит царь.— Да где это слыхано, чтобы рыба в поле водилась? Рыба в реке плавает!

— А ты умён? Как же ты поверил, что телега жеребёнка принесла? Жеребёнок от нашей кобылы родился!

Тут царь одумался и говорит:

— Отдайте жеребёнка бедному, не то его дочка совсем меня перед людьми опозорит!

Царское слово — строгий приказ. Отобрали жеребёнка у старшего брата, отдали младшему. Стал он доброго коня растить.

СЕМЬ СИМЕОНОВ

Жил-был старик со старухой. Пришел час: мужик помер. Остались у него семь сыновей-близнецов, что по прозванию семь Симеонов. Вот они растут да растут, все один в одного и лицом и статью, и каждое утро выходят пахать землю все семеро.

Случилось так, что тою стороною ехал царь: видит с дороги, что далеко в поле пашут землю как на барщине - так много народу! - а ему ведомо, что в той стороне нет барской земли.

Вот посылает царь своего конюшего¹ узнать, что за люди такие пашут, какого роду и звания, барские или царские, дворовые ли какие, или наемные?

Приходит к ним конюший, спрашивает:

- Что вы за люди такие есть, какого роду звания?

Отвечают ему:

- А мы такие люди, мать родила нас семь Симеонов, а пашем мы землю отцову и дедину.

Воротился конюший и рассказал царю все, как слышал. Удивляется царь.

- Такого чуда не слыхивал я! - говорит он и тут же посылает сказать семи Симеонам, что он ждет их к себе в терем на услуги и посылки.

Собрались все семеро и приходят в царские палаты, становятся в ряд.

- Ну, - говорит царь, - отвечайте: к какому мастерству кто способен, какое ремесло знаете?

Выходит старший.

- Я, - говорит, - могу сковать железный столб саженой² в двадцать вышиною.

- А я, - говорит второй, - могу установить его в землю.

- А я, - говорит третий, - могу взлезть на него и осмотреть кругом далеко-далеко все, что по белому свету творится.

- А я, - говорит четвертый, - могу срубить корабль, что ходит по морю, как по суку.

- А я, - говорит пятый, - могу торговать разными товарами по чужим землям.

- А я, - говорит шестой, - могу с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плавать под водою и вынырнуть где надо.

- А я - вор, - говорит седьмой, - могу добыть, что приглядится иль полюбится.

- Такого ремесла я не терплю в своем царстве-государстве, - ответил сердито царь последнему, седьмому Симеоноу, - и даю тебе три дни сроку выбираться из моей земли куда тебе любо; а всем другим шестерым Симеонам приказываю остаться здесь.

Пригорюнился седьмой Симеон: не знает, как ему быть и что делать.

А царю была по сердцу красавица царевна, что живет за горами, за морями. Вот бояре, воеводы царские и вспомнили, что седьмой Симеон, мол, пригодится и, может быть, сумеет привезти чудную царевну, и стали они просить царя оставить Симеона. Подумал царь и позволил ему остаться. Вот на другой день царь собрал бояр своих и воевод и весь народ, приказывает семи Симеоном показать свое уменье.

Старший Симеон, недолго мешкая, сковал железный столб в двадцать сажен вышиною. Царь приказывает своим людям уставить железный столб в землю, но как ни бился народ, не мог его установить. Тогда приказал царь второму Симеону установить железный столб в землю. Симеон второй, недолго думая, поднял и упер столб в землю.

Затем Симеон третий взлез на этот столб, сел на маковку и стал глядеть кругом далече, как и что творится по белу свету; и видит синие моря, на них, как пятна, реют корабли, видит села, города, народа тьму, но не примечает той чудной царевны, что полюбилась царю. И стал пуще глядеть во все виды и вдруг заприметил: у окна в далеком тереме сидит красавица царевна, румяна, белолица и тонкокожа: видно, как мозги переливаются по косточкам.

- Видишь? - кричит ему царь.

- Вижу.

- Слезай же поскорее вниз и доставай царевну, как там знаешь, чтоб была мне во что бы ни стало!

Собрались все семеро Симеонов, срубили корабль, нагрузили его всяким товаром, и все вместе поплыли морем доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями.

Едут, едут между небом и землей, пристают к неведомому острову у пристани.

А Симеон меньшей взял с собою в путь сибирского кота ученого, что может по цепи ходить, вещи подавать, разны немецки штучки выкидывать.

И вышел меньшей Симеон с своим котом с сибирским, идет по острову, а братьев просит не сходить на землю, пока он сам не придет назад.

Идет по острову, приходит в город и на площади пред царевниным теремом забавляется с котом ученым и сибирским: приказывает ему вещи подавать, через плетку скакать, немецкие штучки выкидывать. На ту пору царевна сидела у окна и завидела неведомого зверя, какого у них нет и не водилось отродясь. Тотчас же посылает прислужницу свою узнать, что за зверь такой и продажный али нет. Слушает Симеон красную молодку, царевнину прислужницу, и говорит:

- Зверь мой - кот сибирский, а продавать - не продаю ни за какие деньги, а коли крепко кому он полюбит, тому подарить - подарю.

Так и рассказала прислужница своей царевне, а царевна снова подсылает свою молодку к Симеону-вору.

- Крепко, мол, зверь твой полюбился?

Пошел Симеон во терем царевнин и принес ей в дар кота своего сибирского; просит только за это пожить в ее тереме три дни и отведать царского хлеба-соли, да еще прибавил:

- Научить тебя, прекрасная царевна, как играть и забавляться с неведомым зверем, с сибирским котом?

Царевна позволила, и Симеон остался ночевать в царском тереме.

Пошла весть по палатам, что у царевны завелся дивный неведомый зверь; собирались все: и царь, и царица, и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы, - все глядят, любуются не налюбуются на веселого зверя, учёного кота. Все желают достать и себе такого и просят царевну; но царевна не слушает никого, не дарит никому своего сибирского кота, гладит его по шерсти шелковой, забавляется с ним день и ночь, а Симеона приказывает поить и угощать вволю, чтоб ему было хорошо.

Благодарит Симеон за хлеб-соль, за угощенье и за ласки и на третий день просит царевну пожаловать к нему на корабль, поглядеть на устройство его и на разных зверей, что привез он с собою.

Царевна спросилась у батюшки-царя и вечером с прислужницами и няньками пошла смотреть корабль Симеона и зверей его, виданных и невиданных, ведомых и неведомых.

Приходит, у берега поджидает ее Симеон меньшей и просит царевну не прогневаться и оставить на земле нянек и прислужниц, а самое пожаловать на корабль:

- Там много зверей разных и красивых; какой тебе полюбится, тот и твой! А всех одарить, кому что полюбится, - и нянек, и прислужниц - не можем.

Царевна согласна и приказывает нянькам да прислужницам подождать ее на берегу, а сама идет за Симеоном на корабль глядеть дива дивные, зверей чудных.

Как взошла - корабль и отплыл, и пошел гулять по синему морю.

Царь ждет не дождется царевны. Приходят няньки и прислужницы, плачутся, рассказывая свое горе. И распалился гневом царь, приказывает сейчас же устроить погоню.

Снарядили корабль, и погнался царский корабль за царевной. Чуть мреет далече - плывет корабль Симеонов и не ведает, что за ним царская погоня летит - не плывет! Вот уж близко!

Как увидали семь Симеонов, что погоня уж близко - вот-вот догонит! - нырнули и с царевной и с кораблем. Долго плыли под водой и поднялись наверх тогда, как близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня, три ночи; ничего не нашла, с тем и возвратилась.

Приезжают семь Симеонов с прекрасной царевной домой, глядь - на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Сам царь поджидает у пристани и встречает гостей заморских, семерых Симеонов с прекрасной царевной, с радостью великою. Как сошли они на берег, народ стал кричать и шуметь, а царь поцеловал царевну во уста сахарные, повел во палаты белокаменные, посадил за столы дубовые, скатерти браные, угостил всякими напитками медовыми и наедками сахарными и вскорости отпраздновал свадьбу с душою-царевной - и было веселье и большой пир, что на весь крещеный мир! А семи Симеоном дал волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать беспошлинно, владеть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкал и домой отпустил с казной на разживу.

Была и у меня клячонка - восковые плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горит у мужика овин³; клячонку я поставил, пошел овин заливать. Покуда овин заливал, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговал кирпичом, остался ни при чем; был у меня шлык, под воротню шмыг, да колешко сшиб, и теперь больно. Тем и сказке конец!

¹ Конюший - придворный, ведавший царскими конюшнями, экипажами.

² Сажень - древнерусская мера длины, расстояние размаха рук от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой.

³ Овин - строение, приспособленное для огневой сушки хлебов в снопах перед молотью.

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЕЧКО И НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО

Жили-были старик со старухой. У них было три дочери. Две нарядницы, затейницы, а третья молчаливая скромница. У старших дочерей сарафаны пестрые, каблуки точёные, бусы золочёные. А у Машеньки сарафан тёмненький, да глазки светленькие. Вся краса у Маши - русая коса, до земли падает, цветы задевает. Старшие сестры - белоручки, ленивицы, а Машенька с утра до вечера все с работой: и дома, и в поле, и в огороде. И грядки полет, и лучину колет, коровушек доит, уток кормит. Кто что спросит, всё Маша приносит, никому не молвит слова, все сделать готова. Старшие сестры ею помыкают, за себя работать заставляют. А Маша молчит.

Так и жили. Вот раз собрался мужик везти сено на ярмарку. Обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит:

- Купи мне, батюшка, шёлку на сарафан.

Другая дочь просит:

- А мне купи алого бархату.

А Маша молчит. Жаль стало ее старику:

- А тебе что купить, Машенька?

- А мне купи, родимый батюшка, наливное яблочко да серебряное блюдечко.

Засмеялись сестры, за бока ухватились.

- Ай да Маша, ай да дурочка! Да у нас яблочный сад, любое бери, да на что тебе блюдечко? Утят кормить?

- Нет, сестрички. Стану я катать яблочко по блюдечку да заветные слова приговаривать. Меня им старушка обучила за то, что я ей калач подала.

- Ладно, - говорит мужик, - нечего над сестрой смеяться! Каждой по сердцу подарок куплю.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил. Одной дочери привез шелку синего, другой бархату алого, а Машеньке серебряное блюдечко да наливное яблочко. Сестры рады-радешеньки. Стали сарафаны шить да над Машенькой посмеиваться:

- Сиди со своим яблочком, дурочка...

Машенька села в уголок горницы, покатила наливное яблочко по серебряному блюдечку, поет-приговаривает:

- Катись, катись, яблочко наливное, по серебряному блюдечку, покажи мне и города и поля, покажи мне леса, и моря, покажи мне гор высоту и небес красоту, всю родимую Русь-матушку.

Вдруг раздался звон серебряный. Вся горница светом залилась: покатилося яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города видны, все луга видны, и полки на полях, и корабли на морях, и гор высота, и небес красота: ясно солнышко за светлым месяцем катится, звёзды в хоровод собираются, лебеди на заводях песни поют. Загляделись сестры, а самих зависть берет. Стали думать и гадать, как выманить у Машеньки блюдечко с яблочком. Ничего Маша не хочет, ничего не берет, каждый вечер с блюдечком забавляется. Стали ее сестры в лес заманивать:

- Душенька-сестрица, в лес по ягоды пойдем, матушке с батюшкой землянички принесем.

Пошли сестры в лес. Нигде ягод нету, землянички не видать. Вынула Маша блюдечко, покатила яблочко, стала петь-приговаривать:

- Катись, яблочко, по блюдечку, наливное по серебряному, покажи, где земляника растет, покажи, где цвет лазоревый цветет.

Вдруг раздался звон серебряный, покатилося яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все лесные места видны. Где земляника растет, где цвет лазоревый цветет, где грибы прячутся, где ключи бьют, где на заводях лебеди поют. Как увидели это злые сестры - помутилось у них в глазах от зависти. Схватили они палку суковатую, убили Машеньку, под березкой закопали, блюдечко с яблочком себе взяли. Домой пришли только к вечеру. Полные кузовки грибов-ягод принесли, отцу с матерью говорят:

- Машенька от нас убежала. Мы весь лес обошли - ее не нашли; видно, волки в чаще съели.

Говорит им отец:

- Покатите яблочко по блюдечку, может, яблочко покажет, где наша Машенька.

Помертвели сестры, да надо слушаться. Покатили яблочко по блюдечку - не играет блюдечко, не катится яблочко, не видно на блюдечке ни лесов, ни полей, ни гор высоты, ни небес красоты.

В ту пору, в то времечко искал пастушок в лесу овечку, видит - белая берёзонька стоит, под берёзкой бугорок нарыт, а кругом цветы цветут лазоревые. Посреди цветов тростник растет.

Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку. Не успел дудочку к губам поднести, а дудочка сама играет, выговаривает:

- Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая, потешай ты молодого пастушка. Меня, бедную, загубили, молодую убили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко.

Испугался пастушок, побежал в деревню, людям рассказал. Собрался народ, ахает. Прибежал тут и Машенькин отец. Только он дудочку в руки взял, дудочка уж сама поет-приговаривает:

- Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая, потешай родимого батюшку. Меня, бедную, загубили, молодую убили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко.

Заплакал отец:

- Веди нас, пастушок молодой, туда, где ты дудочку срезал.

Привел их пастушок в лесок на бугорок. Под березкой цветы лазоревые, на березке птички-синички песни поют.

Разрыли бугорок, а там Машенька лежит. Мертвая, да краше живой: на щёках румянец горит, будто девушка спит.

А дудочка играет-приговаривает:

- Играй, играй, дудочка, играй, тростниковая. Меня сестры в лес заманили, меня, бедную, загубили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко. Играй, играй, дудочка, играй тростниковая. Достань, батюшка, хрустальной воды из колодца царского.

Две сестры-завистницы затряслись, побелели, на колени пали, в вине признались.

Заперли их под железные замки до царского указа, высокого повеленья. А старик в путь собрался, в город царский за живой водой. Скоро ли, долго ли - пришел он в тот город, ко дворцу пришел. Тут с крыльца золотого царь сходит. Старик ему земно кланяется, все ему рассказывает.

Говорит ему царь:

- Возьми, старик, из моего царского колодца живой воды. А когда дочь оживет, представь ее нам с блюдечком, с яблочком, с лиходейками-сестрами.

Старик радуется, в землю кланяется, домой везет скляницу с живой водой.

Лишь sprysнул он Марьюшку живой водой, тотчас стала она живой, припала голубкой на шею отца. Люди сбежались, порадовались. Поехал старик с дочерьми в город. Привели его в дворцовые палаты.

Вышел царь. Взглянул на Марьюшку. Стоит девушка, как весенний цвет, очи - солнечный свет, по лицу - заря, по щекам слезы катятся, будто жемчуг, падают.

Спрашивает царь у Марьюшки:

- Где твое блюдечко, наливное яблочко?

Взяла Марьюшка блюдечко с яблочком, покатила яблочко по блюдечку, наливное по серебряному. Вдруг раздался звон-перезвон, а на блюдечке один за одним города русские выставляются, в них полки собираются со знамёнами, в боевой строй становятся, воеводы перед строями, головы перед взводами,десятники перед десятками. И пальба, и стрельба, дым облако свил - всё из глаз сокрыл.

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному. А на блюдечке море волнуется, корабли, словно лебеди, плавают, флаги развеваются, пушки палят. И стрельба, и пальба, дым облако свил - всё из глаз сокрыл.

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все небо красуется; ясно солнышко за светлым месяцем катится, звёзды в хоровод собираются, лебеди в облаке песни поют. Царь на чудеса удивляется, а красавица слезами заливается, говорит царю:

- Возьми мое наливное яблочко, серебряное блюдечко, только помилуй сестер моих, не губи их за меня.

Поднял ее царь и говорит:

- Блюдечко твое серебряное, ну а сердце - золотое. Хочешь ли быть мне дорогой женой, царству доброй царицей? А сестер твоих ради просьбы твоей я помилую.

И устроили они пир на весь мир: так играли, что звезды с неба пали; так танцевали, что полы поломали. Вот и все...

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка. Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки. Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

- Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

- Подожди, братец, дойдем до колодца.

Шли-шли - солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает.

Стоит коровье копытце полно водицы.

- Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

- Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

- Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

- Не пей, братец, жеребёночком станешь!

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут - солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

- Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

- Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козленочком... Зовет Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок - плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

- О чем, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду. Купец ей говорит:

- Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козленочек с ними живет, ест-пьет с Алёнушкой из одной чашки. Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так- ласково начала звать ее купаться на реку. Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила ее в воду. А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в ее платье и пришла в хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся - и тот не распознал. Одному козлёночку все было ведомо. Повесил он голову, не пьет, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовет:

- Алёнушка, сестрица моя!.. Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа - зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает, - делать нечего, купец согласился:

- Ну, зарежь его... Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

- Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

- Ну, сходи.

Побежал козленочек на речку, стал на берегу и жалобнёхонько закричал:

- Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алёнушка из реки ему отвечает:

- Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на грудь легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу:

- Пойди найди козлёнка, приведи его ко мне.

Пошел слуга на реку и видит: по берегу бегают козлёночек и жалобнёхонько зовет:

- Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

- Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на грудь легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке.

Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой. Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

СИВКА-БУРКА

Жил-был старик, у него было три сына. Старшие занимались хозяйством, были тороваты¹ и щеголеваты, а младший, Иван-дурак, был так себе - любил в лес ходить по грибы, а дома все больше на печи сидел.

Пришло время старику умирать, вот он и наказывает сыновьям:

- Когда помру, вы три ночи подряд ходите ко мне на могилу, приносите мне хлеба.

Старика этого схоронили. Приходит ночь, надо большему брату идти на могилу, а ему не то лень, не то боится, - он и говорит младшему брату:

- Ваня, замени меня в эту ночь, сходи к отцу на могилу. Я тебе пряник куплю.

Иван согласился, взял хлеба, пошел к отцу на могилу. Сел, дожидается.

В полночь земля расступилась, отец поднимается из могилы и говорит:

- Кто тут? Ты ли, мой больший сын? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое плачет?

Иван отвечает:

- Это я, твой сын. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и лег в могилу. А Иван направился домой, дорогой набрал грибов. Приходит старший брат его спрашивает:

- Видел отца?

- Видел.

- Ел он хлеб?

- Ел. Досыта наелся.

Настала вторая ночь. Надо идти среднему брату, а ему не то лень, не то боится, - он и говорит:

- Ваня, сходи за меня к отцу. Я тебе лапти сплету.

- Ладно.

Взял Иван хлеба, пошел к отцу на могилу, сел, дожидается.

В полночь земля расступилась, отец поднялся и спрашивает:

- Кто тут? Ты ли, мой середний сын? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое плачет?

Иван отвечает:

- Это я, твой сын. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и лег в могилу. А Иван направился домой, дорогой опять набрал грибов. Средний брат его спрашивает:

- Отец ел хлеб?

- Ел. Досыта наелся.

На третью ночь настала очередь идти Ивану. Он говорит братьям:

- Я две ночи ходил. Ступайте теперь вы к нему на могилу, а я отдохну.

Братья ему отвечают:

- Что ты, Ваня, тебе стало там знакомо, иди лучше ты.

- Ну ладно.

Иван взял хлеба, пошел.

В полночь земля расступается, отец поднялся из могилы:

- Кто тут? Ты ли, мой младший сын Ваня? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое плачет?

Иван отвечает:

- Здесь твой сын Ваня. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и говорит ему:

- Один ты исполнил мой наказ, не побоялся три ночи ходить ко мне на могилу. Выдь в чистое поле и крикни: "Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!" Конь к тебе прибежит, ты залезь ему в правое ухо, а вылезь в левое. Станешь куда какой молодец. Садись на коня и поезжай. Иван взял узду, поблагодарил отца и пошел домой, дорогой опять набрал грибов. Дома братья его спрашивают:

- Видел отца?

- Видел.

- Ел он хлеб?

- Отец наелся досыта и больше не велел приходить.

В это время царь кликнул клич: всем добрым молодцам, холостым, неженатым, съезжаться на царский двор. Дочь его, Несравненная Красота, велела построить себе терем о двенадцати столбах, о двенадцати венцах. В этом тереме она сядет на

самый верх и будет ждать, кто бы с одного лошадиного скака доскочил до нее и поцеловал в губы. За такого наездника, какого бы роду он ни был, царь отдаст в жены свою дочь, Несравненную Красоту, и полцарства в придачу. Услышали об этом Ивановы братья и говорят между собой:

- Давай попытаем счастья.

Вот они добрых коней овсом накормили, выводили, сами оделись чисто, кудри расчесали. А Иван сидит на печи за трубой и говорит им:

- Братья, возьмите меня с собой счастья попытать!

- Дурак, запечина! Ступай лучше в лес за грибами, нечего людей смешить.

Братья сели на добрых коней, шапки заломили, свистнули, гикнули - только пыль столбом. А Иван взял узду и пошел в чистое поле и крикнул, как отец его учил:

- Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возьмись, конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Стал как вкопанный и спрашивает:

- Чего велишь?

Иван коня погладил, взнуздал, влез ему в правое ухо, а в левое вылез и сделался таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел на коня и поехал на царский двор. Сивка-бурка бежит, земля дрожит, горы-долы хвостом застилает, пни-колоды промеж ног пускает. Приезжает Иван на царский двор, а там народу видимо-невидимо. В высоком тереме о двенадцати столбах, о двенадцати венцах на самом верху в окошке сидит царевна Несравненная Красота.

Царь вышел на крыльцо и говорит:

- Кто из вас, молодцы, с разлету на коне доскочит до оконца да поцелует мою дочь в губы, за того отдам ее замуж и полцарства в придачу.

Тогда добрые молодцы начали скакать. Куда там - высоко, не достать!

Попытались Ивановы братья, до середины не доскочили. Дошла очередь до Ивана. Он разогнал Сивку-бурку, гикнул, ахнул, скакнул - двух венцов только не достал. Взвился опять, разлетелся в другой раз - одного венца не достал. Еще завертелся, закружился, разгорячил коня и дал рыскача - как огонь, пролетел мимо окошка, поцеловал царевну Несравненную Красоту в сахарные уста, а царевна ударила его кольцом в лоб, приложила печать.

Тут весь народ закричал:

- Держи, держи его!

А его и след простыл. Прискакал Иван в чистое поле, влез Сивке-бурке в левое ухо, а из правого вылез и сделался опять Иваном-дураком. Коня пустил, а сам пошел домой, по дороге набрал грибов. Обвязал лоб тряпицей, залез на печь и полеживает.

Приезжают его братья, рассказывают, где были, и что видели.

- Были хороши молодцы, а один лучше всех - с разлету на коне царевну в уста поцеловал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал.

Иван сидит за трубой и говорит:

- Да не я ли это был?

Братья на него рассердились:

- Дурак - дурацкое и орет! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Иван потихоньку развязал тряпицу на лбу, где его царевна кольцом ударила, - избу огнем осветило. Братья испугались, закричали:

- Что ты, дурак, делаешь? Избу сожжешь!

На другой день царь зовет к себе на пир всех бояр и князей, и простых людей, и богатых и нищих, и старых и малых.

Ивановы братья стали собираться к царю на пир. Иван им говорит:

- Возьмите меня с собой!

- Куда тебе, дураку, людей смешить! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Братья сели на добрых коней и поехали, а Иван пошел пешком. Приходит к царю на пир и сел в дальний угол. Царевна Несравненная Красота начала гостей обходить. Подносит чашу с медом и смотрит, у кого на лбу печать.

Обошла она всех гостей, подходит к Ивану, и у самой сердце так и защемило. Взглянула на него - он весь в саже, волосы дыбом.

Царевна Несравненная Красота стала его спрашивать:

- Чей ты? Откуда? Для чего лоб завязал?

- Ушибся.

Царевна ему лоб развязала - вдруг свет по всему дворцу. Она и вскрикнула:

- Это моя печать! Вот где мой суженый!

Царь подходит и говорит:

- Какой это суженый! Он дурной, весь в саже.

Иван говорит царю:

- Дозволь мне умыться.

Царь дозволил. Иван вышел на двор и крикнул, как его отец учил:

- Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возьмись, конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Иван ему в правое ухо влез, из левого вылез и сделался опять таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Весь народ так и ахнул. Разговоры тут были коротки: веселым пирком да за свадебку.

¹ Тороватый - здесь: расторопный, ловкий, бойкий.

СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ, ЗОЛОТОЙ КОСЕ, НЕПОКРЫТОЙ КРАСЕ, И ОБ ИВАНЕ ГОРОХЕ

Жил-был царь Светозар. У него, у царя, было два сына и красавица дочь.

Двадцать лет жила она в светлом тереме; любовались на нее царь с царицею, еще мамушки и сенные девушки, но никто из князей и богатырей не видал её лица, а царевна-краса называлась Василиса, золотая коса; никуда она из терема на ходила, вольным воздухом царевна не дышала.

Много было у ней и нарядов цветных, и камней дорогих, но царевна скучала: душно ей в тереме, в тягость покрывало! Волосы её густые, златошёлковые, не покрытые ничем, в косу связанные, упали до пят; и царевну Василису стали люди величать: Золотая коса, непокрытая краса.

Но земля слухом полнится: многие цари узнавали и послов присылали царю Светозару челом бить, царевну в замужество просить.

Царь не спешил; только время пришло, и отправил он гонцов во все земли с вестью, что будет царевна жениха выбирать: чтоб цари и царевичи съезжались-собирались к нему пировать, а сам пошел в терем высокий сказать Василисе Прекрасной. Царевне на сердце весело; глядя из окошка косячатого, из-за решетки золотой, на сад зеленый, лужок цветной, захотела она погулять; попросила её отпустить в сад - с девицами поиграть.

- Государь-батюшка! - она говорила. - Я еще свету Божия не видала, по траве, по цветам не ходила, на твой царский дворец не смотрела; дозвожь мне с мамушками, с сенными девушками в саду проходиться.

Царь дозволил, и сошла Василиса Прекрасная с высокого терема на широкий двор. Отворились ворота тесовые, очутилась она на зеленом лугу пред крутою горой; по горе той росли деревья кудрявые, на лугу красовались цветы разнообразные. Царевна рвала цветочки лазоревые; отошла она немного от мамушек - в молодом уме осторожности не было; лицо её было открыто, красота без покрова...

Вдруг поднялся сильный вихорь, какого не видано, не слыхано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертело, глядь - подхватил вихорь царевну, понеслась она по воздуху! Мамки вскрикнули, ахнули, бегут, оступаются, во все стороны мечутся, но только и увидели, как помчал её вихорь! И унесло Василису, золотую косу, через многие земли великие, реки глубокие, через три царства в четвертое, в область Змея Лютого. Мамки бегут в палаты, слезами обливаются, царю в ноги бросаются:

- Государь! Неповинны в беде, а повинны тебе; не прикажи нас казнить, прикажи слово молвить: вихорь унес наше солнышко, Василису-красу, золотую косу, и неведомо - куда.

Все рассказали, как было. Опечалился царь, разгневался, а и в гневе бедных помиловал.

Вот наутро князья и королевичи в царские палаты наехали и, видя печаль, думу

царскую, спросили его: что случилось?

- Грех надо мною! - сказал им царь. - Вихрем унесло мою дочь, дорогую Василису, косу золотую, и не знаю - куда.

Рассказал всё, как было. Пошел говор меж приезжими, и князья и королевичи подумали-перемолвились, не от них ли царь отрекается, выдать дочь не решается? Бросились в терем царевны - нигде не нашли ее. Царь их одарил, каждого из казны наделил; сели они на коней, он их с честью проводил; светлые гости откланялись, по своим землям разъехались.

Два царевича молодые, братья удалые Василисы, золотой косы, видя слёзы отца-матери, стали просить родителей:

- Отпусти ты нас, государь-отец, благослови, государыня-матушка, вашу дочь, а нашу сестру отыскивать!

- Сыновья мои милые, дети родимые, - сказал царь невесело, - куда ж вы поедете?

- Поедем мы, батюшка, везде, куда путь лежит, куда птица летит, куда глаза глядят; авось мы и сыщем ее!

Царь их благословил, царица в путь снарядила; поплакали, расстались.

Едут два царевича; близко ли путь, далеко ли, долго ли в езде, коротко ли, оба не знают. Едут год они, едут два, проехали три царства, и синеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля Змея Лютого. И спрашивают царевичи встречных.

- Не слышали ли, не видали ли, где царевна Василиса, золотая коса?

И от встречных в ответ им:

- Мы её не знали, где она - не слышали. Дав ответ, идут в сторону.

Подъезжают царевичи к великому городу; стоит на дороге предряхлый старик - и кривой и хромой, и с клюкой и с сумой, просит милостыни. Приостановились царевичи, бросили ему деньгу серебряную и спросили его: не видал ли он где, не слышал ли чего о царевне Василисе, золотой косе, непокрытой красе?

- Эх, дружки! - отвечал старик. - Знать, что вы из чужой земли! Наш правитель Лютый Змей запретил крепко-накрепко толковать с чужеземцами. Нам под страхом заказано говорить-пересказывать, как пронес мимо города вихорь царевну прекрасную. Тут догадались царевичи, что близко сестра их родимая; рьяных коней понукают, к дворцу подъезжают. А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных камней, лестницы перламутровые, как крылья, в обе стороны расходятся-сходятся.

На ту пору Василиса Прекрасная смотрит в грусти в окошечко, сквозь решетку золотую, и от радости вскрикнула - братьев своих вдалеке распознала, словно сердце сказало, и царевна тихонько послала их встретить, во дворец проводить. А Змей Лютый в отлучке был. Василиса Прекрасная береглася-боялася, чтобы он не увидел их.

Лишь только вошли они, застонал столб серебряный, расходились лестницы, засверкали все кровельки, весь дворец стал поворачиваться, по местам передвигаться. Царевна испугалась и братьям говорит:

- Змей летит! Змей летит! Оттого и дворец кругом перевертывается. Скройтесь, братья!

Лишь сказала, как Змей Лютый влетел, и он крикнул громким голосом, свистнул

молодецким посвистом:

- Кто тут живой человек?

- Мы, Змей Лютый! - не робея, отвечали царевичи. - Из родной земли за сестрой пришли.

- А, это вы, молодцы! - вскрикнул Змей, крыльями хлопая. - Незачем бы вам от меня пропадать, здесь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшие!

И Змей подхватил на крыло одного, ударил им в другого и свистнул, и гаркнул. К нему прибежала дворцовая стража, подхватила мёртвых царевичей, бросила обоих в глубокий ров.

Залилась царевна слезами, Василиса, коса золотая, ни пищи, ни питья не принимала, на свет бы глядеть не хотела; дня два и три проходит - ей не умирать стать, умереть не решилась - жаль красоты своей, голода послушала, на третий покушала. А сама думу думает, как бы от Змея избавиться, и стала выведывать ласкою.

- Змей Лютый! - сказала она. - Велика твоя сила, могуч твой полет, неужели тебе супротивника нет?

- Еще не пора, - молвил Змей, - на роду моем написано, что будет мне супротивник Иван Горох, и родится он от горошинки.

Змей в шутку сказал, супротивника не ждал. Надеется сильный на силу, а и шутка находит на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нет весточки о детях; за царевною царевичи пропали. Вот пошла она однажды разгуляться в сад с боярынями. День был знойный, пить царица захотела. В том саду из пригорка выбегала струею ключевая вода, а над ней был колодезь беломраморный. Зачерпнув золотым ковшом воды чистой, как слезинка, царица пить поспешила и вдруг проглотила с водою горошинку. Разбухла горошинка, и царице тяжелешенько: горошинка растёт да растёт, а царицу все тягчит да гнетет. Прошло несколько времени - родила она сына; дали ему имя Иван Горох, и растёт он не по годам, а по часам, гладенький, кругленький! Глядит, усмехается, прыгает, выскочит, да в песке он катается, и все прибывает в нем силы, так что лет в десять стал могуч богатырь. Начал он спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьев и сестёр, и узнал, как случилось, что сестру вихорь унес неведомо куда. Два брата отпросились отыскивать сестру и без вести пропали.

- Батюшка, матушка, - просился Иван Горох, и меня отпустите; братьев и сестру отыскать благословите.

- Что ты, дитя мое! - в один голос сказали царь и царица. - Ты ещё зеленёхонек-молодёхонек; братья твои пошли да пропали, и ты, как пойдёшь, пропадёшь.

- Авось не пропаду! - сказал Иван Горох. - А братьев и сестры доискаться хочу.

Уговаривали и упрашивали сына милого царь с царицею, но он просится, всплачет, взмолится; в путь-дорогу снарядили, со слезами отпустили.

Вот Иван Горох на воле, выкатился в чистое поле; едет он день, едет другой, к ночи в лес темный съезжает. В лесу том избушка на курьих ножках от ветра шатается, сама перевертывается. По старому присловью, по мамкину сказанью.

- Избушка, избушка, - молвил Иван, подув на нее - стань к лесу задом, ко мне передом!

И вот повернулась к Ивану избушка, глядит из окошка седая старушка и молвит:

- Кого Бог несет?

Иван поклонился, спросить торопился:

- Не видала ли, бабушка, вихря залетного? В какую он сторону уносит красных девиц?

- Ох-ох, молодец! - отвечала старуха, покашливая, на Ивана посматривая. - Меня тоже напугал этот вихорь, так что сто двадцать лет я в избушке сижу, никуда не выхожу: неравно налетит да умчит; ведь это не вихорь, а Змей Лютый!

- Как бы дойти к нему? - спросил Иван.

- Что ты мой свет. Змей проглотит тебя!

- Авось не проглотит!

- Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово из змеиных палат воды принести, которою всплеснешься - помолодеешь! - промолвила она, через силу шевеля губами.

- Добуду - принесу, бабушка! Слово даю.

- Верю на совесть твою. Иди же ты прямо, куда солнце катится; через год дойдешь до Лисьей горы, там спроси, где дорога в змеиное царство.

- Спасибо, бабушка!

- Не на чем, батюшка!

Вот Иван Горох пошел в сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошел он три государства, дошел и до змеиного царства.

Перед городским и воротами увидел он нищего - хромого, слепого старика с клюкой и, подав милостыню, спросил его, нет ли в том городе царевны, Василисы молодой, косы золотой.

- Есть, да не ведено сказывать, - отвечал ему нищий.

Иван догадался, что сестра его там. Добрый молодец смел, прибодрился и к палатам пошел. На ту пору Василиса-краса, золотая коса, смотрит в окошко, не летит ли Змей Лютый, и заметила издали богатыря молодого, зная об нем пожелала, тихонько разведать послала: из какой он земли, из какого он рода, не от батюшки ли прислан, не от матушки ль родимой?

Услышав, что пришел Иван, брат меньшой (а царевна его и в лицо не знавала), Василиса к нему подбежала, встретила брата со слезами.

- Беги поскорее, - закричала, - беги, братец! Скоро Змей будет, увидит - погубит!

- Сестрица любезная! - ответил ей Иван. - Не ты бы говорила, не я бы слушал. Не боюсь я Змея и всей силы его.

- Да разве ты - Горох, - спросила Василиса, коса золотая, - чтоб сладить с ним мог?

- Погоди, друг-сестрица, прежде напои меня; шёл я под зноем, приустал я с дороги, так хочется пить!

- Что же ты пьёшь, братец?

- По ведру мёду сладкого, сестрица любезная!

Василиса, коса золотая, велела принести ведро меду сладкого, и Горох выпил ведро за один раз, одним духом; попросил налить другое.

Царевна приказать торопилась, а сама смотрела-дивилась.

- Ну, братец, - сказала, - тебя я не знала, я теперь поверю, что ты Иван Горох.

- Дай же присесть, немного отдохнуть с дороги. Василиса велела стул крепкий придвинуть, но стул под Иваном ломается, в куски разлетается; принесли другой стул, весь железом окованный, и тот затрещал и погнулся.

- Ах, братец, - вскричала царица, - это стул Змея Лютяго.

- Ну, видно, я потяжеле, - сказал Горох, усмехнувшись, встал и пошел на улицу, из палат в кузницу. И там заказал он старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посох железный в пятьсот пуд. Кузнецы за работу взялись-принялись, куют железо, день и ночь молотами гремят, только искры летят; через сорок часов был посох готов. Пятьдесят человек несут едва тащат, а Иван Горох взял одной рукой - бросил посох вверх. Посох полетел, как гроза, загремел, выше облака взвился, из вида скрылся. Весь народ прочь бежит, от страха дрожит, думая: когда посох на город упадет, стены прошибет, людей передавит, а в море упадет - море расхлестнет, город затопит. Но Иван Горох спокойно в палаты пошел, да только сказать велел, когда посох назад полетит. Побежал с площади народ, смотрят из-под ворот, смотрят из окон: не летит ли посох? Ждут час, ждут другой, на третий задрожали, сказать прибежали, что посох летит.

Тогда Горох выскочил на площадь, руку подставил, на лету подхватил, сам не нагнулся, а посох на ладони согнулся. Иван посох взял, на коленке поправил, разогнул и пошел во дворец.

Вдруг, послышался страшный свист - мчится Змей Лютый; конь его, вихорь, стрелою летит, пламенем пышет; с виду Змей - богатырь, а голова змеиная. Когда он летит, еще за десять верст весь дворец начнет поворачиваться, с места на место передвигаться, а тут Змей видит - дворец с места не трогается. Видно, седок есть!

Змей призадумался, присвистнул, загаркал; конь-вихорь тряхнул черною гривой, размахнул широкие крылья, взвился, зашумел; Змей подлетает ко дворцу, а дворец с места не трогается.

- Ого! - заревел Змей Лютый. - Видно, есть супротивник. Не Горох ли в гостях у меня? Скоро пришел богатырь. Я посажу тебя на ладонь одною рукою, прихлопну другою - костей не найдут.

- Увидим, как тут, - молвил Иван Горох.

А Змей с вихря кричит:

- Расходись, Горох, не катайся!

- Лютый Змей, разъезжайся! - Иван отвечал, посох поднял.

Змей разлетелся ударить Ивана, взоткнуть на копье - промахнулся; Горох отскочил - не шатнулся.

- Теперь я тебя! - зашумел Горох, пустил в Змея посох и так огорошил, что Змея в куски разорвал, разметал, а посох землю пробил, ушел через два в третье царство.

Народ шапки вверх побросал, Ивана царем величал.

Но Иван тут, приметя кузнеца-мудреца, в награду, что посох скоро сработал, старика подозвал и народу сказал:

- Вот вам голова! Слушайте его, на добро радея, как прежде на зло слушали вы Лютяго Змея. Иван добыл и живо-мертвой воды, sprysнул братьев; поднялись молодцы, протирая глаза, сами думают:

- Долго спали мы; Бог весть, что сделалось!

- Без меня и век бы вы спали, братья милые, други родимые, - сказал им Иван Горох, прижимая к ретивому сердцу.

Не забыл он взять и змеиной водицы; корабль снарядил и по реке Лебединой с Василисой-красой, золотою косою, поплыл в земли свои через три царства в четвертое; не забыл и старушки в избушке, дал ей умыться змеиной водицей: обернулась она молодицей, запела-заплясала, за Горохом бежала, в пути провожала. Отец и мать Ивана встречали с радостью, с честью; гонцов разослал и во все земли с вестью, что возвратилась дочь их родная, Василиса, коса золотая. В городе звон, по ушам трезвон, трубы гудят, бубны стучат, самопалы гремят. Василиса жениха дождалась, а царевичу невеста нашлась.

Четыре венца заказали, две свадьбы пировали, на веселье на радостях пир горой, мед рекой!

Деды дедов там были, мед пили, и до нас дошло, по усам текло, в рот не попало; только ведомо стало, что Иван по смерти отца принял царский венец, правил со славой державной, и в роды родов славилось имя царя Гороха.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Федором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал, а слышал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко - помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу - будет видеть. Царь собирает пир на весь мир, зовёт на пир князей и бояр и говорит им:

- Кто бы, ребяташки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привез бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшого, а от меньшого ответу нет. Выходит царевич Фёдор и говорит:

- Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошел Фёдор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженного, уздает узду неузданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою - не ради красоты, а ради крепости... Отправился Фёдор-царевич в дорожку. Видели, что сажился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далеко ли, низко ли высоко ли, ехал день до вечера - красна солнышка до заката. И доезжает до росстаней, до трех дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись:

"Направо поедешь - себя спасать, коня потерять. Налево поедешь - коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь - женату быть".

Поразмыслил Федор-царевич: "Давай поеду, где женату быть".

И повернул на ту дорожку, где женатому быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

- Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

- Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном дороги не скоротать. Мне надо вперед двигаться.

- Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лег Фёдор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли - царь опять собирает пир, зовет князей и бояр и говорит им:

- Вот, ребяташки, кто бы выбрался из охотников - привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за среднего, а средний за меньшого, а от меньшого ответу нет. Выходит второй сын, Василий-царевич:

- Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идет Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженного, уздает узду неузданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, как садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит: "Направо поедешь - себя спасать, коня потерять. Налево поедешь - коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь - женату быть".

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откусать хлеба-соли и лечь почивать.

- Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лег к стенке, она опять повернула кровать, и он полетел в подполье. А там спрашивают:

- Кто летит?

- Василий-царевич. А кто сидит?

- Фёдор-царевич.

- Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли - в третий раз царь собирает пир, зовет князей и бояр:

- Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этом у седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за среднего, средний за меньшого, а от меньшого ответу нет. Выходит Иван-царевич и говорит:

- Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридесятое царство - поискать тебе молодильных яблок и живой воды да поискать еще моих братьевцев.

Дал ему царь благословеньице. Пошел Иван-царевич в конюший двор - выбирать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит - тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идет, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка:

- Здравствуй, дитяtko Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

- Как же мне, бабушка, не печалиться - не могу найти коня по разуму.

- Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять - будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич - не шелохнется. Сорвал конь железную цепь, высочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздоу неужданной, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою - не ради красоты, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до росстаней и поразмыслил: "Направо ехать - коня потерять. Куда мне без коня-то? Прямо ехать - женатому быть. Не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать - коня спасти. Эта дорога самая лучшая для меня".

И поворотил он по той дороге, где коня спасти - себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зеленым лугам, по каменным горам, ехал день до вечера - красна солнышка до заката - и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

- Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашел он в нее, а там сидит баба-яга, старых лет, шёлковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

- Фу, фу, - говорит, - русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

- Ах ты, баба-яга - костяная нога, не поймавши птицу - теребишь, не узнавши молодца - хулишь. Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постелю собрала. Я бы улегся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать - чей да откуда. Вот баба-яга это дело все справила - царевича накормила, напоила и на постелю уложила; села к изголовью и стала спрашивать:

- Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого

отца, матери сын?

- Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озер, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

- Ну, дитя мое милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки - у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

- А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

- Много молодцов проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитяtko, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезет он тебя до моей средней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне.

Вдруг он и говорит коню:

- Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

- В кою пору ты говорил, я уже двести верст проскакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далеко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

- Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно - конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся.

Кони-то были одностадные. Услышала это баба-яга - еще старее той - и говорит:

- Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльцо:

- Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

- Ах ты, баба-яга - костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба-яга это дело все справила - коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постель уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

- Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

- Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

- А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

- Много молодцов проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитяtko,

моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встает ранёхонько, умывается белёшенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне. А этот конь еще бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

- Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

- В кою пору ты говорил, я уж триста верст проскакал.

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера - красна солнышка до заката. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

- Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликается. Выходит на крыльцо баба-яга, старых лет, еще старше той. Поглядела - конь ее сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный... Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят - ночлег каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга все дело справила - коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

- Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к средней, а середняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

- Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница, - сильная и могучая богатырка. Вокруг ее царства - стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража - тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моем добром коне. Доедешь до стены - бей коня по бокам плетью нехлестанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесет.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на её доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озера хвостом заметает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит - тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьет его плетью нехлестанной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит - стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней Молодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. И захотелось ему самую увидеть сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят: по одну сторону шесть полениц - девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посредине разметалась девица Синеглазка,

спит, как сильный речной порог шумит. Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал ее и вышел... Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

- Не послушался ты, Иван-царевич, вошел в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить.

Иван-царевич бьет коня плетью нехлестанной.

- Ах ты конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об нее одной подковой - на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девушка Синеглазка проснулась да увидела покражу:

- Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девушка Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей бабы-яги, а у нее уже конь выведенный, готовый. Он - со своего коня да на этого и опять вперед погнался...

Иван-то царевич за дверь, а девушка Синеглазка - в дверь и спрашивает у бабы-яги:

- Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

- Нет, дитяtko.

- Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

- Нет, дитяtko. А ты с пути-дороги поешь молочка.

- Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

- Что ты, дитяtko, живо справлю...

Пошла баба-яга доить корову - доит, не торопится. Поела девушка Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до средней бабы-яги, коня сменил и опять погнался. Он - за дверь, а девушка Синеглазка - в дверь:

- Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

- Нет, дитяtko. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

- Да долго печь будешь.

- Что ты, дитяtko, живо справлю...

Напекла баба-яга блинков - печет, не торопится. Девушка Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей бабы-яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнался. Он - за дверь, девушка Синеглазка - в дверь и спрашивает у бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

- Нет, дитяtko. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

- Да ты долго топить будешь.

- Что ты, дитяtko, живо справлю...

Истопила баба-яга баньку, все изготовила. Девушка Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала в сугон. Конь ее с горки на горку поскакивает, реки, озера хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой - девушкой Синеглазкой - ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девушка Синеглазка насакивает и кричит ему:

- Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

- Что же, давай разъедемся на три прыска¹ лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девушка Синеглазка заскакали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копыя долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза, палицы поломали, копыя-сабли исцербили - не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

Боролись с утра до вечера - красна солнышка до заката. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девушка Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный - пороть ему белу грудь.

Иван-царевич и говорит ей:

- Не губи ты меня, девушка Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девушка Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатер в чистом поле, на широком раздолье, на зеленых лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и перстнями обменялись. Девушка Синеглазка ему говорит:

- Я поеду домой - и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своем царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказка сказывается - доезжает Иван-царевич до расстаней, до трех дорог, где плита-камень, и думает:

"Вот нехорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести".

И не послушался он девушки Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошел на крыльцо, стукнул кольцом - маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девушка.

- Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьет, сколько под стол льет. Повела его прекрасная девушка в спальню.

- Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич толкнул ее на кровать, живо кровать повернул, девушка и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

- Кто там живой?

А из ямы отвечают:

- Фёдор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул - они лицом черны, землей уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой - стали они опять прежними.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до расстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

- Покарауйте моего коня, а я лягу отдохну.

Лёг на шелковую траву и богатырским сном заснул. А Фёдор-царевич и говорит Василию-царевичу:

- Вернемся мы без живой воды, без молодильных яблок - будет нам мало чести, нас отец пошлет гусей пасти.

Василий-царевич отвечает:

- Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмем и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опаматовался и видит: только небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат - бьет их погода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.

Унялась погода, летит большая птица Нагай. Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

- Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-ненастье?

- Не кричи, мать, нас сберег русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

- Для чего ты сюда попал, милый человек?

- Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

- Ты моих детей сберег, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

- Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

- Достань мне два чана - пудов по двенадцати - мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана покпал, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой чан - на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подает да подает... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

- Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три куса вырыгнула:

- Приставь на место.

Иван-царевич приставил - мясо и приросло к костям.

- Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошел путем-дорогой на родную сторону.

Пришел он в столицу и узнает, что Федор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошел Иван-царевич к отцу, к матери...

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается - прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зеленых лугах раскинула шатер белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посылает в столицу царю сказать:

- Царь, отдай царевича. Не отдашь - все царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посылает старшего - Фёдора-царевича. Идет Фёдор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

- Матушка, это не наш ли батюшка идет?

- Нет, детушки, это ваш дяденька.

- А что прикажешь с ним делать?

- А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Федора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унес.

А Синеглазка опять посылает к царю:

- Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посылает среднего - Василия-царевича. Он подходит к шатру. Выбегают два мальчика:

- Матушка, это не наш ли батюшка идет?

- Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унес. Синеглазка в третий раз посылает к царю:

- Ступайте, ищите третьего сына, Ивана-царевича. Не найдете - все царство потопчу, пожгу. Царь еще пуще испугался, посылает за Фёдором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всем повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идет к Синеглазке...

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

- Матушка, матушка, к нам кто-то идет... А Синеглазка им:

- Возьмите его за белые руки, ведите в шатер. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые ручки, ввели в шатер. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нем сменила и спать уложила...

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир - честным пирком да и за свадебку. Фёдору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора - ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в её девичье царство.

Тут и сказке конец.

¹ Прыск - мах, скок.

СКАЗКА О СЛАВНОМ, МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ ЕРУСЛАНЕ ЛАЗАРЕВИЧЕ

В некотором государстве жил король Картаус, и было у него на службе двенадцать богатырей. А самым сильным и главным из двенадцати богатырей почитался князь по имени Лазарь Лазаревич. И сколько ни старались другие богатыри, никто из них не мог на поединках победить Лазаря Лазаревича. И вот исполнилось ему двадцать лет. Стали родители поговаривать:

- Приспело время сыну семьей обзаводиться!

Да и сам Лазарь Лазаревич жениться был не прочь, только невесты выбрать никак не может: то отцу с матерью не по нраву, то жениху не любя. Так и шло время. И стал Лазарь Лазаревич проситься у родителей:

- Отпустите меня в путь-дорогу. Хочу на белый свет поглядеть, да и себя показать.

Родители перечить не стали. И вот распростился добрый молодец с отцом, с матерью и уехал из Картаусова королевства.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли путь продолжался - приехал Лазарь Лазаревич в иноземное королевство. А в том королевстве весь народ в великой

тоске-печали: убиваются-плачут все от мала до велика. Спрашивает он:

- Какая у вас беда-невзгода? О чем весь народ тужит?

- Ох, добрый молодец, не знаешь ты нашего горя, - отвечают ему. - Повадился в наше королевство морской змей летать и велел каждый день по человеку ему на съедение посылать. А коли не послушаемся, грозитя все наши деревни и города спалить - головней покатыть. Вот и сегодня провожали одну девицу, отвели на морской берег, на съедение морскому чудовищу.

Богатырь не стал больше ни о чем спрашивать, пришпорил коня и поскакал на морской берег. В скором времени увидал он - сидит на берегу девица, горько плачет. Подъехал к ней Лазарь Лазаревич:

- Здравствуй, девица-душа!

Подняла девица голову, взглянула на него и промолвила:

- Уезжай-ка, добрый человек, отсюда поскорее. Выйдет сейчас из моря змей, меня съест, и тебе живому не бывать.

- Не к лицу мне, девица-красавица, от змея убегать, а вот отдохнуть охота: притомился в пути-дороге. Я вздремну, а ты, как только змей покажется, тотчас же разбуди меня.

Слез с коня, лег на траву-мураву и уснул крепким богатырским сном.

Много ли, мало прошло времени, вдруг взволновалось море, зашумело, поднялась большая волна. То змей море всколыхнул. И принялась девица будить чужеземного богатыря. А Лазарь Лазаревич спит, не пробуждается.

В ту пору змей из воды вынырнул, выбрался на берег. Заплакала девица горячими слезами, и упала одна слеза богатырю на лицо. Он проснулся, увидал змея.

Змей ухмыляется:

- Эко как сегодня раздобрились: вместо одного человека двоих привели, да еще и коня наприбавок!

- А не подавишься ли одним мной, поганое чудовище? - закричал богатырь и кинулся на змея. Началась у них смертная схватка, кровавый бой.

Долго бились-ратились. И стал Лазарь Лазаревич замечать, что притомился змей, слабеть начал. Тут богатырь изловчился, кинулся на чудовище и с такой силой ударил его булатным мечом, что напрочь отсек змею голову.

Подошел потом к девице, а она чуть живая от страха. Окликнул ее. Девица обрадовалась:

- Ой, не чаяла я живой остаться и тебя живым, невредимым увидеть! Спасибо, что избавил меня от лютой смерти, и я прошу тебя, добрый молодец, не знаю, как по имени звать-величать, поедem к моим родителям. Там батюшка наградит тебя!

- Награды мне никакой не надо, а к отцу-матери тебя отвезу.

Сперва девице помог сесть, а потом и сам сел на коня. Приехали в город. Отец с матерью увидели из окна дочь - глазам не верят. Выбежали встречать. Плачут и смеются от радости.

- Неужто лютый змей пощадил тебя, дитячко?! Или сегодня только - отпустил еще раз повидаться с нами, погоревать?

- Вот кто избавил меня от лихой смерти, - отвечала девица и указала на Лазаря Лазаревича. - Он убил проклятого змея.

Отец с матерью не знали, как и благодарить богатыря. Под руки ввели его в белокаменные палаты, усадили за стол на самом почетном месте. На стол наставили всяких кушаньев и питья разного. Ешь, пей, чего только душа пожелает.

А после хлеба-соли отец стал спрашивать:

- Скажи, храбрый рыцарь, чем отблагодарить тебя?

Опустил добрый молодец буйну голову, помолчал, потом посмотрел на родителей и на девицу-красавицу:

- Не прогневайтесь на меня за мои слова. Я есть князь из славного Картаусова королевства. Зовут меня Лазарь Лазаревич. Живу покуда холост, не женат. Ваша дочь-красавица мне по сердцу прилась, и, если люб я ей, так благословите нас под венец идти. То и была бы для меня самая большая награда.

Услышала эти речи девица, потупилась, зарделась, как маков цвет.

А отец сказал:

- Ты, любезный Лазарь Лазаревич, мне по душе, по нраву пришелся, а дочь неволить не стану и воли у нее не отнимаю. Как она сама скажет, так тому и быть. Не прими моих слов за обиду. Ну, что скажешь, дочь милая?

Пуще прежнего зарумянилась красавица и тихонько промолвила:

- Уж коль пришла пора мне свое гнездо вить, так, видно, так тому и быть. Люб мне Лазарь Лазаревич, избавитель мой.

- А невеста согласна, так мы с матерью и подавно перечить не станем, - сказал отец.

- За нашим благословением дело не станет.

И в скором времени принялись веселым пирком да за свадебку.

Свадьбу сыграли, пир отпировали, а после свадьбы Лазарь Лазаревич увез молодую жену в свое королевство.

На исходе первого года родился у них сын. Назвали его Ерусланом. Рос Еруслан не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымался. В три года был, как десятилетний.

И стал он на царский двор побегивать, с боярскими детьми стал в игры играть. А сила у него была непомерная, и он по молодости да несмышлености шутил с боярскими детьми шутки нехорошие: схватит кого за руку - рука прочь, кого за ногу схватит - ногу оторвет.

Пришли бояре к королю Картаусу, жалуются:

- Мы в великой обиде. Сын Лазаря Лазаревича губит, калечит наших детей. В играх удержу не знает, кому руку, кому ногу оторвал. Осуши наши слезы, государь! Прикажи Еруслана Лазаревича в темницу посадить, либо пусть он уедет из нашего королевства. Выслушал Лазарь Лазаревич королевский приказ, опустил буйну голову ниже могучих плеч и пошел домой в большой печали.

- Что это, Лазарь Лазаревич, ты такой кручинный? - встретила его жена. - Или какая беда-невзгода приключилась?

Рассказал Лазарь Лазаревич про королевский приказ и промолвил:

- Это ли не беда-невзгода?

Горько жена заплакала. А Еруслан Лазаревич весь разговор слышал, подошел к родителям, учтиво поклонился и говорит:

- Не прогневайтесь на меня, батюшка и матушка, злого умысла я не держал, когда играл с боярскими детьми, а вашей вины в том нету. И коли король Картаус приказал мне уехать из королевства, так, видно, тому и быть. Да вот еще: достать бы мне меч булатный по моей руке, доспехи ратные и коня.

- Да разве мало у нас коней на конюшне? - сказал Лазарь Лазаревич. - А мечей да доспехов ратных полон оружейный покой, знай выбирай?

- Доспехи-то и меч я подберу в оружейном покое, - ответил Еруслан Лазаревич, - а вот коня по мне у нас в конюшне не нашлось. Всех до одного испытал. Выведут конюхи какого, брошу на холку руку - сразу на колени упадет. На таких мне не ездить.

- Ну тогда ступай в заповедные луга. Там Фрол-пастух стережет моих коней. Кони в табунах необъезженные, там и выберешь коня по себе, - проговорил Лазарь Лазаревич.

И стали собирать, снаряжать Еруслана Лазаревича. Подобрал он доспехи богатырские, по руке себе разыскал булатный меч и копье долгомерное, взял седельце черкесское, потничек, войлочек, уздечку наборную да плетку ременную. Простился с отцом, с матерью и отправился в путь-дорогу.

Вышел из города и шел долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли и пришел на заповедные луга. По лугам дорога проторена. В ширину та дорога - коню не проскочить. "Кто же по этой дороге ездит? - подумал Еруслан Лазаревич. - Дай-ка сяду на обочину, подожду".

Много ли, мало ли времени просидел и увидал: бежит по дороге табун коней. Тот табун только что пробежал, а за ним другой, больше прежнего, скачет. И вслед табунщик едет. Сравнялся он с Ерусланом Лазаревичем и заговорил:

- Здравствуй, Еруслан Лазаревич! Чего тут сидишь? Кого ожидаешь?

- А ты кто такой? И почему знаешь, как меня зовут?

- Да как мне тебя не знать! Ведь я служу табунщиком у твоего родителя Лазаря Лазаревича. Обрадовался Еруслан Лазаревич:

- Меня батюшка натакал идти в заповедные луга коня выбрать. У нас в конюшне все конишки не ражие¹. Которому брошу руку на холку, тот и упадет на колени. Тем коням не носить меня. Пособи мне, Фролушка, коня достать, век твое добро помнить буду.

- Не тужи, Еруслан Лазаревич, дело обойдется. Есть у меня конь на примете. Конь богатырский. Когда воду пьет, на озере волны, будто в бурю, вздымаются, с деревьев листья осыпаются. Только не знаю, сможешь ли ты - его поймать? Если поймаешь да сумеешь удержать, конь тебе покорится, почует наездника. Вот он - впереди первого табуна с водопою бежит гляди!

Промчался табун мимо, а табунщик говорит:

- Пойдем к озеру, я покажу, где конь воду пьет, а ты завтра с утра садись там в засаду и жди. Наутро притаился Еруслан Лазаревич и стал ждать. Слышит: задрожала земля, послышался конский топ все ближе и ближе... И вот проскакал мимо к водопою первый табун. Всех впереди - конь-огонь: глазами искры мечет, из ноздрей пламя, из ушей дым кудреват подымается. Забрел по колени в воду и стал пить. В озере волны поднялись, на берегу с деревьев листья посыпались.

Напился конь и только выскочил на берег, как Еруслан Лазаревич ухватил его правой рукой за гриву, а левой уздечку держит. Взвился конь и так ударил копытами, что земля задрожала, но вырваться из рук богатыря не мог и утихомирился, почуял

настоящего хозяина.

- Вот эдак-то лучше, Орош Вещий! - Взнуздав его, взял повод в руки, отвел туда, где седло да доспехи лежали.

Оседлав Еруслан Лазаревич Ороша Вещего, надел на себя доспехи ратные.

В это время подъехал к водопою Фрол-пастух:

- Вижу, покоришься тебе конь! Сумел совладать.

- Спасибо, Фролушка! Сослужил ты мне службу. Век буду помнить!

На том они и расстались. Видел табунщик, как добрый молодец на коня садился, а не успел заметить, как он из глаз скрылся, только пыль столбом завилась, будто его и не было.

Ехал Еруслан Лазаревич день ли, два ли и выехал на широкое поле. Смотрит: что такое? Все поле усеяно мертвыми телами. Лежит на том поле рать-сила побитая. Громко вскричал Еруслан Лазаревич:

- Есть ли, жив хоть один человек?

Отозвался голос:

- Только я один и остался жив из всего нашего войска!

Подъехал Еруслан и спрашивает:

- Скажи, кто побил, повоевал ваше войско?

- Иван, русский богатырь, - ответил раненый воин.

- А где теперь Иван, русский богатырь?

- Поезжай на полдень, может, его и настигнешь. Он уехал биться с другим нашим войском. Еруслан Лазаревич повернул коня и поехал. Ехал долго ли, коротко ли и выехал на большое поле - широкое раздолье. И на этом поле лежит побитая рать-сила.

Снова богатырь крикнул громким голосом:

- Коли есть тут кто живой, откликнись!

Приподнялся один человек:

- Чего тебе надо, витязь? Я только один жив и остался из всего нашего войска.

- Чья это побитая рать и кто вас повоевал?

- Лежит тут войско Феодула Змеулановича. А побил-повоевал нас Иван, русский богатырь.

- А где он сейчас, Иван, русский богатырь?

- Да вот видишь поскоки коня богатырского: целые холмы земли из-под копыт мечет. Держись этой ископыти и, коли конь у тебя резвый, настигнешь его.

Поблагодарил Еруслан Лазаревич воина и поехал вокруг поля в ту сторону, куда вела ископыть. Ехал он и день, и два с утренней зари до вечерней и на третий день увидел на зеленом лугу шатер белополотняный. Возле шатра богатырский конь пшеницу ест. Еруслан Лазаревич расседлав, разнуздав своего коня и пустил на волю. Орош Вещий тотчас подошел к пшенице и тоже принялся есть.

Вошел Еруслан Лазаревич в шатер и видит: спит в шатре крепким сном Иван, русский богатырь. Ухватился было Еруслан за меч, да подумал: "Нет, не честь мне, а

бесчестье на сонного руку подымать, а вот самому с дороги отдохнуть надобно". Подумал так и сам повалился спать.

Первым проснулся Иван, русский богатырь. Проснулся и увидел незваного гостя. Стал его будить:

- Встань, проснись, пробудись, добрый молодец?

Еруслан Лазаревич поднялся, а Иван, русский богатырь, говорит:

- Хоть и лег ты спать у меня в шатре незванный, непрошенный, да ведь постоя с собой не возят. По нашему русскому обычаю, коли гость гостит да не пакостит, такому гостю всегда честь и место. А ты, как видно, худых мыслей не держишь. Садись со мной хлеба-соли отведать да рассказывай, кто ты есть таков? Чьих родов, каких городов, как звать-величать тебя?

- Я на славного королевства Картаусова. Зовут меня Еруслан Лазаревич. О тебе, Иван, русский богатырь, слышал много, и захотелось с тобой свидеться. Гнал по твоему следу много дней, видал побитые тобой рати Феодула Змеулановича. Мнил я себя самым сильным богатырем, а теперь и без поединка вижу - ты сильнее меня. Будь мне названным старшим братом!

Побратались Иван-русский богатырь и Еруслан Лазаревич, выпили по чарке зелена вина, поели дорожных припасов и стали беседу продолжать. Спрашивает Еруслан Лазаревич:

- Скажи, брат названный, почему ты бьешься-ратишься с королем Феодулом Змеулановичем? Чего ради извел у него столько войска?

- Да как же, любезный Еруслан Лазаревич, мне было не биться, не ратиться? Полюбили мы друг друга с красной девицей-душой, дочерью Феодула Змеулановича, и приехал я в его королевство честь по чести, по добру делу, по сватовству. А Феодул Змеуланович нанес чести великую поруку, стал браниться, кричать: "Знать-де его, прощелыгу, не знаю, ведать не ведаю и на глаза не пушу. Скоро на ваше царство войной пойду, всю Русь повоюю, а русских богатырей в полон возьму". И послал мне навстречу войско. Напало на меня войско, а ведь известное дело: кто меч первый поднял - от меча и погибнет. И побил, повоевал я Змеуланову рать, а он вслед другую послал. И ты сам ведаешь, что с ней случилось. Вот и надумал я сказать ему: "Совсем напрасно ты, Феодул Змеуланович, на свою силу понадеялся! Хвастал, что Русь повоюешь, богатырей русских полонишь. А вышло не по-твоему. Так не лучше ли нам замиришься подобру-поздорову? Отдай своей волей дочь за меня, а не то силой возьму". Поедем со мной, Еруслан Лазаревич, мой названный брат, к стольному городу Феодула Змеулановича. Коль станем свадьбу играть, так на свадьбе попируешь. Снарядились богатыри и поехали. Подъехали к городу на полпоприща², и затрубил Иван, русский богатырь, в боевой рог.

Прискакал вершник из пригородной заставы к королю:

- Иван, русский богатырь, всего на полпоприща от города стоит. А с ним приехал какой-то чужестранный богатырь.

Всполошился Феодул Змеуланович:

- Ох, беда какая! Он один две рати побил, а теперь, коли их двое, все наше королевство в разор разорят!

Потом мало-помалу опомнился, слез с теплой лежанки, корону надел, приосанился:

- Эй, слуги! Зовите скорее королеву, пойдем с хлебом-солью встречать, авось замирился. - Послал своих князей да бояр: - Ступайте на заставу, ведите Ивана,

русского богатыря, в город, а мы с королевой у ворот встретим.

С почестями да с хлебом-солью встретили названных братьев.

- Что между нами было, то прошло, пусть быльем порастет, - сказал король, - а мы с королевой радырадехоньки честь по чести гостей принять. Раздернули во дворце столы, и пошел пир горой. А в скором времени и свадьбу принялись играть. На свадебном пиру Еруслан Лазаревич улучил время и спросил невесту Ивана, русского богатыря:

- Прекрасная королевна, есть ли на свете кто красивее тебя?

Смутилась королевна от этих слов:

- Про меня идет слава, что я красивая, но вот, слышно, за тридевять земель, в тридесятом государстве живут три сестры, так младшая из трёх сестер краше меня.

- А не слыхала ли ты, кто, кроме Ивана, русского богатыря, твоего супруга, сильнее меня?

- Про тебя и про твою силу и храбрость, Еруслан Лазаревич, тоже катится слава по всей земле. А вот слух идет, что в славном Индийском царстве стоит на заставе тридцать лет богатырь Ивашка Белая епанча³, Сарацинская шапка. Говорят, он богатырь из богатырей, а который из вас двоих сильнее, про то сказать не могу, да и никто не может, покуда вы силами не померяетесь.

Поблагодарил он красавицу королевну, и на том их беседа окончилась. А когда свадебный пир отпировали, стал Еруслан Лазаревич прощаться со своим названным братом Иваном, русским богатырем, и его молодой женой. Они его уговаривают:

- Погостил бы еще хоть сколько-нибудь.

- Нет, спасибо! Я и так у вас загостился, мой Орош Вещий отдохнул, и пора путь продолжать. Оседлал коня, надел богатырские доспехи и поехал за тридевять земель, в тридесятое государство. Едет Еруслан день с утра до вечера, с красна солнышка до заката. И так много дней путь-дорога продолжалась.

Приехал в тридесятое государство, где жили красавицы-сестры. Коня привязал к точеному столбу, к золоченому кольцу, задал корму, а сам поднялся на резное крыльцо: стук-стук-стук!

Двери открыла девушка-покоевка, спрашивает:

- Кто ты есть таков? По какому делу пожаловал? Как про тебя сказывать?

- Скажи: приехал-де витязь из славного Картаусова королевства. А зовут меня Еруслан Лазаревич. Надо мне трех прекрасных сестер повидать.

Убежала сенная девушка, и, не мешкая, вышли к нему три сестры, одна другой краше.

- Милости просим, добрый молодец. Пожалуйте в покои!

Перво-наперво усадили гостя за стол, наставили перед ним всяких кушаньев и напитков. Напоили, накормили.

Встал Еруслан Лазаревич из-за стола, учтиво трем девицам поклонился:

- За угощение спасибо! Теперь сам вижу: не зря молва по всему белому свету катится, что никого нет краше вас да приветливее!

Сестры при этих словах глаза опустили, зарделись, зарумянились, потом взглянули друг на друга и ответили гостю:

- Спасибо на ласковом слове, любезный Еруслан Лазаревич! Но только напрасно считают нас первыми красавицами. Вот в Вахрамеевом царстве царевна, дочь царя Вахрамея, - та настоящая красавица. Всем Марфа Вахрамеевна взяла. И ростом, и дородством, и угожеством. Глаза у нее с поволокою, брови черные, соболиные, идет, как лебедушка плывет! Вот уж она из красавиц красавица.

- Про мудрость вашу тоже идет молва. И вот еще хочу спросить вас, прекрасные сестрицы, не слыхали ли вы, кто самый сильный богатырь на свете?

- Слухом земля полнится, - они отвечают. - Идет слава про Ивана, русского богатыря. Говорят о нем, что он самый сильный и храбрый.

- Ивана, русского богатыря, я и сам хорошо знаю. Он мне названный старший брат.

- И о твоей силе да храбрости, наш гость дорогой, - продолжали девицы, - молва докатилась до нас раньше, чем ты сам сюда пожаловал. Да вот еще много говорят о сильном богатыре Ивашке Белой епанче. Сарацинской шапке. Он стоит тридцать лет на заставе в славном Индийском царстве. Ну а видать нам его не приходилось.

Побеседовал с прекрасными сестрами Еруслан Лазаревич, поблагодарил их за хлеб, за соль и распрощался.

Выехал из города и призадумался: "Много времени я странствую и не знаю, что дома творится. Надо домой попадать, отца с матерно проведать. И заодно попрошу благословения жениться. После поеду в Вахрамеево царство да стану сватать Марфу Вахрамеевну". Поворотил Ороша Вещего и поехал в Картаусово королевство. Едет Еруслан Лазаревич и едет: день да ночь - сутки прочь. Как Орош Вещий отощает, тогда расседлает, разнуздает коня, покормит и сам отдохнет, а потом с новыми силами путь продолжает. И вот наконец стал к родным местам подъезжать. В нетерпенье коня понукает и скоро увидал вдали стольный город Картаусова королевства. Въехал на пригорок, смотрит и глазам не верит. Вокруг города чьих-то войск видимо-невидимо. Город со всех сторон войсками окружен. Конники скачут на борзых конях, а пешие к городским воротам подступают. "Что тут деется?" - подумал он. Только успел с холма спуститься, встретился ему Фрол-табунщик. Прочь от стольного города уезжает.

- Здравствуй, Фролушка!

Табунщик остановил коня, узнал Еруслана Лазаревича, поздоровался.

- Не знаешь ли ты, - спрашивает богатырь, - чья это рать-сила столь велика к нашему городу подступает?

- Ох, Еруслан Лазаревич! Поехал я из заповедных лугов в город на подворье к твоему родителю, князю Лазарю Лазаревичу, да чуть было в полон не угодил. Спасибо, конь выручил, ускакал я от неприятелей, и вот гоню прочь от города обратно в заповедные луга. Такая ли то беда-напасть приключилась. Подступил, вишь, к нашему стольному городу князь Данила Белый с несметными полками конного и пешего войска, а у нашего короля Картауса богатырей, кроме князя Лазаря Лазаревича, в городе нет никого. Кто куда разъехались. Заперлись король с боярами да горожане, за городскими стенами отсиживаются, ни в город, ни из города проезда нет, и грозит Данила Белый все королевство разорить.

Видит Еруслан Лазаревич: оборонять королевство некому. Да и войска у Данилы Белого нагнано тьматьмушная. Разгорелось сердце молодецкое, раззудилось плечо богатырское: хлестнул он плетью Ороша Вещего и поскакал к городу.

Увидали неприятели: скачет прямо на них богатырь. Переполошились, загалдели:

- Богатырь едет Картаусу на подмогу!

Сам князь Данила Белый повел конников навстречу и кричит:

- Живым его берите, ребяташки!

А Еруслан Лазаревич разогнал коня и как вихрь налетел на Данилиных конников. Рубит мечом и колет копьем направо и налево, а Орош Вещий грудью коней валит, всадников поверженных копытами топчет. И скоро все поле усеялось телами. Остальные конники, кто успел, разбежались.

В ту пору увидал Еруслан Лазаревич самого Данилу Белого, нагнал его, ударил тупым концом копья долгомерного и вышиб из седла... Ступил ему на грудь Орош Вещий. Взмолился князь Данила:

- Оставь меня в живых, храбрый, могучий богатырь! Клятву даю, что ни один мой воин не переступит веки-повеки границы Картаусова королевства! Детям и внукам своим закажу не воевать с вашим королевством.

- Будь по-твоему, - сказал Еруслан Лазаревич, - но, если когда-нибудь клятву нарушишь, тогда пощады не будет!

- Век твое великодушие буду помнить и клятвы моей не нарушу! - сказал Данила Белый, поднялся на ноги, тотчас приказал снять осаду и повел свои войска прочь от Картаусова королевства.

В городе увидели: уходят вражеские войска. И вдруг закричали:

- Да ведь это Еруслан Лазаревич, сынок князя Лазаря Лазаревича!

Весть эта скоро дошла до Лазаря Лазаревича и до самого короля.

Отец с матерью и король Картаус с ближними боярами вышли из главных ворот и с великими почестями встретили Еруслана Лазаревича. Мать от радости плакала и обнимала сына. Король Картаус прослезился и проговорил:

- Не знаю, чем отблагодарить тебя, Еруслан Лазаревич, за то, что спас ты нас всех и наш стольный город. А за старое, за давнее обиды на меня не держи. То дело прошлое. А теперь гостя желанного надо кормить, поить!.. Выкатите бочку с вином да с медами светлыми! - король приказал. - Пусть сегодня все угощаются и прославляют силу и удаль славного, могучего богатыря Еруслана Лазаревича!

Три дня тот пир продолжался. А на четвертый день Еруслан Лазаревич поблагодарил короля Картауса за угощение, низко отцу с матерью поклонился и сказал:

- Долго мы были в разлуке. Много разных земель и городов я повидал, а все равно не усидеть мне дома. Охота еще на белый свет поглядеть и себя показать. Отпустите меня, любезные батюшка и матушка! А если доведется встретить суженую, дайте родительское благословение.

Отец с матерью прекословить не стали. Благословили сына и начали собирать в путь-дорогу.

- Не удержишь такого сокола в родительском доме. Сам был молодой, по себе знаю! - сказал Лазарь Лазаревич. - Пусть поедит, потешится!

Оседлал Еруслан Лазаревич своего Ороша Вещего, надел на себя доспехи богатырские, распрощался с домашними и поехал.

Выехал из своего города и подумал: "Сперва я поеду в славное Индийское царство, погляжу, что за богатырь Ивашка Белая епанча. Сарацинская шапка. А оттуда в Вахрамеево царство заеду. Охота повидать Марфу Вахрамеевну".

Ехал Еруслан долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, стал подъезжать к

славному Индийскому царству. Смотрит: впереди застава, а возле заставы спитлежит богатырь. "По всему видать, это и есть богатырь Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка", - подумал Еруслан Лазаревич. Подъехал совсем близко, а богатырь и ухом не ведет, спит, похрапывает. Перегнулся Еруслан с седла и крепко стегнул его ременной плетью.

- Этак ли на заставе стоят, царство охраняют? Тут кто хочешь пройдет, проедет, а ты спишь, прохлаждаешься!

Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка вскочил на ноги и сердито закричал:

- Кто ты есть таков? - За палицу схватился. - Мимо меня вот уже скоро тридцать лет тому, как зверь не проскакивал, птица не пролетала и ни один человек не проезжал! А ты вздумал со мной шутить шутки нехорошие, плетью бить осмелился! Я ведь тебя на ладонь положу, а другой прихлопну, и останется от тебя мокрое место! Поедем-ка в поле, я тебя проучу!

Оседлал коня, надел доспехи, и поехали они в чистое поле в смертную игру играть, силой мериться. И только первый раз съехались, как ударил Еруслан Лазаревич противника тупым концом копья, сразу и вышиб из седла. А Орош Вещий ступил ногой на грудь. По-иному заговорил Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка:

- Не предавай меня смерти, славный, могучий богатырь! Сам теперь вижу: сила у меня против твоей половинная и того меньше. Да и годы мои уходят, а ты еще только матереть начинаешь. Давай лучше побратаемся. Будь ты мне старшим братом названным!

- В смерти твоей мне корысти нету, - отвечал Еруслан Лазаревич, - ну а славу про тебя напрасно распустили. Богатырь ты не ражий. Вставай! - И отвел прочь Ороша Вещего.

Поднялся Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка, поклонился названному брату в пояс и сказал:

- Заезжай-ка в славное Индийское царство! Для тебя путь туда открытый. Погости у нашего царя. Еруслан Лазаревич повернул коня, поехал прямо в стольный город и в скором времени въехал в царский двор. Расседлал, разнуздал Ороша Вещего, привязал у столба точеного за золоченое кольцо.

Царь сидел у окошка и увидел, как приехал во двор чужестранный витязь. Вышел на резное крыльцо, встретил богатыря приветливо, ласково и повел речь так:

- Добро пожаловать, любезный гость, не взыщи, не знаю, как тебя звать-величать! Чьих будешь родов, из какого государства?

Богатырь учтиво поздоровался и ответил:

- Я из славного Картаусова королевства, сын князя Лазаря Лазаревича, а зовут меня Еруслан Лазаревич.

С этими словами поднялся на крыльцо. Царь повел его в покои, накормил, напоил, про дорогу расспросил, а потом говорит:

- Вот как славно, что навестил меня. Мы каждому хорошему гостю рады, а такому богатырю, каков ты есть, у меня во дворце честь и место! А теперь с дороги небось отдохнуть охота. Эй, кто там есть! - хлопнул царь в ладони.

Прибежали на зов слуги.

- Отведите гостя в опочивальню и приготовьте все так, чтобы он в обиде не остался!

Погостил Еруслан Лазаревич у индийского царя, поблагодарил за угощение и поехал

путь продолжать. Едет и думает: "Узнал, каков есть прославленный богатырь Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка, повидался и с ласковым, хлебосольным царем славного Индийского царства, а теперь поеду в Вахрамеево царство. Все равно нет мне и не будет покоя, покуда своими глазами не увижу Марфу Вахрамеевну". Едет Еруслан путем-дорогой, день, другой и третий. До Вахрамеева царства осталось рукой подать: какой-нибудь день езды.

В ту пору повстречался ему странник, калика перехожая. Снял странник колпак земли греческой, поклонился богатырю:

- Здрав буди, Еруслан Лазаревич!

Удивился богатырь, спрашивает:

- Кто ты есть таков? Видно, знаешь меня, коли по имени называешь!

- Я - калика перехожая. Странствую по всем землям, по всем городам. Бывал в Картаусовом королевстве, заглаживал к твоим родителям, много раз тебя видел. Проходил вот я недавно мимо Картаусова королевства и несу вести нерадостные, печальные. Богатырь с коня соскочил, от нетерпения ухватил странника за плечо:

- Скорее говори, что творится у нас в королевстве? Видал ли батюшку с матушкой? Живы ли, здоровы ли они!

- Погоди, Еруслан Лазаревич, не трясина меня! Эдак и руку оторвешь! Дома у вас беда стряслась. Князь Данила Белый улучил время и напал врасплох с несметным войском Много народу побил-порешил, а больше того во полон угнал. Стольный город сжег дотла, разорил, камня на камне не оставил. Короля Картауса, твоего родителя Лазаря Лазаревича да кое-кого из ближних бояр живыми захватил, выколол им глаза. Увез незрячих в свое княжество, в темницу заточил. Там они и поныне томятся.

Выслушал Еруслан Лазаревич все, что рассказал странник, опустил голову и промолвил:

- Эх, совсем напрасно я тогда Данилу Белого в живых оставил! Землю он ел, клялся не воевать с королевством Картауса, я и поверил! А он вон чего натворил! Отплатил за мою доброту. Ну, погоди, рассчитаюсь с тобой! Теперь пощады не будет!

С этими словами вскочил он на коня, простился с каликой перехожей и помчался в княжество Данилы Белого.

Приехал, разыскал темницу, где сидели родители, король Картаус и ближние бояре. Стражу раскидал, расшвырял, замок сорвал и прямо с порога крикнул:

- Здравствуйте, свет сердечные родители, матушка и батюшка! Здравствуйте, ваше величество, король Картаус, и вы, бояре ближние!

Слышит в ответ:

- Голос твой слышим, а кто говорит, не видим! Незрячие мы, темные!

Тут заговорила мать богатыря:

- Хоть и не вижу я тебя, а по голосу узнала, и сердце чует - это сын дорогой наш, Еруслан Лазаревич!

- А ведь и правда он, - промолвил Лазарь Лазаревич. - Вот, сын любезный, сколь великое, тяжкое горе нас постигло. Все потеряли и даже свету белого не видим. Ну да не об этом сейчас речь. За горами, за морями, близко ли, далеко ли - сам там не бывал, а от верных людей слышал - есть царство, и правит тем царством Огненный щит. Пламенное копие. Есть в том царстве колодец с живой водой. Сослужи ты

службу: съезди к Огненному щиту. Пламенному копию, привези живой воды, спрысни наши раны, и мы прозреем.

- Съездить-то я съезжу к Огненному щиту, Пламенному копию, - отвечал богатырь, - но сперва надо Данилу Белого разыскать.

С этими словами вышел добрый молодец из темницы. А в ту пору, покуда Еруслан Лазаревич с пленниками разговаривал, прибежал к Даниле Белому тюремный стражник:

- Беда, князь! Какой-то чужестранный богатырь всю стражу на тюремном дворе побил! Только я один живой остался.

- Не иначе, как это сын Лазаря Лазаревича, - сказал Данила Белый. - Скорее подымай тревогу, собирай войска, какие есть в городе!

А про себя подумал: "В темнице-то его легче всего одолеть". Скоро-наскоро надел боевые доспехи, вскочил на коня и повел свое войско.

А Еруслан Лазаревич тем временем выехал из тюремного двора на площадь и увидал княжеское войско. Будто коршун на цыплят, ринулся он на дружину Данилы Белого. Кого мечом достанет - до седельной подушки развалит, а кого копьем из седла вышибает. Орош Вещий грудью вражьих коней опрокидывает, копытами ратников топчет. И скоро побил, повоевал Еруслан все это войско. Осталось в живых дружинников вовсе мало, и те кинулись наутек.

Тут и приметил Еруслан Лазаревич скачущего прочь Данилу Белого.

- Тебя-то мне и надо! - крикнул он, пришпорил коня и помчался вслед за князем-захватчиком. И сколько тот своего коня ни нахлестывал, Орош Вещий скоро настиг его. Еруслан Лазаревич вышиб Данилу Белого из седла и отсек ему голову.

- Худую траву из поля вон!

Поворотил коня, приехал в темницу.

- Выходите все на волю, перебирайтесь покуда во дворец Данилы Белого!..

Затем говорит королю Картаусу:

- Здешнее княжество придется приписать к нашему королевству. А ты становись на престол Данилы Белого, и живите в этом городе, покуда не привезу живой воды. Наш-то стольный город покуда все равно разрушен, когда еще застроится. - И поехал в царство Огненного щита, Пламенного копия.

Ехал Еруслан, ехал, и раскинулось перед ним широкое поле. А на том поле лежит побитая рать-сила. Зычным голосом крикнул богатырь:

- Эй, есть ли на этом поле хоть один жив человек?

- А чего тебе надобно? - отозвался один воин.

- Скажи, кто побил это войско большое?

- Всю нашу рать-силу побил Росланей-богатырь.

- А где он сам, Росланей-богатырь?

- Поедешь недалеко, увидишь другое поле с побитым войском. Он там лежит убитый.

Миновал богатырь побитое войско, проехал недалеко и наехал на другое поле, которое тоже все было усеяно телами. "Это побоище много больше первого", - подумал он и вдруг увидал большой холм. Подъехал ближе и диву дался - то оказался не холм, а громадная, как сенная копна, голова лежит. Крикнул:

- Есть ли кто живой?

Никто не отозвался. Крикнул еще раз - опять ответа нет. И только когда третий раз закричал, открыла голова глаза, зевнула и проговорила:

- Ты кто такой? И чего тебе надо?

- Я из славного Картаусова королевства. Зовут меня Еруслан Лазаревич. Хочу узнать, чья это побитая рать-сила? И где могучий богатырь Росланей?

- Богатырь Росланей я и есть, - голова отвечает, - а войска, что лежат на первом и на этом поле, привел царь Огненный щит, Пламенное копие. Вел он свои дружины против меня, и я их побил, повоевал, да вот и сам, как видишь, лежу побитый.

- Как же это случилось? Ты обе рати побил-порешил, и сам пал порубленный?

- Много лет тому назад, когда я был еще совсем малый, - заговорила голова, - царь Огненный щит, Пламенное копие с большим войском напал врасплох на наше царство. А царем у нас был тогда мой отец. Собрал он наскоро небольшую дружину и вышел навстречу. Закипела битва, кровавый бой. У Огненного щита, Пламенного копия войска было много больше, и он победил. Много наших воинов погибло. Моего отца полонили, и царь Огненный щит. Пламенное копие убил его.

А когда я вырос и стал сильным богатырем, надумал отомстить Огненному щиту. Пламенному копю. Проведала об этом волшебница, что жила в нашем царстве, и говорит мне: "Царь Огненный щит, Пламенное копие очень сильный богатырь, да к тому же волшебник, и победить его ты сможешь, если достанешь меч-кладенец. На море-океане, на острове Буяне, на высокой горе под старым дубом есть пещера. В той пещере и замурован еще в давние времена волшебный меч-кладенец. Только с этим мечом и можно победить Огненного щита. Пламенного копия".

Немало трудов положил я и долго странствовал, но волшебный меч-кладенец достал и поехал в царство Огненного щита. Пламенного копия. Он послал против меня рать-силу. А когда я это войско побил-повоевал, он собрал еще рать-силу, больше первой, и сам повел мне навстречу. Сошлись мы вот на этом самом поле. Стал я их бить, как траву косить, а которых конь топчет. И в скором времени мало кто из них жив остался. А сам Огненный щит. Пламенное копие подскочил ко мне, кричит: "Сейчас тебя смерти предам!" Я размахнулся, ударил его своим волшебным мечом, и он тотчас с коня повалился. Тут слуги его вскричали: "Вот как славно Росланей-богатырь угостил его своим мечом. Ну-ка дай ему еще разок! Тогда и поминки по нему можно править!" Ударил я другой раз. Только меч его задел, как тут же со страшной силой отскочил и мне голову отрубил, а Огненный щит. Пламенное копие сразу ожил как ни в чем не бывало. В это самое время подросел мой названный брат. Схватил он мечкладенец и сунул мне под голову. Потом Огненный щит. Пламенное копие много раз посылал своих богатырей и сам приезжал, но никому не удалось вытащить меч-кладенец из-под головы, как ни старались. Он и сейчас тут подо мной.

На том голова Росланей окончила свой рассказ и спросила:

- А ты по какому делу заехал сюда и куда путь держишь?

Еруслан Лазаревич рассказал, зачем он едет в царство Огненного щита, Пламенного копия.

- Это похвально, Еруслан Лазаревич, что ты своих близких в горе-беде не покинул, выручил, а теперь поехал живую воду для них доставать. Но скажу тебе: напрасно ты туда поедешь. Ты еще не знаешь, каков есть этот злодей Огненный щит. Пламенное копие. По-доброму, по-хорошему у него зимой льду не выпросишь. Разве он даст живую воду? И силой тоже ты у него ничего не добьешься, потому что ни стрела, ни

копье, ни меч его не берут. Он тебя десять раз успеет убить, пока ты замахиваешься. А вот лучше послушай, что я тебе стану рассказывать, хорошенько запомни и, коли послушаешься, одолеешь его.

Еруслан Лазаревич выслушал все, что ему наказывала Росланеева голова, поблагодарил и на прощание сказал:

- Как только достану живую воду, приеду к тебе и приращу голову к телу...

После этого сел на своего Ороша Вещего и поспешил в царство Огненного щита, Пламенного копья. Стал подъезжать к городу. Огненный щит, Пламенное копье увидал богатыря, выехал навстречу и издали стал огненные стрелы метать.

- Воротись, а то сожгу тебя! - закричал. Еруслан Лазаревич снял шлем, помахал и крикнул:

- Приехал к тебе не биться, не ратиться, а по доброму делу!

- Кто ты таков? И чего тебе надо? Говори!

- Я из славного Картаусова королевства. Зовут меня Еруслан Лазаревич. О твоей силе и славе молва по всей земле идет, и я хочу к тебе на службу поступить!

Отвечает Огненный щит, Пламенное копье: - Если сумеешь с моими двенадцатью богатырями достать меч из-под Росланеевой головы, тогда возьму на службу, а не достанешь, пеняй на себя! Не быть тебе живому!

- Слушай, Огненный щит. Пламенное копье, обойдусь я и без твоих богатырей! Один управлюсь, достану меч!

Подъехал Огненный щит, Пламенное копье поближе и говорит:

- Поезжай скорее, привези меч, тогда будешь у меня старшим над богатырями!

Еруслан Лазаревич поворотил коня. Когда приехал на поле брани, голова Росланея увидала его издали:

- Ну как? Видал Огненного щита, Пламенного копья?

- Все сделал так, как ты говорил. Приехал за мечом-кладенцом.

Голова откатилась в сторону:

- Бери, но помни: ударь только один раз!

Еруслан Лазаревич поднял меч, сел на Ороша Вещего и уехал.

Огненный щит. Пламенное копье, как только дозорный известил, выехал навстречу и спрашивает:

- Достал меч-кладенец?

- Вот он, - поднял меч Еруслан Лазаревич, подскакал к Огненному щиту, Пламенному копию и - раз! - ударил его изо всей силы.

Огненный щит. Пламенное копье как подкошенный упал с коня.

- Бей его еще раз! - закричали слуги Огненного щита, Пламенного копья.

- Не в обычае у добрых молодцев дважды меч подымать. Хватит и одного раза! - крикнул в ответ Еруслан Лазаревич.

Тогда все двенадцать богатырей Огненного щита, Пламенного копья напали на Еруслана с криком:

- Бей его! Изрубим на мелкие куски, добудем меч-кладенец и оживим Огненного

щита, Пламенного копья!

Да не тут-то было! Всех их побил-повоевал Еруслан Лазаревич. Затем разыскал заветный колодец, запасся живой водой. Сам немного выпил и Орошу Вещему дал. И сразу всю усталость с них как рукой сняло. Не успел выехать на поле брани, как голова Росланей тотчас его увидела и заговорила:

- Коли воротился, должно, одолел Огненного щита, Пламенного копья, моего супостата! А живую воду нашел?

- Привез, - отвечает Еруслан Лазаревич, - сейчас ты здоров будешь.

Голова подкатилась к туловищу, стала, как надлежит. Еруслан Лазаревич sprysнул живой водой, и голова Приросла к телу. Поднялся Росланей, такой большой и матерый - глядеть боязно.

- Ну, Еруслан Лазаревич, великую ты мне службу сослужил, век не забуду! И, если понадобится, - жизни для тебя не пожалею!

- Чего об этом говорить, - сказал на это Еруслан Лазаревич. - Разве без твоего меча-кладенца да мудрого совета мог бы я победить Огненного щита, Пламенного копья и живую воду добыть? На вот, возьми! - и подает ему меч.

А Росланей-богатырь отвел его руки и проговорил:

- Нет, Еруслан Лазаревич, мой названный брат, меч тебе еще пригодится.

- А ведь меч-то мне как раз по руке пришелся, - сказал Еруслан Лазаревич, - спасибо, любезный Росланей, названный брат мой. Ну а теперь надо поспешать к родителям.

- И мне надо идти своего коня искать, - промолвил Росланей-богатырь.

- Видать, где-нибудь недалеко отсюда пасется. Конь верный, только он и может меня нести.

На том богатыри и распрощались. Росланей пошел своего коня искать, а Еруслан Лазаревич поехал в княжество Данилы Белого. Как только приехал, вбежал во дворец, popрыскал живой водой глаза, и сразу отец с матерью и король Картаус с боярами прозрели и так обрадовались, что от великого счастья даже немного popплакали. Король Картаус в честь Еруслана Лазаревича завел большой пир-столованье. На том пиру все пили и ели и прославляли геройство и удаль Еруслана Лазаревича.

Пир отпировали. И говорит богатырь своим родителям:

- Надобно мне побывать в Вахрамеевом царстве. Благословите в путь-дорогу!

- Ну что же, - промолвил Лазарь Лазаревич, - хоть и жалко расставаться, да, видно, делать нечего. Мы с матерью теперь, слава Богу, здоровы. Поезжай, коли надо!

Скорым-скоро собрался, снарядился, сел на своего Ороша Вещего, и только пыль завилась за добрым молодцем.

Ехал Еруслан долго ли, коротко и попал наконец в Вахрамеево царство.

Подъехал к стольному городу, смотрит: ворота крепко-накрепко заперты. Постучал. На стук отозвались стражники:

- Кто таков? И чего тебе надобно?

- Зовут меня Еруслан Лазаревич, а приехал я к королю Вахрамею по доброму делу. Ворота растворились, и, как только богатырь проехал, опять их крепко закрыли. Он

подумал: "Почему город держат на запоре?"

Царь Вахрамей встретил его ласково:

- Милости просим, добрый молодец! Не знаю, как звать-величать?

- Я из Картаусова королевства, сын князя Лазаря Лазаревича, а зовут меня Еруслан Лазаревич. Много по свету ездил, во многих землях побывал, и захотелось ваше государство навестить.

- Ах, вот ты кто! - сказал царь Вахрамей. - Слава о твоих подвигах и геройстве, любезный Еруслан Лазаревич, идет по всем землям, по всем городам. Дошла она и до нашего царства. И я рад дорогому гостю, но не могу утаить от тебя, что постигло нас большое горе. Повадился трехглавый морской змей летать, людей поедать. Оттого сидим мы взаперти, да ведь от крылатого чудовища городские стены - не защита.

- Часто, ли морской змей прилетает? - спросил Еруслан Лазаревич.

- Через каждые три дня. Сегодня он как раз прилетит и опять кого-нибудь унесет, - отвечал царь Вахрамей и прибавил: - Проходи, гость дорогой, в покои. Надо тебе с дороги поесть, попить и отдохнуть!

- Спасибо! Но сперва надобно мне на морском берегу побывать, а уж потом и отдохну, - сказал Еруслан Лазаревич.

С этими словами он вышел из дворца, вскочил на Ороша Вещего и поехал из города на морской берег. Коня остановил, затрубил в боевой рог раз и другой. После третьего раза поднялась на море большая волна, а вслед за тем показался из воды трехглавый морской змей. Все три пасти разинуты, зубы оскалены, шестеро глаз злобой горят.

Взглянул змей на берег и заговорил:

- В этот раз царь Вахрамей не стал меня дожидаться, сам послал человека на обед да еще и коня в придачу!

- А ты, проклятое чудовище, погоди раньше времени хвалиться, как бы не подавиться! - крикнул богатырь. И только успел змей на берег ступить, как Еруслан поскакал, взмахнул мечом-кладенцом и с одного раза отрубил две головы.

Перепугался змей, взмолился:

- Могучий богатырь, не предавай меня смерти, не руби моей остатней головы! В Вахрамеево царство летать никогда не стану, а тебе богатый выкуп дам. Есть у меня драгоценный камень невиданной красоты, такого на белом свете не сыскать.

- Где же твой драгоценный камень?

- Сейчас достану!

С теми словами бросился змей в море и в скором времени воротился, принес и отдал богатырю драгоценный камень неслыханной красоты.

Принял Еруслан Лазаревич подарок и прямо со своего коня перемахнул змею на спину.

Вези к Вахрамею во дворец и сам ему скажи, что никогда больше не будешь нападать на людей! Ничего морскому змею не оставалось делать, как только повиноваться. И повез он богатыря в стольный город, а Орош Вещий вслед побежал.

В городе и во дворце начался великий переполох, когда увидели, как чужестранный богатырь приехал на морском чудовище. И царь Вахрамей, и весь народ стали

просить, уговаривать:

- Еруслан Лазаревич, не оставляй проклятого змея в живых. Сколько из-за него, злодея, люди слез пролили. Сейчас-то он смиренный, а когда ты уедешь, опять за старое примется. Знаем мы его!

Богатырь перечить не стал, соскочил со змея и отсек ему голову. На двенадцати подводах вывезли горожане змея из города и закопали в глубоком овраге. Убрали черные флаги, что возвещали о беде-невзгоде, и весь народ повеселел. А Вахрамеем задал пир на весь мир. Созвал гостей со всех волостей. Рядом с собой, на самое почетное место, посадил Еруслана Лазаревича принялся его потчевать.

- Ешь, пей, гость дорогой! Уж не знаю, чем отблагодарить тебя.

В ту пору из своих покоев вышла к гостям красавица царевна. Взглянул на нее богатырь да так и обмер - до того была прекрасна Марфа Вахрамеевна. "Отродясь не видывал краше, - подумал он, - век бы на нее глядел, любовался".

И у Марфы Вахрамеевны сердце екнуло. Чинно она гостям поклонилась, еще раз глянула на Еруслана Лазаревича и глаза опустила - хорош, пригож! Пированье-столованье окончилось. Поблагодарили гости за хлеб, за соль, распрощались и разошлись, разъехались. Тогда Еруслан Лазаревич и повел речь:

- Приехал я к вам, царь-государь, по доброму делу, по сватовству. Если бы ты благословил, а Марфа Вахрамеевна пошла за меня замуж, так лучшей судьбы-доли мне и не надобно!

- Любезный Еруслан Лазаревич, если дочь согласна, так и я рад с тобой породниться. Теперь за тобой дело, Марфа Вахрамеевна, - повернулся он к дочери. - Скажи, люб ли тебе жених?

Зарумянилась девица-красавица, потупила очи ясные и потом промолвила:

- Я твоя и воля твоя, батюшка царь-государь! А коли благословишь, так я согласна.

- Вот и хорошо! - весело сказал царь Вахрамеем. - Ай, по сердцу, по душе мне зять сыскался. В царском житье ни пива варить, ни вина курить - всего вдоволь. В скором времени свадьбу сыграли, пир отпировали. И стал Еруслан Лазаревич жить-поживать со своей молодой женой Марфой Вахрамеевной у тестя.

День за днем, неделя за неделей - так незаметно почти целый год прошел.

Как-то раз говорит Еруслан Лазаревич Марфе Вахрамеевне:

- Надо съездить проведать родителей, да и тебя показать отцу с матерью.

- Ох, рада бы я радехонька поехать твоих родителей повидать и с тобой не разлучаться, да ведь сам видишь, нельзя мне теперь в дальнюю дорогу ехать, а путь туда не близкий, не легкий. Навести их в этот раз один, только скорее возвращайся. А на тот год уже всей семьей поедem. И помни: как поедешь мимо Девьего царства, станут тебя звать погостить, смотри не заезжай. Если заедешь, околдует тебя Царь-девица.

- Ну что ты! Зачем мне в Девье царство заезжать?

Потом подал ей золотой перстень с тем драгоценным камнем, что от морского змея получил:

- Если сын у нас родится, отдай ему, когда он в возраст придет. И пусть ни днем ни ночью перстня этого с руки не снимает.

Затем собрался, снарядился и отправился в путьдорогу.

Едет Еруслан Лазаревич да едет. День прошел и другой прошел. На третий день видит - раскинулся перед ним сад, глазом не охватишь. В том саду великолепный дворец стоит, золотой крышей на солнышке горит. Окна во дворце хрустальные, наличники замысловатой резьбой изукрашены.

Только поравнялся с садом, как вырыснул кто-то на коне из ворот. Вгляделся Еруслан Лазаревич и увидел: скачет к нему поленица⁴ удалая, на коне сидит как влитая. Глаза у поленицы соколиные, брови черного соболя, личико белое, румяное, из-под шлема спадают косы русые до пояса. Заговорила - словно реченька зажурчала:

- Ведь я тебя, добрый молодец, из окошечка увидала. Чего ради едешь мимо, к нам не заворачиваешь попить-поесть, коня накормить, побеседовать?

- Спасибо, Царь-девица, недосуг мне. Еду отца с матерью навестить, - отвечал Еруслан Лазаревич. Сам глядит на поленицу - глаз оторвать не может.

- Что за недосуг! - молвила Царь-девица. - Не торопись ехать, торопись коня кормить, скорее приедешь куда надо.

И улыбнулась, будто летним ласковым солнышком обогрела.

Сразу позабыл богатырь про женин наказ, повернул коня и стремя в стремя поехал с Царь-девицей в чудесный сад.

В Девьем государстве девицы-красавицы - одна другой краше, а прекраснее всех сама Царь-девица, удалая поленица.

Еруслану Лазаревичу тотчас жаркую баню натопили. Намылся он, напарился. Стала Царь-девица угощать его винами заморскими, медами светлыми, всяких кушаньев на стол наставила. Напоила, накормила, начала на лютне играть да своим тонким, нежным голосом подпевать. Слушает добрый молодец не наслушается, глядит на Царь-девицу не наглядится. Потом набежало во дворец множество девиц и почали песни петь и хороводы водить.

В песнях, плясках да забавах год прошел и другой прошел. А Еруслану Лазаревичу думается: "Ох, долго загостился! На часок заехал, а прожил два дня". Стал было Царь-девицу благодарить:

- Пора мне ехать!

А она принялась уговаривать, ласковыми словами улещать:

- Свет Еруслан Лазаревич! Не покидай меня, не ездь, останься!

- Нет, надо мне родителей повидать!

- Успеешь с отцом, с матерью свидеться! Побудь хоть недельку, утешь меня!

Поддался добрый молодец на уговоры да на ласку. Резвые ноги будто к месту приросли. Остался в Девьем царстве. Ему кажется - неделя прошла, а восьмой год на исходе.

Вскоре после того, как уехал Еруслан Лазаревич, Марфа Вахрамеевна родила сына. Дали ему имя Еруслан Ерусланович. Родился Еруслан Ерусланович крепким да сильным и с самых первых дней стал так быстро расти и матереть, что на втором году казался двенадцатилетним подростком. А когда ему исполнилось семь лет, стал он могучим богатырем. Не находилось ему в поединках во всем государстве равного по силе и сноровке. Всех побеждал.

Однажды спрашивает Еруслан Ерусланович у матери:

- Скажи, сударыня матушка, где мой батюшка Еруслан Лазаревич? Говорили, будто уехал он в Картаусово королевство к дедушке с бабушкой. Не приключилось ли в пути-дороге с ним чего? Благослови, я поеду батюшку разыскивать.

Заплакала Марфа Вахрамеевна:

- Ну куда ты поедешь, как опричь своего царства нигде не бывал, ничего не видал? Отец уехал и не иначе как попал в Девье царство. Околдовали, зачаровали там его, и нет оттуда возврата. А ты и вовсе погибнешь!

Не вникает в это Еруслан Ерусланович, знай стоит на своем.

- Все равно поеду, батюшку Еруслана Лазаревича разыщу и привезу домой.

Видит Марфа Вахрамеевна - не уговорить ей сына, и сказала:

- Ну, будь по-твоему, поезжай, только возьми вот этот перстень и не снимай его с руки ни днем, ни ночью.

И надела на палец Еруслану Еруслановичу золотой перстень с драгоценным камнем, подарком морского змея.

Король Вахрамей тоже долго отговаривал внука, а под конец рукой махнул:

- Поезжай!

Скорым-скоро Еруслан Ерусланович снарядился и стал прощаться. Царь Вахрамей, Марфа Вахрамеевна и все нянюшки, мамушки, сенные девушки вышли его провожать. Видали, как на коня садился, да не видели, как укатился. Только пыль столбом завилась за добрым молодцем.

Ехал он долго ли, коротко ли - версты тогда были немереные, и на третий день поутру раскинулся перед ним громадный чудесный сад, а в саду дворец с золоченой крышей и хрустальными окнами. "Это и есть Девье царство", - подумал молодой богатырь. Подъехал к воротам и вскричал громким голосом:

- Посылайте поединщика, а не то ворота порушу!

Услышала Царь-девица и спрашивает:

- Кто такой в ворота ломится, поединщика требует?

- Приехал какой-то чужестранный витязь, совсем еще, видать, молодой, - отвечает богатырь, что стоит стражником у ворот.

- Поезжай без промедления да хорошенько проучи его, невежу! - приказала Царь-девица.

Богатырь из ворот выехал и закричал:

- Кто ты такой, молодой невежа? В ворота ломишься да еще и поединщика требуешь!

- Вот когда съедемся, узнаешь, какой я есть невежа! - крикнул в ответ молодой наездник.

Съехались, и Еруслан Ерусланович легким ударом с первого раза вышиб богатыря из седла.

- Смерти тебя предавать не стану! Ступай скажи Царь-девице: пусть пришлет поединщика. Не к лицу мне с таким, как ты, силами мериться!

Побитый богатырь воротился, рассказал про могучего витязя. Царь-девица пошла будить Еруслана Лазаревича:

- Встань, пробудись, мил сердечный друг! Приехал какой-то чужестранный молодой богатырь и требует поединщика. Жалко будить тебя, да делать нечего. Ведь только на тебя и вся надежда!

Еруслан Лазаревич поднялся, надел боевые доспехи, оседлал Ороша Вещего и выехал в чистое поле, в широкое раздолье.

Съехались они и так сильно сшиблись, что кони сели на задние ноги, а богатыри ни который ни которого не ранили. Повернули коней, разъехались и стали снова съезжаться.

"По виду совсем еще юноша, а никому не уступит силой да боевой сноровкой", - подумал Еруслан Лазаревич.

Когда съехались во второй раз, опять сшиблись мечами, Еруслан Лазаревич ударил с такой силой, что поединщик не удержался в седле и упал с коня на сыру землю. А Орош Вещий сразу ступил ему на грудь. Глянул Еруслан Лазаревич на богатыря и заметил - что-то блеснуло у юноши на руке. Еще взглянул, узнал свой перстень, и пало ему на ум: "Уж не сын ли мой?" Спрашивает:

- Скажи, какого ты роду-племени, как тебя по имени зовут, величают по отчеству?

- Если бы мой конь ступил тебе на грудь, я не стал бы спрашивать, выпытывать у тебя ни роду, ни племени, ни про отца, ни про мать, а отрубил бы напрочь голову!

- Не хочу я твою молодую жизнь губить, - проговорил Еруслан Лазаревич. - Только скажи, кто твои родители и как тебя зовут?

- Моя мать - Марфа Вахрамеевна, а отец - славный, могучий богатырь Еруслан Лазаревич. Меня зовут Еруслан Ерусланович.

Еруслан Лазаревич тотчас с коня на землю соскочил, поднял молодого витязя, крепко обнял его и говорит:

- Вот как мы встретились, мой сын дорогой! А сколько тебе лет?

- Мне исполнилось семь лет, восьмой пошел. Захотелось тебя разыскать. И вот как привелось встретиться.

"Как же так? - подумал Еруслан Лазаревич. - Гостил я в Девьем царстве всего одну неделю с небольшим, а сыну теперь уж восьмой год пошел". Потом сказал:

- Поедем поскорее, сын дорогой, в Вахрамеево царство.

Сели на коней и поехали домой. Много было радости, когда Марфа Вахрамеевна и царь Вахрамеем встретили богатырей. Устроил царь Вахрамеем пир на весь мир. А когда отпировали, он сказал:

- Слушай, Еруслан Лазаревич, зять мой любезный, стал я стар, совсем одолели меня недуги, да немощи. Становись на престол и правь царством, а я на покое буду век доживать!

- Так-то оно так, - отвечал Еруслан Лазаревич, - по белу свету я наездился, с копьем долгомерным да с мечом-кладенцом натешился и царством править согласен. Только есть у меня забота: про отца с матерью ничего не знаю. Повидаться охота, а от царских дел недосуг туда ехать.

- О том тужить-горевать нечего, - Вахрамеем говорит, - есть у тебя теперь замена. Еруслан Ерусланович съездит в Картаусово королевство, поклон отвезет да в гости их к нам пригласит.

И вот заступил на престол Еруслан Лазаревич, а Еруслан Ерусланович уехал в

Картаусово королевство. Много ли, мало ли времени прошло, воротился Еруслан Ерусланович домой, а с ним приехали и родители Еруслана Лазаревича. На радости завели пир на весь мир. Я на том пиру был, мед да пиво пил, обо всем этом узнал, да и рассказал.

¹ Ражий - крепкий, здоровый.

² Поприще - старинная мера длины русской версты; верста немногим более километра.

³ Епанча - старинный длинный и широкий плащ

⁴ Поленица - богатырка.

СКОРЫЙ ГОНЕЦ

В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная; скоро ехать тою дорогою - три года понадобится, а тихо ехать - и пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына: первого звали Иван, второго Василий, а третьего Семён - малый юныш.

Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую-прямоезжую и наместить мосты калиновые, чтобы пешему можно было пройти в три недели, а конному в трое суток проехать. Принялся за работу вместе с своими детьми, и не по малом времени все было исполнено: намощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоезжая. Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну, Ивану:

- Поди-ка ты, любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить - добро или худо?

По родительскому приказанию пошел Иван и сел в скрытом месте под мостом.

Идут по тому мосту калиновому два старца и говорят промеж себя:

- Кто этот мост мостил да дорогу расчищал - чего бы он у судьбы ни попросил, то бы ему судьба и даровала!

Иван, как скоро услышал эти слова, тотчас вышел из-под моста калинового.

- Этот мост, - говорит, - мостил я с отцом да с братьями.

- Что ж ты желаешь? - спрашивают старцы.

- Вот кабы было у меня денег на век!

- Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и камня драгоценного. Возьми лопату и рой - будет тебе денег на целый век!

Иван пошел в чистое поле, вырыл под дубом много и злата, и серебра, и камня

драгоценного и понес домой.

- Ну, сынок, - спрашивает отец, - видел ли кого, что бы шел али ехал по мосту, и что про нас люди говорят?

Иван рассказал отцу, что видел двух старцев и чем они его наградили на целый век.

На другой день посылает отец среднего сына, Василия. Пошел Василий, сел под мостом калиновым и слушает. Идут по мосту два старца, поравнялись супротив того места, где он спрятался, и говорят:

- Кто этот мост мостил - чего бы он у судьбы ни попросил, то бы ему и далось!

Как услышал Василий эти слова, вышел к старцам и сказал:

- Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

- Чего ж ты у судьбы просишь?

- Вот кабы было у меня хлеба на век!

- Хорошо, поди домой, выруби новину¹ и посей: будет тебе хлеба на целый век!

Василий пришел домой, рассказал про все отцу, вырубил новину и засеял хлебом.

На третий день посылает отец меньшого сына. Семён - малый юныш сел под мостом и слушает. Идут по мосту два старца; только поравнялись с ним и говорят:

- Кто этот мост мостил - чего бы у судьбы ни попросил, то бы ему судьба и дала!

Семён - малый юныш услышал эти слова, выступил к старцам и сказал:

- Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

- Что ж ты у судьбы просишь?

- А хочу я служить великому государю в солдатах.

- Проси другого! Солдатская служба тяжелая; пойдешь в солдаты - к морскому царю в полон попадаешь, и много будет твоих слез пролито!

- Все равно хочу служить!

- Ну, коли уж ты захотел идти в царскую службу - иди! - сказали старцы Семёну и обратили его в оленя быстрого.

Побежал олень к своему дому; усмотрели его из окошечка отец и братья, выскочили из избушки и хотели поймать. Олень повернул - и назад; прибежал к двум старцам, старцы обратили его в зайца.

Заяц пустился к своему дому; усмотрели его отец и братья, выскочили из избушки и хотели было изловить, да он назад повернул.

Прибежал заяц к двум старцам, старцы обратили его в маленькую птичку - золотая головка. Птичка прилетела к своему дому, села у открытого окошечка. Усмотрели ее отец и братья, бросились ловить; птичка вспорхнула - и назад.

Прилетела к двум старцам, старцы сделали ее попрежнему человеком и говорят:

- Теперь, Семён - малый юныш, иди на царскую службу. Если тебе понадобится сбегать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкою - золотая головка: мы тебя научили.

Семён - малый юныш пришел домой и стал у отца проситься на царскую службу.

- Куда тебе идти, - отвечал отец, - ты еще мал и глуп!

- Нет, батюшка, отпусти. Отец отпустил, Семён - малый юныш срядился, с отцом, с братьями простился и пошел в дорогу. Долго ли, коротко ли - пришел он на царский двор, прямо к царю, и сказал:

- Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить.

- Говори, Семён - малый юныш!

- Ваше величество! Возьмите меня в военную службу.

- Что ты! Ведь ты мал и глуп; куда тебе идти в службу?

- Хоть я мал и глуп, а служить буду не хуже других.

Царь согласился, взял его в солдаты и велел быть при нем.

Прошло несколько времени, вдруг объявил царю какой-то король жестокую войну. Царь начал в поход сряжаться; в урочное время собралось все войско в готовности.

Семён - малый юныш стал на войну проситься; царь не мог ему отказать, взял его с собою и выступил в поход.

Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил; вот уж и неприятель близко - дня через три надо и бой начинать.

В те поры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого - нет ни той, ни другого, во дворце позабыл; нечем ему себе оборону дать, неприятельские силы побивать. Сделал он клич по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворец наскоро да принести ему боевую палицу и острый меч; кто сослужит эту службу, за того обещал отдать в супружество дочь свою Марью-царевну, в приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство.

Начали выискиваться охотники; кто говорит: я могу в три года сходить; кто говорит - в два года, а кто - в один год; а Семён - малый юныш доложил государю:

- Я, ваше величество, могу сходить во дворец и принести боевую палицу и острый меч в три дня. Царь обрадовался, взял его за руку, поцеловал в уста и тотчас же написал к Марье-царевне грамотку, чтоб она гонцу тому поверила и выдала ему меч и палицу. Семён - малый юныш принял от царя грамотку и пошел в путь-дорогу.

Отойдя с версту, обернулся он в оленя быстроногого и пустился словно стрела, из лука пущенная. Бежал, бежал, устал и обернулся из оленя в зайца; припустил во всю заячью прыть. Бежал, бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку - золотая головка; еще быстрее полетел. Летел, летел и в полтора дня успел в то царство, где Марья-царевна находилась.

Обернулся человеком, вошел во дворец и подал царевне грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала и говорит:

- Как же это сумел ты столько земель и так скоро пробежать?

- А вот как, - отвечал гонец - обратился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по царевниной палате, подошел к Марье-царевне и приложил к ней на колени свою голову; она взяла ножницы и вырезала у оленя с головы клочок шерсти.

Олень обратился в зайца, заяц попрыгал немного по комнате и вскочил к царевне на колени; она вырезала у него клочок шерсти.

Заяц обратился в маленькую птичку с золотой головкою, птичка полетала немного по комнате и села к царевне на руку. Марья-царевна срезала у ней с головы золотых перышков, и все это - оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотые перышки завязала в платок и спрятала к себе.

Птичка - золотая головка обратилась в гонца. Царевна накормила его, напоила, в путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острый меч; после они простились, на прощанье крепко поцеловались, и пошел Семён - малый юныш обратно к царю.

Опять побежал он оленем быстроногим, поскакал косым зайцем, полетел маленькой птичкой и к концу третьего дня усмотрел царский лагерь вблизи. Не доходя до войска шагов с триста, лег он на морском берегу, подле ракитова куста, отдохнуть с дороги; палицу боевую и острый меч около себя положил. От великой усталости он скоро и крепко уснул. В это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидел от гонца, тотчас столкнул его в море, взял боевую палицу и острый меч, принес к государю и сказал:

- Ваше величество! Вот вам боевая палица и острый меч, я сам за ними ходил; а тот пустохвал, Семён - малый юныш, верно, года три проходит!

Царь поблагодарил генерала, начал воевать с неприятелем и в короткое время одержал над ним славную победу.

А Семён - малый юныш, как сказано, упал в море. В ту ж минуту подхватил его морской царь и унес в самую глубину.

Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришел к нему морской царь:

- Что, Семён - малый юныш, скучно тебе здесь?

- Скучно, ваше величество!

- Хочешь на русский свет?

- Хочу, если ваша царская милость будет. Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушел в море. Семён - малый юныш подумал: "Кабы солнышко засветило!"

Перед самым восходом красного солнца явился морской царь, ухватил его опять и унес в морскую глубину.

Прожил там Семён - малый юныш еще целый год; сделалось ему скучно, и он горько-горько заплакал. Спрашивает морской царь:

- Что, али тебе скучно?

- Скучно! - молвил Семён - малый юныш.

- Хочешь на русский свет?

- Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его в самую полночь на берег, сам ушел в море. Семён - малый юныш опять подумал: "Кабы солнышко засветило!"

Только чуть-чуть рассветать стало, пришел морской царь, ухватил его и унес в морскую глубину. Прожил Семён - малый юныш третий год в море, стало ему скучно, и он горько, неутешно заплакал.

- Что, Семён, скучно тебе? - спрашивает морской царь. - Хочешь на русский свет?

- Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его на берег, сам ушел в море. Семён - малый юныш и говорит:

- Солнышко, покажись, красное, покажись!

И солнце осияло его своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон.

Семён - малый юныш отправился в свое государство; оборотился сперва оленем, потом зайцем, а потом маленькой птичкой - золотая головка; в короткое время очутился у царского дворца.

А покуда все это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика.

Семён - малый юныш входит в ту самую палату, где за столом сидели жених да невеста.

Увидала его Марья-царевна и говорит царю:

- Государь-батюшка! Не вели казнить, позволь речь говорить.

- Говори, дочь моя милая! Что тебе надобно?

- Государь-батюшка! Не тот мой жених, что за столом сидит, а вот он - сейчас пришел! Покажи-ка, Семён - малый юныш, как в те поры ты наскоро сбегал за боевой палицей, за острым мечом.

Семён - малый юныш оборотился в оленя быстрогоного, пробежал раз-другой по комнате и остановился возле царевны. Марья-царевна вынула из платочка срезанную оленью шерсть, показывает царю, в коем месте она ее срезала, и говорит:

- Посмотри, батюшка! Вот мои приметочки.

Олень оборотился в зайца. Зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне; Марья-царевна вынула из платочка заячью шерсть.

Зайчик оборотился в маленькую птичку с золотой головкой. Птичка полетала-полетала по комнате и села к царевне на колени; Марья-царевна развязала третий узелок в платке и показала золотые перышки. Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семёна - малого юныша и сделал его своим наследником.

¹ Новина - еще не паханная земля; здесь: вырубленное, очищенное от деревьев место.

СНЕГУРОЧКА

Жил-был крестьянин Иван, и была у него жена Марья. Жили Иван да Марья в любви и согласии, вот только детей у них не было. Так они и состарились в одиночестве. Сильно они о своей беде сокрушались и только глядя на чужих детей утешались. А делать нечего! Так уж, видно, им суждено было. Вот однажды, когда пришла зима да нападало молодого снегу по колено, ребятишки высыпали на улицу поиграть, а старички наши подсели к окну поглядеть на них. Ребятишки бегали, резвились и

стали лепить бабу из снега. Иван с Марьей глядели молча, призадумавшись. Вдруг Иван усмехнулся и говорит:

- Пойти бы и нам, жена, да слепить себе бабу!

На Марью, видно, тоже нашел веселый час.

- Что ж, - говорит она, - пойдем, разгуляемся на старости! Только на что тебе бабу лепить: будет с тебя и меня одной. Слепим лучше себе дитя из снега, коли Бог не дал живого!

- Что правда, то правда... - сказал Иван, взял шапку и пошел в огород со старухой.

Они и вправду принялись лепить куклу из снега: скатали туловище с ручками и ножками, наложили сверху круглый ком снега и обгладили из него головку.

- Бог в помощь! - сказал кто-то, проходя мимо.

- Спасибо, благодарствуем! - отвечал Иван.

- Что ж это вы поделяваете?

- Да вот, что видишь! - молвит Иван.

- Снегурочку... - промолвила Марья, засмеявшись.

Вот они вылепили носик, сделали две ямочки во лбу, и только что Иван прочертил ротик, как из него вдруг дохнуло теплым духом. Иван второпях отнял руку, только смотрит - ямочки во лбу стали уж навывкате, и вот из них поглядывают голубенькие глазки, вот уж и губки как малиновые улыбаются.

- Что это? Не наваждение ли какое? - сказал Иван, кладя на себя крестное знамение.

А кукла наклоняет к нему головку, точно живая, и зашевелила ручками и "ножками в снегу, словно грудное дитя в пелёнках.

- Ах, Иван, Иван! - вскричала Марья, задрожав от радости. - Это нам Господь дитя дает! - и бросилась обнимать Снегурочку, а со Снегурочки весь снег отвалился, как скорлупа с яичка, и на руках у Марьи была уже в самом деле живая девочка.

- Ах ты, моя Снегурушка дорогая! - проговорила старуха, обнимая свое желанное и нежданное дитя, и побежала с ним в избу.

Иван насилу опомнился от такого чуда, а Марья была без памяти от радости.

И вот Снегурочка растет не по дням, а по часам, и что день, то все лучше. Иван и Марья не нарадуются на нее. И весело пошло у них в дому. Девки с села у них безвыходно: забавляют и убирают бабушкину дочку, словно куколку, разговаривают с нею, поют песни, играют с нею во всякие игры и научают ее всему, как что у них ведется. А Снегурочка такая смышлёная: все примечает и перенимает.

И стала она за зиму точно девочка лет тринадцати: все разумеет, обо всем говорит, и таким сладким голосом, что заслушаешься. И такая она добрая, послушная и ко всем приветливая. А собою она - беленькая, как снег; глазки что незабудочки, светло-русая коса до пояса, одного румянцу нет вовсе, словно живой кровинки не было в теле... Да и без того она была такая пригожая и хорошая, что загляденье. А как, бывало, разыграется она, так такая утешная и приятная, что душа радуется! И все не налюбуются Снегурочкой. Старушка же Марья души в ней не чаёт.

- Вот, Иван! - говаривала она мужу. - Даровал-таки нам Бог радость на старость! Миновалась-таки печаль моя задушевная!

А Иван говорил ей:

- Благодарение Господу! Здесь радость не вечна, и печаль не бесконечна...

Прошла зима. Радостно заиграло на небе весеннее солнце и пригрело землю. На прогалинах зазеленела мурава, и запел жаворонок. Уже и красные девицы собрались в хоровод под селом и пропели:

- Весна красна! На чем пришла, На чем приехала?..

- На сошечке, на бороночке!

А Снегурочка что-то заскучала.

- Что с тобою, дитя мое? - говорила не раз ей Марья, приголубливая ее. - Не больна ли ты? Ты все такая невеселая, совсем с личика спала. Уж не сглазил ли тебя недобрый человек?

А Снегурочка отвечала ей всякий раз:

- Ничего, бабушка! Я здорова...

Вот и последний снег согнала весна своими красными днями. Зацвели сады и луга, запел соловей и всякая птица, и все стало живей и веселее. А Снегурочка, сердечная, еще сильнее скучать стала, дичится подружек и прячется от солнца в тень, словно ландыш под деревцем. Ей только и любо было, что плескаться у студеного ключа под зеленою ивушкой. Снегурочке все бы тень да холодок, а то и лучше - частый дождичек. В дождик и сумрак она веселей становилась. А как один раз надвинулась серая туча да посыпала крупным градом. Снегурочка ему так обрадовалась, как иная не была бы рада и жемчугу перекаатному. Когда ж опять припекло солнце и град взялся водою, Снегурочка заплакала по нем так сильно, как будто сама хотела разлиться слезами, - как родная сестра плачется по брату.

Вот уж пришел и весне конец; приспел Иванов день. Девки с села собрались на гулянье в рощу, зашли за Снегурочкой и пристали к бабушке Марье:

- Пусти да пусти с нами Снегурочку!

Марье страх не хотелось пускать ее, не хотелось и Снегурочке идти с ними; да не могли отговориться. К тому же Марья подумала: авось разгуляется ее Снегурушка! И она принарядила ее, поцеловала и сказала:

- Поди же, дитя мое, повеселись с подружками! А вы, девки, смотрите берегите мою Снегурушку... Ведь она у меня, сами знаете, как порох в глазу!

- Хорошо, хорошо! - закричали они весело, подхватили Снегурочку и пошли гурьбою в рощу. Там они вили себе венки, вязали пучки из цветов и распевали свои веселые песни. Снегурочка была с ними безотлучно.

Когда закатилось солнце, девки наложили костер из травы и мелкого хворосту, зажгли его и все в венках стали в ряд одна за другою; а Снегурочку поставили позади всех.

- Смотри же, - сказали они, - как мы побежим, и ты также беги следом за нами, не отставай!

И вот все, затянувши песню, поскакали через огонь.

Вдруг что-то позади их зашумело и простонало жалобно:

- Ау!

Оглянулись они в испуге: нет никого. Смотрят друг на дружку и не видят между собою Снегурочки.

- А, верно, спряталась, шалунья, - сказали они и разбежались искать её, но никак не

могли найти. Кликали, аукали - она не отзывалась.

- Куда бы это девалась она? - говорили девки.

- Видно, домой убежала, - сказали они потом и пошли в село, но Снегурочки и в селе не было. Искали ее на другой день, искали на третий. Исходили всю рощу - кустик за кустик, дерево за дерево. Снегурочки все не было, и след пропал.

Долго Иван и Марья горевали и плакали из-за своей Снегурочки. Долго еще бедная старушка каждый день ходила в рощу искать ее, и все кликала она, словно кукушка горемычная:

- Ау, ау, Снегурушка! Ау, ау, голубушка!..

И не раз ей слышалось, будто голосом Снегурочки отзывалось: "Ау!" Снегурочки же все нет как нет! Куда же девалась Снегурочка? Лютый ли зверь умчал ее в дремучий лес, и не хищная птица ли унесла к синему морю?

- Нет, не лютый зверь умчал ее в дремучий лес, и не хищная птица унесла ее к синему морю; а когда Снегурочка побежала за подружками и вскочила в огонь, вдруг потянулась она вверх лёгким паром, свилась в тонкое облачко, растаяла... и полетела в высоту поднебесную.

СОЛДАТ И СМЕРТЬ

Прошло срочное время, отслужил солдат службу королю и стал проситься на родину с родными повидаться. Сначала было король не пускал его, но потом согласился, наделил его златом-серебром и отпустили его на все четыре стороны.

Вот получил солдат отставку и пошел с товарищами прощаться, а товарищи и говорят ему:

- Неужели на протинах не поднесёшь, а прежде ведь мы хорошо жили?

Вот солдат и начал подносить своим товарищам; подносил-подносил - глядь, а денег-то осталось у него только пять пятаков.

Вот идёт наш солдат. Близко ли, далеко ли, видит: стоит в сторонке кабачок; зашел солдат в кабачок, на копейку выпил, на грош закусил и пошёл далее. Прошел немного, встретила ему старуха и стала милостыню просить; солдат и подал ей пятак. Прошел опять немного, смотрит, а та же старуха опять идет навстречу и просит милостыню; солдат подал другой пятак, а сам дивуется: как это старуха опять очутилась впереди? Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню; солдат и третий пятак подал.

Прошел опять с версту. Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню. Разозлился солдат, не стерпело ретивое, выдернул тесак да и хотел было раскроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила к его ногам котомку я

скрылась. Взял солдат котомку, посмотрел-посмотрел да и говорит:

- Куда мне с этой дрянью? У меня и своей довольно!

И хотел было уж бросить - вдруг, откуда ни возьмись, явились перед ним, как из земли, два молодца и говорят ему:

- Что вам угодно?

Солдат удивился и ничего не мог им сказать, а потом закричал:

- Что вам от меня надобно?

Один из них подошел поближе к служивому и говорит:

- Мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вот этой волшебной сумочки, и если тебе что нужно, приказывай.

Солдат думал, что все это ему грезится, протер глаза, решился попробовать да и говорит:

- Если ты говоришь правду, то я приказываю тебе, чтобы сейчас же была койка, стол, закуска и трубка с табаком!

Не успел солдат еще и кончить, а уж все и явилось, как будто с неба упало. Выпил солдат, закусил, повалился на койку и закурил трубку.

Полежал он так довольно времени, потом махнул котомочкой и, когда явился молодец (служитель котомочки), солдат и говорит ему:

- А долго ли я буду здесь лежать на этой койке и курить табак?

- Сколько угодно, - сказал молодец.

- Ну так убери все, - сказал солдат и пошел дальше. Вот шёл он после этого, близко ли, далеко ли, и пришел к вечеру в одну усадьбу, и тут славный барский дом. А барин в этом доме не жил, а жил в другом - в хорошем-то доме черти водились. Вот и стал солдат у мужиков спрашивать:

- Где барин живет?

А мужики и говорят:

- Да что тебе в нашем барине?

- Да ночевать бы надо попроситься!

- Ну, - говорят мужики, - только поди, так он уж отправит тебя чертям на обед!

- Ничего, - говорит солдат, - и с чертями разделаться можно. А скажите, где барин-то живет?

Мужики показали ему барский дом, и солдат пошел к нему и стал у него ночевать проситься. Барин и говорит:

- Пустить-то я, пожалуй, и пущу, да только у меня там не тихо!

- Ничего, - говорит солдат.

Вот барин и повел солдата в хороший дом, а как привел, солдат махнул своей волшебной сумочкой и, когда явился молодец, велел приготовить стол на двух человек. Не успел барин повернуться, а уж и явилось все. Барин, хоть и богат был, а такой закуски никогда еще у него не бывало! Стали они закусывать, а барин и украл золотую ложку. Кончили закуску, солдат махнул опять котомочкой и велел убрать все, а молодец говорит:

- Я не могу убрать - не всё на столе.

Солдат посмотрел да и говорит:

- Ты, барин, для чего ложку взял?

- Я не брал, - говорит барин.

Солдат обыскал барина, отдал ложку лакею, а сам и начал благодарить барина за ночлег, да так его изрядно помял, что барин со злости запер на замок все двери.

Солдат запер все окна и двери из других покоев, закрестил их и стал чертей дожидаться.

Около полуночи слышит, что кто-то у дверей пищит. Подождал еще солдат немного, и вдруг набралось столько нечистой силы и подняли такой крик, что хоть уши затыкай!

Один кричит:

- Напирай, напирай!

А другой кричит:

- Да куда напирать, коли крестов наставлено!..

Солдат слушал, слушал, а у самого волосы дыбом встают, даром что не трусливого десятка был. Наконец и закричал:

- Да что вам тут от меня надо, босоногие?

- Пусти! - кричат ему из-за двери черти.

- Да на что я вас пущу сюда?

- Да так, пусти!

Солдат посмотрел кругом и увидел в углу мешок с гирями, взял мешок, вытряхнул гири да и говорит:

- А что, много ли вас, босоногих, войдет ко мне в мешок?

- Все войдём, - говорят ему из-за двери черти.

Солдат наделал на мешке крестов углем, притворил немного двери да и говорит:

- Ну-ка, я посмотрю, правду ли вы говорили, что все войдете?

Черти все до одного залезли в мешок, солдат завязал его, перекрестил, взял двадцатифунтовую гирю да и давай по мешку бить. Бьёт, бьёт да и пощупает: мягко ли? Вот видит солдат, что наконец мягко стало, отворил окно, развязал мешок да и вытряхнул чертей вон. Смотрит, а черти все изуродованы, и никто с места не двигается.

Вот солдат как крикнет:

- А вы что тут, босоногие, разлеглись? Другой бани, что ли, дожидаетесь, а?

Черти все кое-как разбежались, а солдат и кричит им вдогонку:

- Ещё придете сюда, так я вам не то ещё задам!

Наутро пришли мужики и отворили двери, а солдат пришел к барину и говорит:

- Ну, барин, переходи теперь в тот дом и не бойся уж ничего, а мне за труды надо на дорогу дать!

Барин дал ему сколько-то денег, и солдат пошёл себе дальше.

Вот шёл и шёл он так долгонько, и до дому уже недалеко осталось, всего три дня

хотьбы! Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страшная, несет полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косой подпирается. Загородила она ему дорогу, а солдат не стерпел этого, выдернул тесак да и закричал:

- Что тебе надобно от меня, старая? Хочешь, тебе голову раскрою?

Смерть (это была она) и говорит:

- Я послана Господом взять у тебя душу!

Вздригнуло солдатское сердце, упал он на колени да и говорит:

- Смилуйся, матушка смерть, дай мне сроку только три года; прослужил я королю свою долгую солдатскую службу и теперь иду с родными повидаться.

- Нет, - говорит смерть, - не видаться тебе с родными и не дам я тебе сроку три года.

- Дай хоть на три месяца.

- Не дам и на три недели.

- Дай хоть на три дня.

- Не дам тебе и на три минуты, - сказала смерть, махнула косой и убила солдата.

Вот очутился солдат на том свете да и пошел было в рай, да его туда не пустили: недостойн, значит, был. Пошел солдат из раю да и попал в ад, а тут прибежали к нему черти да и хотели было в огонь тащить, а солдат и говорит:

- Вам что надо от меня? Ах вы, босоногие, или позабыли уж барскую баню, а?

Черти все побежали от него, а сатана и кричит:

- Вы куда, детки, побежали-то?

- Ой, батя, - говорят ему чертенята, - ведь солдат-то тот здесь!

Как услышал это сатана, да и сам побежал в огонь. Вот солдат походил, походил по аду - скучно ему стало; пошел в рай да и говорит Господу:

- Господи, куда ты меня пошлешь теперь? Раю я не заслужил, а в аду все черти от меня убежали; ходил я, ходил по аду, скучно стало, да и пошел к тебе, дай мне службу какую-либо!

Господь и говорит:

- Поди, служба, выпроси у Михаила-архангела ружье и стой на часах у райских дверей!

Пошел солдат к Михаилу-архангелу, выпросил у него ружье да и стал на часы к райским дверям. Вот стоял он так, долго ли, коротко ли, и видит, что идет смерть, и прямо в рай. Солдат загородил ей дорогу да и говорит:

- А тебе что надобно, старая? Пошла прочь! Господь без моего доклада никого не примет!

Смерть и говорит:

- Я пришла к Господу спросить, каких на этот год велит людей морить.

Солдат и говорит:

- Давно бы так, а то лезешь не спросясь, а разве не знаешь, что и я что-либо да значу здесь; на-ка ружье-то поддержи, а я схожу спрошу.

Пришел служивый в рай, а Господь и говорит:

- Зачем ты, служба, пришел?

- Пришла смерть. Господи, и спрашивает: каких ты на следующий год велишь людей морить?

Господь и говорит:

- Пусть морит самых старых!

Пошел солдат назад да и думает "Самых старых велит Господь людей морить; а что, если у меня отец еще жив, ведь она его уморит, как и меня. Так ведь, пожалуй, я и не повидаюсь больше. Нет, старая, ты не дала мне вольготушки на три года, так поди-ка погрызи дубы!"

Пришел да и говорит смерти:

- Смерть, Господь велел тебе на этот раз не людей морить, а дубы грызть, такие дубы, которых старее нет!

Пошла смерть старые дубы грызть, а солдат взял у нее ружье и стал опять у райских дверей ходить. Прошел на белом свете год, смерть опять пришла спросить, каких на этот год велит ей Господь людей морить.

Солдат отдал ей ружье, а сам и пошел к Господу спросить, каких на этот год велит смерти людей морить. Господь велел морить самых матёрых, а солдат опять и думает:

"А ведь у меня там есть еще братья да сестры и знакомых много, а смерть как уморит, так мне с ними и не повидаться больше! Нет, пусть же и другой год погрызёт дубов, а там, быть может, нашего брата-солдата и миловать станет!"

Пришел да и послал смерть грызть самые ядреные, матёрые дубы.

Прошел и другой год, пришла смерть на третий раз. Господь велел ей морить самых молодых, а солдат послал ее молодые дубы грызть.

Вот, так пришла смерть на четвертый раз, солдат и говорит:

- Ну тебя, старую, поди, коли нужно, сама, а я не пойду: надоела!

Пошла смерть к Господу, а Господь и говорит ей:

- Что ты, смерть, худая такая стала?

- Да как худой-то не быть, целых три года дубы грызла, все зубы повыломала! А не знаю, за что ты, Господи, на меня так прогневался?

- Что ты, что ты, смерть, - говорит ей Господь, - с чего ты взяла это, что я посылал тебя дубы грызть?

- Да так мне солдат сказал, - говорит смерть.

- Солдат? Да как он смел это сделать?! Ангелы, подите-ка, приведите ко мне солдата!

Пошли ангелы и привели солдата, а Господь и говорит:

- С чего ты взял, солдат, что я велел смерти дубы грызть?

- Да мало ей, старой, этого! Я просил у ней вольготушки только на три года, а она не дала мне и три часа. Вот за это-то я и велел ей три года дубы грызть.

- Ну, так поди-ка теперь, - говорит Господь, - да откармливай-ка ее три года! Ангелы! Выведите его на белый свет!

Вывели ангелы солдата на белый свет, и очутился солдат на том самом месте, где уморила его смерть. Видит солдат какой-то мешок, взял он мешок да и говорит:

- Смерть! Садись в мешок!

Села смерть в мешок, а солдат взял еще палок да каменья положил туда, да как пошагал по-солдатски, а у смерти только косточки хрустят!

Смерть и говорит:

- Да что ты, служивый, потише!

- Вот еще, потише, еще чего скажешь, а по-моему так: сиди, коли посажена!

Вот шел он так два дня, а на третий пришел к свату-целовальнику¹ да и говорит:

- Что, брат, дай выпить; все деньги прожил, а я тебе на днях занесу, вот тебе мой мешок, пусть у тебя полежит.

Целовальник взял у него мешок да и бросил под стойку. Пришёл солдат домой; а отец еще жив. Обрадовался, а еще больше обрадовались родные. Вот жил так солдат и здорово и весело целый год.

Пришел солдат в тот кабак и стал спрашивать свой мешок, а целовальник едва и отыскал его. Вот солдат развязал мешок да и говорит:

- Смерть, жива ли ты?

- Ой, - говорит смерть, - едва не задохлась!

- Ну ладно, - говорит солдат. Открыл табакерку с табаком, понюхал да и чихнул. Смерть и говорит:

- Служивый, дай-ка мне!

Она все просила, что увидит у солдата.

Солдат и говорит:

- Да что, смерть, ведь тебе мало одной щепотки, а поди сядь в табакерку да и нюхай сколько захочешь.

Только что смерть залезла в табакерку, солдат захлопнул да и носил ее целый год. Потом он опять отворил табакерку да и говорит:

- Что, смерть, нанюхалась?

- Ой, - говорит смерть, - тяжело!

- Ну, - говорит солдат, - пойдем, я теперь покормлю тебя!

Пришел он домой да и посадил ее за стол, а смерть ела да ела за семерых.

Рассердился солдат и говорит:

- Ишь, прорва, за семерых съела! Эдак тебя не наполнишь, куда я денусь с тобой, проклятая?

Посадил ее в мешок да и понес на кладбище; вырыл в сторонке яму да и закопал ее туда. Вот прошло три года, Господь вспомнил про смерть и послал ангелов ее отыскивать. Ходили, ходили ангелы по миру, отыскивали солдата да и говорят ему:

- Куда ты, служивый, смерть-то девал?

- Куда девал? А в могилу зарыл!

- Да ведь Господь ее к себе требует, - говорят ангелы.

Пришел солдат на кладбище, разрыл яму, а смерть там уж чуть-чуть дышит. Взяли ангелы смерть и принесли ее к Господу, а он и говорит:

- Что ты, смерть, такая худая?

Смерть и рассказала Господу все, а он и говорит:

- Видно, тебе, смерть, от солдата не хлебы, подика кормись сама!

Пошла опять смерть по миру, да только того солдата больше не посмела морить.

¹ Целовальник - трактирщик, содержатель кабака.

ТЕРЁШЕЧКА

У старика со старухой не было детей. Век прожили, а детей не нажили. Вот сделали они колодочку, завернули ее в пеленочку, стали качать да прибаюкивать:

- Спи-тко, усни, дитя Терёшечка, -
Все ласточки спят,
И касатки спят,
И куницы спят,
И лисицы спят,
Нашему Терёшечке
Спать велят!

Качали так, качали да прибаюкивали, и вместо колодочки стал расти сыночек Терёшечка - настоящая ягодка.

Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Старик сделал ему челнок, выкрасил его белой краской, а весельцы - красной. Вот Терешечка сел в челнок и говорит:

- Челнок, челнок, плыви далече,
Челнок, челнок, плыви далече.

Челнок и поплыл далеко-далеко. Терешечка стал рыбку ловить, а мать ему молочко и творожок стала носить.

Придет на берег и зовет:

- Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережок,
Я тебе есть-пить принесла.

Терешечка издалека услышит матушкин голос и подплывет к бережку. Мать возьмет рыбку, накормит, напоит Терешечку, переменит ему рубашечку и поясок и отпустит опять ловить рыбку.

Узнала про то ведьма. Пришла на бережок и зовет страшным голосом:

- Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка распознал, что не матушкин это голос, и говорит:

- Челнок, челнок, плывя далече,
То не матушка меня зовет.

Тогда ведьма побежала в кузницу и велит кузнецу перековать себе горло, чтобы голос стал как у Терёшечкиной матери.

Кузнец перековал ей горло. Ведьма опять пришла на бережок и запела голосом точь-в-точь родимой матушки:

- Терёшечка, моя сыночек,
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка обознался и подплыл к бережку. Ведьма его схватила, в мешок посадила и побежала. Принесла его в избушку на курьих ножках и велит своей дочери Алёнке затопить печь пожарче и Терёшечку зажарить.

А сама опять пошла на раздобытки. Вот Алёнка истопила печь жарко-жарко и говорит Терёшечке:

- Ложись на лопату.

Он сел на лопату, руки, ноги раскинул и не пролезает в печь. А она ему:

- Не так лег.

- Да я не умею - покажи как...

- А как кошки спят, как собаки спят, так и ты ложись.

- А ты ляг сама да поучи меня.

Алёнка села на лопату, а Терёшечка ее в печку и пихнул и заслонкой закрыл. А сам вышел из избушки и влез на высокий дуб.

Прибежала ведьма, открыла печку, вытащила свою дочь Алёнку, съела, кости обглодала.

Потом вышла на двор и стала кататься-валяться по траве.

Катается-валяется и приговаривает:

- Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкина мясца наевшись!

А Терёшечка ей с дуба отвечает:

- Покатайся-поваляйся, Алёнкина мясца наевшись!

А ведьма:

- Не листья ли это шумят?

И сама - опять:

- Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкина мясца наевшись!

А Терёшечка все свое:

- Покатайся-поваляйся, Алёнкина мясца наевшись!

Ведьма глянула и увидела его на высоком дубу. Кинулась грызть дуб. Грызла, грызла
- два передних зуба выломала, побежала в кузницу:

- Кузнец, кузнец! Скуй мне два железных зуба.

Кузнец сковал ей два зуба.

Вернулась ведьма и стала опять грызть дуб. Грызла, грызла и выломала два нижних зуба. Побежала к кузнецу:

- Кузнец, кузнец! Скуй мне еще два железных зуба.

Кузнец сковал ей еще два зуба. Вернулась ведьма и опять стала грызть дуб. Грызет - только щепки летят. А дуб уже трещит, шатается. Что тут делать? Терёшечка видит: летят гуси-лебеди. Он их просит:

- Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к бабушке, к мамушке!

А гуси-лебеди отвечают:

- Га-га, за нами еще летят - поголоднее нас, они тебя возьмут.

А ведьма погрызет-погрызет, взглянет на Терёшечку, облизнется - и опять за дело...

Летит другое стадо. Терёшечка просит:

- Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к бабушке, к мамушке!

А гуси-лебеди отвечают:

- А-а-га, за нами летит зашипанный гусёнок,
он тебя возьмет-донесёт.

А ведьме уже немного осталось. Вот-вот повалится дуб.

Летит зашипанный гусёнок. Терёшечка его просит:

- Гусь-лебедь ты мой! Возьми меня, посади на крылышки, унеси к бабушке, к мамушке.

Сжалился зашипанный гусёнок, посадил Терёшечку на крылья, встрепенулся и полетел, понес его домой.

Прилетели они к избе и сели на травке. А старуха напекла блинов - поминать Терёшечку - и говорит:

- Это тебе, старичок, блин, а это мне блин.

А Терёшечкин голос под окном:

- А мне блин?

Старуха услышала и говорит:

- Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?

Старик вышел, увидел Терёшечку, привел к старухе - пошло обниманье!

А зашипанного гусёнка откормили, напоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, вперед стада летать да Терёшечку вспоминать.

ФИНИСТ - ЯСНЫЙ СОКОЛ

Жил да был крестьянин. Умерла у него жена, остались три дочки. Хотел старик нанять работницу - в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь, Марьюшка, сказала:

- Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести.

Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Все-то она умеет, все-то у нее ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работающая дочка растёт. Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сёстры ее завидующие да жадные; из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы - весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им - не платье, сапожки - не сапожки, платок - не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

- Что вам, дочки, купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочки:

- Купи по полушалку, да такому, чтобы цветы покрупнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает ее отец:

- А что тебе, доченька, купить?

- Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста - ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полушалки, а пёрышка не нашел.

Поехал отец в другой раз на базар.

- Ну, - говорит, - дочки, заказывайте подарки.

Обрадовались старшая и средняя дочки:

- Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

А Марьюшка опять заказывает:

- Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста - ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а перышка не нашел. Приехал без пёрышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочки говорят:

- Купи нам по пальто.

А Марьюшка опять просит:

- Батюшка, купи пёрышко Финиста - ясна сокола.

Ходил отец весь день, а пёрышка не нашел. Выехал из города, а навстречу старенький старичок.

- Здорово, дедушка!

- Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь?

- К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить перышко Финиста - ясна сокола, а я не нашел.

- Есть у меня такое перышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам. Вынул дедушка перышко и подает, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: "Что в нем Марьюшка нашла хорошего!"

Привез старик подарки дочкам: старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:

- Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи свое перышко в волоса да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону; а когда все спать полегли, бросила Марьюшка перышко на пол и проговорила:

- Любезный Финист - ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!

И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу. Три дня Марьюшка привчала к себе молодца; днем он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвертый день сестры злые заметили - наговорили отцу на сестру.

- Милые дочки, - говорит отец, - смотрите лучше за собой.

"Ладно, - думают сестры, - посмотрим, как будет дальше".

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот летит ясный сокол. Долетел до окна и не может попасть в комнату Марьюшки. Бился-бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

- Кому я нужен, тот меня найдет. Но это будет нелегко. Тогда меня найдешь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвешь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окне остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами - смыла слезками кровавый след и стала еще краше.

Пошла она к отцу и проговорила:

- Не брани меня, батюшка, отпусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду - свидимся, умру - так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю, искать желанного Финиста - ясна сокола. Шла она чистым полем, шла темным лесом, высокими горами. Птички веселыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса темные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы - все звери к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках - вертится. Говорит Марьюшка:

- Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в

избушку и видит: сидит там баба-яга - костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке¹, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

- Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь²?

- Ищу, бабушка, Финиста - ясна сокола.

- О, красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятиом государстве. Опоила его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и золотое яичко. Когда придешь в тридевятое царство, наймись работницей к царице. Покончишь работу - бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать - не продавай. Просись Финиста - ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке, боится и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

- Не бойся, Марьюшка, иди вперед. Будет еще страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потерялся кот спинкой и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал еще темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

- Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга - костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

- Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

- Ищу, бабушка, Финиста - ясна сокола.

- А у моей сестры была?

- Была, бабушка.

- Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пальцы, золотую иголочку. Иголочка сама будет вышивать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать - не продавай. Просись Финиста - ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит:

- Ав, ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди! Будет еще страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал еще темнее. За ноги ее цепляет, за рукава хватает...

Идет Марьюшка, идет и назад не оглянется. Долго ли, коротко ли шла - башмаки железные износила, посох железный поломала, колпак железный порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках, вокруг тын, а на кольях лошадиные

черепа; каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

- Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга - костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

- Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

- Ищу, бабушка, Финиста - ясна сокола.

- Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретенце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

- Спасибо тебе, бабушка.

- Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретенце покупать - не продавай, а просись Финиста - ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел; поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повылезали - да все на Марьюшку. И видит Марьюшка - бежит навстречу серый волк.

- Не горюй, - говорит он, - а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только ее и видели. Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

- Ну, - говорит серый волк, - слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

- Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

- Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы прясть, ткать, вышивать.

- Все это я могу делать.

- Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь - возьмет Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

- Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист - ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается:

- Финист мой, Финист - ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица ее слова и говорит:

- Продай мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

- Нет, - говорит Марьюшка, - они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста - ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

- Ладно, - говорит, - так и быть. Ночью, как он уснет, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идет Марьюшка в спальню к Финисту - ясну соколу. Видит она - спит ее сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка - не насмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой, - спит, не пробудится сердечный друг. Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого...

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пальцы да золотую иголочку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

- Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста - ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться. Подслушала царица и говорит:

- Продай, Марьюшка, серебряные пальцы, золотую иголочку.

- Я не продам, - говорит Марьюшка, - а так отдам, разреши только с Финистом - ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

- Ладно, - говорит, - так и быть, приходи ночью.

Наступает ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту - ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

- Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист - ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка - не добудилась.

Наступает день. Сидит Марьюшка за работой, берет в руки серебряное донце, золотое веретенце. А царица увидала:

- Продай да продай!

- Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом - ясным соколом хоть часок побыть.

- Ладно, - говорит та.

А сама думает: "Все равно не разбудит".

Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту - ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

- Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается. Будила, будила - никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

- Любезный ты мой Финист - ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему ее прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста - ясна сокола и обожгла. Очнулся Финист - ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку. Обнял ее, поцеловал:

- Неужели это ты, Марьюшка! Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистерла и меня нашла? Поедем же теперь на родину.

Стали они собираться, а царица увидела и приказала в трубы затрубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста - ясна сокола наказать.

Тогда Финист - ясный сокол говорит:

- Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продает да обманывает? Согласились все, что жена Финиста - ясна сокола - Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в свое госдарство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят.

¹ Грядка - перекладина в избе, кладка.

² Лытать - уклоняться от дела, лениться.

ФОМА БЕРЕННИКОВ

В некотором царстве-государстве жил-был мужик - Фомка Беренников - такой сильный да дородный, что если пролетит мимо воробей да зацепит его крылом, так он и с ног свалится! Плохо ему на белом свете, все его обижают, и вздумал он: "Дай пойду утоплюсь с горя!"

Подходит к болоту; увидали его лягушки и прыгнули в воду.

"Постой, - думает Фомка, - не стану топиться: и меня люди боятся!"

Воротился домой, стал на пашню собираться; а лошаденка у него была дрянная, на работе замученная; натерло ей хомутом шею до крови, и облепили её слепни да мухи видимо-невидимо! Фомка подошел, как ударит ладонью - одним махом сто побивахом! - и говорит:

- Ох, да я сам богатырь! Не хочу пахать, хочу воевать!

Соседи над ним смеются:

- Куда тебе, дураку, воевать; тебе впору свиньям корм давать!

Не тут-то было: назвался Фомка богатырем, взял тупицу и косарь, что лучину скопают, надел на себя старый кафтан да высокий яломок, сел на свою клячу и поехал в чистое поле ступою бредучею. В чистом поле врыл в землю столб и написал на нем:

- Еду сражаться в иные города - одним махом сто побивахом!

Только что успел отъехать с места, прискакали к столбу два могучих богатыря, прочитали надпись и говорят:

Что за богатырь такой! Куда он поехал? Скоку молодецкого не слышно, следу богатырского не видно! Кинулись за ним по дороге; увидал их Фомка и спрашивает:

- Вы кто таковы?

- Мир тебе, добрый человек! Мы - сильномогучие богатыри.

- А по скольку голов сразу рубите?

Один говорит:

- По пяти.

Другой:

- По десятку.

- Какие ж вы сильномогучие богатыри? Вы просто дрянь! Вот я так богатырь: одним махом сто побивахом!

- Прими нас в товарищи, будь нам старший брат.

- Пожалуй, - говорит Фомка, - поезжайте сзади. Пристроились к нему сильномогучие богатыри и отправились все вместе в заповедные луга царские. Приехали, сами легли отдых взять, а лошадей пустили шелкову траву щипать.

Долго ли, коротко ли - скоро сказка сказывается, не скоро дело делается - усмотрел их царь.

- Что ж, - говорит, - за невежи такие в моих лугах прохлаждаются? Доселева тут ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, а теперь гости пожаловали!

Сейчас собрал войско великое и дает приказ очистить свои луга заповедные.

Идет сила-рать несметная; увидали могучие богатыри, доложили про то названному старшему брату, а он им в ответ:

- Ступайте-ка, переведайтесь, а я посмотрю - какова ваша храбрость есть?

Вот они сели на своих богатырских коней, припустили их на войско вражее, полетели, как ясные соколы на стадо голубей, притоптали, прирубили всех до единого.

"Дело-то не ладно!" - думает царь; опять собирает войско великое, чуть не вдвое больше прежнего, а впереди всего войска посылает силача-великана: голова что пивной котел, лоб что твоя заслонка, а сам что гора!

Сел Фомка на свою клячу, выехал навстречу и говорит великану:

- Ты - сильномогучий богатырь, и я - таков же! Не честь, не хвала будет нам, добрым молодцам, коли станем сражаться, не - поздоровавшись! Наперед надо друг другу поклон отдать, а потом и в бой вступить.

- Ладно! - отвечает великан. Разъехались они и стали кланяться. Пока великан наклонил свою голову, прошло полчаса времени; а другое полчаса надо, чтоб поднять ее.

Фомка мал, да удал, не захотел дожидаться, хватил косарем раз-другой, и полетела голова с плеч долой.

Войско дрогнуло и рассыпалось в разные стороны; а Фомка взобрался на

богатырского коня, давай нагонять да конем топтать. Нечего делать, покорился царь; послал звать к себе сильномогучего богатыря Фому Беренникова и двух меньших его братьев. Угостил их, учествовал на славу, выдал за Фомку дочь свою царевну и дал полцарства в приданое.

Долго ли, коротко ли - скоро сказка сказывается, не скоро дело делается - подступает под то царство басурманский король с силами несметными, требует дани-окупы великого. Не захотел царь платить дани-окупы великого, нарядил свое войско храброе, поставил зятя начальником и накрепко приказал, чтобы все на Фомку смотрели: что он станет делать, и они б то же делали.

Снялся Фомка и поехал сражаться. Едет он лесом, войско за ним. Он срубил себе березку, и солдаты срубили себе по березке. Пришли к глубокой реке - мосту нет, а обходу двести верст; Фомка бросил свою березку в воду, и солдаты побросали свои туда же, запрудили реку и перешли на другую сторону.

Басурманский король засел в крепком городе. Фомка остановился перед тем городом, развел костер, разделся весь догола - сидит да греется; солдаты увидели, тотчас же насобирали хворосту, нарубили поленьев, запалили костры по всему чистому полю.

- Закусить бы надо! - сказал Фомка Беренников, вытащил из сумки сдобную лепешку и стал уписывать. Откуда ни возьмись - прибежала собака, вырвала лепешку и давай бог ноги! Фомка ухватил горячую головешку и как был голый - так и пустился за нею: во всю прыть бежит да во все горло кричит:

- Держите! Держите!

Глядя на него и солдаты сидели у огня голые, а тут повскакивали, похватали горячие головешки и побежали вслед за ним.

Собака-то была королевская, бросилась прямо в город да во дворец; Фомка за собакою, солдаты за Фомкою: все, что ни попадет под руку, жгут и палят без пощады.

Поднялась в городе суматоха; король не знает, что делать с испугу, стал просить замирения. Фомка на то не согласен; взял короля в плен и покориł все его королевство.

Воротился из походу - царь встретил его с большим почетом: музыка заиграла, колокола зазвонили, пушки грохнули, и пошел пир на весь мир! И я там был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало; ел я капусту, а в брюхе-то пусто. Дали мне колпак, стали со двора толкать; дали мне шлык, а я в подворотню шмыг! Дали мне синь-кафтан; летят синицы да кричат:

- Синь-кафтан, синь-кафтан!

А мне слышалось: "Скинь кафтан!" Скинул и бросил на дороге.

Дали мне красные сапоги; летят вороны да кричат:

- Красные сапоги, красные сапоги!

А мне слышалось: "Краденые сапоги!" Снял да и бросил.

Дали мне лошадку восковую, плетку гороховую, уздечку репяную; увидел я - мужик овин сушит, привязал тут лошадку - она растаяла, плетку куры склевали, а уздечку свиньи съели!

ХИТРАЯ НАУКА

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам - авось возьмет кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег.

Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повел сына в город. Только пришли они в город, попадаетеся им навстречу человек и спрашивает деда:

- Что, старичок, пригорюнился?

- Как мне не пригорюниться! - сказал дед. - Вот водил, водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!

- Ну так отдай его мне, - говорит встречный, - я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь, придешь вовремя да узнаешь своего сына - возьмешь его назад, а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости; рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун. Вот прошло три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошел в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сровняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить и как его узнавать.

- У хозяина моего не я один в науке. Есть, - говорит, - еще одиннадцать работников, навсегда при нем остались - оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нем двенадцатым. Завтра, как придешь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями - перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все станут высоко летать, а я нет-нет да и возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажи на того голубя, что повыше всех.

После выведет он тебе двенадцать жеребцов - все одной масти, гривы на одну сторону, и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев - рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажи на меня.

Рассказал все это, распростился с отцом и пошел из дому, хлопнулся о завалинку,

сделался птичкою и улетел к хозяину.

Поутру дед встал, собрался и пошел за сыном. Приходит он к колдуну.

- Ну, старик, - говорит колдун, - выучил твоего сына всем хитростям. Только если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей - перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны - и говорит:

- Узнавай, старик, своего сына!

- Как узнавать-то, ишь все ровны!

Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

- Кажись, это мой!

- Узнал, узнал, дедушка! - сказывает колдун. В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов - все как один, и гривы на одну сторону.

Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

- Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

- Нет еще, погоди маленько.

Да как увидел, что один жеребец топнул правую ногою, сейчас показал на него:

- Кажись, это мой!

- Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев - рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошел мимо молодцев - ничего не за приметил, в другой прошел - тож ничего, а как проходил а третий раз - увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

- Кажись, это мой!

- Узнал, узнал, дедушка!

Вот, делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

- Батюшка, - говорит сын, - я сейчас сделаюсь собачкою. Барин станет покупать меня, а ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да и в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою.

Барин увидал, что старик ведет собачку, начал ее торговать: не так ему собачка показалась, как ошейник хорош.

Барин дает за нее сто рублей, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублей.

Только стал было дед снимать ошейник, - куда! - барин и слышать про то не хочет, упирается.

- Я ошейника не продавал, - говорит дед, - я продал одну собачку.

А барин:

- Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник.

Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал ее с ошейником. Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошел домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг, откуда ни возьмись, бежит навстречу заяц.

"Что, - думает барин, - али выпустить собачку за зайцем да посмотреть ее прыти?"

Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую - и убежала в лес. Ждал, ждал ее барин, не дождался и поехал ни при чем.

А собачка оборотилась добрым молодцем. Дед идет дорогою, идет широкою, и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал! А сын уж нагнал его.

- Эх, батюшка! - говорит. - Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

- Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь!

Ударился оземь, сделался птичкою; старик посадил ее в клетку и понёс продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалась!

Пришел и колдун, тотчас признал деда и догадался, что у него за птица в клетке сидит. Тот дает дорого, другой дает дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдает; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берет!

Взял одну птичку, завернул в платок и понес домой!

- Ну, дочка, - говорит дома, - я купил нашего шельмеца!

- Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет: улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

- Батюшка! Я обернусь нынче лошадыю; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадыю; повел ее дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, все барышники: тот дает дорого, другой дает дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдает.

- Да как же я поведу лошадь-то? - спрашивает колдун. - Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Продав лошадь - продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привел коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на задних ногах, передние до земли не хватают.

- Ну, дочка, - рассказывает опять колдун, - вот когда купил так курил нашего шельмеца!

- Где же он?

- На конюшне стоит.

Дочь побежала смотреть; жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел версты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

- Батюшка, - говорит, - прости! Конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит... Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом - и бултых в воду, а волк за ним щукою... Ёрш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги. Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком.

- Отдай, - пристает к ней, - мое золотое кольцо.

- Бери! - говорит девица и бросила кольцо наземь. Как ударилось оно, в ту же минуту рассыпалось мелкими зернами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал, одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб. Тем сказке конец, а мне меду корец.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына.

Вот дети и говорят ему:

- Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Младший сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь, около этой падали собралось много всяких зверей, птиц, гадов. Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

- Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы все спорим, а как поделить - не придумает.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил пададь: зверям - кости, птицам - мясо, кожа - гадам, а голова - муравьям.

- Спасибо, Иван-царевич! - сказал сокол. - За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался соколом, взвился и полетел в тридешатое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в

хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу:

- Не возьмёт ли ваш государь меня на службу к себе?

- Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью.

Стала просить царевна:

- Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали. Подъезжают к хрустальной горе, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила золотая коза.

Царевич погнался за ней; скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад - и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю:

- Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

- Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трёх головах - дай ему три коровы, коли о шести головах - дай шесть коров, а коли о двенадцати головах - то отсчитай двенадцать коров.

Иван-царевич погнался стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах:

- Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сразаться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка, - говорит, - отгони мне трех коров.

- Не жирно ли будет? - отвечает царевич. - Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты трёх коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнался стадо домой.

- Что, дедушка, - спрашивает царь, - прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трёх коров?

- Нет, ваше высочество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

- Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров: а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов.

Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

- Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?

- Прилетать-то прилетал, но ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещину заполз в хрустальную гору; смотрит - в хрустальной горе сидит царевна.

- Здравствуй, - говорит Иван-царевич, - как ты сюда попала?

- Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на батюшкином озере. В том змее сундук таится, в сундуке - заяц, в зайце - утка, в утке - яичко, в яичке - семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

- Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

- Жирно будет! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались - Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке - заяц, в зайце - утка, в утке - яйцо, в яйце - семечко.

Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе - гора скоро растаяла.

Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу:

- Будь ты моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мёд-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ

Ехал как-то казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на проталинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лёг около и закурил трубку; курил, курил и не видал, как заронил искру в сено. Сел казак на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Оглянулся казак, смотрит - стог сена горит, а в огне стоит красная девица и говорит громким голосом:

- Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти.

- Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу.

- Сунь в огонь свою пику, я по ней выберусь.

Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару отвернулся.

Тотчас красная девица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла хвост в зубы.

Казак испугался; не придумает, что ему делать и как ему быть.

Провещала змея человеческим голосом:

- Не бойся, добрый молодец! Неси меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство - останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!

Поехал казак разыскивать оловянное царство. Много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный замок, кругом замка высокая белокаменная стена.

Поскакал казак на гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту ж минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-девицей и с глаз пропала - словно ее не было.

Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошел во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни единой души человеческой.

"Эх, - думает казак, - куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, придется помирать голодной смертью!"

Только подумал, глядь - перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть - всего вдоволь; он закусил и выпил и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню - конь стоит в стойле да овес ест.

- Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить.

Долго-долго оставался казак в оловянном замке, и взяла его скука смертная: шутка ли - завсегда одинодинешенек! Не с кем и словечка перекинуть. Вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится - везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватил добрый молодец палку, вошел во Дворец и давай зеркала и стекла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: "Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!" Нет, никто не является.

Лег казак спать. На другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит - нет ему ничего! "Эх, - думает, - сама себя раба бьет, копь нечисто жнет! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!" Только покаялся, как сейчас и еда и питье - все готово!

Прошло три дня; проснулся казак поутру, глянул в окно - у крыльца стоит его добрый конь оседланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни взялась - явилась красная девица:

- Здравствуй, добрый молодец! Семь лет окончилось - избавил ты меня от конечной гибели. Знай же: я королевская дочь. Унес меня Кощей Бессмертный от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедem к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит.

- А что за корысть в нем?

- Покатишь бочонок в правую сторону - тотчас дворец явится, покатишь в левую - дворец пропадет.

- Хорошо, - сказал казак.

Сел он на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ними пораздвинулись, и поехали они в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли - приезжает казак с королевной к королю.

Король увидал свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и даёт казаку полны мешки золота и жемчугу.

Говорит добрый молодец:

- Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочоночек, что в подвале стоит.

- Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За нее и бочонка не жаль. Бери.

Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

Ехал, ехал, попадается ему навстречу древний старичок. Просит старик:

- Накорми меня, добрый молодец!

Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатил его вправо - в ту ж минуту чудный дворец явился. Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол.

- Эй, слуги мои верные! - закричал казак. - Накормите-напоите моего гостя.

Не успел вымолвить - несут слуги целого быка и три котла питья. Начал старик есть да похваливать; съел целого быка, выпил три котла, крякнул и говорит:

- Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб и за соль.

Вышли из дворца; казак покатил свой бочонок в левую сторону - и дворца как не бывало.

- Давай поменяемся, - говорит старик казаку, - я тебе меч отдам, а ты мне бочонок.

- А что толку в мече?

- Да ведь это меч-саморуб: только стоит махнуть - хоть какая будь сила несметная, всю побьет! Вот видишь - лес растет; хочешь, пробу сделаю?

Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит:

- Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!

Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился. Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб, сел на коня и вздумал к королю вернуться.

А под стольный город того короля подошел сильный неприятель; казак увидал рать-силу несметную, махнул на нее мечом:

- Меч-саморуб! Сослужи-ка службу: поруби войско вражее.

Полетели головы... И часу не прошло, как вражьей силы не стало.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну.

Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мед пил, по усам текло, во рту не было.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

(в обработке А. Н. Толстого)

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

- Сынки мои любезные, покуда я еще не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

- Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

- Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла ее купеческая дочь. А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда. Вот он шел, шел, дошел до болота, видит - сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

- Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

- Возьми меня замуж!

- Что ты, как я возьму себе в жены лягушку?

- Бери, знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой.

Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего - на купеческой, а несчастного Ивана-царевича - на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

- Хочу посмотреть, которая из ваших жен лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил.

Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

- Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

- Батюшка велел тебе к завтраму рубашку сшить.

Лягушка отвечает:

- Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью

кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял ее и сказал:

- Эту рубашку в черной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

- В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

- Ну, вот это рубашка - в праздник ее надевать.

Пошли братья по домам - те двое - и судят между собой:

- Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра...

Царь опять позвал сыновей:

- Пускай ваши жены испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришел домой.

Лягушка его спрашивает:

- Что закручинился?

Тот отвечает:

- Надо к завтраму испечь царю хлеб.

- Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понес к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жены-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и

отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

- Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трем сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с женами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил.

Лягушка по полу скачет:

- Ква-ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от бабушки слово не приветливое?

- Лягушка, лягушка, как мне не горевать! Бабушка наказал, чтобы я пришел с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

- Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду.

Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: "Это моя лягушонка в коробчонке едет".

Иван-царевич и пошел один. Вот старшие братья приехали с женами, разодетыми, разубранными, наруганными, насурмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

- Что же ты без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные - пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

- Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье - частые звёзды, на голове - месяц ясный, такая красавица - ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берет она Ивана-царевича за руку и ведет за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жены больших-то царевичей увидели ее хитрости и давай то же делать. Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась - всем на диво. Махнула левым рукавом - вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом - поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом - только гостей забрызгали, махнули другим - только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашел там лягушечью кожу и бросил ее в печь, сжег на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась - нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

- Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще только три дня подождал, я

бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно.

Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошел куда глаза глядят - искать жену, Василису Премудрую. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истер, шапчонку дождик иссек.

Попадаетеся ему навстречу старый старичок.

- Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про свое несчастье. Старый старичок говорит ему:

- Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошел за клубочком. Клубок катится, он за ним идет. В чистом поле попадаетеся ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя.

А медведь говорит ему человеческим голосом:

- Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошел дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

- Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошел дальше. Бежит косою заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

- Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошел дальше. Подходит к синему морю и видит - на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

- Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошел дальше берегом.

Долго, коротко ли, прикатился клубочек к лесу.

Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

- Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошёл на нее и видит - на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга - костяная нога, зубы - на полке, а нос в потолок врос.

- Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? - говорит ему баба-яга. - Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

- Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

- Знаю, знаю, - говорит ему баба-яга, - твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно ее будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный, как свой глаз бережет.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растет высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошел туда Иван-царевич, видит - стоит, шумит высокий дуб, на нем каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни возьмется, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц - и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на нее селезень кинулся, как ударил ее - утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами - где же в море яйцо найти!

Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у нее конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьется, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошел в Кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

В некотором царстве, в некотором государстве был купец; жена у него померла, остался один сын Иван. К этому сыну приставил он дядьку, а сам через некоторое время женился на другой жене, и как Иван - купеческий сын был уже на возрасте и больно хорош собою, то мачеха и влюбилась в него. Однажды Иван - купеческий сын отправился на плотике по морю охотничать с дядькою, вдруг увидели они, что плывут к ним тридцать кораблей. На тех кораблях была царь-девица с тридцатью другими девицами, своими названными сестрицами. Когда плотик сплылся с кораблями, тотчас все тридцать кораблей стали на якорях Ивана - купеческого сына вместе с дядькою позвали на самый лучший корабль; там их встретила царь-девица с тридцатью девицами, названными сестрицами, и сказала - купеческому сыну, что она его крепко полюбила и приехала с ним повидаться. Тут они и обручились. Царь-девица наказала Ивану - купеческому сыну, чтобы завтра в то же самое время приезжал он на это место, распростилась с ним и отплыла в сторону. А Иван - купеческий сын воротился домой, поужинал и лег спать. Мачеха завела его дядьку в свою комнату, напоила пьяным и стала спрашивать: не было ли у них чего на охоте? Дядька ей все рассказал. Она, выслушав, дала ему булавку и сказала:

- Завтра, как станут подплывать к вам корабли, воткни эту булавку в одежду Ивана - купеческого сына.

Дядька обещался исполнить приказ. Поутру встал Иван - купеческий сын и отправился на охоту. Как скоро увидал дядька плывущие вдали корабли, тотчас взял и воткнул в его одежду булавочку.

- Ах, как я спать хочу! - сказал купеческий сын. - Послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а как подплывут корабли, в то время, пожалуйста, разбуди меня.

- Хорошо! Отчего не разбудить?

Вот приплыли корабли и остановились на якорях; царь-девица послала за Иваном - купеческим сыном, чтоб скорее к ней пожаловал; но он крепко-крепко спал. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни делали - не могли разбудить; так и оставили. Царь-девица наказала дядьке, чтобы Иван - купеческий сын завтра опять сюда же приезжал, и велела подымать якоря и паруса ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернул булавочку, и Иван - купеческий сын проснулся, вскочил и стал кричать, чтоб царь-девица назад воротилась. Нет, уж она далеко, не слышит.

Приехал он домой печальный, кручинный. Мачеха привела дядьку в свою комнату, напоила допьяна, повыспросила все, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку.

На другой день Иван - купеческий сын поехал на охоту, опять проспал все время и не видал царь-девицы; наказала она побывать ему еще один раз. На другой день собрался он с дядькою на охоту; стали подъезжать и старому месту; увидали: корабли вдали плывут, дядька тотчас воткнул булавочку, и Иван - купеческий сын заснул крепким сном. Корабли приплыли, остановились на якорях; царь-девица послала за своим нареченным женихом, чтобы к ней на корабль пожаловал. Начали его будить всячески, но что ни делали - не могли разбудить.

Царь-девица уведала хитрости мачехины, измену дядькину и написала к Ивану - купеческому сыну, чтобы он дядьке голову отрубил, и если любит свою невесту, то искал бы ее за тридевять земель, в тридевятом царстве.

Только распустили корабли паруса и поплыли в широкое море, дядька выдернул из одежды Ивана - купеческого сына булавочку, и он проснулся, начал громко кричать да звать царь-девицу; но она была далеко и ничего не слыхала. Дядька подал ему письмо от царь-девицы; Иван - купеческий сын прочитал его, выхватил свою саблю острую и срубил злому дядьке голову, а сам пристал поскорее к берегу, пошел домой, распрощался с отцом и отправился в путь-дорогу искать тридесятое царство.

Шел он куда глаза глядят, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, - приходит к избушке; стоит в чистом поле избушка, на курьих голяшках¹ повертывается. Взошел в избушку, а там баба-яга - костяная нога.

- Фу-фу! - говорит. - Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?

- Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятого царства?

- Нет, не ведаю! - сказала ягая и велела ему идти к своей средней сестре: та не знает ли?

Иван - купеческий сын поблагодарил ее и отправился дальше; шёл, шёл, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, приходит к такой же избушке, взошел - и тут баба-яга.

- Фу-фу! - говорит. - Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне

сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?

- Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, где тридесятое царство?

- Нет, не знаю! - отвечала ягая и велела ему зайти к своей младшей сестре: та, может, и знает. - Коли она на тебя рассердится да захочет съест тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на них: в первую трубу негромко играй, в другую погромче, а в третью еще громче.

Иван - купеческий сын поблагодарил ягую и отправился дальше. Шел-шел, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец увидал избушку - стоит в чистом поле, на курьих голяшках повертывается; взошел - и тут баба-яга.

- Фу-фу! Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел! - сказала ягая и побежала зубы точить, чтобы съесть незваного гостя.

Иван - купеческий сын выпросил у ней три трубы, в первую негромко играл, в другую погромче, а в третью еще громче. Вдруг налетели со всех сторон всякие птицы; прилетела и жар-птица.

- Садись скорей на меня, - сказала жар-птица, - и полетим, куда тебе надобно; а то баба-яга съест тебя!

Только успел сесть на неё, прибежала баба-яга, схватила жар-птицу за хвост и выдернула немало перьев. Жар-птица полетела с Иваном - купеческим сыном; долгое время неслась она по поднебесью и прилетела наконец к широкому морю.

- Ну, Иван - купеческий сын, тридесятое царство за этим морем лежит; перенести тебя на ту сторону я не в силах; добрайся туда, как сам знаешь!

Иван - купеческий сын слез с жар-птицы, поблагодарил и пошел по берегу.

Шёл-шёл - стоит избушка, взошел в нее; повстречала его старая старуха, напоила, накормила и стала спрашивать: куда идет, зачем странствует? Он рассказал ей, что идет в тридесятое царство, ищет царь-девицу, свою суженую.

- Ах! - сказала старушка. - Уж она тебя не любит больше; если ты попадешься ей на глаза - царь-девица разорвет тебя: любовь её далеко запрятана!

- Как же достать её?

- Подожди немножко! У царь-девицы живет дочь моя и сегодня обещалась побывать ко мне; разве через нее как-нибудь узнаем.

Тут старуха обернула Ивана - купеческого сына булавкою и воткнула в стену; ввечеру прилетела её дочь. Мать стала её спрашивать: не знает ли она, где любовь царь-девицы запрятана?

- Не знаю, - отозвалась дочь и обещала допытаться про то у самой царь-девицы. На другой день она опять прилетела и сказала матери:

- На той стороне океана-моря стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь-девицы!

Иван - купеческий сын взял хлеба и отправился на сказанное место: нашел дуб, снял с него сундук, из него вынул зайца, из зайца утку, из утки яйцо и воротился с яичком к старухе. Настали скоро именины старухины; позвала она к себе в гости царь-девицу с тридцатью иными девицами, её названными сестрицами; это яичко испекла, а Ивана - купеческого сына срядила по-праздничному и спрятала.

Вдруг в полдень прилетают царь-девица и тридцать иных девиц, сели за стол, стали обедать; после обеда положила старушка всем по простому яичку, а царь-девице то

самое, что Иван - купеческий сын добыл. Она съела его и в ту ж минуту крепко-крепко полюбила Ивана - купеческого сына. Старуха сейчас его вывела; сколько тут было радостей, сколько веселья! Уехала царь-девица вместе с женихом - купеческим сыном в свое царство; обвенчались и стали жить да быть да добро копить.

¹ Голяшки – голени.

ЦАРЬ-МЕДВЕДЬ

Жил себе царь с царицею, детей у них не было. Царь поехал раз на охоту красного зверя да перелетных птиц стрелять. Сделалось жарко, захотелось ему водицы испить, увидал в стороне колодец, подошёл, нагнулся и только хотел испить - царь-медведь и ухватил его за бороду.

- Пусти, - просится царь.
- Дай мне то, чего в доме не знаешь; тогда и пущу. "Что ж бы я в доме не знал, - думает царь, - кажись, все знаю..."
- Я лучше, - говорит, - дам тебе стадо коров.
- Нет, не хочу и двух стад.
- Ну, возьми табун лошадей.
- Не надо и двух табунов; а дай то, чего в доме не знаешь.

Царь согласился, высвободил свою бороду и поехал домой. Входит во дворец, а жена родила ему двойню: Ивана-царевича и Марью-царевну; вот чего не знал он в доме. Всплеснул царь руками и горько заплакал.

- Чего ты так убиваешься? - спрашивает царица.
- Как мне не плакать? Я отдал своих деток родных царю-медведю.
- Каким случаем?
- Так и так, - рассказывает царь.
- Да мы не отдадим их!
- О, никак нельзя! Он вконец разорит всё царство, а их все-таки возьмёт.

Вот они думали-думали, как быть? Да и придумали: выкопали преглубокую яму, убрали ее, разукрасили, словно палаты, навезли туда всяких запасов, чтоб было что и пить и есть; после посадили в ту яму своих детей, а поверх сделали потолок,

закидали землею и заровняли гладко-нагладко.

В скором времени царь с царицею померли, а детки их растут да растут. Пришел наконец за ними царь-медведь, смотрит туда-сюда: нет никого! Опус тел дворец. Ходил он, ходил, весь дом выходил и думает: "Кто же мне про царских детей скажет, куда они девались?"

Глядь - долото в стену воткнуто.

- Долото, долото, - спрашивает царь-медведь, - скажи мне, где царские дети?

- Вынеси меня на двор и брось наземь; где я воткнулся, там и рой.

Царь-медведь взял долото, вышел на двор и бросил его наземь; долото закружилось, завертелось и прямо в то место воткнулось, где были спрятаны Иван-царевич и Марья-царевна. Медведь разрыл землю лапами, разломал потолок и говорит:

- А, Иван-царевич, а, Марья-царевна, вы вот где!.. Вздумали от меня прятаться! Отец-то ваш с матерью меня обманули, так я вас за это съем.

- Ах, царь-медведь, не ешь нас, у нашего батюшки осталось много кур и гусей и всякого добра; есть чем полакомиться.

- Ну, так и быть! Садитесь на меня; я вас к себе в услугу возьму.

Они сели, и царь-медведь принес их под такие крутые да высокие горы, что под самое небо уходят; всюду здесь пусто, никто не живет.

- Мы есть-пить хотим, - говорят Иван-царевич и Марья-царевна.

- Я побегу, добуду вам и пить и есть, - отвечает медведь, - а вы пока тут побудьте да отдохните.

Побежал медведь за едой, а царевич с царевною стоят и слёзно плачут. Откуда не взялся ясный сокол, замахал крыльями и вымолвил таково слово:

- Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами вы здесь очутились?

Они рассказали.

- Зачем же взял вас медведь?

- На всякие послуги.

- Хотите, я вас унесу? Садитесь ко мне на крылышки.

Они сели; ясный сокол поднялся выше дерева стоячего, ниже облака ходячего и полетел было в далёкие страны. На ту пору царь-медведь прибежал, усмотрел сокола в поднебесье, ударился головой в сырую землю и обжёг ему пламенем крылья. Опалились у сокола крылья, опустил он царевича и царевну наземь.

- А, - говорит медведь, - вы хотели от меня уйти; съем же вас за то и с косточками!

- Не ешь, царь-медведь, мы будем тебе верно служить.

Медведь простил их и повез в свое царство: горы все выше да круче.

Прошло ни много, ни мало времени.

- Ах, - говорит Иван-царевич, - я есть хочу.

- И я! - говорит Марья-царевна.

Царь-медведь побежал за едой, а им строго наказал никуда не сходить с места. Сидят они на травке на муравке да слёзы роняют. Откуда не взялся орёл, спустился

из-за облака и спрашивает:

- Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами очутились вы здесь?

Они рассказали.

- Хотите, я вас унесу?

- Куда тебе! Ясный сокол брался унести, да не смог, и ты не сможешь!

- Сокол - птица малая; я взлечу повыше его; садитесь на мои крылышки.

Царевич с царвною сели; орёл взмахнул крыльями и взвился еще выше.

Медведь прибежал, усмотрел орла в поднебесье, ударился головой о сыру землю и опалил ему крылья. Спустил орел Ивана-царевича и Марью-царевну наземь.

- А, вы опять вздумали уходить! - сказал медведь. - Вот я же вас съем!

- Не ешь, пожалуйста, нас орёл взманил! Мы будем служить тебе верой и правдою.

Царь-медведь простил их в последний раз, накормил-напоил и повез дальше...

Прошло ни много, ни мало времени.

- Ах, - говорит Иван-царевич, - я есть хочу.

- И я! - говорит Марья-царевна.

Царь-медведь оставил их, а сам за едой побежал. Сидят они на травке на муравке да плачут. Откуда ни взялся бычок, замотал головой и спрашивает:

- Иван-царевич, Марья-царевна! Вы какими судьбами здесь очутились?

Они рассказали.

- Хотите, я вас унесу?

- Куда тебе! Нас уносили птица-сокол да птица-орёл, и то не смогли; ты и подавно не сможешь! - а сами так и разливаются, едва во слезах слово вымолвят.

- Птицы не унесли, а я унесу! Садитесь ко мне на спину.

Они сели, бычок побежал не больно прытко. Медведь усмотрел, что царевич с царвною уходить стали, и бросился за ними в погоню.

- Ах, бычок, - кричат царские дети, - медведь гонится.

- Далеко ли?

- Нет, близко!

Только было медведь подскочил да хотел сцапать, бычок взрыл землю копытами и залепил ему оба глаза. Побежал медведь на сине море глаза промывать, а бычок все вперед да вперед! Царь-медведь умылся да опять в погоню.

- Ах, бычок! Медведь гонится.

- Далеко ли?

- Ох, близко!

Медведь подскочил, а бычок опять взрыл землю копытами и залепил ему оба глаза. Пока медведь бегал глаза промывать, бычок все вперед да вперед! И в третий раз залепил он глаза медведю; а после того дает Ивану-царевичу гребешок да утиральник и говорит:

- Коли станет нагонять царь-медведь близко, в первый раз брось гребешок, а в другой - махни утиральником.

Бычок бежит все дальше и дальше. Оглянулся Иван-царевич, а за ними царь-медведь гонится: вот-вот схватит! Взял он гребешок и бросил позадь себя - вдруг вырос, поднялся такой густой, дремучий лес, что ни птице не пролететь, ни зверю не пролезть, ни пешему не пройти, ни конному не проехать.

Уж медведь грыз-грыз, насилиу прогрыз себе узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучий лес и бросился догонять; а царские дети далеко-далеко! Стал медведь нагонять их, Иван-царевич оглянулся и махнул позадь себя утиральником - вдруг сделалось огненное озеро: такое широкое-широкое! Волна из края в край бьет. Царь-медведь постоял, постоял на берегу и поворотил домой; а бычок с Иваном-царевичем да с Марьей-царевной прибежал на полянку.

На той на полянке стоял большой славный дом.

- Вот вам дом! - сказал бычок. - Живите - не тужите. А на дворе приготовьте сейчас костер, нарежьте меня да на том костре и сожгите.

- Ах! - говорят царские дети. - Зачем тебя резать? Лучше живи с нами; мы за тобой будем ухаживать, станем тебя кормить свежью травою, поить ключевой водою.

- Нет, сожгите меня, а пепел посейте на трех грядках: на одной грядке выскочит конь, на другой собачка, а на третьей вырастет яблонька; на том коню ездят ты, Иван-царевич, а с тою собачкой ходи на охоту.

Так все и сделалось. Вот как-то вздумал Иван-царевич поехать на охоту; попрощался с сестрицею, сел на коня и поехал в лес; убил гуся, убил утку да поймал живого волчонка и привез домой.

Видит царевич, что охота идет ему в руку, и опять поехал, настрелял всякой птицы и поймал живого медвежонка.

В третий раз собрался Иван-царевич на охоту, а собачку позабыл с собой взять.

Тем временем Марья-царевна пошла белье мыть. Идет она, а на другой стороне огненного озера прилетел к берегу шестиглавый змей, перекинулся красавцем, увидал царевну и так сладко говорит:

- Здравствуй, красная девица!

- Здравствуй, добрый молодец!

- Я слышал от старых людей, что в прежнее время этого озера не бывало; если б через него да был перекинут высокий мост - я бы перешел на ту сторону и женился на тебе.

- Постой! Мост сейчас будет, - отвечала ему Марья-царевна и бросила утиральник: в ту ж минуту утиральник дугою раскинулся и повис через озеро высоким, красивым мостом.

Змей перешел по мосту, перекинулся в прежний вид, собачку Ивана-царевича запер на замок, а ключ в озеро забросил; после того схватил и унес царевну. Приезжает Иван-царевич с охоты - сестры нет, собачка взаперти воет; увидал мост через озеро и говорит:

- Верно, змей унес мою сестрицу!

Пошел разыскивать. Шёл-шёл, в чистом поле стоит хатка на курьих лапках, на собачьих пятках.

- Хатка, хатка! Повернись к лесу задом, ко мне передом.

Хатка повернулась; Иван-царевич вошел, а в хатке лежит баба-яга костяная нога из

угла в угол, нос в потолок врос.

- Фу-фу! - говорит она. - Доселева русского духа не слышать было, а нынче русский дух воочию проявляется, в нос бросается! Почто пришел, Иван-царевич?

- Да если б ты моему горю пособила!

- А какое твое горе?

Царевич рассказал ей.

- Ну, ступай же домой; у тебя на дворе есть яблонька, сломи с нее три зеленых прутика, сплети вместе и там, где собачка заперта, ударь ими по замку: замок тотчас разлетится на мелкие части. Тогда смело на змея иди, не устоит супротив тебя.

Иван-царевич воротился домой, освободил собачку - выбежала она злая-злая! Взял еще с собой волчонка да медвежонка и отправился на змея. Звери бросились на него и разорвали в клочки. А Иван-царевич взял Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.

ЧИВЫ, ЧИВЫ, ЧИВЫЧОК...

Жил-был старик со старухой. Жили они бедно и дошли до того - не стало у них ни дров, ни лучины.

Старуха посылает старика:

- Поезжай в лес, наруби дров.

Старик собрался. Приехал в лес, выбрал дерево - и тяп-тяп по нему топором.

Вдруг из дерева выскакивает птичка и спрашивает:

- Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

- Да вот старухе надобно дров да лучины.

- Поди домой, у тебя много и дров и лучины.

Послушался старик - не стал рубить дерево. Приезжает домой - у него полон двор и дров и лучины. Рассказал он старухе про птичку, а старуха ему говорит:

- У нас изба-то худа - поди-ка, старик, опять в лес, не поправит ли птичка нашу избу.

Старик послушался. Приезжает в лес, нашел это дерево, взял топор и давай рубить.

Опять выскакивает птичка:

- Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

- Да вот, птичка, у меня больно изба-то плоха, не поправишь ли ты?

- Иди домой, у тебя изба новая, всего вдоволь.

Воротился старик домой и не узнаёт: стоит на его дворе изба новая, словно чаша полная, хлеба - вдоволь, а коров, лошадей, овец и не пересчитаешь. Пожили они некоторое время, приелось старухе богатое житье, говорит она старику:

- У нас всего довольно, да мы крестьяне, нас никто не уважает. Поди-ка, старик, попроси птичку - не сделает ли она тебя чиновником, а меня чиновницей.

Старик взял топор. Приезжает в лес, нашёл это дерево и начинает рубить. Выскакивает птичка:

- Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

- Да вот, родима птичка, нельзя ли меня сделать чиновником, а мою старуху - чиновницей?

- Иди домой, будешь ты чиновником, а старуха твоя - чиновницей.

Воротился он домой. Едет по деревне - все шапки снимают, все его боятся. Двор полон слуг, старуха его разодета, как барыня.

Пожили они небольшое время, захотелось старухе большего.

- Велико ли дело - чиновник! Царь захочет - и тебя и меня под арест посадит. Поди, старик, к птичке, попроси - не сделает ли тебя царем, а меня - царицей.

Делать нечего. Старик опять взял топор, поехал в лес и начинает рубить это дерево. Выскакивает птичка:

- Чивы, чивы, чивычок, чего надо старичок?

- Да вот чего, матушка родима птичка: не сделаешь ли ты меня царём, а старуху мою - царицей?

- Ступай домой, будешь ты царём, а старуха твоя - царицей.

Приезжает он домой, а за ним уж послы приехали: царь-де помер, тебя на его место выбрали.

Немного пришлось старику со старухой поцарствовать - показалось старухе мало быть царицей:

- Велико ли дело - царь! Бог захочет - смерть пошлет, и зароят в сырую землю. Ступай, старик, к птичке да проси - не сделает ли она нас богами...

Взял старик топор, пошел к дереву и хочет рубить его под корень. Выскакивает птичка:

- Чивы, чивы, чивычок, чего надо старичок?

- Сделай милость, птичка, сотвори меня Богом.

- Ладно, ступай домой - будешь ты быком, а старуха твоя - свиньей.

Старик тут же обратился быком. Приходит домой и видит - стала его старуха свиньей.

ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА

В некотором царстве жил богатый купец. Помер купец и оставил трех сыновей на возрасте. Два старших каждый день ходили на охоту.

В одно время взяли они с собой и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там - с тем чтобы все отцовское имение разделить меж собой, а его лишить наследства.

Иван - купеческий сын долгое время бродил по лесу, ел ягоды да коренья; наконец выбрался на равнину и на той равнине увидал дом.

Вошел в комнаты, ходил, ходил - нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба. Иван - купеческий сын откусил от каждого хлеба по маленькому кусочку и спрятался за дверь.

Вдруг прилетел орел, ударился о землю и сделался молодцом; за ним прилетел сокол, за соколом воробей - ударились о землю и оборотились тоже добрыми молодцами. Сели за стол кушать.

- А ведь хлеб у нас почат! - говорит орёл.

- И то правда, - отвечает сокол, - видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал.

Стали гостя искать-вызывать. Говорит орёл:

- Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок - будешь нам родной батюшка, коли добрый молодец - будешь родной братец, коли ты старушка - будешь мать родная, а коли красная девица - назовем тебя родной сестрицею.

Иван - купеческий сын вышел из-за двери, они его ласково приняли и называли своим братцем. На другой день стал орёл просить Ивана - купеческого сына:

- Сослужи нам службу - останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол.

- Хорошо, - отвечает купеческий сын, - будет исполнено.

Отдал ему орёл ключи, позволил везде ходить, на все смотреть, только одного ключа, что на стене висел, брат не велел.

После того обратились добрые молодцы птицами - орлом, соколом и воробьем - и улетели.

Иван - купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключи пробовать - ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпер замок и отворил дверь.

В подземелье богатырский конь стоит - во всем убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены: в одной - золото, в другой - самоцветные камни.

Начал он коня гладить: богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. Оттого Иван - купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названные братья.

Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора. Вот прилетели орёл, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми молодцами, поздоровались и сели обедать.

На другой день начал просить Ивана - купеческого сына сокол: сослужи-де службу еще один год! Иван - купеческий сын согласился.

Братья улетели, а он опять пошел по двору, увидал в земле другую дверь, отпер ее тем же ключом. В подземелье богатырский конь стоит - во всем убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной - золото, в другой - самоцветные камни. Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. Оттого Иван - купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде.

Проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запер дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

Прилетают орёл, сокол и воробей; ударились о землю, поздоровались и сели обедать.

На другой день поутру начал воробей просить Ивана - купеческого сына: послужи-де службу еще один год! Он согласился.

Братья обратились птицами и улетели. Иван - купеческий сын прожил целый год один-одинехонек и, когда наступил урочный день, накрыл стол и дожидает братьев.

Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми молодцами; вышли, поздоровались и пообедали.

После обеда говорит старший брат, орёл:

- Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь - дарю со всею сбруею, и с золотом, и с камнями самоцветными.

Средний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей, - рубашку.

- Возьми, - говорит, - эту рубашку пуля не берет; коли наденешь ее, никто тебя не осилит!

Иван - купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а об ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти. Иван - купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собирался защемить ему голову в дубовый пень, да Змей Горыныч начал слезно молить-просить:

- Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение; буду тебе верный слуга!

Иван - купеческий сын сжалился, взял его с собою, привез к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змея Горыныча сделал поваром. Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван - купеческий сын так мудр и силен. Змей Горыныч сварил крепкого зелья, а Елена Прекрасная напоила тем зельем своего мужа и стала выпрашивать:

- Скажи, Иван - купеческий сын, где твоя мудрость?

- На кухне, в венике.

Елена Прекрасная взяла тот веник, изукрасила разными цветочками и положила на видное место. Иван - купеческий сын воротился с охоты, увидал веник и спрашивает:

- Зачем это веник изукрасила?

- А затем, - говорит Елена Прекрасная, - что в нем твоя мудрость и сила скрываются.

- Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?

Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает:

- Скажи, милый, где твоя мудрость?

- У быка на рогах.

Она приказала вызолотить быку рога.

На другой день Иван - купеческий сын воротился с охоты, увидал быка и спрашивает:

- Что это значит? Зачем рога вызолочены?

- А затем, - отвечает Елена Прекрасная, - что тут твоя сила и мудрость скрываются.

- Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?

Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и снова стала его выпрашивать:

- Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила?

Иван - купеческий сын и выдал ей тайну:

- Моя сила и мудрость вот в этой рубашке.

После того уснул.

Елена Прекрасная сняла с него рубашку, а самого изрубила в мелкие куски и приказала выбросить в чистое поле, а сама стала жить с Змеем Горынычем. Трое суток лежало тело Ивана - купеческого сына по чисту полю разбросано; уж вороны слетелись клевать его. На ту пору пролетали мимо орёл, сокол и воробей, увидели мертвого брата.

Бросился сокол вниз, поймал вороненка и сказал старому ворону:

- Принеси скорее мёртвой и живой воды.

Орел, сокол и воробей сложили тело Ивана - купеческого сына, sprыснули сперва мертвую водою, а потом живою. Иван - купеческий сын встал, поблагодарил их, они дали ему золотой перстень. Только Иван - купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конем и побежал на двор Елены Прекрасной.

Змей Горыныч узнал его, приказал поймать этого коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает:

- Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут.

Провещал ей конь человеческим голосом:

- Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызнет кровь моя наземь, заступи ее своею ножкою; после собери эту кровь вместе с землею и разбросай кругом дворца.

Поутру повели коня казнить; отрубили ему голову, кровь брызнула - красная девица заступила ее своей ножкою, а после собрала с землею и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья.

Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь все до единого.

Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться.

Провещало ей одно дерево человеческим голосом:

- Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми одну щепочку и брось в озеро.

Она так и сделала, бросила щепочку в озеро - щепочка обратилась золотым селезнем и поплыла по воде.

Пришел на то озеро Змей Горыныч - вздумал поохотиться, - увидал золотого селезня. "Дай, - думает, - живьем поймаю!"

Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану - купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень все дальше, дальше, завел Змея Горыныча вглубь, вспорхнул - и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил змея.

После того пришел Иван - купеческий сын во дворец, Елену Прекрасную прогнал, а на ее служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

This book, published on Akirill.com , passed into the public domain. The term of its copyright protection has expired. It can be taken back and reused, for personal and non-commercial purposes, keeping the mention of the " Akirill.com "as an origin would be nice of you.

Ce livre sur Akirill.com est libres de droits d'auteur. Il peut être repris et réutilisé, à des fins personnelles et non commerciales. Conserver la mention de « Akirill.com » comme provenance serait apprécié.

Эта книга, опубликованная на Akirill.com , перешедший в общественное достояние. Срок его защиты авторскими правами истек, и теперь его можно свободно копировать в Интернете. Было бы мило с вашей стороны сохранить Akirill.com как источник этой книги

Copyrights to my understanding

Ma comprehension des droits d'auteur en Europe